ЕРЕСИ И РАСКОЛЫ

ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ ХРИСТІАНСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПРОТОІЕРЕЯ А. М. ИВАНЦОВА-ПЛАТОНОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Обозрѣніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ.

МОСКВА.

1877.

ЕРЕСИ И РАСКОЛЫ

ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ ХРИСТІАНСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПРОТОІЕРЕЯ А. М. ИВАНЦОВА-ПЛАТОНОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Обозрѣніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ.

0,55
СОВ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

1 г. 2-й экз.

BR
148

Библиотека ООН
Академия [illegible]
53310

53310

Печатать позволяется. Москва, августа 13-го дня 1877 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗНАЧЕНІЕ ПРЕДМЕТА И МЕТОДЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Едва ли когда происходило въ мірѣ такое сильное броженіе религіозныхъ идей, какъ въ первые три вѣка христіанской исторіи. Едва ли когда появлялось въ христіанствѣ такое множество разнообразныхъ сектъ, и едва ли когда споры сектантовъ съ христіанскою церковью касались такихъ важныхъ существенныхъ вопросовъ, какъ въ это время. Еретическія секты первыхъ вѣковъ христіанства отличались отъ позднѣйшихъ ересей тѣмъ, что въ нихъ большею частію искажался не одинъ какой-нибудь догматъ, своеобразно объяснялась не одна какая-нибудь сторона христіанскаго вѣроученія или нравоученія,—но противопоставлялись христіанству цѣлыя своеобразныя системы міровоззрѣній болѣе или менѣе стройно составленныхъ и послѣдовательно развитыхъ. Въ этихъ системахъ представлялось самое разнообразное сочетаніе идей—христіанскихъ, іудейскихъ, языческихъ,—религіозныхъ, философскихъ, поэтическихъ. Въ нихъ затрогивались и своеобразно рѣшались важнѣйшіе вопросы религіознаго и философскаго знанія — о первыхъ основахъ всякаго бытія и вѣдѣнія, объ отношеніи этихъ первооснов бытія къ видимымъ явленіямъ міровой жизни, о сущности міра духовнаго и матеріальнаго,

о происхожденіи зла въ мірѣ, о причинахъ и смыслѣ замѣчаемыхъ въ жизни противорѣчій и цѣли міровой жизни, о концѣ міра и т. д. Многія изъ этихъ системъ, при всей видимой странности внѣшнихъ формулъ, въ которыхъ они выражали свои воззрѣнія, отличались тѣмъ не менѣе замѣчательною глубиною философской мысли и творчествомъ поэтической фантазіи. Уже съ этой стороны секты первыхъ вѣковъ христіанства имѣютъ важное значеніе не только въ исторіи христіанской церкви, но и вообще въ исторіи развитія человѣческаго духа, въ исторіи человѣческой мысли.

Изученіе исторіи древнихъ сектъ имѣетъ тѣсную связь съ изученіемъ внутренняго развитія самой христіанской церкви. Появленіе различныхъ сектъ въ христіанскомъ мірѣ не проходило безслѣдно для жизни церкви, но имѣло на нее большое вліяніе. Церковь съ самаго начала своего существованія и до позднѣйшихъ временъ развивала свои силы въ борьбѣ съ ересями и расколами: въ этой борьбѣ постепенно слагались— и церковное богословіе и церковная дисциплина и самая обрядность церковная. Одностороннее и неправильное рѣшеніе религіознаго вопроса въ какой-нибудь еретической сектѣ давало поводъ церкви раскрыть правильное ученіе по этому вопросу на основаніи божественнаго Откровенія и обще-церковнаго преданія. Волненія и безпорядки, производимые сектантами между вѣрующими, служили поводомъ къ установленію различныхъ правилъ церковной дисциплины. Поэтическія легенды, гимны и молитвы, составляемыя сектантами для удобнѣйшаго распространенія еретическихъ идей между христіанами, вызывали учителей церковныхъ въ противодѣйствіе сектантамъ составлять свои православныя молитвы и пѣснопѣнія. Такимъ образомъ во всѣхъ почти замѣчательныхъ памятникахъ древне-христіанской жизни и письменности — въ краткихъ символахъ и обширныхъ богословскихъ произведеніяхъ, въ правилахъ и постановленіяхъ древнихъ соборовъ и учителей церковныхъ, въ самыхъ молитвахъ, пѣснопѣніяхъ и обрядахъ церкви находится множество прямыхъ и косвенныхъ

указаній на еретическія и раскольническія секты того времени. И всего этого нельзя понимать надлежащимъ образомъ, не имѣя правильнаго представленія о смыслѣ и значеніи древнихъ ересей и расколовъ.

Изученіе древнихъ ересей и расколовъ имѣетъ для насъ не одно историческое значеніе, какъ изученіе замѣчательнаго прошлаго, но представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ болѣе живой и близкій нашему времени—научный и даже практическій. Большая часть сектъ, возникавшихъ въ христіанскомъ мірѣ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ, исчезала довольно скоро; лишь немногія изъ нихъ продолжали существовать до 5-го, 6-го и 7-го столѣтій. Но вліяніе ихъ далеко не исчезло такъ скоро, но напротивъ весьма сильно отражалось какъ на сектахъ позднѣйшихъ, образовавшихся уже къ среднимъ вѣкамъ христіанской исторіи, такъ и въ жизни самаго церковнаго христіанства. Прежде всего древнѣйшія секты, независимо отъ частныхъ пунктовъ вѣроученія и нравоученія, со стороны общихъ началъ и характера ихъ представляютъ, такъ сказать, основные типы, первоначальные образцы, по которымъ стали образовываться позднѣйшія секты, подобно тому какъ и въ главныхъ направленіяхъ только-что начинавшаго тогда формироваться церковно-христіанскаго богословія мы можемъ находить основные и вполнѣ характерные типы позднѣйшихъ направленій, развивающихся въ христіанскомъ богословіи. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на великое множество разныхъ сектъ, появлявшихся въ христіанствѣ въ древніе, средніе и позднѣйшіе вѣка и не перестающихъ появляться до настоящаго времени, всѣ эти секты по существеннымъ чертамъ ихъ характера и направленія нетрудно подвести подъ нѣсколько основныхъ типовъ и разрядовъ; и для всѣхъ этихъ типовъ сектантства найдутся вполнѣ характерные представители въ древнѣйшихъ сектахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Уже это одно можетъ представить нѣсколько значительныхъ данныхъ какъ для общаго философскаго пониманія исторіи, такъ и для раз-

личныхъ частныхъ выводовъ по отношенію къ сектамъ появляющимся въ христіанствѣ въ болѣе позднія времена.

Кромѣ сходства въ общемъ характерѣ и направленіи, позднѣйшія секты представляютъ не мало сходнаго съ древнѣйшими и въ частныхъ пунктахъ вѣроученія и нравоученія. Въ развитіи сектъ, появлявшихся въ христіанскомъ мірѣ отъ временъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ, можно замѣтить своего рода историческое преемство—какъ бы своего рода еретическое преданіе, подобно тому, какъ общее церковное преданіе служитъ основаніемъ развитія жизни церковной: секты вѣковъ древнихъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не долго существовали, — но многія воззрѣнія ихъ перешли въ секты болѣе позднія, а отъ нихъ еще въ позднѣйшія. Поэтому для разъясненія исторіи позднѣйшихъ сектъ оказывается необходимымъ обращаться къ предшествовавшимъ имъ древнимъ сектамъ. Такъ при объясненіи возникновенія и развитія протестантскихъ обществъ послѣднихъ вѣковъ, нельзя совершенно не обращать вниманія на предшествовавшія протестантству на западѣ средневѣковыя секты оппозиціоннаго папству направленія—на секты катаровъ, вальденсовъ, лоллардовъ, которыхъ не безъ основанія многіе новѣйшіе историки называютъ предшественниками реформаціи. Исторія средневѣковыхъ западныхъ катаровъ тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ исторіею восточныхъ средневѣковыхъ сектантовъ—богумиловъ и павликіанъ; а серіозное изученіе этихъ послѣднихъ необходимо должно привести къ древнѣйшимъ христіанскимъ сектамъ—гностицизму и манихейству. Указывая на эту историческую связь идей позднѣйшаго времени съ идеями древними, мы не то конечно хотимъ сказать, что идеи древнихъ сектъ переходили въ позднѣйшія въ своемъ первоначальномъ видѣ, и что секты позднѣйшія представляютъ такимъ образомъ какъ бы повтореніе древнѣйшихъ. Напротивъ всякая позднѣйшая секта несомнѣнно представляетъ что-либо новое своеобразное: идеи сектъ древнихъ, переходя въ позднѣйшія, много видоизмѣняются подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ и національныхъ условій и въ сочетаніи съ другими идеями, при-

входящими въ позднѣйшія секты изъ новыхъ историческихъ и національныхъ источниковъ. Но именно изученіе этого самаго процесса мысли, тожественной по своей основѣ для различныхъ историческихъ эпохъ, но видоизмѣняющейся въ своемъ развитіи подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій, и представляется дѣломъ въ высшей степени интереснымъ для историка.

Разъясненіе исторіи сектъ позднѣйшихъ по восходящему порядку доводитъ насъ до сектъ самыхъ древнихъ. Но въ свою очередь разсмотрѣніе воззрѣній древнѣйшихъ сектъ должно показать намъ, что и эти послѣднія при самомъ первомъ появленіи своемъ въ христіанствѣ не были явленіемъ совершенно новымъ, внезапно возникшимъ безъ всякой причины и подготовки, неизвѣстно откуда и почему, но представляли на христіанской почвѣ отраженіе идей и вліяній еще болѣе глубокой древности — идей и вліяній древней іудейской синагоги, религіозныхъ вѣрованій языческаго востока и древней греческой философіи. Съ этой стороны разъясненіе смысла первыхъ христіанскихъ сектъ представляетъ новый интересъ—по отношенію уже не къ позднѣйшимъ только историческимъ явленіямъ, но и къ явленіямъ древнѣйшимъ, предшествовавшимъ появленію христіанства. Это разъясненіе всего лучше можетъ показать на исторической почвѣ отношенія новой религіи христіанской къ религіямъ древняго міра—языческой и іудейской и къ древней философіи языческой, показать глубокую противоположность принциповъ древняго міра съ принципами христіанскими, несомнѣнное превосходство послѣднихъ предъ первыми, и тѣмъ самымъ отчасти уяснить и тотъ историческій вопросъ, почему древніе религіозные принципы должны были уступить мѣсто въ исторіи христіанскому принципу.

Мы сказали, что многія идеи сектъ древнихъ отразились въ воззрѣніяхъ позднѣйшихъ сектъ. Но этого мало. Вліяніе этихъ идей не ограничивалось областью позднѣйшаго сектантства, но сильно отражалось въ сознаніи и жизни самаго церковнаго христіанства. Между жизнью сектантства и жизнью

церковнаго христіанства никогда не было твердой непроходимой грани: несмотря на всѣ церковныя и государственныя мѣропріятія къ рѣшительному разобщенію сектантства отъ церковнаго христіанства, всегда оставалось мѣсто болѣе или менѣе свободному теченію идей изъ одной области въ другую и обратно. Въ церкви — между церковными христіанами всѣхъ странъ и народовъ всегда было распространено немало такихъ идей, преданій, повѣрій и обычаевъ, которыя не согласуются съ строгими воззрѣніями самой церкви и иногда представляютъ существенное противорѣчіе основнымъ началамъ христіанства. Многіе изъ этихъ повѣрій и обычаевъ— остатки мѣстнаго язычества; но многое нельзя объяснить изъ этого источника, а скорѣе нужно объяснять изъ другаго— изъ сектантскихъ вліяній. Въ особенности въ средніе вѣка, когда церковные христіане всѣхъ странъ и народовъ въ большинствѣ своемъ признанное и догматизованное ученіе церкви понимали плохо, а между тѣмъ почти повсюду въ христіанскихъ странахъ были распространены различныя секты: въ это время въ среду церковнаго христіанства могло перейдти множество суевѣрныхъ преданій, повѣрій, апокрифическихъ сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ сектантскаго характера. Суевѣрія эти въ среду простаго мало просвѣщеннаго народа могли проникать тѣмъ удобнѣе, что приверженцы сектантства подъ страхомъ церковныхъ и государственныхъ преслѣдованій держались вездѣ очень скрытно, и обыкновенно распространяли свои идеи не прямо въ видѣ открытой пропаганды еретическаго ученія, которой вѣрующіе христіане не стали бы слушать, а подъ покровомъ разныхъ легендъ, миѳовъ, апокрифическихъ сказаній, увлекательныхъ для наивной фантазіи простодушнаго народа и не представлявшихъ для него видимаго противорѣчія съ его церковными убѣжденіями. Народъ простодушно принималъ эти повѣрія и легенды, не предполагая въ нихъ еретическаго происхожденія и еретическаго смысла, не думая чрезъ принятіе ихъ въ чемъ-либо отступать отъ своего церковнаго ученія, напротивъ иногда же-

лая въ благочестивомъ, но темномъ усердіи этими самыми апокрифическими сказаніями и повѣрьями пополнить свои скудныя религіозно-церковныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ незамѣтно проникло въ среду христіанскаго народа множество сомнительныхъ повѣрій, темныхъ легендъ, апокрифическихъ сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ сектантскаго характера. Многіе изъ нихъ и доселѣ держатся въ народѣ, и народъ и доселѣ вовсе не подозрѣваетъ въ нихъ еретическаго происхожденія и какого-либо еретическаго характера. И нельзя конечно ставить это въ вину народу, недостаточно наставленному въ правильномъ пониманіи смысла и требованій христіанства. Тѣмъ болѣе нельзя изъ этого выводить какихъ-либо заключеній о сознательной склонности народа, несочувствующаго будто бы оффиціальнымъ церковнымъ вѣрованіямъ, къ воззрѣніямъ противоцерковнымъ — сектантскимъ. Прямой сознательной склонности къ сектантству здѣсь вовсе нѣтъ. Народъ, сохраняя въ средѣ своей множество воззрѣній и повѣрій сектантскаго характера, искренно считаетъ себя церковнымъ православнымъ народомъ, и самыя эти сектантскія повѣрья и сказанія обыкновенно относитъ къ какому-нибудь свято-чтимому церковному источнику. Но тѣмъ не менѣе эти повѣрья и сказанія не перестаютъ поэтому быть несогласными съ строго-церковнымъ вѣрованіемъ, не теряютъ своего въ существѣ дѣла сектантскаго характера. И объясненіе вопроса, какимъ образомъ эти повѣрья и сказанія сектантскаго характера могли проникнуть въ среду искренне-вѣрующаго церковнаго народа, какъ въ средѣ преданнаго церкви народа могло образоваться это такъ-называемое многими въ наше время *двоевѣріе*, разъясненіе этого вопроса имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи церкви. Изученіе воззрѣній средневѣковаго сектантства — съ одной стороны въ связи съ многими повѣріями и сказаніями, доселѣ удерживающимися въ средѣ христіанскихъ народовъ, съ другой стороны въ связи съ воззрѣніями древнѣйшихъ христіанскихъ сектъ—несомнѣнно должно показать, что воззрѣнія древнихъ сектантовъ—ка-

кихъ-нибудь гностиковъ, манихеевъ, монтанистовъ и т. д., давнымъ-давно и повидимому совершенно безслѣдно исчезнувшихъ изъ исторіи,—въ существѣ дѣла оказываются однакожъ совсѣмъ не такъ далеки отъ насъ, совсѣмъ не такъ чужды той самой средѣ, въ которой мы живемъ, какъ это можетъ представиться людямъ не довольно понимающимъ исторію христіанства.

Съ указываемой здѣсь стороны изученіе исторіи древнихъ сектъ должно представлять большой интересъ не для однихъ церковныхъ историковъ. Народныя повѣрья, суевѣрные обычаи, апокрифическія сказанія въ настоящее время обращаютъ на себя общее вниманіе ученыхъ—этнографовъ, археологовъ, историковъ литературы. Вниманіе ученыхъ въ настоящее время пока занято преимущественно разъискиваніемъ и описаніемъ матеріаловъ подобнаго рода. Но когда на почвѣ этой предварительной дѣятельности довольно будетъ сдѣлано, когда болѣе сознана будетъ потребность въ осмысленіи и объясненіи добытаго матеріала, вниманіе этнографовъ и историковъ литературы несомнѣнно должно будетъ обратиться къ серіозному изученію древнихъ христіанскихъ сектъ. Потребность эта начинаетъ по немногу сознаваться уже и въ настоящее время. Невозможность объяснить значительнѣйшую часть народныхъ повѣрій и сказаній апокрифическаго характера изъ остатковъ одного мѣстнаго язычества въ настоящее время можетъ считаться признанною между людьми понимающими это дѣло. Другой путь—отправляться для разъясненія народныхъ преданій въ далекую Индію или пожалуй даже въ Монголію и Тибетъ, объяснять сходство преданій распространенныхъ у различныхъ новыхъ народовъ, не имѣвшихъ между собою непосредственныхъ историческихъ связей, единствомъ ихъ общей первобытной родины, сближать прямо позднѣйшія религіозныя повѣрья, напр. русскаго народа съ религіозными преданіями древнѣйшаго восточнаго язычества,—этотъ путь, въ настоящее время еще увлекающій многихъ, также едва ли можетъ привести къ значительнымъ и опредѣленнымъ резуль-

татамъ. Доказать прямую непосредственную связь русскихъ и западно - европейскихъ народныхъ повѣрій съ религіозными воззрѣніями древняго востока едва ли когда-нибудь удастся. Во всякомъ случаѣ многихъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ указанному матеріалу, этимъ путемъ объяснить нельзя. Для объясненія перехода древнихъ религіозныхъ преданій языческаго востока въ повѣрья новыхъ народовъ христіанскаго запада необходимо предположить какія-нибудь историческія посредства. Нѣкоторые ученые въ настоящее время уже приходятъ къ той мысли, что такія историческія посредства по всей вѣроятности нужно искать всего болѣе въ средневѣковомъ сектантствѣ [1]). Съ этою цѣлью ученые, занимающіеся разъясненіемъ народныхъ сказаній, повѣрій и обычаевъ, уже начинаютъ въ настоящее время обращаться къ изученію западныхъ катаровъ и восточныхъ богумиловъ, и придавать значеніе историческимъ памятникамъ такого рода, какъ Паноплія Зигабена или какіе-нибудь остатки апокрифическихъ сказаній богумильскихъ и альбигойскихъ. Но здѣсь не конецъ дѣлу. Исторія средневѣковыхъ сектантовъ—катаровъ и богумиловъ, какъ мы уже сказали, можетъ быть понята ясно не иначе какъ въ связи съ исторіею древнихъ гностиковъ и манихеевъ,—Паноплія Зигабена для своего разъясненія необходимо требуетъ изученія древнѣйшихъ сочиненій о ересяхъ—Иринея, Ипполита, Епифанія и др., и апокрифическія произведенія средневѣковаго сектантства весьма желательно было привести въ болѣе ясныя соотношенія съ древнѣйшими христіанскими апокрифами, преимущественно находившимися въ употребленіи у еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

[1]) Изъ нашихъ русскихъ ученыхъ это направленіе всего яснѣе сказывается у профессора Спб. университета г. Веселовскаго (въ его изслѣдованіи *о Соломонѣ и Китоврасѣ—см. въ особенности предисловіе и главу 4-ю* и въ другихъ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* и *Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія*). Нѣкоторымъ другимъ нашимъ ученымъ какъ будто не совсѣмъ нравится направленіе, вводимое г. Веселовскимъ въ изученіе народной литературы; но мы думаемъ, что это направленіе во всякомъ случаѣ будетъ имѣть свое развитіе и значеніе въ наукѣ.

Кромѣ всего сказаннаго, изученіе древнихъ ересей въ настоящее время получаетъ еще новое и особенное значеніе. Мы признаемъ, что это изученіе необходимо для лучшаго пониманія самаго христіанскаго богословія и церковной жизни, такъ какъ христіанское богословіе и церковная жизнь развивались въ борьбѣ церкви съ ересями и расколами. Но мы далеки отъ того, чтобы признать христіанское богословіе и церковную жизнь, по самому ихъ содержанію, по ихъ внутреннимъ основнымъ принципамъ — вполнѣ зависящими отъ этого источника, и какъ бы выработавшимися изъ него. Церковь христіанская отъ самаго начала имѣла содержаніе для своего богословствованія и основы для устройства своей жизни въ себѣ самой: это содержаніе и эти основы—коренныя истины вѣры, нравственные принципы жизни — даны церкви въ божественномъ Откровеніи отъ Божественнаго Основателя ея Іисуса Христа; это содержаніе и эти основы только исторически раскрывались въ борьбѣ съ ересями и расколами. Появленіе новыхъ ересей и расколовъ не новые догматы, не новые жизненные принципы давало церкви, но давало поводъ къ раскрытію ея внутреннихъ вѣрованій и жизненныхъ принциповъ, отъ самаго начала бывшихъ достояніемъ церкви, основою жизни церковной, — къ раскрытію ихъ съ той или другой стороны, въ томъ или другомъ направленіи примѣнительно къ различнымъ потребностямъ и условіямъ исторической жизни. Такъ понимается исторія раскрытія христіанскаго богословія и церковной жизни въ связи съ исторіею ересей и расколовъ большею частію христіанскихъ историковъ; и для такого пониманія ея даетъ твердыя основанія безпристрастное изученіе древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ христіанства. Но есть ученые, которые не останавливаются на этомъ, которые стараются доказать, что не только раскрытіе христіанскаго богословія и церковной жизни происходило въ постоянной борьбѣ съ ересями и расколами, но и самое содержаніе ихъ постепенно вырабатывалось изъ этой борьбы. Такое воззрѣніе преимущественно развилось въ трид-

цатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ новѣйшей раціоналистической—такъ-называемой ново-тюбингенской школѣ германскихъ богослововъ и историковъ. Эта школа, какъ извѣстно, задалась задачею объяснить происхожденіе и развитіе христіанства естественнымъ историческимъ путемъ—изъ того соприкосновенія языческихъ и іудейскихъ понятій, изъ того броженія религіозныхъ и философскихъ идей, которое такъ сильно было въ вѣка образованія и первоначальнаго развитія христіанской церкви. Мало находя данныхъ для проведенія своего воззрѣнія въ историческихъ памятникахъ самой церкви, школа эта естественно должна была обратиться и на самомъ дѣлѣ обратилась къ преимущественной разработкѣ исторіи ересей первыхъ вѣковъ; такъ какъ въ ересяхъ преимущественно отразилось то замѣчательное броженіе религіозныхъ идей, изъ котораго, по мнѣнію школы, можно естественно объяснить и самое возникновеніе и все содержаніе христіанства. Понятное дѣло, что въ этой школѣ изученіе ересей первыхъ вѣковъ должно было получить и особенное значеніе и особенную постановку. По нашему мнѣнію это изученіе важно для исторіи церкви, потому что помогаетъ уясненію вопроса *объ историческомъ развитіи* христіанства: по мнѣнію школы оно еще важнѣе потому, что ведетъ къ разрѣшенію вопроса о самомъ *естественномъ происхожденіи* христіанства. По нашему мнѣнію, въ борьбѣ съ ересями и расколами *совершалось раскрытіе* христіанскихъ вѣрованій и жизненныхъ принциповъ: по мнѣнію школы, изъ этой борьбы *вырабатывалось самое содержаніе* этихъ вѣрованій и жизненныхъ принциповъ. По нашему мнѣнію, изученіе древнихъ ересей и расколовъ проясняетъ отношенія христіанской религіи къ древнимъ религіямъ іудейской и языческой и къ древней философіи; такъ какъ многія изъ древнихъ сектъ представляютъ прямое отраженіе старыхъ до-христіанскихъ религіозныхъ и философскихъ вліяній на христіанской почвѣ. По мнѣнію школы, эти секты представляютъ *не только отраженія* до-христіанскихъ вліяній на христіан-

ской почвѣ, но такъ сказать *переходные моменты*, посредствомъ которыхъ старыя языческія и іудейскія идеи во взаимномъ соприкосновеніи и въ различныхъ сочетаніяхъ образовали новую христіанскую религію. Такимъ образомъ здѣсь ставится коренной вопросъ всей христіанской исторіи, — вопросъ о самомъ происхожденіи христіанства, о томъ замѣчательномъ процессѣ, какимъ оно могло будто бы образоваться совершенно естественнымъ образомъ изъ взаимнаго соприкосновенія древнихъ іудейскихъ и языческихъ—религіозныхъ и философскихъ идей. Свои взгляды, выведенные изъ научнаго будто бы сравненія данныхъ древнѣйшей исторіи христіанской съ исторіею сектъ, раціоналистическая школа старается примѣнить какъ къ общему построенію первоначальной исторіи христіанства, такъ и къ значительнѣйшимъ частнымъ вопросамъ, представляющимся въ ней. Образованіе христіанскихъ догматовъ у раціоналистовъ богослововъ объясняется не столько изъ того прямаго и непосредственнаго памятника, изъ котораго объясняютъ ихъ вѣрующіе богословы — изъ божественнаго Откровенія, изъ священнаго Писанія и преданія, изъ изреченій Христа Спасителя и апостоловъ, но изъ старыхъ дохристіанскихъ — религіозныхъ и философскихъ идей посредствомъ видоизмѣненія ихъ въ разныхъ сектантскихъ ученіяхъ, изъ которыхъ будто бы постепенно выработывались и церковныя ортодоксальныя воззрѣнія. Происхожденіе самыхъ первыхъ памятниковъ христіанской вѣры и исторіи не только поставляется въ ближайшую связь съ древними сектантскими памятниками, но и выводится изъ нихъ: Евангеліе Матѳея признанное церковію представляется передѣлкою евангелія евіонитовъ, Евангеліе Луки позднѣйшею редакціею евангелія маркіонова; образованіе цѣлаго канона священныхъ книгъ, принятыхъ церковію, представляется какъ бы подражаніемъ канону сектантскому—маркіонову и т. д. и т. под.

Мы не придаемъ слишкомъ большаго значенія помянутой раціоналистической школѣ. Мы не думаемъ, чтобы крайнія воззрѣнія ея удержались твердо въ наукѣ. Мы увѣрены въ томъ,

что искусственныя построенія и предположенія этой школы не могутъ найти признанія у людей, самостоятельно и безпристрастно занимающихся исторіею христіанства. Многія изъ этихъ воззрѣній и построеній уже и въ настоящее время совсѣмъ оставляются или видоизмѣняются — смягчаются самыми послѣдователями школы. Мы думаемъ, что безпристрастное изученіе древнихъ памятниковъ самой христіанской исторіи и исторіи древнихъ сектъ по многимъ вопросамъ должно привести къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ выводамъ тюбингенской школы. Тѣмъ не менѣе нельзя совершенно оставлять безъ вниманія воззрѣнія помянутой школы, и не потому только, что эти воззрѣнія еще имѣютъ нѣкоторое число послѣдователей между видными дѣятелями науки, и еще болѣе между людьми неимѣющими самостоятельнаго отношенія къ наукѣ,—но потому главнымъ образомъ, что въ работахъ этой школы, независимо отъ ея крайнихъ выводовъ, несомнѣнно есть много серьезнаго; ею затронуто много такихъ вопросовъ и сдѣлано много такихъ критическихъ изысканій, на которыя позднѣйшая наука не можетъ не обратить вниманія. Во всякомъ случаѣ та односторонняя постановка фактовъ и пристрастное направленіе критическихъ изысканій, которыя сдѣланы школою, требуютъ болѣе правильной постановки, болѣе безпристрастнаго освѣщенія. И это прежде всего должно имѣть примѣненіе къ изложенію исторіи ересей. Какъ для послѣдователей раціоналистической школы фальшивое истолкованіе исторіи древнихъ ересей сдѣлалось, можно сказать, исходнымъ пунктомъ, изъ котораго они стараются выводить свои неправильныя предположенія о происхожденіи христіанства, о характерѣ первоначальнаго развитія церкви, о происхожденіи священныхъ книгъ Новаго Завѣта, объ образованіи новозавѣтнаго канона и т. д., такъ для безпристрастнаго изслѣдователя церковной исторіи изученіе древнихъ ересей должно сдѣлаться базисомъ или исходнымъ пунктомъ для болѣе правильной положительной установки означенныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ предметъ, избираемый нами для изслѣдованія,

получаетъ въ настоящее время новое очень важное значеніе. Изслѣдованіе исторіи древнихъ ересей тѣсно связывается со всѣми важнѣйшими вопросами первоначальной христіанской исторіи—съ вопросами о самомъ происхожденіи христіанства, объ отношеніи его къ другимъ древнѣйшимъ религіознымъ и философскимъ воззрѣніямъ, о характерѣ первоначальнаго развитія церкви, о происхожденіи свящ. книгъ Новаго Завѣта, объ образованіи христіанскихъ догматовъ и т. д.

Таково значеніе избираемаго нами предмета изслѣдованія. Этимъ значеніемъ его долженъ опредѣляться и самый методъ раскрытія предмета. Въ настоящее время нельзя относиться къ исторіи древнихъ ересей съ такою небрежностью, съ какою нерѣдко относились къ ней писатели прежнихъ временъ; предметъ этотъ во всякомъ случаѣ долженъ получить первостепенное значеніе въ наукѣ. Нельзя теперь излагать исторію ересей въ такомъ духѣ, чтобы у читателей оставалось только смутное впечатлѣніе о томъ, какія странныя и уродливыя заблужденія появлялись иногда въ родѣ человѣческомъ; такое изложеніе въ настоящее время представило бы въ странномъ видѣ только самого излагателя. Нельзя довольствоваться при изложеніи ученія древнихъ сектантовъ простымъ сопоставленіемъ тѣхъ отрывочныхъ извѣстій о нихъ, какія встрѣчаются у древнихъ писателей, безъ надлежащаго историческаго и философско-богословскаго разъясненія; интересы самой христіанской исторіи требуютъ, чтобы войти въ смыслъ сектантскихъ ученій возможно глубже. Нельзя разсматривать эти ученія изолированно—отдѣльно одни отъ другихъ: смыслъ ихъ можетъ быть понятъ надлежащимъ образомъ только при ихъ взаимномъ сопоставленіи и разсмотрѣніи. Нельзя разсматривать сектантскія воззрѣнія первыхъ вѣковъ и независимо отъ той почвы, на которой они образовались,—отъ тѣхъ древнихъ религіозныхъ и философскихъ вліяній, которыя отразились въ нихъ: только при разсмотрѣніи содержанія древнихъ ересей въ связи съ этими вліяніями могутъ быть правильно поняты и смыслъ самыхъ сектантскихъ ученій и вообще отношеніе христіанскаго міро-

воззрѣнія къ другимъ древнимъ религіознымъ и философскимъ воззрѣніямъ. Нельзя также при разсмотрѣніи ученія древнихъ сектъ не обращать вниманія на отношеніе ихъ къ развитію древняго христіанскаго богословія: взаимодѣйствіе между сектантскимъ и православнымъ богословіемъ съ самаго начала христіанской исторіи было постоянное, и разсмотрѣніе этой стороны дѣла весьма важно для пониманія развитія самого христіанскаго богословія. Интересы науки требуютъ также при разсмотрѣніи древнихъ сектъ не пропускать безъ вниманія преимущественно тѣ стороны ихъ ученія, которыя въ особенности имѣли вліяніе на образованіе позднѣйшихъ сектъ, на образованіе разныхъ апокрифическихъ воззрѣній, сказаній, повѣрій въ средѣ самыхъ церковно-христіанскихъ народовъ. Это конечно не можетъ быть предметомъ спеціальнаго вниманія съ нашей стороны. Наша главная задача — изслѣдованіе исторіи древнихъ сектъ ради нея самой, а не ради примѣненія ея къ другимъ хотя бы и серьезнымъ научнымъ цѣлямъ и задачамъ. Но тѣмъ не менѣе мы не должны оставлять безъ вниманія и эти послѣднія тамъ, гдѣ онѣ сами собою будутъ представляться при разсмотрѣніи ученій древнихъ сектантовъ. Наконецъ въ настоящее время при изложеніи исторіи древнихъ сектъ нельзя не имѣть въ виду той постановки многихъ вопросовъ ея, какая дается въ извѣстной отрицательной церковно-исторической школы, нельзя не обращать вниманіе на ту связь, въ какую поставляется тамъ изслѣдованіе древнихъ ересей съ вопросами о происхожденіи христіанства, о характерѣ первоначальнаго развитія церкви, о происхожденіи свящ. книгъ Новаго Завѣта, объ образованіи церковнаго канона, о развитіи христіанскихъ догматовъ, не только въ ихъ богословскомъ разъясненіи и примѣненіи, но и въ самомъ содержаніи. Намъ нѣтъ надобности конечно входить въ подробный разборъ частныхъ мнѣній помянутой школы и придавать своему изслѣдованію полемическій характеръ. Но при самомъ положительномъ изложеніи исторіи ересей самое требованіе научнаго безпристрастія и вниманія къ научнымъ мнѣніямъ другихъ должно

обязывать насъ не оставлять безъ разсмотрѣнія мнѣній и объясненій несогласныхъ съ нашими тамъ, гдѣ они представляются особенно значительными. Такъ напр. при изложеніи исторіи іудействующихъ сектъ первыхъ вѣковъ нельзя пропустить безъ вниманія то мнѣніе, будто эти секты представляли остатокъ первобытнаго такъ-называемаго Петрова и Іаковлева христіанства и употреблявшееся у нихъ апокрифическое евангеліе было первоначальною основою всѣхъ нашихъ каноническихъ евангелій. При изложеніи древнихъ сказаній о Симонѣ волхвѣ нельзя не сказать о томъ, что нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ не признаютъ историческаго существованія этого лица, а видятъ въ сказаніяхъ о немъ лишь миѳическое представленіе извѣстной части христіанства объ апостолѣ Павлѣ. При изложеніи исторіи маркіонитства нельзя не коснуться того мнѣнія, будто ученіе этой секты было выраженіемъ такъ-называемаго первоначальнаго Павлова христіанства, и евангеліе Маркіона было основною редакціею нашего Евангелія Луки, и канонъ Маркіоновъ образцомъ церковнаго канона священныхъ книгъ. Оставлять безъ всякаго разбора основанія, на которыхъ могутъ утверждаться подобныя мнѣнія—это значило бы писать исторію древнихъ ересей только для тѣхъ, кто совершенно незнакомъ съ серьезными вопросами представляющимися въ ней и не можетъ интересоваться разнообразными рѣшеніями ихъ тамъ, гдѣ церковно-историческая наука особенно развита. Умышленное игнорированіе чужихъ мнѣній и взглядовъ несогласныхъ съ нашими, отъ чего бы оно ни происходило—отъ излишней самоувѣренности въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ, или напротивъ отъ нетвердой увѣренности въ нихъ, — во всякомъ случаѣ несогласно съ требованіями и интересами науки. Намъ нѣтъ надобности, повторяемъ, пускаться въ подробную полемику со всѣми частными взглядами отрицательной церковно-исторической школы въ тѣхъ пунктахъ первоначальной исторіи церкви и исторіи ересей, гдѣ эти взгляды противорѣчатъ нашимъ: но мы думаемъ, что обстоятельное разъясненіе несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ мы

заимствуемъ свѣдѣнія о первоначальномъ христіанствѣ и древнѣйшихъ ересяхъ, съ устраненіемъ тенденціозныхъ искусственныхъ объясненій и произвольныхъ мечтаній, само собою должно показать, на чьей сторонѣ правда въ объясненіяхъ первоначальной исторіи христіанства и исторіи ересей—на сторонѣ школы положительной или отрицательной, и какая изъ этихъ школъ по своимъ научнымъ пріемамъ болѣе заслуживаетъ названіе безпристрастной, исторической, истинно-научной.

Вотъ задачи предлежащія нашему изслѣдованію. Мы не можемъ умолчать о томъ, что выполненіе этихъ задачъ во всемъ ихъ объемѣ представляетъ большія затрудненія какъ въ недостаткѣ подготовительныхъ работъ и самыхъ матеріаловъ для разъясненія нѣкоторыхъ сторонъ предпринимаемаго дѣла, такъ и въ нашихъ научныхъ личныхъ средствахъ. Но мы довольны будемъ, если на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы можемъ владѣть, намъ удастся по крайней мѣрѣ поставить дѣло на твердую почву, и соотвѣтственно съ настоящимъ развитіемъ науки правильно освѣтить тѣ пути, по которымъ будущіе изслѣдователи могутъ итти къ полнѣйшему разъясненію всѣхъ частныхъ сторонъ изслѣдуемаго предмета.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ ДРЕВНИХЪ СЕКТЪ. СЕКТАНТСКІЕ ИСТОЧНИКИ: КЛИМЕНТИНЫ, pistis-sophia, ВАРДЕСАНОВЪ ДІАЛОГЪ; АПОКРИФЫ.

Обращаясь къ обозрѣнію источниковъ для исторіи древнихъ ересей, мы должны прежде всего сказать, что хотя этихъ источниковъ довольно много, тѣмъ не менѣе наука не можетъ найти въ нихъ достаточно матеріала для разъясненія многихъ существеннѣйшихъ вопросовъ въ исторіи древняго сектантства; и вообще матеріалъ этотъ такого рода, что къ нему нужно относиться съ большою осторожностью, отказавшись напередъ отъ слишкомъ рѣшительныхъ выводовъ и самоувѣренныхъ сужденій. Это, намъ кажется, прежде всего нужно имѣть въ виду всякому изслѣдователю древней сектантской исторіи, дабы и себя самого предохранить отъ излишней самоувѣренности въ своихъ сужденіяхъ и построеніяхъ, и умѣть правильно и трезво относиться къ сужденіямъ и построеніямъ другихъ ученыхъ, отличающимся рѣшительностью и самоувѣренностью несоотвѣтственными настоящему положенію дѣла.

Лучшими источниками для исторіи древнихъ ересей и расколовъ безъ сомнѣнія могли бы быть собственныя сектантскія писанія, т. е. тѣ писанія, въ которыхъ сами основатели сектъ или ихъ послѣдователи раскрывали свои воззрѣнія или излагали исторію образованія своихъ сектъ. Такихъ писаній въ древности, особенно во II и въ III вѣкахъ, было много. Церковные писатели—св. Ириней Ліонскій, Ипполитъ, Тертулліанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Епифаній пользовались ими при составленіи своихъ полемическихъ сочиненій противъ еретиковъ, и представили изъ нихъ болѣе или менѣе значительныя извлеченія въ своихъ трудахъ. Многія изъ писаній сектантскихъ, какъ видно по извѣстіямъ Епифанія, блаж. Іеронима, Ѳеодорита, продолжали еще существовать и въ IV и V вѣкахъ. Но затѣмъ почти всякіе слѣды ихъ въ исторіи исчезаютъ. Многія изъ нихъ по всей вѣроятности утратились сами собою вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самыхъ сектъ, которымъ они принадлежали. Другія были истреблены ревностью греческихъ императоровъ, православныхъ епископовъ и усердіемъ самихъ христіанъ, считавшихъ своимъ долгомъ уничтожать всякіе остатки того, въ чемъ можно было видѣть соблазнъ для христіанства и хулу на него. До нашего времени сохранились лишь очень немногія изъ древнихъ сектантскихъ писаній, и сохранились большею частію не въ греческомъ текстѣ, не въ тѣхъ редакціяхъ, въ какихъ читали ихъ древніе учители церковные, а на другихъ восточныхъ языкахъ—на сирскомъ, на коптскомъ, какъ они могли сохраниться въ менѣе значительныхъ восточныхъ христіанскихъ обществахъ, отдѣлившихся отъ греческой церкви съ V вѣка и далѣе. Отсюда они мало-по-малу и извлекаются на свѣтъ новѣйшими учеными, и здѣсь можетъ быть еще предстоитъ наукѣ открыть нѣсколько новыхъ памятниковъ, могущихъ дать пополненіе нашимъ свѣдѣніямъ о древнѣйшихъ вѣкахъ христіанской исторіи. Но въ настоящее время число этихъ памятниковъ пока такъ не велико, и свѣдѣнія представляющіяся въ нихъ такъ открывочны и сами по себѣ неясны, что они не только не могутъ служить

главными основными источниками для воспроизведенія древней сектантской исторіи, но и сами могутъ быть поняты только при пособіи другихъ свѣдѣній о древнихъ сектахъ, заимствуемыхъ изъ несектантскихъ источниковъ.

Наиболѣе извѣстный—наиболѣе обслѣдованный изъ древнихъ сектантскихъ памятниковъ, важный не только для исторіи сектантства, но и вообще для древней христіанской исторіи такъ-называемыя Климентины—разсказы о проповѣдническомъ путешествіи апостола Петра, его бесѣдахъ съ учениками и спорахъ съ Симономъ волхвомъ записанные будто бы Климентомъ Римскимъ—ученикомъ и спутникомъ апостола Петра [1]).

---

[1]) Этотъ памятникъ сохранился во множествѣ старыхъ списковъ, болѣе и менѣе полныхъ и значительно различающихся между собою, въ извѣстныхъ европейскихъ библіотекахъ—Ватиканской, Парижской, Бодлэянской, Оксфордской, Лейпцигской, Вѣнской, Базельской и др., и былъ издаваемъ много разъ—сначала въ одной латинской редакціи въ XVI вѣкѣ (Сихардомъ Basil. 1526 и 1536, Paris 1541 и 1568, Грутеромъ Coloniae 1563 и 1570), потомъ въ греческой и латинской — съ конца XVII и въ XVIII вв. (Котелеріемъ и Клерикомъ въ SS. Patres apostolici Paris 1672, Antwerpen 1698, Amsterdam 1724, Галланди in Bibliotheca vet. Patrum Venet. 1766). Новыя болѣе совершенныя изданія—для латинской редакціи Герсдорфа (Lipsiae 1838), для греческой Швеглера (Stuttgart. 1847) и Дрезселя (Gottingae 1853). Латинская редакція Герсдорфа и греческая Дрезселя приняты въ извѣстное изданіе Миня—Patrologiae Cursus Completus Graeca Series Tt. I и II, которымъ мы и будемъ пользоваться въ своемъ трудѣ. Изслѣдованій о климентинахъ въ западной литературѣ было очень много. Изъ изслѣдованій прошлаго столѣтія извѣстны — Нурри, Котелерія, Мосгейма, Галланди. Съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія вопросъ о Климентинахъ въ особенности возбужденъ и поставленъ въ существенную связь съ другими важнѣйшими вопросами христіанской исторіи первыхъ вѣковъ въ изслѣдованіяхъ двухъ извѣстныхъ вождей положительнаго и ультракритическаго направленій германской церковно-исторической науки—Неандера (Genetische Entwicke lung der Gnostischen Systeme Berlin 1818. Beilage: ueber pseudo clementinischen Homilien) и Баура (De Ebionitarum origine et doctrina ab Essaeis repetenda. Tübing. 1831, Die christliche Gnosis-Tübing. 1835). Изъ новѣйшихъ изслѣдованій о Климентинахъ въ особенности замѣчательны: Шлиманна (Die Clementinen nebst den verwandten Schriften. Hamburg 1844), Гильгенфельда (Die Clementinischen Recognitionen und Homilien nach ihrem Ursprung und Inhalt dargestellt. Jena 1848. Ueber die Composition der Clementinen in Theologisch. Iahrbuch. 1850. Kritische Untersuchungen ueber d. Evangel. Justins, der Clement. Homil. und Marcion. Halle 1852. Die Apostol. Väter. Halle 1853. Ueber den Ursprung des Pseudo-Clementin Recognitionen

Этотъ памятникъ нельзя впрочемъ съ рѣшительностью назвать сектантскимъ; онъ представляетъ въ себѣ много воззрѣній и преданій чисто-церковнаго характера, и учеными изслѣдователями этого памятника доселѣ не разъясненъ вопросъ, имѣлъ ли онъ первоначально сектантское происхожденіе и послѣ принаровленъ былъ къ извѣстнымъ церковнымъ преданіямъ, или свое начало онъ получилъ въ церковномъ преданіи, и послѣ былъ искаженъ вставками еретическихъ воззрѣній [2]). Для насъ рѣшеніе этого вопроса не особенно важно; важно то, что Климентины въ настоящемъ своемъ видѣ представляютъ значительныя данныя для исторіи древняго сектантства. Сектантскія воззрѣнія высказываются здѣсь не только съ той стороны, которая въ самомъ памятникѣ представляется еретическою, т. е. со стороны Симона волхва и его послѣдователей; но и съ той стороны, которая въ памятникѣ является представительницею чистаго первоначальнаго христіанства —

---

und Homilien. Theolog. Iahrbüch. 1854. Das Urchristenthum und seine neuesten Bearbeitungen-Zeitschrift fur Wissenschaft. Theologie. 1858. Der Magier Simon Ztschr. f. Wiss. Theol. 1868. Die Clemens-Schriften und ihre neueste Bearbeitung. Ztschr. f. Wiss. Theol. 1869), Лэманна (Die Clementinische Schriften Gotha 1869), Ульгорна (Die Homilien und Recognitionen des Clement. Roman. Göttingen. 1854, его же статья въ Real enzyclopädie v. Herzog). Кромѣ того разъясненію вопроса о Климентинахъ и изложенію ихъ содержанія дается видное мѣсто во всѣхъ общихъ новыхъ церковно-историческихъ трудахъ: см. напр. церков. исторіи Неандера, Баура, Шаффа, Ричля (Die Entstehung der altkatolischen Kirche. Bonn. 1850. См. также его статью—Die Bedeutung der pseudo clement Literatur für die älteste Kirchengeschichte in d. allgemein Monatschrift fur Wissensch. und Literatur, 1852). Перечитать и указать всѣ другія менѣе значительныя изслѣдованія о Климентинахъ, а тѣмъ болѣе всѣ статьи только частію касающіяся этого памятника въ западной богословской литературѣ—нѣтъ возможности. Въ нашей русской богословской литературѣ единственная, впрочемъ очень дѣльная, статья о Климентинахъ свящ. Побѣдинскаго-Платонова въ „Православномъ Обозрѣніи 1860 г. №№ 2, 3 и 7.

[2]) Вѣроятно вслѣдствіе того, что въ основѣ этого памятника находятся церковныя преданія о судьбѣ св. Климента, и самый разсказъ Климентинъ, помимо романическихъ вымысловъ и сектантскихъ прибавленій къ нему, представляетъ много занимательнаго и для благочестивыхъ церковныхъ христіанъ, памятникъ этотъ и не былъ уничтоженъ, а переписывался во множествѣ списковъ и въ средніе вѣка, между тѣмъ какъ другіе памятники съ сектантскимъ характеромъ уничтожались въ это время.

со стороны самаго апостола Петра. До насъ этотъ памятникъ дошелъ въ двухъ, значительно уклоняющихся одна отъ другой редакціяхъ: редакція греческая извѣстная подъ названіемъ Ὁμιλίαι (числомъ XX), и редакція латинская, переведенная также съ греческаго текста въ IV вѣкѣ Руфиномъ, извѣстная подъ названіемъ Recognitiones (libri X) [3]. Между учеными доселѣ идетъ споръ о томъ, какая изъ этихъ редакцій древнѣе и важнѣе для исторіи; одними предпочитаются Ὁμιλίαι другими—Recognitiones [4]. По всей вѣроятности споръ этотъ долженъ рѣшиться тѣмъ, что нынѣшнія—греческая и латинская—редакціи Климентинъ имѣютъ въ основѣ одну древнѣйшую, которая въ разныхъ мѣстахъ пополнялась и измѣнялась мѣстными преданіями и воззрѣніями, вслѣдствіе чего и образовались значительныя разности между двумя главными помянутыми редакціями и въ частныхъ спискахъ той и другой редакціи [5]. Для насъ въ этомъ вопросѣ имѣетъ значеніе то, что

---

[3]) Recognitiones по изданію Герсдорфа въ I томѣ Patrologiae Cursus-Migne, Ὁμιλίαι во II томѣ. Кромѣ того, есть сокращенная редакція гомилій—Epitome de gestis S. Petri, не имѣющая самостоятельнаго значенія, изъ которой все отзывающееся сектантствомъ большею частію исключено (у Миня во II томѣ вслѣдъ за гомиліями—по изданію Котелерія). Еще есть сирская редакція Климентинъ, манускриптъ пріобрѣтенный для британскаго музея изъ нитрійскаго монастыря; но эта редакція мало обслѣдована учеными (Quaterly Review 1849. Nr. CLIII).

[4]) Главными представителями этихъ двухъ взглядовъ между новѣйшими германскими учеными можно считать Гильгенфельда и Ульгорна. Гильгенфельдъ относительно древности и исторической важности предпочитаетъ Recognitiones, Ульгорнъ Ὁμιλίας; къ нимъ съ различными видоизмѣненіями во взглядахъ примыкаютъ другіе ученые.

[5]) Мнѣніе о многократной передѣлкѣ Климентинъ, соотвѣтственно съ развитіемъ самыхъ сектантскихъ ученій, въ особенности раскрыто Гильгенфельдомъ въ его первой ученой диссертаціи о Климентинахъ, изд. въ Іенѣ 1848 г., и въ дальнѣйшихъ вышеприведенныхъ трудахъ. Мнѣнія Гильгенфельда—ученаго сильно пропитаннаго Бауровскими воззрѣніями, и остающагося теперь въ германской церковно-исторической наукѣ можно сказать главнымъ продолжателемъ Бауровскихъ ультракритическихъ работъ (хотя въ значительно смягченномъ видѣ) относительно самаго содержанія Климентинъ и различныхъ выводовъ, извлекаемыхъ изъ нихъ для разъясненія первоначальной христіанской исторіи, представляютъ много произвольнаго и весьма спорнаго. Но нельзя не отдать справедливости этому ученому въ томъ, что онъ много потрудился надъ объясненіемъ этого древняго памятника, какъ и многихъ другихъ.

сектантскими воззрѣніями въ настоящемъ видѣ является исполненною преимущественно греческая — восточная редакція, западная же латинская имѣетъ болѣе чистый церковный характеръ. Впрочемъ и въ латинской редакціи есть такія значительныя въ сектантскомъ смыслѣ частности, что ее никакъ нельзя оставлять безъ вниманія при изслѣдованіи исторіи древняго сектантства, довольствуясь одною греческою редакціей. Важность этого памятника для исторіи древнихъ ересей и вообще для исторіи древняго христіанства несомнѣнна; это одинъ изъ самыхъ древнихъ и весьма любопытныхъ памятниковъ. Ясныя указанія на него есть у Оригена [6]), и есть основанія предполагать, что этотъ памятникъ въ первоначальной основѣ явился значительно ранѣе Оригена — около половины втораго вѣка [7]). Воззрѣнія извѣстной отрасли древняго сектантства представляются здѣсь съ такою полнотою и оригинальностью, какъ ни въ одномъ изъ другихъ древнихъ памятниковъ сектантской исторіи. Тѣмъ не менѣе однакожъ въ число основныхъ источниковъ для исторіи древняго сектантства этотъ памятникъ не можетъ быть принятъ. Онъ представляетъ въ себѣ отраженіе воззрѣній лишь одной отрасли древняго сектантства, а эти воззрѣнія не могутъ быть ясно поняты внѣ связи ихъ съ другими еретическими воззрѣніями и вообще съ исторіею тѣхъ временъ. Въ самомъ памятникѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, въ какой именно сектѣ сложились и развились воззрѣнія раскрывающіяся здѣсь; и самыя эти воззрѣнія представляются настолько оригинальными—настолько будто и сходными съ воззрѣніями многихъ

---

[6]) Origenis Commentar in Genesim in Philocalia cap. XXII, in Matheum XXVI, 6 et caet.

[7]) Гильгенфельдъ, предполагая первоначальную основу Климентинъ въ извѣстномъ древнѣйшемъ апокрифѣ Κήρυγμα Πέτρου, относитъ начало этого сказанія къ первымъ десятилѣтіямъ послѣ разрушенія Іерусалима въ 70 году. Около половины II вѣка, полагаютъ, опредѣлились въ главныхъ чертахъ обѣ главныя редакціи этого памятника — восточная и римская; но новыя прибавленія и вставки дѣлались въ той и другой редакціи и въ концѣ II, и въ III и въ IV, и можетъ быть въ дальнѣйшихъ вѣкахъ.

древнихъ сектъ извѣстными намъ по другимъ источникамъ, и несходными ни съ одною изъ нихъ, что между учеными доселѣ существуетъ большое разногласіе относительно того, къ какой именно сектѣ этотъ памятникъ долженъ быть отнесенъ; и бывали даже случаи, что одинъ и тотъ же ученый относительно этого предмета въ двухъ различныхъ сочиненіяхъ высказывалъ различныя мнѣнія [8]). Затрудненіе еще болѣе увеличивается оттого, что разные списки Климентинъ, какъ мы сказали уже, представляютъ большое разнообразіе въ самомъ содержаніи; редакція памятника представляется перешедшею черезъ множество передѣлокъ, и въ самыхъ воззрѣніяхъ излагаемыхъ въ разныхъ редакціяхъ, въ разныхъ отдѣленіяхъ одной и той же редакціи встрѣчаются значительныя противорѣчія. Это естественно должно навести изслѣдователя на такіе вопросы, одной ли и той же сектѣ должны быть приписываемы различныя воззрѣнія развивающіяся въ Климентинахъ, или они представляютъ отраженія ученій различныхъ сектъ, въ различныя времена вносившихъ въ первоначальную редакцію памятника свои прибавленія [9]), и какихъ именно сектъ?.. Чтобы рѣшить эти вопросы необходимо напередъ изучить исторію развитія древнихъ сектъ по другимъ болѣе яснымъ источникамъ, а потомъ уже и можно пользоваться данными заключающимися въ Климентинахъ для пополненія свѣдѣній извлекаемыхъ изъ тѣхъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ Климентины, какъ историческій источникъ въ изученіи древняго сектантства, могутъ имѣть не основное и первоначальное, а лишь дополнительное вспомогательное значеніе.

Въ недавнее время открытъ другой важный сектантскій источникъ для исторіи древнихъ еретическихъ воззрѣній. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецкій ученый Шварцъ нашелъ въ бри-

---

[8]) Напр. Бауръ въ своемъ изслѣдованіи „de Ebionitarum origine et doctrina“ относилъ этотъ памятникъ къ іудействующимъ сектамъ, а въ „Die christliche Gnosis“ къ гностическимъ. Гильгенфельдъ также много разъ измѣнялъ предположенія относительно составныхъ элементовъ развивающагося въ Климентинахъ воззрѣнія.

[9]) См. примѣч. 5.

танскомъ музеѣ въ старомъ коптскомъ манускриптѣ, заключавшемъ въ себѣ кромѣ того и нѣсколько другихъ замѣчательныхъ памятниковъ христіанской древности, довольно большое еретическое сочиненіе: Pistis Sophia. Онъ переписалъ его, перевелъ на латинскій языкъ, но не успѣлъ окончательно приготовить къ изданію. По смерти Шварца его ученый другъ Петерманнъ пересмотрѣлъ текстъ и переводъ рукописи, сдѣлалъ нѣкоторыя поправки и примѣчанія, и издалъ ее въ 1851 году въ Берлинѣ, съ посвященіемъ извѣстному Бунзену [10]). Единственный списокъ древняго сочиненія, которымъ могли воспользоваться Шварцъ и Петерманнъ для своего изданія, не представляетъ желаемой исправности; въ немъ не достаетъ конца, и въ срединѣ есть пропуски и перерывы. Редакція рукописи не представляется оригинальною; сочиненіе сохранилось на коптскомъ языкѣ, но по множеству встрѣчающихся въ немъ греческихъ терминовъ и оборотовъ можно предполагать, что это переводъ съ греческаго [11]). Было ли это произведеніе въ самомъ греческомъ подлинникѣ совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, или оно было передѣлкою другаго еще болѣе древняго еретическаго сочиненія, на это не представляется ясныхъ данныхъ [12]). Не яснымъ представляется и то, есть ли это одно цѣльное произведеніе, или соединеніе нѣсколькихъ написанныхъ впрочемъ въ одинаковомъ духѣ и строѣ [13]). Такимъ образомъ самая

---

[10]) Pistis Sophia opus Gnosticum ed Petermann. Berolini. MDCCCLI: въ подлинникѣ 391 страница, въ латинскомъ переводѣ 243. Французскій переводъ этого сочиненія у Migne въ Dictionnaire des apocryphes T. I, part. 2—подъ заглавіемъ le livre de la fidele Sagesse.

[11]) Греческіе, еврейскіе и другіе (въ иныхъ мѣстахъ неизвѣстно—съ какого языка) сектантскіе термины оставлены издателями безъ перевода и въ латинскомъ текстѣ: потому каждая почти страница латинскаго перевода представляется изпещренною иноязычными терминами.

[12]) Нѣкоторыя предположенія относительно этого будутъ нами представлены въ болѣе удобномъ для разъясненія мѣстѣ.

[13]) Pistis Sophia по содержанію своему въ настоящемъ видѣ распадается главнымъ образомъ на двѣ части. Первая часть (1—357 стр. коптскаго подлинника и 1—223 латин. перевода) представляетъ бесѣды Іисуса Христа явившагося ученикамъ своимъ *на горѣ Масличной* (in

библіографическая сторона этого памятника въ настоящее время не представляется еще твердо обслѣдованною. По содержанію своему этотъ памятникъ представляетъ замѣчательныя данныя для исторіи древняго сектантства, собственно той отрасли его, которая извѣстна подъ названіемъ гностицизма. Pistis Sophia — есть собраніе бесѣдъ, которыя будто бы имѣлъ Іисусъ Христосъ съ Матерью Своею, учениками и ученицами по воскресеніи *у моря Океана и на горѣ Масличной*, съ которой Онъ вознесся въ горній міръ, и на которой опять черезъ нѣсколько времени явился ученикамъ въ необыкновенномъ свѣтѣ и въ сопровожденіи множества высшихъ духовныхъ силъ. Бесѣды эти будто бы тутъ же на мѣстѣ по приказанію Іисуса Христа записаны были апостолами Филиппомъ, Матѳеемъ и Іоанномъ. Въ этихъ бесѣдахъ Іисусъ Христосъ раскрываетъ ученикамъ своимъ высшія тайны міроваго устройства, искупленія и будущей судьбы людей въ духѣ совершенно гностическомъ [12]. Сочиненіе имѣетъ рѣзкій еретическій характеръ и исполнено многими чрезвычайно оригинальными воззрѣніями и фантастическими образами. Такимъ образомъ оно представляетъ весьма важный памятникъ для исторіи гности-

---

monte olivarum) *послѣ вознесенія на небо* (стр. 6—7 подлинника и 5—6 перевода). Вторая часть (357—391 стр. подлинника и 223—243 перев.) представляетъ бесѣды Христа съ учениками *по воскресеніи — у моря Океана* (ad mare Οκεάνου). Такимъ образомъ вторая часть по хронологическому порядку бесѣдъ должна бы быть помѣщена на мѣсто первой и наоборотъ; но по содержанію бесѣдъ представляется болѣе соотвѣтственнымъ то размѣщеніе ихъ, какое теперь есть въ памятникѣ, потому что въ первой части Христосъ раскрываетъ ученикамъ главнымъ образомъ вопросы космогоническіе и сотеріологическіе, а во второй — эсхатологическіе.

[12]) Участниками въ бесѣдахъ со Христомъ являются—Его Мать Марія и другая Марія Магдалина, Саломія, Марѳа, и ученики Петръ, Андрей, Іоаннъ, Филиппъ, Іаковъ, Матѳей, Варѳоломей. Ученики и женщины наперерывъ другъ передъ другомъ предлагаютъ Христу различные вопросы. Христосъ объясняетъ имъ тайны міроздапія и искупленія. Болѣе всего говорятъ со Христомъ двѣ Маріи, такъ что въ ученикахъ является негодованіе на то, что женщины говорятъ такъ много, и Петръ въ одномъ мѣстѣ хочетъ даже угрозой заставить замолчать Марію Магдалину (см. стр. 161 подлинника, 103 перевода).

цизма — памятникъ цѣнный тѣмъ болѣе, что другихъ значительныхъ сочиненій, характеризующихъ воззрѣнія древнихъ гностиковъ (за исключеніемъ отрывковъ у писателей церковныхъ), до насъ не сохранилось. Тѣмъ не менѣе однакожъ въ пользованіи этимъ памятникомъ представляются тѣ же затрудненія, какія и въ пользованіи Клементинами. Въ самомъ памятникѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, къ какой изъ многочисленныхъ гностическихъ сектъ онъ принадлежалъ, и къ какой эпохѣ развитія гностицизма относился [15]), а между тѣмъ секты гностическія были весьма многочисленны, и гностицизмъ въ разныя эпохи своего развитія существенно мѣнялъ свой характеръ. У древнихъ писателей церковныхъ объ этомъ памятникѣ нѣтъ ни одного прямаго упоминанія [16]). Въ самомъ содержаніи памятника есть много воззрѣній, сходныхъ съ воззрѣніями нѣсколькихъ извѣстныхъ намъ по другимъ источникамъ гностическихъ сектъ. Но въ цѣльномъ строѣ этихъ воззрѣній есть опять много такого, что не подходитъ ни къ одной изъ извѣстныхъ гностическихъ сектъ. Поэтому содержаніемъ Pistis Sophia и западные ученые пользуются доселѣ очень мало, и самый вопросъ о происхожденіи его остается также почти не разъясненнымъ [17]). Чтобы разъяснить этотъ вопросъ,

---

[15]) Между самыми первыми издателями памятника относительно происхожденія его вышло разногласіе: Шварцъ отнесъ его къ сектѣ валентиніанъ, Петерманъ къ офитской (см. Praefatio). Нѣкоторыя основанія для того и другаго мнѣнія есть въ содержаніи памятника; но болѣе основательное изученіе развитія гностицизма должно, намъ кажется, привести къ новому предположенію относительно происхожденія Pistis Sophia, которое будетъ нами представлено въ своемъ мѣстѣ.

[16]) Съ какими изъ упоминаемыхъ у Иринея и Епифанія гностическихъ апокрифовъ можно сблизить настоящее произведеніе, объ этомъ также будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[17]) Единственная, сколько намъ извѣстно, статья спеціально написанная о Pistis Sophia — Кёстлина, in den Tüb. Theolog. Jahrbüchern, 1854 г. Новѣйшіе изслѣдователи гностицизма — Гильгенфельдъ, Липсіусъ въ своихъ работахъ касаются иногда содержанія Pistis Sophia, но лишь по частнымъ и очень немногимъ вопросамъ. Въ новыхъ исторіяхъ церкви Pistis Sophia въ числѣ другихъ источниковъ ставится иногда въ заголовокъ отдѣленія о гностицизмѣ; но не видно, чтобы изученіе этого памятника въ чемъ либо вліяло на измѣненіе или пополненіе сложившихся понятій о развитіи гностицизма. См. напр. Шаффа Geschichte der alten Kirche 1 Abthel. § 70 и дальнѣйшіе.

и воспользоваться заключающимся въ Pistis Sophia матеріаломъ, необходимо напередъ опредѣлить мѣсто этого произведенія въ исторіи развитія гностическихъ ученій, какъ она можетъ быть извѣстна намъ по другимъ болѣе яснымъ источникамъ. Такимъ образомъ и этотъ памятникъ для исторіи древняго сектантства имѣетъ такое же значеніе какъ и клементины, т. е. не первоначальное и основное, а дополнительное; не съ него можно начинать изученіе гностицизма, а значеніе его самаго можно опредѣлить лишь по тщательномъ изученіи гностицизма изъ другихъ источниковъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ извѣстный англійскій оріенталистъ Куртонъ нашелъ въ Нитрійскомъ монастырѣ древнюю сирскую рукопись (VI или VII вѣка), содержащую между прочимъ древній памятникъ подъ заглавіемъ: «Книга о законахъ странъ или о народныхъ обычаяхъ» (въ нѣмецкомъ переводѣ Das Buch der Gesetze der Länder), діалогъ извѣстнаго гностика Вардесана (жившаго во второй половинѣ II столѣтія) съ его учениками о различныхъ нравственныхъ вопросахъ [18]). Этотъ памятникъ, по сличеніи его съ извѣстіями о приписываемыхъ Вардесану древними церковными учителями писаніяхъ, оказался тѣмъ же, какой извѣстенъ былъ Евсевію, Епифанію и Іерониму подъ названіемъ Вардесанова сочиненія о судьбѣ, или противъ судьбы (περὶ εἱμαρμένης или κατὰ εἱμαρμένης [19]).

---

[18]) Этотъ діалогъ изданъ Куртономъ въ извѣстномъ собраніи сирскихъ памятниковъ: Spicilegium Syriacum. London. 1855 г. Нѣмецкій переводъ его, которымъ мы будемъ пользоваться, въ изслѣдованіи Меркса „Bardesanes von Edessa“ Halle 1863 г.

[19]) См. Eusebii Histor. Ecclesiae Lib. IV, cap. 30, и его же Praeparationes evangelicae VI, 9—10, Epiphanii Πανάριος Lib. II, Tom. I. Haeres. LVI, cap. 1.; Hieronymi De viris illustribus Cap. XXVIII. Упоминаніе объ этомъ памятникѣ, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Вардесана, есть также въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, гл. LXVI. См. русск. переводъ Эмина Москва. 1858 г. Доказательство тождества новооткрытаго діалога съ извѣстнымъ въ древности Вардесановскимъ сочиненіемъ о судьбѣ основывается главнымъ образомъ на указанномъ мѣстѣ Praeparation. evangel. Здѣсь Евсевій приводитъ въ греческомъ текстѣ два мѣста изъ приписываемаго Вардесану сочиненія о судьбѣ. Эти два мѣста съ нѣкоторыми лишь разностями въ выраженіяхъ находятся и въ

Ни то, ни другое названіе не выражаютъ впрочемъ точно самаго содержанія этого произведенія. Надписаніе «о законахъ странъ или о народныхъ обычаяхъ», можетъ относиться только къ послѣдней части произведенія, въ которой Вардесанъ для подтвержденія нравственной мысли проводимой имъ во всемъ сочиненіи дѣйствительно описываетъ различные обычаи 12 народовъ Востока и Запада [20]). Названіе «о судьбѣ» болѣе отвѣчаетъ содержанію діалога, такъ какъ Вардесанъ большею частію занимается здѣсь опроверженіемъ астрологическаго ученія о судьбѣ. Но главная мысль, раскрываемая въ діалогѣ есть мысль о свободномъ самоопредѣленіи людей, о причинахъ различія въ нравственномъ характерѣ дѣйствій человѣческихъ, о происхожденіи зла въ родѣ человѣческомъ, и эта мысль раскрывается здѣсь весьма возвышенно и съ замѣчательною логикой. По изложенію діалога видно, что онъ писанъ не самимъ Вардесаномъ; о Вардесанѣ въ діалогѣ говорится въ 3-мъ лицѣ, а записанъ за нимъ его ученикомъ Филиппомъ, такъ что ученіе раскрываемое здѣсь можетъ быть приписываемо Вардесану лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ извѣстныя мысли въ діалогахъ Платона приписываются Сократу. Тѣмъ не менѣе однакожъ діалогъ остается для насъ замѣчательнымъ памятникомъ древности, имѣвшимъ происхожденіе въ сектантскомъ кругу. О времени происхожденія па-

---

новооткрытомъ сирскомъ діалогѣ (см. Меркса Bardesanes, стр. 11—12) Предполагаютъ, что новооткрытый діалогъ есть самый сирскій подлинникъ того сочиненія о судьбѣ, которое Евсевій и Епифаній читали въ греческомъ переводѣ. Основаніемъ для этого предположенія представляется то, что сирскій текстъ отличается большею чистотою и ясностью сравнительно съ греческимъ изложеніемъ указанныхъ мѣстъ у Евсевія. О Вардесанѣ притомъ вообще извѣстно, что онъ и его ближайшіе ученики писали свои сочиненія по сирски, и эти сочиненія были переводимы на греческій языкъ (Euseb. Histor. lib. IV, cap. 30; Theodoreti Fabularum haeretic. Epitome Lib., 1 cap. 22). Впрочемъ нѣкоторые ученые (Land въ Anecdota Syriaca Leyden 1862 p. 51) различаютъ новооткрытый діалогъ отъ вардесановскаго писанія о судьбѣ; но основанія для этого недостаточны (сравни Merx. Bardesanes-Nachträge, стр. 115 и далѣе.

[20]) Въ этихъ описаніяхъ вѣроятно найдутся любопытныя данныя для древней этнографіи.

мятника ученые разногласятъ. Евсевій и Епифаній [21]) по преданію сохранявшемуся въ древности сообщаютъ, что Вардесанъ, по примѣру многихъ христіанскихъ апологетовъ II вѣка, представилъ сочиненіе противъ языческаго ученія о судьбѣ римскому императору Антонину. Но какому Антонину? Одни ученые вмѣстѣ съ Евсевіемъ разумѣютъ здѣсь Антонина Пія, другіе съ Епифаніемъ—Антонина Вера, иные наконецъ Антонина Геліогабала [22]). Во всякомъ случаѣ разногласіе касается здѣсь лишь нѣсколькихъ десятилѣтій, и не отнимаетъ значенія глубокой древности у памятника. Но дѣло въ томъ, что хотя этотъ памятникъ несомнѣнно древній и несомнѣнно вышедшій изъ сектантскаго круга, однакоже онъ не даетъ почти никакихъ, по крайней мѣрѣ прямыхъ данныхъ для исторіи сектантства. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыми изъ новыхъ ученыхъ совсѣмъ заподозривается еретическій складъ воззрѣній Вардесана [23]), нужно сказать, что по крайней мѣрѣ въ настоящемъ діалогѣ Вардесанъ не высказываетъ ничего прямо еретическаго. Вардесанъ совсѣмъ не касается здѣсь тѣхъ метафизическихъ и космогоническихъ представленій, которыя привели его къ противорѣчію съ христіанскимъ догматомъ, и за которыя церковные учители признали его еретикомъ, но разсматриваетъ главнымъ образомъ нравственный вопросъ, занимавшій въ то время и другихъ христіанскихъ богослововъ, и разсматриваетъ его съ чисто христіанской, и какъ мы уже сказали—весьма возвышенной нравственной точки зрѣнія. Поэтому-то о діалогѣ Вардесана, несмотря на приписываемое ему происхожденіе отъ еретика, отзывались съ большою похвалой и такіе церковные писатели, какъ Евсевій, Епифаній и Іеронимъ [24]). Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ діалога нахо-

---

[21]) Даты въ примѣч. 19-мъ.

[22]) Сравненія этихъ мнѣній у Меркса, стр. 13 и дал.

[23]) См. напр. Липсіуса статью о гностицизмѣ въ Енциклопедіи Эрша и Грубера Sect. I, Th. 71 Seit. 303—304.

[24]) Евсевій сочиненіе Вардесана называетъ *очень дѣльнымъ*, Епифаній *согласнымъ съ благочестивою вѣрою*, Іеронимъ *славнѣйшимъ и мужественнѣйшимъ* (liber clarissimus et fortissimus). *Цитаты вышеуказанные.*

дятъ возможнымъ указать нѣкоторое отраженіе идей гностической эманаціи и гностическаго докетизма [25]); но это возможно развѣ при самомъ внимательномъ и строгомъ изслѣдованіи, и при сравненіи сомнительныхъ мѣстъ діалога съ другими пунктами воззрѣній Вардесана болѣе опредѣленными въ сектантскомъ смыслѣ, которые могутъ быть извѣстны изъ другихъ источниковъ, т. е. изъ обличительныхъ писаній церковныхъ учителей, направленныхъ противъ Вардесана, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Такимъ образомъ и Вардесановскій діалогъ никакъ не можетъ быть принятъ въ число прямыхъ источниковъ для исторіи древняго сектантства, а можетъ быть опять развѣ только вспомогательнымъ источникомъ для освѣщенія замѣчательной личности гностика Вардесана и воззрѣній, распространенныхъ между его учениками.

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ доселѣ сохранившихся въ цѣльномъ видѣ древнихъ памятниковъ сектантскаго характера или сектантскаго происхожденія выводится одинъ общій результатъ, что эти памятники могутъ служить не прямыми и первоначальными, а лишь вспомогательными и дополнительными источниками въ изученіи исторіи древнихъ ересей, что не съ нихъ поэтому можно начинать изученіе этой исторіи, а напротивъ эти самые памятники понять и оцѣнить, и содержаніемъ заключающимся въ нихъ воспользоваться можно лишь по изученіи сектантства изъ другихъ болѣе прямыхъ и ясныхъ источниковъ. Поэтому мы и ограничимся пока немногимъ здѣсь сказаннымъ о сектантскихъ памятникахъ, т. е. краткими библіографическими данными о нихъ. Любопытное содержаніе этихъ памятниковъ и важные вопросы возбуждаемые ими вызываютъ сказать о каждомъ изъ нихъ гораздо больше; но для ясности дѣла намъ будетъ удобнѣе возвратиться къ этому содержанію и этимъ вопросамъ въ другихъ мѣстахъ, именно при изложеніи самой исторіи и характеристикѣ воззрѣній тѣхъ сектъ, среди которыхъ получили происхожденіе или имѣли особенное значеніе означенные памятники.

---

[25]) См. 3-ю главу изслѣдованія Меркса: Das System des Bardesanes.

Кромѣ произведеній чисто сектантскихъ, несомнѣнно еретическихъ, до насъ дошло отъ христіанской древности значительное число памятниковъ характера такъ сказать неопредѣленнаго смѣшаннаго, направленія какъ бы средняго между церковнымъ и сектантскимъ. Мы разумѣемъ здѣсь разные такъ называемые апокрифическіе памятники: апокрифическія евангелія, дѣянія апостоловъ, апокалипсисы, пророческія книги [26]). Въ основѣ этихъ памятниковъ, какъ извѣстно, много преданій церковнаго характера; но къ нимъ присоединено мно-

---

[26]) Наиболѣе извѣстныя изданія апокрифовъ: Fabricii-Codex pseudepigraphicus veteris Testamenti et Codex apocryphus novi Testamenti, къ нему Birchii-Auctarium codicis apocryphi Fabriciani, Thilo Codex apocryphus novi Testamenti, Tischendorf-evangelia apocrypha, acta apostolorum apocrypha, apocalypses apocryphae. Нѣмецкій переводъ наиболѣе замѣчательныхъ апокрифовъ — Borberg Bibliothek der neu-Testam. Apocryphen. Stuttgart. 1841. Французское изданіе большей части извѣстныхъ до 60-хъ годовъ апокрифовъ Migne—Dictionnaire des apocryphes. У насъ изданія старо-славянскихъ апокрифовъ Пыпина и Костомарова—„Памятники старинной русской литературы", Тихонравова — „Отреченныя книги древней Руси". Въ новомъ русскомъ переводѣ были напечатаны только первоевангеліе Іакова и половина Евангелія Никодимова въ „Православномъ Обозрѣніи" 1860 г. №№ 1 и 3, и еще армянскій апокрифъ объ Успеніи Божіей Матери „Прав. Обозр." 1874, № 1 и 1876 г. № 1. Замѣчательнѣйшее изслѣдованіе объ апокрифахъ, касающееся впрочемъ только евангелій апокрифическихъ Tischendorf de evangeliorum apocryphorum origine et usu. Hagae, 1851. Также Arens—de evangelior apocryphor. usu. 1835; Hoffmann—Das Leben Jesu nach den Apocryphen—Leipz. 1851. Объ отдѣльныхъ апокрифахъ много статей въ нѣмецкихъ журналахъ и особыхъ изслѣдованій Эвальда, Кестлина, Дилльмана, Нича, Фолькмара, Гильгенфельда (его же отдѣльное изданіе вновь изслѣдованныхъ апокрифовъ ветхозавѣтныхъ „Messias iudaeorum". Lipsiae 1869). На французскомъ языкѣ: Pons Recherches sur les apocryphes de Nouveau Testament. Montoban. 1850. M. Nicolas-Etude sur les evangiles apocryphes. Paris. 1865. Изъ общихъ статей о псевдоэпиграфахъ В. и Н. Зав. см. статьи Гофмана и Дильмана въ Real-encyclopedie v. Herzog. T. XII. Моверса объ апокриф. лит. въ Kirchen-Lexicon Wetzer und Welte. На русск. языкѣ объ апокрифахъ касающихся ветхозавѣтныхъ лицъ и событій изслѣдованіе Порфирьева. Казань. 1873, и архим. Михаила въ „Чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просв." 1872, кн. I. Объ апокрифическихъ евангеліяхъ свящ. Альбова, въ „Христ. Чтеніи" 1871 г. №№ 1 и 7 и 1872 г. №№ 6, 7 и 8 и въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад. 1861 г., переводъ изъ Фреппеля, объ апокрифахъ касающихся Успенія Божіей Матери, свящ. Смирнова и Ѳ. Эмина въ „Правосл. Обозрѣніи" 1873 г. № 4, 1874 № 1 и 1876 г. № 1. Изъ общихъ статей въ Энциклопед. словарѣ изд. русск. учеными въ 1862 г. Т. V.

го вымысловъ сомнительнаго происхожденія, въ нихъ встрѣчается не мало идей не соотвѣтствующихъ чистому церковному ученію. Извѣстно, что памятники подобнаго рода находились въ большомъ употребленіи у древнихъ сектантовъ [27]). Многіе изъ нихъ можетъ быть и получили свое происхожденіе среди сектантства [28]). И до настоящаго времени сохра-

---

[27]) См. Иринея противъ ересей, кн. I, гл. XX, 1; кн. III, гл. XI, 9. Епифан. Панарій ер. XXVI, 2, 8, 12; ер. XXX, 13, 15, 23. Оригенъ Homil. 1 in Luc. Іеронимъ Praefat. in Math. и много другихъ мѣстъ у писателей церковныхъ, которыя по мѣстамъ будутъ указываемы ниже.

[28]) Вопросъ о происхожденіи древнихъ апокрифовъ весьма сложный и недостаточно разъясненный. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе его, но лишь коснемся въ немъ тѣхъ сторонъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему предмету. Большая часть изслѣдователей, занимавшихся древними апокрифами, слишкомъ сильно, намъ кажется, настаиваютъ на сектантскомъ происхожденіи ихъ. Напр. главный авторитетъ въ этомъ дѣлѣ Тишендорфъ склоненъ видѣть сектантское происхожденіе и сектантскій характеръ не только въ такихъ апокрифахъ, какъ Евангеліе Ѳомы, но и въ такихъ какъ первоевангеліе Іакова и евангеліе Никодима (особенно во второй его части—descensus ad inferos); но вопросъ о происхожденіи апокрифическихъ сказаній и отношеніи ихъ къ древнему сектантству у Тишендорфа, по нашему мнѣнію, самая слабая часть какъ въ его разсужденіи de origine et usu apocryphorum, такъ и въ его Prolegomena-хъ къ изданіямъ апокр. евангелій, дѣяній апостольскихъ и апокалипсисовъ. Основаніемъ для предположенія о сектантскомъ происхожденіи большей части апокрифовъ служитъ главнымъ образомъ то, что апокрифы, по свидѣтельству древнихъ учителей церкви находились въ большомъ употребленіи у сектантовъ. Но сектантское употребленіе апокрифовъ не служитъ еще доказательствомъ ихъ сектантскаго происхожденія. Могло случаться и несомнѣнно случалось, что извѣстный памятникъ получившій свое начало среди церковныхъ христіанъ входилъ въ употребленіе между сектантами и наоборотъ. Самый вопросъ о томъ, тѣ ли апокрифы, какіе нынѣ существуютъ подъ извѣстными именами, находились въ употребленіи у древнихъ сектантовъ и въ томъ же ли видѣ, какъ теперь существуютъ, требуетъ еще, какъ сказано будетъ ниже, внимательнѣйшаго разсмотрѣнія. Свидѣтельства церковныхъ писателей IV и V вѣка — Кирилла Іерусалимскаго, Епифанія, Августина и позднѣе папы Геласія о сектантскомъ преимущественно манихейскомъ происхожденіи большей части апокрифовъ также не могутъ служить здѣсь твердымъ основаніемъ; писатели болѣе ранніе — Климентъ Александрійскій, Оригенъ, высказываются по этому предмету не такъ опредѣленно. Въ IV и V вв. образовалось уже слишкомъ строгое отношеніе къ древнимъ апокрифическимъ сказаніямъ; происхожденіе большей части апокрифическихъ сказаній приписано было наиболѣе представлявшейся опасною въ то время

нилось не мало древнихъ апокрифовъ съ тѣми же самыми именами, съ какими по свидѣтельству древнихъ учителей церкви употреблялись они въ первые вѣка христіанства въ разныхъ еретическихъ сектахъ. Таковы напр. евангеліе Ѳомы, апокрифическія дѣянія апостоловъ Андрея и Филиппа, Откровеніе Павла, апокрифическія писанія Варуха, восхожденіе Исаіи, видѣніе Исаіи и т. д. Не могутъ ли эти памятники служить намъ источниками для изученія древнихъ сектантскихъ воззрѣній? По тѣсной связи исторіи апокрифовъ съ исторіею сектантства, и по множеству открытыхъ уже и вновь открываемыхъ памятниковъ этого рода, здѣсь представляется на первый взглядъ богатый матеріалъ для изученія древняго сектантства. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія этихъ памятниковъ оказывается, что заключающійся здѣсь матеріалъ также мало можетъ представить непосредственныхъ данныхъ для исторіи сектантства, въ особенности древняго. Содержаніе большей части апокрифическихъ сказаній не догматическое, а легендарное; такимъ образомъ въ нихъ мы не можемъ найти прямаго

изъ восточныхъ ересей—манихейской ереси (Левкію Харину, Ѳомѣ Манихеянину); и манихеямъ приписывалось въ это время происхожденіе и такихъ апокрифовъ, которые, по мнѣнію новыхъ ученыхъ, получили свое начало ранѣе появленія самаго манихейства, наприм. Евангелія Ѳомы. Все это требуетъ болѣе тщательнаго перезслѣдованія и повѣрки. Мы впрочемъ не думаемъ отвергать сектантскаго происхожденія значительной части апокрифовъ. Мы полагаемъ, что многіе изъ нихъ дѣйствительно получили свое начало у сектантовъ, другіе вышедши изъ среды церковныхъ христіанъ преимущественно распространялись между сектантами; сектантство несомнѣнно и представляло особенныя удобства и имѣло особенныя побужденія къ образованію и распространенію апокрифическихъ сказаній. Но мы хотимъ сказать только то, что вопросы о происхожденіи апокрифовъ, объ отношеніи ихъ къ древнему сектантству, и о томъ, тѣ ли самые апокрифы находились въ обращеніи у древнихъ сектантовъ, какіе дошли до нашего времени, и въ томъ же ли видѣ, какъ они теперь существуютъ, требуютъ болѣе обстоятельныхъ изслѣдованій, какихъ нѣтъ въ настоящее время не только въ нашей, но и въ западныхъ литературахъ. Мы не можемъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ, которые съ предметомъ нашего изслѣдованія только соприкасаются; но будемъ пользоваться случаями, при изложеніи самой исторіи древнихъ сектъ указывать на тѣ данныя, которыя могутъ имѣть отношеніе къ разъясненію вопроса объ апокрифахъ.

изложенія сектантскихъ ученій какихъ бы то ни было. Правда, и самыя легенды употреблялись нерѣдко сектантами именно для прикрытія и проведенія въ народъ ихъ еретическихъ воззрѣній. Но сектанты дѣлали это такъ искусно, что даже и ихъ непосредственные современники и слушатели не могли сразу подъ внѣшнею формой легендарнаго сказанія, повидимому совершенно наивнаго, открывать внутренній смыслъ сектантскихъ воззрѣній и тенденцій. Въ настоящее же время находить соотношенія между непосредственнымъ смысломъ легендарныхъ апокрифическихъ сказаній и воззрѣніями разныхъ еретическихъ сектъ, можно только тогда, когда уже напередъ извѣстны эти послѣднія изъ другихъ болѣе ясныхъ источниковъ. Такимъ образомъ и здѣсь изученіе сектантства должно предшествовать изученію содержанія самыхъ апокрифовъ, а не наоборотъ; и не столько послѣднее представляется важнымъ для перваго, сколько первое для послѣдняго.

При этомъ представляется еще нѣсколько важныхъ соображеній, которыя должны еще болѣе ограничить значеніе историческаго матеріала доставляемаго намъ сохранившимися апокрифическими сказаніями для изученія древняго сектантства. 1) Хотя до нашего времени сохранилось много апокрифическихъ памятниковъ древности, и многія изъ нихъ носятъ тѣ же самыя названія, какія носили древніе сектантскіе апокрифы; но большая часть сектантскихъ апокрифовъ, и именно древнѣйшіе изъ нихъ, и въ особенности тѣ, въ которыхъ наиболѣе отражались сектантскія воззрѣнія, и которыя поэтому могли бы имѣть наиболѣе значенія для исторіи древняго сектантства, не дошли до насъ. Такъ давно уже (вѣка съ V большею частію, а нѣкоторые и раньше) утратились наиболѣе извѣстныя въ древности сектантскіе апокрифы: евангелія евреевъ и египтянъ, евангелія Петра, Филиппа, Іуды Искаріотскаго, евангелія Валентина, Василида и Апеллеса, писанія Маркіонова канона [29]),

[29]) Нѣмецкій ученый Ганъ, на основаніи многочисленныхъ показаній относительно содержанія Маркіонова евангелія, представляющихся у Тертулліана, Епифанія и друг. древнихъ церковныхъ писателей, сдѣлалъ

пророчества гностическихъ пророковъ Баркофа, Баркабу и Пархора, прорицанія Филумены и Прискиллы и мн. др. И если мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи этихъ апокрифовъ то только по извѣстіямъ о нихъ переданнымъ древними учителями церковными [30]). 2) Нѣкоторые изъ сохранившихся до настоящаго времени апокрифовъ носятъ тѣ же названія, какія имѣли древніе сектантскіе апокрифы, но по содержанію представляются совершенно отличными отъ нихъ. Напр. въ недавно открытомъ древнемъ памятникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Φιλοσοφούμενα» передается весьма характерное въ сектантскомъ смыслѣ содержаніе апокрифической книги Варуха, еще во II вѣкѣ находившейся въ употребленіи у одной изъ гностическихъ сектъ [31]). До нашего времени сохранилось нѣсколько апокрифовъ съ именемъ Варуха. Кромѣ книги этого имени находящейся въ нашей Библіи, давно извѣстно было въ латинскомъ переводѣ (съ Сирскаго) апокрифическое посланіе Варуха [32]); недавно найдена въ сирскомъ и еѳіопскомъ текстѣ новая апокрифическая книга Пророчества Варуха [33]); въ

замѣчательную попытку возстановить текстъ Маркіонова евангелія (которое было впрочемъ только искаженнымъ евангеліемъ Луки), въ полномъ его видѣ. Эта возстановленная редакція давно утраченнаго памятника перепечатана у Thilo въ Codex apocryphus. Но здѣсь только одна часть Маркіонова канона, и притомъ вѣрность возстановленной редакціи можетъ быть конечно только предположительная.

[30]) Подробное перечисленіе апокрифовъ извѣстныхъ въ древности, но не дошедшихъ до насъ: у Фабриціуса—Codex apocryphus, у Миня—Dictionnaire des apocryphes—у Диллмана и Гофмана—Real-enzyclopedia v. Herzog. T. XII. Здѣсь же и свидѣтельства древнихъ учителей церковныхъ объ апокрифахъ, употреблявшихся въ различныхъ сектахъ. Наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ свидѣтельствъ будутъ указываемы нами, гдѣ нужно, при самомъ изложеніи исторіи сектъ.

[31]) Φιλοσοφούμενα I, 6. V cap. 24—27.

[32]) Латинскій переводъ у Фабриціуса — Codex pseudepigrap. V. Test, французскій—у Миня—Diction. d. apocryphes.

[33]) Латинскій переводъ сирскаго текста у Ceriani—Monumenta sacra et profana—Mediolani 1866, и у Fritzsche – Libri pseudepigraphi Veteris Testamenti—Lipsiae 1871; еѳіопскій текстъ пророчества Варуха у Диллмана—Chrestomathia Aethiopica Lips. 1866, и нѣмецкій переводъ Преторіуса въ Гильгенфельдовскомъ Zeitschrift für wissenschaft. Theologie. 1872.

нашихъ старо-славянскихъ рукописяхъ встрѣчается «Откровеніе Варуха» [34]). Но ни одинъ изъ этихъ апокрифовъ по своему содержанію не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ замѣчательнымъ апокрифомъ, о которомъ упоминается въ *Философуменахъ*. Точно также существующія въ латинской редакціи два псевдо-евангелія Матѳея несомнѣнно не тотъ апокрифъ, какой употреблялся у древнихъ сектантовъ съ этимъ названіемъ. Объ одномъ изъ этихъ латинскихъ апокрифовъ съ основательностью предполагаютъ, что онъ составленъ былъ въ концѣ IV или въ началѣ V вѣка именно какъ бы въ опроверженіе и замѣну манихейскаго евангелія Матѳея [35]), другой составленъ еще въ болѣе позднее время. Точно также въ концѣ IV вѣка какъ бы въ замѣну находившагося въ обращеніи между еретиками откровенія или восхожденія Павлова составленъ былъ (или какъ тогда говорили, по особенному указанію Божію открытъ въ бывшемъ домѣ Павловомъ—въ Тарсѣ) новый апокрифъ видѣніе Павла [36]). Есть основанія предполагать что даже самые древнѣйшіе изъ существующихъ нынѣ апокрифовъ, составленіе которыхъ относится учеными большею частію ко II вѣку такъ-называемое перво—евангеліе Іакова и евангеліе дѣтства Христова Ѳомы, во II вѣкѣ у еретиковъ были не тѣ, какія мы теперь знаемъ [37]). 3) Если нѣкоторые изъ существующихъ апокрифовъ напр. дѣянія Андрея, Филиппа, Ѳомы—въ основѣ своей тѣже, какіе употреблялись у древнихъ сектантовъ съ означенными именами, то весьма сомнительно, чтобы настоящая редакція ихъ была такая же, какая существовала у древнихъ сектантовъ. Большая часть

---

[34]) См. описаніе слав. рукописей моск. синод. библіотеки № 330. Въ печати скоро надѣемся видѣть этотъ апокрифъ въ III томѣ памятниковъ отречен. русск. литературы проф. Тихонравова.

[35]) См. Тишендорфа De origine et usu evang. apocryph. P. I. § II; также Prolegomena къ этимъ апокрифамъ въ самыхъ изданіяхъ Тишендорфа и Тило.

[36]) См. у Тишендорфа въ „Apocalypses apocryphae“ prolegomena и самое начало „Откровенія Павлова“ (оно въ первый разъ и напечатано въ этомъ изданіи); сравни Созомена церков. истор. кн. III глав. 19.

[37]) Φιλοσοφουμενα Lib. V cap. 6—7.

средневѣковыхъ списковъ, въ которыхъ дошли до насъ древніе апокрифы, отличается большимъ разнообразіемъ нетолько въ орѳографическомъ отношеніи, но и по самому содержанію памятниковъ. Это разнообразіе происходило именно отъ того, что позднѣйшіе переписчики этого рода памятниковъ не только мало заботились объ исправномъ сохраненіи древней первоначальной редакціи ихъ, но нерѣдко и намѣренно измѣняли эту редакцію сообразно съ своими взглядами и цѣлями; причемъ конечно прежде всего имѣлось въ виду очищеніе древнихъ памятниковъ отъ всего вреднаго для христіанства, хульнаго, еретическаго [38]). Вообще древніе памятники, переходя отъ православныхъ христіанъ къ сектантамъ и отъ сектантовъ къ церковнымъ христіанамъ испытывали весьма существенныя измѣненія. Какъ еретики измѣняли и искажали не только апокрифическія, но и каноническія писанія, употреблявшіяся между церковными христіанами, принаровляя ихъ къ своимъ воззрѣніямъ, составляли свои собственныя писанія подъ тѣми же именами, подъ какими извѣстны были наиболѣе уважаемыя церковныя писанія, или подъ другими имѣющими такой же авторитетъ: точно также и церковные христіане, получая въ свое распоряженіе писанія находившіяся въ обращеніи между еретиками, наиболѣе характерныя изъ нихъ (въ сектантскомъ смыслѣ) совсѣмъ уничтожали, — другія передѣлывали, очищая по возможности отъ всего еретическаго, и принаровляя къ церковнымъ воззрѣніямъ и преданіямъ,—иные наконецъ памятники (есть основанія предполагать) замѣняли новыми писаніями собственнаго составленія, но подъ тѣми же именами, подъ какими извѣстны были наиболѣе характерные сектантскіе памятники [39]. При такомъ положеніи дѣла искать въ нынѣ суще-

---

[38]) О разнообразіи списковъ см. Тишендорфа de origine et usu P. II § 8 и Appendix, см. также всѣ prolegomena и notitia въ самыхъ изданіяхъ апокрифовъ. Въ частности о дѣяніяхъ Андрея, Филиппа и Ѳомы у Тишендорфа въ acta apostol. apocrypha prolegomena и въ apocalypses apocryphae additamenta.

[39]) Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь то уже указанное выше обстоятельство, что нѣкоторые изъ православныхъ апокрифовъ извѣст-

ствующихъ апокрифахъ, хотя бы и въ тѣхъ, которые дѣйствительно получили свое происхожденіе въ сектантскомъ кругу или имѣли обращеніе между сектантами, прямаго выраженія сектантскихъ воззрѣній трудно. Если и сохранились въ нѣкоторыхъ изъ нихъ немногія мѣста, которыя можно привести въ соотношенія съ извѣстными сектантскими ученіями, то большею частію мѣста обоюдныя неопредѣленныя, т.-е. такія, которыя могутъ быть понимаемы и въ сектантскомъ и не въ сектантскомъ смыслѣ,—которые находясь въ обращеніи между сектантами могли имѣть еретическій смыслъ, какъ выраженіе извѣстнаго еретическаго ученія, но переходя къ православнымъ удерживались ими въ простомъ легендарномъ смыслѣ безъ всякой задней еретической мысли. Чтобы выяснить еретическій смыслъ въ такого рода мѣстахъ, нужно напередъ знать, что въ извѣстной еретической сектѣ существовало ученіе имѣющее отношеніе къ разсматриваемому мѣсту апокрифическаго памятника, и нужно притомъ имѣть хоть какія-нибудь основанія для предположенія, что разсматриваемый памятникъ могъ находиться въ употребленіи въ означенной сектѣ. Такъ извѣстный разсказъ псевдо-евангелія Ѳомы объ обученіи Іисуса Христа грамотѣ можно привести въ связь съ ученіемъ гностиковъ Маркосіанъ о мистическомъ значеніи буквъ, если предположить, что этотъ памятникъ дѣйствительно получилъ происхожденіе или имѣлъ обращеніе

ныхъ наименованій какъ будто появляются именно въ то самое время, какъ изчезаютъ изъ употребленія еретическіе апокрифы тѣхъ же наименованій. Напр. латинское евангеліе православнаго псевдо-Матѳея является какъ бы въ замѣну манихейскаго апокрифа того же имени; видѣніе или откровеніе Павла составленное въ православномъ духѣ становится извѣстнымъ около того времени какъ прекращаются извѣстія о еретическомъ восхожденіи Павла и т. д. Вообще у писателей конца IV и начала V вѣка—у Епифанія, Августина, Іеронима, Ѳеодорита, мы встрѣчаемъ упоминанія о множествѣ еретическихъ апокрифовъ еще существовавшихъ въ то время. А потомъ въ дальнѣйшія времена о большей части этихъ апокрифовъ извѣстія совсѣмъ прекращаются,—и постепенно болѣе и болѣе появляются указанія на апокрифы съ тѣмъ содержаніемъ, какимъ мы теперь владѣемъ въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ.

между названными сектантами [40]); но для позднѣйшихъ вѣковъ—для читателей православныхъ онъ могъ остаться простою легендою о необыкновенной мудрости Іисуса Христа проявленной имъ еще въ дѣтствѣ. Точно также и большая часть чудесъ дѣтства Христова, разсказываемыхъ въ псевдоевангеліи Ѳомы и въ такъ-называемомъ арабскомъ евангеліи *дѣтства Христова* могутъ служить выраженіемъ лишь грубаго, но никакъ не прямо-еретическаго представленія о божественной силѣ Іисуса Христа. Самыя тѣ выраженія псевдоевангелія Ѳомы, по которымъ въ особенности заключаютъ о его гностическомъ происхожденіи («это дитя небесное; это или Богъ или ангелъ Божій» «это дитя неземнаго рожденія; оно родилось прежде созданія міра» отъ лица удивлявшихся необыкновеннымъ чудесамъ Іисуса Христа) могутъ быть понимаемы конечно въ сектантскомъ смыслѣ, когда мы приведемъ ихъ въ соотношеніе съ извѣстнымъ намъ изъ другихъ источниковъ докетическимъ представленіемъ гностиковъ [41]); но эти же выраженія могутъ быть понимаемы и безъ всякаго еретическаго смысла, такъ какъ подобныя имъ можно находить и въ совершенно православныхъ памятникахъ. Точно также тѣ мѣста изъ 2-й части евангелія Никодимова, на основаніи которыхъ заключаютъ о сродствѣ этого памятника съ воззрѣніями гностической секты Офитовъ (олицетвореніе ада и различеніе князя ада отъ сатаны, легенда о «Сиѳѣ, котораго Адамъ передъ смертію посылалъ къ вратамъ рая за цѣлебнымъ элеемъ), могутъ быть принимаемы какъ выраженіе офитскихъ воззрѣній, когда мы напередъ уяснимъ себѣ сущность офитскаго ученія изъ другихъ болѣе опредѣленныхъ источниковъ, и найдемъ какія-нибудь основанія для предположенія о томъ, что разсматриваемый памятникъ получилъ

---

[40]) Evangel. Thomae Israelitae cap. VI; сравни Иринея прот. ересей кн. I глав. 14.

[41]) Thomae evangel. cap. VII, XVII, XVIII. Сравни Тишендорфа de origine et usu P. I. § 10 и prolegomena у Тишендорфа и Тило.

происхожденіе или находился въ обращеніи между офитами [42]). Но безъ этого означенныя мѣста, какъ и весь памятникъ, могутъ быть объясняемы просто въ смыслѣ поэтическаго олицетворенія, фантастической легенды, создавшейся независимо отъ всякой еретической тенденціи, подъ вліяніемъ искренняго и благочестиваго христіанскаго чувства [43]). Не болѣе прямаго еретическаго смысла представляютъ и тѣ изъ апокрифическихъ дѣяній апостольскихъ, о которыхъ думаютъ, что они первоначальное происхожденіе свое получили отъ древнихъ еретиковъ [44]). Изъ всего этого можно видѣть, что въ содержаніи сохранившихся до настоящаго времени апокрифическихъ памятниковъ не представляется особенно значительнаго матеріала для изученія древняго сектантства, и этотъ источникъ можетъ быть принимаемъ во вниманіе въ исторіи сектантства, лишь какъ вспомогательный и дополнительный, когда предварительно извѣстныя мѣста апокрифическихъ памятниковъ, въ которыхъ можно предположить сектантскій смыслъ, будутъ приведены въ соотношеніе съ болѣе опредѣленными сектантскими доктринами извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ. Но отсюда же открывается и то, что если содержаніе сохранившихся до насъ апокрифическихъ памятниковъ не представ-

---

[42]) Nicodemi evangel. Cap. XIX, XX. Срав. Тишендорфа de origine P. I. § 15 и prolegomena у Тишендорфа и Тило.

[3]) Что содержаніе второй части евангелія Никодима не представляетъ въ настоящее время ничего прямо еретическаго и соблазнительнаго для непосредственнаго православнаго чувства, въ подтвержденіе этого, мы можемъ указать здѣсь на недавній частный, впрочемъ довольно характерный фактъ. Когда въ *Православ. Обозрѣніи* 1860 года по соображеніямъ цензурнаго свойства оказалось нужнымъ пріостановить печатаніе апокрифовъ въ русскомъ переводѣ; для печатанія представилась неудобною первая часть евангелія Никодима, (acta Pilati) въ которой по мнѣнію ученыхъ нѣтъ слѣдовъ еретичества, которая въ глубокой древности находилась въ употребленіи и уваженіи между православными христіанами, на которую въ первоначальной редакціи ея ссылалась еще св. Іустинъ философъ и Тертулліанъ, — а напротивъ вторая часть (descensus ad inferos), которая признается позднѣйшею, и въ которой ученые находятъ отраженіе еретическихъ воззрѣній, не встрѣтила затрудненій при напечатаніи.

[44]) См. Тишендорфа prolegomena ad acta apostolorum.

ляется особенно важнымъ для уясненія древней сектантской исторіи; то напротивъ уясненіе сектантской исторіи представляется весьма важнымъ для разъясненія вопроса о содержаніи, о происхожденіи и исторической судьбѣ наиболѣе замѣчательныхъ апокрифическихъ памятниковъ. Только при выясненіи древней сектантской исторіи изъ болѣе опредѣленныхъ источниковъ можно получить сколько-нибудь твердыя данныя для разрѣшенія вопросовъ, которые не могутъ не интересовать всѣхъ занимающихся апокрифическою литературой: на сколько древни дошедшіе до насъ апокрифы и гдѣ они первоначально произошли въ православной или сектантской средѣ, какое вообще ихъ отношеніе къ древнему сектантству,—тѣ ли въ настоящее время подъ извѣстными именами сохраняются у насъ апокрифы, какіе подъ тѣми же именами находились въ обращеніи у древнихъ сектантовъ, и въ томъ же ли видѣ они дошли до насъ, въ какомъ существовали въ древности, что̀ сектантскаго осталось въ настоящее время въ этихъ памятникахъ, и можно ли все то, что можетъ представляться сектантскимъ при извѣстныхъ объясненіяхъ, на самомъ дѣлѣ принимать за несомнѣнно сектантское. Несчитая разъясненіе этихъ вопросовъ своею спеціальною задачею, мы будемъ по мѣстамъ касаться ихъ при изложеніи исторіи древнихъ сектъ, насколько это будетъ имѣть отношеніе къ нашему главному предмету.

При этомъ считаемъ не лишнимъ указать еще на одно не лишенное значенія обстоятельство. Изъ извѣстныхъ въ настоящее время апокрифовъ наиболѣе представляютъ сродства съ древними сектантскими воззрѣніями и слѣдовательно наиболѣе имѣютъ значенія для исторіи древнихъ ересей, не самые древніе—не тѣ которыя сохранились въ старыхъ редакціяхъ V—IX вв. и вмѣстѣ съ другими значительными памятниками древней церковной письменности открыты въ рукописяхъ старыхъ монастырей и извѣстныхъ европейскихъ библіотекъ,—а позднѣйшія средневѣковыя—случайно найденныя у сектантовъ позднѣйшаго времени, или даже записанныя со словъ устнаго народнаго преданія книжниками послѣднихъ

вѣковъ и новѣйшими собирателями народныхъ преданій. Такъ напр. извѣстный отобранный средневѣковою инквизиціею у альбигойцевъ апокрифъ—Liber S. Ioannis [45]) и нѣкоторыя изъ открываемыхъ въ послѣднее время старо-славянскихъ легендъ, по всей вѣроятности переходившихъ къ намъ въ Россію отъ болгарскихъ и сербскихъ богомиловъ [46]) представляютъ гораздо болѣе элементовъ древняго гностическаго воззрѣнія, чѣмъ древнія апокрифическія евангелія Ѳомы, Іакова, Никодима, о которыхъ думаютъ, что они и самое происхожденіе свое получили отъ древнихъ гностиковъ. Этотъ повидимому странный фактъ, при указанныхъ уже нами выше соображеніяхъ объясняется довольно просто: наиболѣе дѣйствительный сектантскій характеръ и должны были удержать тѣ именно изъ апокрифическихъ произведеній, которыя представлялись наименѣе значительными, которыя болѣе далеки были отъ главныхъ центровъ церковной жизни — отъ Константинополя и Рима, и менѣе могли подвергаться бдительному надзору греческой и латинской цензуры и передѣлкамъ разныхъ церковныхъ книжниковъ не пренебрегавшихъ сохраненіемъ для потомства любопытныхъ памятниковъ хотя бы и сектантской древности, но не иначе какъ съ очищеніемъ ихъ отъ всего прямо-еретическаго. Но конечно средневѣковые апокрифы западно-европейскіе и наши восточные славянскіе, хотя и представляющіе въ себѣ нѣкоторое сродство съ древними сектантскими воззрѣніями, могутъ быть только принимаемы во вниманіе при объясненіи этихъ воззрѣній, но никакъ не могутъ быть прямыми источниками для исторіи древняго сектантства. Ибо прежде всего странно было бы вообще изучать и излагать исторію древнѣйшаго сектантства первыхъ трехъ вѣковъ по памятникамъ X — XIV и дальнѣйшихъ вѣковъ. При-

[45]) Напечатанъ у Тило pag. 884—896. Тишендорфъ не взялъ въ свое изданіе этотъ памятникъ, какъ позднѣйшій. Французскій переводъ его у Migne Diction. des apocryphes.

[46]) Извѣстныя у насъ собранія памятниковъ этого рода Тихонравова и Пыпина. Вѣроятно довольно еще найдется матеріала и для другихъ собирателей. Для историческаго же разъясненія этихъ произведеній остается еще многое сдѣлать.

томъ въ средневѣковой сектантской литературѣ, какъ и вообще въ воззрѣніяхъ средневѣковыхъ сектантовъ, хотя и есть много сроднаго съ древнѣйшими сектантскими воззрѣніями, но много и своихъ особенныхъ новыхъ элементовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ и національныхъ условій. Поэтому и разсматривать содержаніе этихъ памятниковъ удобнѣе въ связи съ исторіею средневѣковыхъ же, а не древнѣйшихъ христіанскихъ сектъ. Только первый ключъ къ ихъ объясненію, къ отдѣленію въ нихъ болѣе древнихъ и позднѣйшихъ элементовъ, къ объясненію ихъ происхожденія, первоначальнаго смысла и различныхъ измѣненій представляется опять въ исторіи древняго сектантства. Наконецъ и о средневѣковыхъ апокрифическихъ памятникахъ нужно сдѣлать то же замѣчаніе, какъ и о древнѣйшихъ. Сектантскій смыслъ этихъ памятниковъ самъ по себѣ до того неясенъ, до того прикрытъ внѣшнею легендарною формою, что для правильнаго разъясненія его нужно опять имѣть уже предварительное ясное знакомство съ сектантскими воззрѣніями по другимъ болѣе яснымъ источникамъ.

Изъ всего сказаннаго въ настоящей главѣ слѣдуетъ одно общее заключеніе. Мы должны отказаться отъ воспроизведенія древней сектантской исторіи по сектантскимъ же памятникамъ, какъ прямымъ догматическимъ, такъ и не прямымъ—апокрифическимъ. Эти памятники въ настоящее время представляются столь немногочисленными, столь отрывочными, такъ неяснымъ, такъ много потерпѣвшими измѣненій въ своихъ редакціяхъ, что для объясненія ихъ самихъ нужно напередъ быть знакомымъ съ исторіею древнихъ сектъ по другимъ болѣе яснымъ источникамъ. Слѣдовательно намъ и нужно прежде всего обратиться къ изученію этихъ другихъ болѣе ясныхъ источниковъ для исторіи древняго сектантства. Таковыми представляются древнѣйшія сочиненія о ересяхъ, принадлежавшія *церковнымъ писателямъ*, къ обозрѣнію которыхъ мы и перейдемъ съ слѣдующей главы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Церковные источники для исторіи древняго сектантства: писанія апостоловъ и мужей апостольскихъ. Утраченныя полемическія сочиненія II вѣка. Св. Ириней.

Церковныхъ источниковъ для исторіи древняго сектантства много. Такъ какъ борьба съ ересями и расколами постоянно занимала вниманіе церкви; и полемика противъ сектантовъ всегда составляла одну изъ важнѣйшихъ отраслей христіанской письменности: вслѣдствіе этого до насъ дошло отъ учителей церковныхъ различныхъ вѣковъ множество сочиненій написанныхъ противъ еретиковъ и раскольниковъ, и многія изъ нихъ еще утратились.

Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій представляютъ общія обозрѣнія наиболѣе значительныхъ сектъ за цѣлые вѣка, сообщаютъ данныя для ихъ исторіи, раскрываютъ ихъ ученіе и опровергаютъ его. Другія касаются ученія какихъ нибудь отдѣльныхъ сектъ, или даже какихъ нибудь частныхъ пунктовъ въ этомъ ученіи. Такимъ образомъ мы имѣемъ, какъ обильнѣйшій источникъ для исторіи сектантства цѣлую массу общихъ и част-

ныхъ полемическихъ или ересеологическихъ сочиненій, написанныхъ церковными писателями [1]).

Но называя этотъ источникъ, и указывая на его происхожденіе, мы тѣмъ самымъ не указываемъ ли и на его лишь относительное значеніе для науки? Церковно-полемическія сочиненія противъ ересей и расколовъ—это сочиненія писанныя противниками сектантства—съ цѣлію его опроверженія. Можно ли въ сочиненіяхъ такого рода искать полнаго историческаго безпристрастія? И можно ли вообще составлять твердыя понятія о какихъ бы то ни было историческихъ личностяхъ или партіяхъ по показаніямъ главнымъ образомъ (даже почти исключительно) противной стороны? Древніе церковные учители, несомнѣнно были люди отличавшіеся высокимъ нравственнымъ характеромъ, глубокимъ чувствомъ справедливости. Тѣмъ не менѣе однакожъ въ ихъ полемическихъ сочиненіяхъ про-

---

[1]) Въ пятидесятыхъ годахъ предпринято было въ Берлинѣ особое изданіе всѣхъ значительныхъ ересеологическихъ памятниковъ, касающихся древнѣйшихъ христіанскихъ сектъ — „Corpus haereseologicum“, Oehler's (подобное издающемуся въ настоящее время „Corpus apologetarum“ v. Otto, или многочисленнымъ изданіямъ patrum apostolicorum). Въ 1856 г. вышелъ первый томъ, заключающій въ себѣ писанія не особенно значительныхъ латинскихъ ересеологовъ—Филастрія, Августина, Предестината, Псевдо-Тертулліана, Псевдо-Іеронима, Исидора Испалійскаго, Геннадія; въ 1859 и 1861 гг. еще два тома съ полемическими произведеніями Епифанія. Затѣмъ это изданіе не доведено и до половины; и въ немъ остались ненапечатанными самыя замѣчательныя изъ древнихъ ересеологическихъ сочиненій. Самый планъ изданія, какъ видно по вышедшимъ частямъ расположенъ безъ строгой системы, и исправностью напечатанныхъ текстовъ ученые остались не особенно довольны. Отдѣльныхъ изданій тѣхъ и другихъ ересеологическихъ памятниковъ сдѣлано очень много и въ прежніе вѣка и въ новѣйшее время; на болѣе замѣчательные изъ нихъ мы будемъ указывать при описаніи самыхъ памятниковъ. Но въ примѣчаніяхъ своихъ для большаго удобства себѣ и читателямъ мы будемъ цитовать преимущественно одно (можно сказать — почти всеобъемлющее по части древней церковной письменности) изданіе Миня — Patrologiae cursus completus. Если въ этомъ изданіи не приняты во вниманіе нѣкоторыя редакціи того или другаго памятника изданныя позднѣе и въ болѣе исправномъ видѣ; намъ для нашихъ дѣлей къ этимъ изданіямъ придется обращаться лишь въ особенныхъ случаяхъ.

тивъ еретиковъ нельзя искать строго-научнаго историческаго характера; онѣ могутъ представлять только матеріалъ для исторіи, къ которому позднѣйшая наука необходимо должна относиться съ большою внимательностью и разборчивостью.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что эти писатели большею частію и не задавались въ собственномъ смыслѣ научными историческими задачами, а главнымъ образомъ практическими. Опровергая еретиковъ они не ставили себѣ цѣлью представить исторію опровергаемыхъ сектъ во всей полнотѣ и ученія ихъ со всѣми основаніями, а обращали вниманіе главнымъ образомъ на тѣ пункты ученій еретическихъ, которые имѣли отношеніе къ церковному ученію, излагали и оцѣнивали еретическія ученія не по ихъ такъ сказать собственныхъ принципамъ и внутреннему строю, а съ точки зрѣнія— по мѣркѣ и требованіямъ церковно-христіанскаго богословія. Въ полемическомъ отношеніи пріемъ этотъ былъ весьма естественный, но для историческихъ цѣлей онъ конечно не совсѣмъ удобенъ. Независимо отъ практическихъ цѣлей полемики, по самому внутреннему складу своихъ воззрѣній, церковные писатели не могли иногда и войти въ духъ и смыслъ опровергаемыхъ ученій. Сами вполнѣ преданные ученію церкви, признавая его безусловною исключительною истиною, они иногда не могли признать даже и относительнаго смысла за какимъ бы то ни было ученіемъ, противнымъ церковному ученію. Нерѣдко трудность представленія еретическихъ ученій зависѣла и отъ самаго характера этихъ послѣднихъ. Многія изъ ересей первыхъ вѣковъ отличались какъ мы уже говорили, глубокими философскими основаніями и замысловатымъ фантастическимъ характеромъ, который трудно было понять со стороны лицу не принадлежащему къ сектѣ. Ереси первыхъ вѣковъ имѣли тѣсную связь съ греческими философскими системами и преданіями древнихъ языческихъ религій. Чтобы надлежащимъ образомъ понять ихъ въ самомъ ихъ генезисѣ, нужно было имѣть широкое знакомство съ древнею греческою философіей и религіозными преданіями языческаго востока. Не всѣ цер-

ковные писатели, писавшіе противъ еретиковъ, обладали и считали для себя нужнымъ владѣть этими знаніями. Самыя внѣшнія формулы, въ какихъ еретики излагали свои воззрѣнія, бывали иногда чрезвычайно странныя; освоиться съ ними человѣку не принадлежащему къ сектѣ представлялось очень трудно. Нѣкоторыя секты сами намѣренно скрывали свои ученія отъ непринадлежащихъ къ нимъ. Хотя въ первые вѣка христіанства для сектантовъ и не было еще тѣхъ особенныхъ побужденій къ скрытности, какія стали представляться въ позднѣйшее время (т. е. церковныхъ и правительственныхъ преслѣдованій противъ еретиковъ); но у нѣкоторыхъ сектантовъ въ самомъ принципѣ ихъ ученія было скрывать сущность своихъ вѣрованій, или сообщать ихъ лишь въ извѣстной мѣрѣ предъ лицами непосвященными въ ихъ высшія тайны. На показанія людей, переходящихъ отъ ереси къ церковному ученію, также не всегда можно было полагаться. Въ самыхъ сочиненіяхъ сектантовъ, изъ которыхъ учители церковные заимствовали свои свѣдѣнія о ихъ ученіи, не всегда раскрывалось въ желаемой полнотѣ и ясности это ученіе. Нужно при этомъ еще имѣть въ виду и то, что еретическія секты наиболѣе значительныя, существовавшія довольно продолжительное время, не оставались неизмѣнными въ своихъ воззрѣніяхъ, но развивали и измѣняли ихъ. Писатели церковные, опровергавшіе сектантовъ не задавались цѣлію, и часто не имѣли средства изучать воззрѣнія сектантовъ въ постепенности ихъ историческаго развитія, но брали и разсматривали всякое ученіе въ томъ его историческомъ моментѣ, въ какомъ оно дѣлалось извѣстнымъ имъ. Нѣкоторыя секты напротивъ исчезали очень скоро, не успѣвъ достаточно раскрыть и выяснить сущность своего ученія. Церковные писатели могли сообщать о нихъ свѣдѣнія, только по преданіямъ по слухамъ, которые конечно не всегда могли быть точными.

Полемическій характеръ тѣхъ сочиненій, о которыхъ мы говоримъ, также не могъ не отразиться въ нихъ нѣкоторыми чертами, невыгодными въ научно-историческомъ отношеніи.

Сочиненія эти писаны были въ горячей борьбѣ съ сектами. Въ борьбѣ обыкновенно не особенно разбираютъ средства для пораженія противниковъ. И нужно при этомъ принять во вниманіе, что эта борьба велась въ такое время, когда церковь должна была отстаивать свое недавнее и повидимому очень еще не окрѣпшее существованіе противъ множества враждебныхъ силъ, направленныхъ на нее, когда при множествѣ внѣшнихъ враговъ, язычниковъ грозящихъ насиліемъ подавить распространяющееся между ними христіанство, внутренніе враги церкви еретики подрывающіе самыя основы христіанскаго вѣрованія, и нерѣдко позорящіе имя христіанства между самыми язычниками — казались тѣмъ опаснѣе. Нужно принять во вниманіе, что церковь тогда не имѣла и никакихъ другихъ естественныхъ средствъ для борьбы со врагами, кромѣ силы убѣжденія и слова,—и что то было такое время, когда во всякой борьбѣ и между прочимъ въ борьбѣ литературной— въ полемикѣ о достоинствѣ самообладанія и долгѣ справедливости и снисхожденія по отношенію къ противникамъ существовали не такія понятія, какія существуютъ въ настоящее время. Притомъ противники эти были не личные противники учителей церковныхъ, а противники убѣжденія, признаваемаго ими за безусловно истинное, противники учрежденія, внѣ котораго они не признавали спасенія для человѣчества, хулители вѣры и церкви Христовой. Церковные полемисты, разсматривая извѣстное еретическое ученіе, не имѣли побужденій глубоко входить въ духъ и смыслъ этого ученія, отыскивать въ немъ своего рода разумность и стройность, указывать его сильнѣйшія основанія или по крайней мѣрѣ смягчающія обстоятельства, т. е. такія, которыми бы сколько нибудь оправдывалось или по крайней мѣрѣ исторически объяснялось возникновеніе ереси; но напротивъ приступая къ опроверженію ереси съ тою именно цѣлію, чтобы представить ее въ возможно болѣе темномъ свѣтѣ, чтобы подорвать къ ней всякое довѣріе и сочувствіе, чтобы внушить ненависть и отвращеніе къ ней, полемисты церковные естественно старались представлять всякое

опровергаемое ими ученіе возможно болѣе нелѣпымъ, лживымъ, безобразнымъ, старались указывать на самые слабые по ихъ мнѣнію пункты, на самыя темныя стороны всякаго еретическаго ученія. При этомъ естественно было въ жару полемики писателю даже и высоконравственному по своимъ личнымъ качествамъ позволить себѣ увлечься нѣсколько далѣе предѣловъ справедливости — преувеличить слабость опровергаемаго ученія, представить въ каррикатурѣ наиболѣе фальшивые его пункты, вывести изъ извѣстнаго еретическаго положенія такія крайнія послѣдствія, до какихъ сами сектанты никогда не доходили, иногда и прибавить что нибудь по темному слуху, по не провѣренному подозрѣнію, по произвольному предположенію, даже и просто безъ всякаго основанія, чтобы только представить въ возможно худшемъ свѣтѣ убѣжденія противниковъ. Нѣкоторые изъ церковныхъ полемистовъ (хотя далеко не всѣ, особенно изъ древнѣйшихъ полемистовъ) имѣли при томъ обыкновеніе, опровергая ученіе сектантовъ, стараться представлять въ дурномъ свѣтѣ и ихъ личности, передавать темные разсказы объ ихъ образѣ жизни. Иногда это имѣло свой смыслъ, когда темныя нравственныя стороны въ жизни сектантовъ имѣли связь съ самыми ложными принципами ихъ ученія, и такимъ образомъ могли представлять наиболѣе очевидное обличеніе лживости этихъ принциповъ. Но иногда это дѣлалось безъ всякой особенной нужды и вопреки требованіямъ справедливости. Сектантамъ приписывались такіе пороки и преступленія, которыя съ ученіемъ ихъ не имѣли никакой связи, которыя въ извѣстной сектѣ не были явленіемъ общимъ, а если и встрѣчались иногда то случайно, какъ могли они встрѣчаться и во всякомъ другомъ обществѣ, и между самыми православными. Иногда при этомъ передавались и факты совершенно недостовѣрные по слухамъ, по подозрѣніямъ, чтобы представить въ наиболѣе темномъ свѣтѣ личности противниковъ. Ко всему этому конечно нужно относиться очень осторожно. Не у всѣхъ ересеологовъ и не въ одинаковой степени встрѣчаются эти черты, какія мы здѣсь указываемъ; но не-

льзя не сознаться, что это черты довольно распространенныя въ церковной полемической литературѣ.

При этомъ нужно обратить вниманіе еще на слѣдующія обстоятельства. Хотя церковно-полемическія произведенія древней христіанской письменности всегда считались весьма важнымъ церковно-историческимъ источникомъ, и на изданіе и объясненіе ихъ издавна обращено было вниманіе ученыхъ занимающихся церковною исторіею, хотя наиболѣе замѣчательные изъ этихъ памятниковъ мы имѣемъ во многихъ изданіяхъ съ тщательно составленными предисловіями и комментаріями [2]); тѣмъ не менѣе древніе ересеологическіе памятники находятся доселѣ далеко не въ такомъ обработанномъ состояніи, чтобы историкъ, имѣющій цѣлью воспользоваться заключающимся въ нихъ матеріаломъ, не былъ поставляемъ въ необходимость предварительно останавливаться на подготовительныхъ критико-библіографическихъ работахъ по объясненію и очищенію этого матеріала. Не пускаясь въ частности, которыя видны будутъ при самомъ изложеніи исторіи ересей, мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя самыя общія стороны дѣла, представляющія затрудненіе для историковъ. Первое затрудненіе такого рода представляется въ хронологіи древнихъ сектъ. Предметъ этотъ для исторіи конечно очень важный, а между тѣмъ древніе писатели такъ мало на него обращали вниманіе, и оставили большею частію такія мало опредѣленныя указанія по этому предмету, что для новѣйшихъ историковъ открывается возможность самаго рѣшительнаго противорѣчія въ мнѣніяхъ относительно времени происхожденія самыхъ вліятельныхъ сектъ древности [3]). Столь же неудовлетворительною

---

[2]) Таковы напр. изъ прежнихъ изданій Боссюэтово св. Ирінея, Петавіево-Епифанія, Фабриція и Галеарда комментаріи къ Филастрію, Памелія и Ренана къ Тертулліану, Нурри къ Клименту Александрійскому, изъ новыхъ Гарвея изданіе св. Ирінея, Миллера и Дункера—Философуменъ ипполитовыхъ и т. п.

[3]) Напр. въ новѣйшее время возникъ споръ между двумя внимательнѣйшими изслѣдователями древнихъ ересеологическихъ памятниковъ о времени произхожденія Маркіоновой секты. Липсіусъ въ своей статьѣ о гностицизмѣ у Ерша и Грубера (Sect. I. T. 71) и въ своемъ изслѣдо-

представляется доселѣ классификація сектъ по ихъ внутреннему сродству между собою. Этотъ предметъ еще болѣе важенъ для объясненія самаго внутренняго смысла еретическихъ ученій; и древніе писатели это сознавали и почти каждый изъ нихъ старался представить свою наиболѣе удовлетворительную классификацію сектъ. Но какъ попытки древнихъ писателей, такъ и постоянно смѣняющіяся одни другими построенія новыхъ ученыхъ по этому предмету доселѣ не привели ни къ чему твердому и опредѣленному [1]). Наконецъ доселѣ представляются недостаточно выясненными взаимныя отношенія самыхъ ересеологическихъ сочиненій въ тѣхъ извѣстіяхъ, которыя ими сообщаются о древнихъ сектахъ. Не всѣ эти извѣстія имѣютъ самостоятельное значеніе, и не къ каждому изъ древнихъ ересеологическихъ сочиненій можно относиться, какъ къ источнику первой руки. При описаніи извѣстныхъ сектъ одни

ваніи Zur Quellenkritik des Epiphanios (Wien 1865), на основаніи внутреннихъ признаковъ развитія гностицизма и внѣшнихъ свидѣтельствъ Иринея и другихъ, признаетъ Маркіонитство одною изъ позднѣйшихъ гностическихъ сектъ. Но Гарнакъ вопреки Липсіусу въ Quellenkritik des Geschichte des Gnosticismus (Leipzig. 1873), на основаніи древнихъ же ересеологическихъ показаній, хотя и съ значительными натяжками, старается доказать, что Маркіонитство одна изъ самыхъ древнѣйшихъ гностическихъ сектъ, вмѣстѣ съ ересями Симона и Менандра относящаяся ко времени чуть не апостольскому. Споръ, по этому поводу возникшій между двумя учеными, можетъ служить примѣромъ и на то, насколько такая или другая постановка внѣшняго повидимому хронологическаго вопроса можетъ быть важна для освѣщенія важнѣйшихъ внутреннихъ фактовъ цѣлой исторической эпохи. Мы не можемъ опредѣленно сказать, съ какими тенденціями Гарнакъ старается доказать ближайшую къ апостольскому времени древность Маркіонитства. Но если бы это удалось доказать твердо, предположенія Тюбингенской школы о Павловой партіи въ первобытномъ христіанствѣ, и о происхожденіи Евангелія Луки и посланій Павловыхъ получили бы для себя весьма значительное подтвержденіе въ хронологіи древняго сектантства. Но едва ли кому нибудь удается доказать это болѣе твердо, чѣмъ доказалъ Гарнакъ,—а доказательства Гарнака оказались очень не тверды, что и показалъ ему Липсіусъ въ отвѣтномъ изслѣдованіи на его книгу Die Quellen der aeltesten Ketzer-geschichte, neu untersucht Leipzig. 1875. См. также статью Липсіуса „Ueber die Zeit des Markion und des Herakleon in Zeitschrift fur wissenschaftliche Theologie“ 1867 г.

[1]) Болѣе ясно это можно будетъ представить при изложеніи исторіи гностицизма.

изъ древнихъ писателей передавали извѣстія самостоятельныя изъ первыхъ рукъ—изъ непосредственнаго знакомства съ еретическими сектами, изъ чтенія еретическихъ сочиненій, или по крайней мѣрѣ изъ живыхъ преданій и слуховъ о еретикахъ. Другіе же писатели заимствовали у первыхъ сообщенныя ими свѣдѣнія, но часто перефразировывали ихъ или поясняли, а иногда пополняли новыми фактами, присоединяя къ сообщеніямъ прежняго писателя свои личныя свѣдѣнія, или дополняя одного писателя другимъ — извѣстнымъ намъ древнимъ ересеологомъ или неизвѣстнымъ — не дошедшимъ до насъ. При этомъ древніе писатели рѣдко имѣли обыкновеніе указывать прямо источники, изъ которыхъ они заимствовали сообщаемыя ими свѣдѣнія, и рѣдко отдѣляли свои самостоятельныя показанія или поясненія отъ свѣдѣній заимствуемыхъ изъ болѣе древнихъ источниковъ. Вслѣдствіе всего этого изслѣдователю новому, недостаточно освоившемуся съ содержаніемъ, пріемами и взаимными отношеніями древнихъ ересеологическихъ сочиненій, при изученіи исторіи сектъ по древнимъ источникамъ представляется возможность для множества недоразумѣній и ошибокъ. Напр. объ извѣстной сектѣ встрѣчаются извѣстія у трехъ, четырехъ и болѣе древнихъ ересеологовъ, извѣстія въ основаніи своемъ имѣющія общія черты, но представляющія болѣе или менѣе значительное разнообразіе въ подробностяхъ, причемъ два или три изъ этихъ писателей представляются болѣе близкими между собою въ своихъ сообщеніяхъ, а одинъ какой нибудь болѣе уклоняется отъ нихъ. При пользованіи показаніями такого рода, иногда можно придать слишкомъ большое значеніе разнообразію показаній, находящихся въ различныхъ источникахъ, между тѣмъ какъ всѣ эти показанія въ основѣ своей сводятся къ одному источнику; иногда напротивъ обращая вниманія на одинъ главный и представляющійся первоначальнымъ источникъ, можно по небрежности опустить важныя историческія данныя въ другихъ источникахъ. При невыясненности отношеній между первоначальными и второстепенными источниками, можно какую ни-

будь повидимиму новую особенную черту у второстепеннаго источника принять за самостоятельное показаніе, между тѣмъ какъ эта новая повидимому черта представляетъ только перефразировку, ноясненіе, иногда даже совершенно произвольное ни на чемъ не основанное, или основанное на случайномъ недоразумѣніи примышленіе позднѣйшаго писателя къ первоисточнику, которымъ онъ пользовался; иногда же наоборотъ тамъ-то именно, гдѣ не придается никакого значенія второстепенному источнику, у него является важное и совершенно самостоятельное показаніе. При разногласіи одного писателя съ нѣсколькими другими можно опять или придать слишкомъ большое значеніе этому разногласію въ такомъ случаѣ, гдѣ оно явилось только вслѣдствіе недоразумѣнія,—или напротивъ не придать ему значенія тамъ, гдѣ оно представляетъ у разногласящаго съ другими писателя самостоятельное показаніе основанное на непосредственномъ наблюденіи, или заимствованное изъ какого нибудь древнѣйшаго источника не дошедшаго до насъ [5]).

Важное затрудненіе для историка представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда въ двухъ источникахъ равноавторитетныхъ и имѣющихъ самостоятельное значеніе сообщаются извѣстія о какой нибудь сектѣ повидимому совершенно противоположныя и непримиримыя между собою, а между тѣмъ нѣтъ основаній относиться съ сомнѣніемъ къ показаніямъ какъ того, такъ и другаго источника. Новѣйшіе писатели, излагающіе исторію ересей по древнимъ памятникамъ въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко принимаютъ показанія одного какого нибудь источника, совершенно какъ бы игнорируя другой, — или сопоставляютъ рядомъ свѣдѣнія противоположнаго характера изъ двухъ разнородныхъ источниковъ, не пытаясь ихъ согласить или объяснить, или выбираютъ изъ того и другаго источника частныя черты по произволу, по своему уже напередъ со-

[5]) Всѣ указанные здѣсь случаи въ особенности нужно имѣть въ виду при сличеніи ересеологическихъ показаній Епифанія съ показаніями другихъ древнѣйшихъ ересеологовъ.

ставленному представленію объ извѣстной сектѣ, оставляя безъ вниманія другія черты не подходящія подъ это представленіе. Но ни тотъ, ни другой, ни третій способъ представленія дѣла очевидно не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ исторической науки. Чтобы выйти изъ представляющагося въ подобныхъ случаяхъ затрудненія, серьезному изслѣдователю сектантской исторіи, необходимо напередъ имѣть ясное представленіе о характерѣ, частныхъ цѣляхъ и свойствахъ и взаимномъ отношеніи древнихъ ересеологическихъ памятниковъ, — имѣть ясное представленіе о томъ, съ какой стороны каждый изъ нихъ относится къ описываемымъ сектамъ, и почему одинъ останавливается преимущественно на такой, а другой на иной сторонѣ ихъ ученія и исторіи. Не менѣе затрудненія представляется въ сущности и тогда, когда о какой нибудь сектѣ встрѣчается извѣстіе только у одного изъ древнихъ писателей, а у другихъ о ней нѣтъ совсѣмъ никакихъ упоминаній. Въ подобныхъ случаяхъ на первый взглядъ затрудняться нечего. Переписать изъ одного источника извѣстіе, не встрѣчающее ни подтвержденія ни опроверженія въ другихъ источникахъ, не трудно. Но при этомъ естественно возникаетъ вопросъ, отчего же объ извѣстной сектѣ говоритъ только одинъ писатель, а другіе совершенно умалчиваютъ [6])?

Множество затрудненій подобнаго рода встрѣчается на каждомъ шагу, при изученіи древней сектантской исторіи по древнимъ ересеологическимъ памятникамъ. При этомъ изслѣдователю представляется необходимымъ, прежде изложенія самой исторіи сектантства по древнимъ памятникамъ, войти въ сравнительное изученіе самыхъ памятниковъ. Нельзя сказать, чтобы на этомъ пути для исторіи древнихъ ересей ничего не было подготовлено. Уже самые первые издатели древнихъ ересеологическихъ памятниковъ обращали вниманіе на ихъ взаимныя отношенія между собою, старались объяснять одинъ

[6]) Тотъ и другой изъ представленныхъ здѣсь случаевъ представляется въ особенности при сравненіи содержанія *философуменовъ* Ипполита съ показаніями св. Иринея и другихъ древнихъ ересеологовъ.

памятникъ другимъ, указывали, что̀ какимъ-либо изъ древнихъ писателей заимствовано у другаго, или въ чемъ показанія одного писателя пополняютъ другаго. Нѣсколько весьма замѣчательныхъ работъ по этой части мы имѣемъ отъ писателей еще прошлаго столѣтія [7]). Но въ нынѣшнемъ столѣтіи — съ того времени, какъ два знаменитыхъ историка—вожди двухъ главныхъ направленій въ церковно-исторической наукѣ—Неандеръ и Бауръ проложили новые пути въ изслѣдованіи древняго сектантства, болѣе стали обращать вниманія на философскую и обще-историческую сторону этого явленія—интересъ къ частнымъ подготовительнымъ библіографическимъ работамъ въ этой области, къ сравнительному объясненію самыхъ ересеологическихъ памятниковъ какъ будто нѣсколько упалъ или ослабѣлъ. Оказалось впрочемъ скоро, что самоувѣренныя философскія построенія новыхъ церковныхъ историковъ, безъ твердыхъ подготовительныхъ библіографическихъ работъ въ области древней ересеологіи, нѣсколько преждевременны. Открытіе нѣкоторыхъ новыхъ ересеологическихъ памятниковъ доселѣ не принимавшихся во вниманіе, и представившихъ новыя весьма важныя данныя для древней ересеологіи, равнымъ образомъ и болѣе тщательное изученіе нѣкоторыхъ доселѣ мало замѣчаемыхъ или мало принимаемыхъ во вниманіе показаній у ересеологовъ уже извѣстныхъ, но недостаточно изученныхъ и оцѣненныхъ прежде, вновь направили въ послѣднее время ученыхъ изслѣдователей древней ересеологіи отъ философскихъ построеній сектантской исторіи къ сравнительно библіографическому изученію самыхъ ересеологическихъ памятниковъ. Замѣчательнѣйшимъ опытомъ въ этомъ родѣ явилось въ 1865 году изслѣдованіе Рих. Адельб. Липсіуса объ отношеніи ересеологическихъ показаній Епифанія Кипрскаго къ показаніямъ другихъ древнихъ ересеологовъ [8]). Въ этомъ изслѣдованіи не только съ замѣчательною ясностью и глубо-

---

[7]) См. примѣч. 2-е.

[8]) „Zur Quellen-Kritik des Epiphanios“. von. Dr. Rich. Adelb. Lipsius. Wien. 1865.

кимъ знаніемъ дѣла возстановлено значеніе ересеологическаго сочиненія Епифанія (*Панарія*), относительно котораго мнѣнія ученыхъ доселѣ можно сказать не вполнѣ установились, не только весь этотъ обширный памятникъ во всѣхъ частяхъ своихъ разложенъ на первоначальные составные элементы, не только выяснено отношеніе его къ другимъ древнимъ ересеологамъ—Иринею, Ипполиту, Псевдо-Тертулліану, Филастрію [9]); но при взаимномъ сравненіи сохранившихся до насъ древнихъ ересеологическихъ писаній возстановлено можно сказать очень подробно и съ весьма твердыми основаніями содержаніе одного не дошедшаго до насъ важнаго ересеологическаго памятника (Синтагмы Ипполитовой—бывшей извѣстною въ IX вѣкѣ патріарху Фотію [10]), но съ того времени утратившейся). Замѣчательные результаты, достигнутые изслѣдованіемъ Липсіуса, не могли не вызвать на этотъ путь и другихъ ученыхъ. Съ новыми работами по сравнительному изученію древней ересеологіи выступилъ въ послѣдніе годы Адольфъ Гарнакъ, плодовитый писатель, недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ въ церковно-исторической литературѣ, но показывающій въ своихъ трудахъ широкое изученіе памятниковъ древней христіанской письменности. Только у этого ученаго на нашъ взглядъ еще недостаетъ вполнѣ выработаннаго научнаго самообладанія и такта, слишкомъ много замѣтно стремленій къ оригинальничанью, къ парадоксамъ, къ выведенію широкихъ результатовъ, изъ малыхъ основаній, къ придаванію слишкомъ большаго значенія не особенно важнымъ частностямъ [11]). Несогласіе Гарнака съ нѣкоторыми мнѣніями Липсіуса (между прочимъ по упо-

---

[9]) Только значеніе самостоятельныхъ, ни у кого не заимствованныхъ и на нашъ взглядъ заслуживающихъ по мѣстамъ серьезнаго вниманія показаній Епифанія, у Липсіуса, какъ и у другихъ западныхъ ученыхъ, намъ кажется, недостаточно выяснено и оцѣнено; объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[10]) Photii Bibliotheca CXXI—ap. Migne-Patrolog. graec. cursus completus. T. 103.

[11]) Ad. Harnack „Zur Quellen-Kritik der Geschichte des Gnosticismus. Leipzig. 1873; и затѣмъ продолженіе этой работы подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Zeitschrift für die historische Theologie—Каниса. 1874 г.

мянутому выше вопросу о Маркіонѣ) дали поводъ послѣднему напечатать новое сочиненіе объ источникахъ для исторіи древнѣйшихъ ересей [12]). Но къ сожалѣнію въ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ ученые слишкомъ вдались въ мелкую полемику о частныхъ вопросахъ, и эти сочиненія поэтому не могутъ имѣть такого значенія для древней ересеологіи, какъ указанное выше первое изслѣдованіе Липсіуса въ этомъ родѣ. Еслибы вмѣсто изслѣдованія мелкихъ частностей и вмѣсто стремленій изъ недостаточно обработаннаго матеріала строить рѣшительные и широкіе философскіе выводы, нѣмецкіе ученые о каждомъ изъ древнихъ замѣчательныхъ ересеологическихъ памятниковъ дали такія же основательныя изслѣдованія, какое далъ Липсіусъ о сочиненіи Епифанія,—это было бы наилучшимъ пособіемъ въ предварительныхъ работахъ для всѣхъ желающихъ изучать и писать исторію древнѣйшихъ ересей [13]).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о характерѣ, значеніи и ученой обработкѣ древнѣйшихъ ересеологическихъ памятниковъ, приступимъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію каждаго изъ нихъ.

—

Первыя упоминанія о появившихся между христіанами еретическихъ заблужденіяхъ мы находимъ въ самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ христіанской письменности—въ писаніяхъ апостоловъ и такъ называемыхъ мужей апостольскихъ, т. е. непосредственныхъ учениковъ и сотрудниковъ ихъ [14]. Но эти

---

[12]) Die Quellen der aeltesten Ketzer-geschichte neu untersucht von Rich. Adelb. Lipsius. Leipzig. 1875.

[13]) Еще ранѣе Липсіуса задачу полнаго обозрѣнія древнихъ ересеологическихъ памятниковъ предпринялъ Фолькмаръ въ сочиненіи „Die Quellen der Ketzer-geschichte bis zum Nicänum". Zürich. 1855 Но это сочиненіе прервано на первомъ выпускѣ, ограничившемся изслѣдованіемъ *философуменовъ* Ипполита, и въ немъ не особенно много данныхъ для сравнительной ересеологіи.

[14]) Напр. въ Посланіяхъ апостола Павла преимущественно къ Галатамъ и Римлянамъ находятся данныя для характеристики сильнаго во времена апостольскія іудействующаго направленія въ христіанствѣ, — въ посланіяхъ къ Ефесянамъ, Колоссянамъ. Титу, Тимоѳею,—также въ посланіяхъ апостоловъ Петра, Іуды, Іоанна и въ Апокалипсисѣ Іоанна

писанія даютъ намъ еще очень мало прямыхъ и опредѣленныхъ данныхъ для исторіи древнѣйшаго сектантства. Первые христіанскіе писатели не задавались цѣлью представить опредѣленную характеристику появлявшихся въ то время сектъ— очеркъ ихъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній. Они касались только частныхъ пунктовъ того или другаго заблужденія, такъ или иначе соприкасавшихся съ христіанскимъ воззрѣніемъ и противорѣчившихъ ему. При этомъ не обращалось вниманія на то, изъ какихъ началъ и источниковъ развивались эти частныя заблужденія, и какой смыслъ они имѣли въ цѣлыхъ системахъ сектантскихъ воззрѣній, которыя можетъ быть еще и не сложились опредѣленно въ тѣ времена. Самое опроверженіе этихъ заблужденій большею частію дѣлалось не прямо, а какъ бы мимоходомъ при раскрытіи христіанскаго положительнаго ученія; напримѣръ, раскрывая ученіе о воплощеніи Іисуса Христа, апостолъ направляетъ свою рѣчь противъ отрицающихъ дѣйствительность Христова воплощенія; доказывая истину воскресенія мертвыхъ, апостолъ вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ тѣхъ, которые отвергаютъ эту истину. Для положительнаго христіанскаго богословія — для полемики и апологетики христіанской такой пріемъ опроверженія ересей можетъ быть самый лучшій, но для исторіи ересей онъ представляетъ очень мало опредѣленныхъ данныхъ. По этимъ даннымъ позднѣйшая наука можетъ съ увѣренностью составить только то заключеніе, что во времена апостоловъ и мужей апостольскихъ существовали еретики, отрицавшіе дѣйствительность воплощенія Христова, истину воскресенія мертвыхъ, или придававшіе въ христіанствѣ слишкомъ большое значеніе соблюденію обрядовыхъ постановленій Моисеева закона. Но какіе

Богослова представляются первоначальные признаки только что зародившагося тогда гностицизма. Изъ мужей апостольскихъ противъ іудействующаго направленія писалъ преимущественно св. Варнава, противъ гностическихъ заблужденій—Игнатій Богоносецъ. Частныя мѣста изъ этихъ писаній, касающіяся ересей, будутъ представлены въ своемъ мѣстѣ.

это были еретики и изъ какихъ источниковъ развивались ихъ ученія, какую связь имѣли опровергаемыя апостолами и мужами апостольскими ихъ заблужденія съ цѣлою системою ихъ воззрѣній, гдѣ преимущественно распространялись и долго ли держались эти заблужденія, на это не даютъ намъ яснаго указанія первые памятники христіанской письменности. Такимъ образомъ о самомъ раннемъ періодѣ развитія ересей въ христіанскомъ мірѣ мы не можемъ составить себѣ яснаго и опредѣленнаго понятія. Къ разъясненію первоначальной сектантской исторіи наука можетъ итти только путемъ косвеннымъ, по которому можно доходить до результатовъ только предположительныхъ. Большею частію тѣ заблужденія, о которыхъ отрывочно и мимоходомъ упоминаютъ въ своихъ писаніяхъ древнѣйшіе христіанскіе писатели I и начала II вѣка, встрѣчаются потомъ въ сектахъ позднѣйшихъ, о которыхъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія сообщаются въ полемическихъ произведеніяхъ конца втораго и дальнѣйшихъ вѣковъ. Здѣсь эти заблужденія представляются уже не въ отрывочномъ видѣ, а съ большею опредѣленностью въ связи съ цѣлыми системами сектантскихъ ученій, опредѣленно сформировавшихся и выяснившихся. Для науки такимъ образомъ открывается возможность предположить, что тѣ еретическія положенія, которыя представляются намъ съ опредѣленнымъ смысломъ и въ связи съ исторіею извѣстныхъ сектъ у писателей позднѣйшихъ, имѣли подобный же смыслъ, принадлежали подобнымъ же сектантамъ, и развивались подъ такими же вліяніями и въ самую раннюю эпоху возникновенія сектантства въ христіанскомъ мірѣ. Но понятное дѣло, что это путь изслѣдованія не прямой; на немъ нужно держаться съ большою осторожностію, и по нему нельзя итти далѣе догадокъ и предположеній. Поэтому вся исторія ересей древнѣйшаго періода — апостольскаго и послѣапостольскаго имѣетъ на самомъ дѣлѣ только предположительный характеръ. Поэтому такъ много и встрѣчается здѣсь противорѣчащихъ одно другому объясненій, смѣняющихъ одна другую догадокъ, недоказанныхъ гипотезъ, невыясненныхъ предположеній.

Многіе ученые, вступая въ эту область, какъ бы забываютъ, что самое состояніе даннаго матеріала не даетъ возможности научному изслѣдованію обращаться здѣсь съ полною свободою и увѣренностью, и вмѣсто того чтобы довольствоваться добросовѣстнымъ сопоставленіемъ и посильнымъ предположительнымъ объясненіемъ представляемыхъ историческими памятниками данныхъ, по случайному выбору или вслѣдствіе какой нибудь предзанятой тенденціи останавливаются на нѣсколькихъ изъ числа многихъ другихъ данныхъ и на основаніи ихъ построяютъ цѣлыя теоріи, выводятъ изъ однихъ гипотезъ другія, придаютъ этимъ гипотезамъ положительный несомнѣнный характеръ, и такимъ образомъ представляютъ цѣлую картину древнѣйшей церковно-исторической эпохи, въ которой однакожъ безпристрастный наблюдатель не находитъ иногда почти никакого отношенія къ тѣмъ историческимъ даннымъ, на основаніи которыхъ будто бы эта картина воспроизведена. Понятно, какую прочность и цѣну въ наукѣ могутъ имѣть построенія подобнаго рода [15]).

Со второй половины II вѣка начинается большее развитіе христіанской письменности. Къ этому времени болѣе начинаетъ обращаться къ христіанству образованныхъ людей изъ язычниковъ, и въ средѣ самаго христіанскаго общества болѣе усиливаются средства къ образованію [16]). Къ этому же времени

---

[15]) Всѣ приведенные здѣсь упреки могутъ быть отнесены главнымъ образомъ къ построеніямъ тюбингенской церковно-исторической школы; но нельзя не сказать, что нѣмецкіе ученые и другихъ направленій, берущіеся изслѣдовать церковно-историческую эпоху времени апостольскаго и послѣ-апостольскаго, также много допускаютъ въ своихъ произведеніяхъ произвола и мечтаній. Церковно-исторической наукѣ нынѣшняго столѣтія вообще нельзя не отдать справедливости въ томъ, что ею обращено особенное вниманіе на эту древнѣйшую и важнѣйшую въ исторіи христіанства эпоху, и достигнуты въ объясненіи ея многіе замѣчательнѣйшіе результаты; но вмѣстѣ съ тѣмъ естественно оказалось здѣсь и много увлеченій.

[16]) Мы разумѣемъ здѣсь обращеніе къ христіанству такихъ лицъ, какъ Іустина Философа, Аѳинагора, Ѳеофила Антіохійскаго, Пантена, Климента Александрійскаго, — и христіанскія школы Іустина, Аѳинагора, Пантена и т. д.

и еретическія секты въ христіанскомъ мірѣ болѣе умножаются, сформировываются въ своихъ воззрѣніяхъ, выступаютъ съ болѣе опредѣленнымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе и отъ этого времени до насъ не дошло подлинныхъ историческихъ памятниковъ для исторіи ересей. Большая часть писателей этого времени обращали свое вниманіе преимущественно на борьбу съ главными врагами христіанства—окрѣпшими старыми религіями язычествомъ и іудействомъ, а не на опроверженіе новыхъ еретическихъ заблужденій. Поэтому въ литературѣ христіанской этого времени главнымъ образомъ развивается апологетическое направленіе, а не полемическое. Впрочемъ въ виду того, что и еретическія заблужденія къ этому времени значительно начинаютъ усиливаться и становиться опасными для христіанства, нѣкоторые изъ христіанскихъ писателей начинаютъ обращать вниманіе и на опроверженіе ересей. Евсевій Кесарійскій въ своей *Церковной исторіи*, Блаж. Іеронимъ въ *Каталогѣ церковныхъ писателей* и Блаж. Θеодоритъ въ *Опроверженіи басней еретическихъ* приводятъ цѣлый рядъ писателей, писавшихъ сочиненія противъ еретиковъ около половины II вѣка и далѣе. Такъ въ сороковыхъ годахъ II столѣтія римскій писатель Агриппа Касторъ писалъ опроверженіе противъ ереси Василида [17]). Іустинъ философъ, Θеофилъ Антіохійскій, Филиппъ Горшинскій, Модестъ, Родонъ писали сочиненія противъ ереси Маркіона [18]), Музанъ—противъ енкратитовъ [19]), Аполлинарій Іерапольскій, Мильтіадъ, Аполлоній, Серапіонъ Антіохійскій, римскій пресвитеръ Кай обличали первоначальное зарожденіе монтанизма [20]). Сочиненія большей части этихъ писателей еще существовали въ IV и въ V вѣ-

---

[17]) Eusebii Histor. Eccles lib. IV, cap. 7; Hieronymi de viris illustribus, cap. XXI; Theodoreti Haereticarum fabularum compendium, lib. I, cap. 4.

[18]) Euseb. IV, 18, 24, 25; V, 13; Hieron. XIII, XXV, XXX, XXXII, XXXVII; Theodoreti, I, 24—25.

[19]) Euseb. IV, 28; Hieron XXXII; Theodoreti, I, 21.

[20]) Euseb. VI, 27; V, 16, 17, 18, 19; VI, 20. Hieron, XXVI, XXXIX, XL, XLI, LIX; Theodoreti, III, 2.

кахъ; Евсевій, Іеронимъ, Ѳеодоритъ читали ихъ, но мы объ этихъ сочиненіяхъ знаемъ только то, что сообщаютъ помянутые позднѣйшіе писатели, въ особенности Евсевій, который не только обозначаетъ ихъ содержаніе, но приводитъ изъ нихъ многія выдержки.

Іустинъ философъ писалъ уже и общее сочиненіе противъ всѣхъ ересей бывшихъ до его времени. Онъ самъ упоминаетъ о немъ въ своей первой апологіи [21]). Этимъ сочиненіемъ пользовались Иринеи и Евсевій: но до насъ оно также не дошло, и всякія предположенія о его содержаніи и характерѣ могутъ имѣть не болѣе, какъ весьма гадательный характеръ [22]).

Егезиппъ, древнѣйшій христіанскій историкъ, жившій во время царствованія Марка Аврелія, представилъ въ своей исторіи описаніе цѣлаго ряда ересей, бывшихъ еще въ іудейской церкви во время возникновенія христіанства и затѣмъ распространившихся въ христіанствѣ; но объ этомъ описаніи еретическихъ сектъ, равно какъ и о всѣхъ пяти книгахъ Егезип-

---

[21]) Іустина апологія 5 глав. 26; Евсев. IV, II; Іероя. XIII; Ѳеодоритъ—epistola ad Sporacium (предислов. къ басн. еретич.).

[22]) Липсіусъ въ Quellenkritik des Epiphanios (s. 56 и далѣе) высказалъ предположеніе, что по всей вѣроятности свѣдѣнія о древнихъ ересяхъ (до Валентина), которыя представили Иринеи въ своемъ Ἔλεγχος ἁιρετικῶν и Ипполитъ въ недошедшей до насъ синтагмѣ, о которой свидѣтельствовалъ патріархъ Фотій — (Biblioth. CXXI) заимствованы изъ болѣе древняго источника, изъ Іустинова сочиненія противъ всѣхъ ересей. Гарнакъ развилъ и можно сказать утрировалъ до крайности это положеніе, возведши синтагму Іустинову въ основной первоначальный источникъ всѣхъ позднѣйшихъ писаній ересеологическихъ, и воспроизведши въ подробности содержаніе ея чрезъ сравненіе дошедшаго до насъ сочиненія Иринеева съ недошедшими сочиненіями Ипполита и Егезиппа (?). Не увлекаясь чрезмѣрною страстью къ открытіямъ, всякій безпристрастный ученый можетъ сообразить, что эти гаданія имѣютъ слишкомъ шаткій характеръ. Иное дѣло—воспроизведеніе Липсіусомъ синтагмы Ипполитовой чрезъ сравненіе Епифанія, Филастрія и псевдо-Тертулліана, при опредѣленномъ указаніи Фотія относительно содержанія синтагмы; заключеніе отъ трехъ извѣстныхъ къ четвертому неизвѣстному (или даже отъ четырехъ къ пятому) можетъ имѣть довольно твердыя основанія. Но воспроизводить синтагму Іустина по Иринею, Егезиппу и синтагмѣ Ипполита — это значитъ по двумъ неизвѣстнымъ отыскивать третье, еще менѣе могущее быть приведеннымъ въ извѣстность.

повой исторіи мы также знаемъ только то, что̀ сообщаетъ преимущественно Евсевій [23]).

Затѣмъ отъ конца 2-го столѣтія и начала 3-го мы имѣемъ нѣсколько сочиненій дошедшихъ до насъ въ цѣльномъ или почти въ цѣльномъ видѣ и спеціально посвященныхъ описанію и опроверженію еретическихъ ученій. Эта сочиненія до настоящаго времени служитъ главными источниками для исторіи древнѣйшихъ ересей.

Первое и важнѣйшее между ними есть сочиненіе противъ ересей св. Иринея Ліонскаго [24]). Это сочиненіе писано въ

---

[23]) Euseb. IV, 22; сравни Hieronymi de viris illustribus XXII.

[24]) Греческое заглавіе этого сочиненія: „Ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ ψευδωνύμου γνώσεως. Обличеніе и опроверженіе лжеименнаго знанія". Латинскій переводъ надписывается обыкновенно: S. Irenaei—contra Haereses libri quinque—св. Иринея пять книгъ противъ ересей". Сочиненіе это писано св. Иринеемъ на греческомъ языкѣ, какъ это видно изъ самаго начала его (кн. I. Предислов. 3). Въ греческомъ подлинникѣ читали его и дѣлали изъ него выдержки позднѣйшіе греческіе же учители церкви—Ипполитъ, Евсевій, Епифаній, Θеодоритъ, даже въ VIII вѣкѣ Іоаннъ Дамаскинъ (выдержки изъ св. Иринея приводимыя этими писателями обозначаются обыкновенно во всѣхъ новыхъ изданіяхъ какъ св. Иринея, такъ и поименованныхъ писателей). Но въ средніе вѣка греческій подлинникъ сочиненія Иринеева утратился, и ученые до настоящаго времени поставлены въ необходимость пользоваться преимущественно латинскимъ переводомъ его. Переводъ этотъ очень древній—почти современный Иринею: имъ пользовался уже Тертулліанъ, какъ это видно въ особенности изъ сравненія его сочиненія противъ валентиніанъ съ латинскимъ текстомъ Иринеева описанія этой ереси. Но переводъ этотъ неудовлетворительный, мѣстами очень неясный. Кромѣ латинскаго, полагаютъ, былъ въ древности сирскій переводъ св. Иринея, которымъ пользовался въ IV вѣкѣ Ефремъ Сиринъ, и изъ котораго въ недавнее время сдѣлались извѣстны нѣкоторые отрывки. Печатныя изданія св. Иринея начались очень рано; его сочиненіе противъ ересей по распространеніи книгопечатанія одно изъ первыхъ между произведеніями церковной письменности обратно на себя вниманіе ученыхъ; первое изданіе его было приготовлено къ печати знаменитымъ Эразмомъ Роттердамскимъ. Это изданіе, первоначально вышедшее въ Базелѣ (у Фробена) въ 1526 г., вновь было перепечатываемо (въ Базелѣ же и въ Парижѣ) 1528, 1534, 1545, 1548, 1554, 1560, 1563, 1570 гг. Съ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія явились новыя изданія св. Иринея—Галлазія 1570, Гринея 1571 г.—Фейярденція 1575—съ возстановленіемъ нѣкоторыхъ отрывковъ греческаго текста и съ присоединеніемъ ученыхъ примѣчаній Дуцея, Биллія и др. (Изданіе Фейярденція также было нѣсколько разъ перепечатываемо 1596, 1625, 1639, 1675, 1677 гг.). Въ

восьмидесятыхъ годахъ втораго столѣтія. Св. Иринеи былъ одинъ изъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣятелей и самыхъ образованныхъ людей своего времени. Родомъ онъ былъ малоазійскій грекъ, получилъ христіанское образованіе по его собственному свидѣтельству подъ ближайшимъ руководствомъ ученика Іоанна Богослова св. Поликарпа епископа смирн-

---

XVIII вѣкѣ появились новыя болѣе исправныя изданія: Грабе (въ первый разъ въ Лондонѣ 1702) и Массюэта (въ Венеціи 1712 г.)—по лучшимъ и болѣе тщательно провѣреннымъ рукописямъ, съ присоединеніемъ большаго количества отрывковъ греческаго текста и ученыхъ примѣчаній заимствованныхъ изъ прежнихъ изданій и вновь составленныхъ. Массюэтъ, кромѣ отдѣльныхъ примѣчаній, присоединилъ къ своему изданію обширное ученое изслѣдованіе о жизни Иринея, его ученіи, и опровергаемыхъ имъ гностическихъ сектахъ, въ особенности о Валентиніанахъ. Образцовое изданіе Массюэта съ его предисловіемъ и примѣчаніями, также съ предисловіями и примѣчаніями другихъ издателей, съ различными индексами, реперторіями и глоссаріями, и съ присоединеніемъ между прочимъ сохранившихся отрывковъ изъ подлинныхъ гностическихъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ труду Иринея—перепечатано у Миня—Patrologiae Cursus—Graeca series. T. VII. 1857. Кромѣ того въ пятидесятыхъ годахъ вышло еще два новыхъ изданія Иринея—лейпцигское Штирена въ 1853 г. и лондонское Гарвея въ 1857 г. Послѣднее изданіе, въ которомъ кромѣ прежде извѣстныхъ отрывковъ греческаго текста напечатаны новые изъ недавно открытаго Ипполитова сочиненія „Φιλοσοφούμενα“ и также недавно открытые отрывки изъ Иринеевыхъ писаній на сирскомъ языкѣ, считается самымъ лучшимъ. Изслѣдованій объ Иринеѣ и его сочиненіяхъ также писано было много. Кромѣ помянутаго выше изслѣдованія Массюэтова, и предисловій къ другимъ изданіямъ Иринея, изъ болѣе новыхъ особенно замѣчательны: Stieren „De Irenaei adv. haereses operis fontibus, indole, doctrina et dignitate (Goetting. 1836); его же статья въ энциклопедіи Ерша и Грубера (II Sect. Bd. XXIII). Duncker „Des heilig. Iren. Christologie“ (Goetting 1843). Graul „Die Christliche Kirche an der Schwelle des jren. Zeitalters“ (Leipz. 1860). Lipsius „Irenaeus und seine Zeit“—у Зибеля въ Historisch. Zeitschrift. 1873. Кромѣ того отдѣльные пункты богословскаго ученія св. Иринея основательно разсмотрѣны въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ: ученіе о Троицѣ у Мейера и Баура—въ Geschichte der Trinitätslehre, ученіе о воплощеніи и искупленіи у Дорнера въ Entwickelungsgeschichte der Lehre von der Person Christi; и у Флерке „Von der Menschwerdung. d. Sohnes Gottes (Zeitschrift für die lutherische Theologie 1841 г.) о Св. Духѣ — у Канниса—Die Lehre vom heiligen Geist; о таинствѣ евхаристіи у Ебрарда—Dogma von heilig. Abendmahl, и у Тирша „Die Lehre des Iren von Eucharistie“ (Ztschr. fur d. Luther. Theologie 1841 г.); о церкви у Роте „Anfängen der Christlich. Kirche“; о Свящ. Писаніи и свящ. преданіи—у Твестена. „Die Exposition des Unterschids des römischkatholischen und protestantischen

скаго [25]), и затѣмъ, предполагаютъ, подъ руководствомъ другаго еще ученика апостольскаго, Папія епископа іерапольскаго, извѣстнаго собирателя древнѣйшихъ преданій церковныхъ [26]). Затѣмъ въ цѣляхъ распространенія христіанства онъ перешелъ изъ Малой Азіи или посланъ былъ св. Поликарпомъ въ Галлію [27]). Здѣсь былъ пресвитеромъ церкви ліонской при первомъ ея епископѣ св. Поѳинѣ, и затѣмъ послѣ мученической смерти Поѳина самъ сдѣлался ліонскимъ епископомъ [28]). Изъ Ліона еще въ качествѣ пресвитера, по порученію своей церкви, онъ путешествовалъ въ Римъ по поводу распространенія тамъ монтанистическаго ученія [29]); затѣмъ, какъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ епископовъ, онъ поддерживалъ живыя сношенія съ римскою и малоазійскими церквами, что видно изъ его посланій къ римскимъ пресвитерамъ Флорину и Власту, и изъ писемъ къ римскому и малоазійскимъ епископамъ во время споровъ о празднованіи пасхи возникшихъ при папѣ Викторѣ [30]). Такимъ образомъ св. Ириней бо-

---

Standpunkt, и у Якоби „Die Kirchliche Lehre von der Tradition und heilig. Schrift“ и т. д. Общій очеркъ богословскихъ воззрѣній Иринея—статья Клинга въ Real-Enzyclopädie v. Herzog. T. VII. Хорошія характеристики Иринея въ общихъ церковно-историческихъ сочиненіяхъ—у Неандера и Шаффа, у Берингера (Kirchengeschichte in Biographien. B. I), и въ патрологіи Мёлера. На русскомъ языкѣ статьи о св. Иринеѣ въ *Прибавлен. къ твореніямъ Св. Отцевъ* (1843 г. кн. 4), и въ *Историческомъ Ученіи объ отцахъ церкви* преосвящ. Филарета черниговскаго (т. I. §§ 48 — 50). Но лучшее пріобрѣтеніе для нашей богословской и церковно-исторической науки—русскій переводъ сочиненій св. Иринея, напечатанный свящ. П. А. Преображенскимъ сначала въ *Правосл. Обозрѣніи* 1868—1871 гг., а потомъ вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ (Москва. 1871 г.); переводъ этотъ сдѣланъ по лучшимъ изданіямъ Иринеева текста, и къ нему присоединены ученое предисловіе и необходимыя примѣчанія. Затѣмъ въ „Прав. Собесѣдникѣ“ 1874 года напечатана обстоятельная статья г. Гусева о догматическихъ воззрѣніяхъ св. Иринея въ связи съ опроверженіемъ гностическихъ ученій.

[25]) Ириней противъ ересей кн. III гл. 3, 4. Евсев. Церков. Истор. V, 20. Hieronymi de viris illustribus XXXV.

[26]) Hieronymi Epistola 75 ad Theodoram viduam; снеси de viris illustribus XVIII.

[27]) Григорія турскаго Histor. Francor. 1, 29.

[28]) Hieron. de viris illustr. XXXV.

[29]) Евсев. V, 4.

[30]) Евсев. V, 16, 24.

лѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ его современниковъ, имѣлъ средства слѣдить за важнѣйшими явленіями въ церкви христіанской. Къ изслѣдованію еретическихъ ученій онъ, по свидѣтельству другаго близкаго къ нему западнаго церковнаго писателя Тертулліана, имѣлъ особенную склонность [31]). Свое сочиненіе противъ ересей Ириней началъ писать по просьбѣ одного друга съ цѣлію опроверженія ереси валентиніанъ, сильно распространявшихъ въ то время ученіе свое не только въ Римѣ, но и въ Галліи [32]). Затѣмъ, желая показать происхожденіе валентиновой ереси и связь ея съ предшествовавшими еретическими заблужденіями, св. Ириней перешелъ къ описанію древнѣйшихъ ересей появлявшихся въ христіанствѣ съ самыхъ первыхъ временъ его исторіи, и затѣмъ къ опроверженію еретическихъ заблужденій [33]). Цѣльности внѣшней сочиненіе Иринея не имѣетъ, — видно, что оно писано въ различное время и безъ особенно строгаго напередъ составленнаго плана; но по внутренней цѣльности — по твердо выработанному богословскому воззрѣнію и отсюда по твердо установившемуся отношенію ко всѣмъ противнымъ церкви лжеученіямъ, это сочиненіе одно изъ образцовыхъ произведеній древней христіанской письменности. Въ исторіи ересей оно важно въ особенности для изученія гностицизма. Съ особенною тщательностью св. Ириней разсматриваетъ секты имѣвшія въ его время наиболѣе значительное вліяніе и въ западныхъ церквахъ—секту валентиніанъ, особенную ея отрасль маркосіанъ и секту маркіонитовъ. При описаніи ученія этихъ сектантовъ онъ видимо руководствовался и собственными сочиненіями сектантовъ, и непосредственными сношеніями съ ними, и извѣстіями лицъ бывшихъ нѣкоторое время послѣдователями ереси и затѣмъ

---

[31]) Тертулліанъ называетъ Иринея: omnium doctrinarum curiosissimus explorator. *Advers. Valentinianos Cap V.*

[32]) См. собственное *предисловіе* св. Иринея *къ I-й книгѣ противъ ересей.*

[33]) Перечисленіе древнихъ еретиковъ до Валентина представляется въ XXIII—XXXI главахъ первой книги; опроверженіемъ ересей заняты преимущественно вторая, третья и четвертая книги.

перешедшими къ церкви [34]). О другихъ древнѣйшихъ гностическихъ сектахъ онъ сообщаетъ болѣе краткія свѣдѣнія по преданію или по извѣстіямъ писателей живших до него [35]). О тѣхъ же сектахъ, которыя составляли особую отъ гностицизма отрасль, и которыя распространяясь на дальнемъ востокѣ не проникали еще своимъ вліяніемъ въ западныя церкви, онъ или совсѣмъ не говоритъ (напр. объ елкесаитахъ) или говоритъ очень смутно (какъ объ Евіонитахъ) [36]). По внутреннему характеру сочиненіе св. Иринея съ исторической стороны имѣетъ конечно свои недостатки. Оно проникнуто въ значительной степени тенденціями полемики, не всегда спокойно относящейся къ противникамъ. По мѣстамъ въ немъ недостаточно ясно представляется и самый смыслъ сектантскихъ ученій, въ особенности древнѣйшихъ, которыя Иринеи не изучалъ непосредственно, а зналъ по преданіямъ или по описаніямъ другихъ полемистовъ, писавшихъ прежде него. Но во всякомъ случаѣ сочиненіе Иринея стоитъ гораздо выше писаній позднѣйшихъ ересеологовъ 4-го и 5-го вв. Оно отличается отъ нихъ и большею серіозностію, и бо̀льшимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ въ отношеніи къ разсматриваемымъ сектантскимъ ученіямъ. При описаніи каждой секты Иринеи обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на ея теоретическую сторону—на ея ученіе, не стараясь особенно о собираніи болѣе ими менѣе сомнительныхъ разсказовъ о частной жизни основателей сектъ, къ чему показали большую склонность позднѣйшіе ересеологи. Въ практической жизни сектантовъ св. Иринеи обращалъ вниманіе на тѣ ея темныя стороны, которыя имѣли связь съ самыми принципами сектантскаго ученія, или могли служить прямымъ обличеніемъ

---

[34]) Подробное изложеніе ученія этихъ сектантовъ Иринеи представляетъ въ первой книгѣ глав. 1—21; опроверженіе ихъ по преимуществу имѣется въ виду во всемъ сочиненіи.

[35]) См. предисловіе къ первой книгѣ п. 2; кн. 1. гл. XIII, 4; срав. Lipsius—Quellenkritik des Epiphanios s. 56.

[36]) Кн. I гл. 26.

ихъ лицемѣрія, обольстительнаго для неопытныхъ людей [37]). При изложеніи самыхъ доктринъ сектантскихъ Ириней, хотя и мало обращалъ вниманія на связь ихъ съ тѣми источниками, изъ которыхъ они выродились, и вообще на внутренній философскій смыслъ каждаго ученія, но по крайней мѣрѣ, на сколько позволяли находившіеся въ его вѣдѣніи источники, онъ старался наиболѣе существенные пункты разсматриваемаго ученія изложить обстоятельно, стройно и послѣдовательно [38]). Не довольствуюсь описаніемъ или обличеніемъ сектантскихъ ученій (ἔλεγχος), св. Ириней главною цѣлію имѣлъ опроверженіе важнѣйшихъ изъ нихъ (ἀνατροπή). Собственно первая часть сочиненія представляетъ описаніе еретическихъ ученій: въ четырехъ слѣдующихъ авторъ занимается преимущественно опроверженіемъ. Въ опроверженіи еретиковъ св. Ириней употребляетъ всѣ тѣ пріемы, какіе въ послѣдствіи получили наибольшее развитіе въ богословской полемикѣ. Еретиковъ хвалившихся высшимъ разумѣніемъ таинъ вѣры (γνωστικούς) онъ опровергаетъ прежде всего соображеніями разума—показаніемъ несостоятельности ихъ основныхъ принциповъ, выведеніемъ изъ этихъ принциповъ нелѣпыхъ послѣдствій, внутренними противорѣчіями, произволомъ и искусственностью построенія еретическихъ системъ [39]). При этомъ св. Ириней, излагая сектантскія ученія, по мѣстамъ даетъ мѣсто и своему остроумію по поводу ихъ [40]). Далѣе св. Ириней опровергаетъ еретиковъ свидѣтельствами священнаго писанія. Въ виду того произвола, съ какимъ еретики для подтвержденія

---

[37]) Особенно Ириней имѣетъ это въ виду при описаніи секты Маркосіанъ, съ которыми у него болѣе было практическихъ столкновеній. См. 13 главу первой книги.

[38]) Этимъ въ особенности отличается изложеніе валентиновой системы въ первыхъ седьми главахъ первой книги.

[39]) Такой характеръ преимущественно имѣютъ опроверженія во второй книгѣ Иринеева сочиненія, а отчасти и въ первой въ самой искусственности построенія еретическихъ системъ онъ старается показать ихъ фальшивость.

[40]) См. напр. въ книгѣ первой: глав. IV, 3, 4; глав. VIII, 1: IX, 4; XI, 4 и другія мѣста.

своихъ ученій давали искусственное толкованіе выраженіямъ свящ. писанія [41]), и смѣшивали истинныя апостольскія и пророческія писанія съ апокрифическими [42]), Иринеи одинъ изъ первыхъ учителей церкви устанавливаетъ правильный методъ толкованія писанія и самое понятіе о свящ. канонѣ [43]); въ частности, вопреки превратному ученію секты маркіоновой, поставлявшей ветхій завѣтъ въ крайнюю противоположность съ новымъ, Иринеи развиваетъ правильное на основаніи истиннаго пониманія ученія апостола Павла воззрѣніе объ отношеніи ветхаго завѣта къ новому [44]). Наконецъ сильнѣйшимъ аргументомъ въ опроверженіи еретиковъ у Иринея служитъ свящ. преданіе. Въ этомъ отношеніи заслуга св. Иринея, какъ всѣми признано, особенно важна. Онъ первый изъ учителей церковныхъ ясно раскрылъ понятіе о вселенскомъ церковномъ преданіи, показалъ его отличіе отъ тайныхъ преданій сектантскихъ, на которыя ссылались еретики въ подтвержденіе своихъ ученій, и установилъ въ богословской полемикѣ тотъ взглядъ, усвоенный всѣми позднѣйшими ересеологами, что для опроверженія противныхъ церковному ученію заблужденій самый твердый оплотъ можно находить во вселенскомъ церковномъ преданіи [45]). Опровергая еретическія заблужденія, Иринеи въ противоположность имъ вездѣ старается раскрывать истинное христіанское ученіе. По каждому пункту христіанскаго вѣроученія, искажаемому сектантами, онъ старается выяснять правильное основанное на свящ. писаніи и неизмѣнно хранимомъ преданіи церковное пониманіе. Съ этой стороны сочиненіе его чрезвычайно важно не только для богословской полемики, но и для догматики—для положительнаго хри-

[41]) Кн. I гл. III, VIII, XVIII; кн. II гл. X, XX—XXII и др.

[42]) Кн. I гл. XIX

[43]) Кн. III гл. I, II, V, VI, IX—XIV, XVI—XXII и др. Въ особенности твердо устанавливается св. Иринеемъ тотъ фактъ, что истинныхъ евангелій, написанныхъ апостолами, ни болѣе ни менѣе, какъ четыре, гл. XI, 8—9.

[44]) Кн. III гл. VI, IX; кн. IV, гл. II, V, IX—XIII, XXV, XXXII—XXXVI..

[45]) Кн. I гл. X; кн. III гл. III—IV, XXIV; кн. V гл. XX и др.

стіанскаго богословія. Въ немъ, хотя и безъ строгой системы въ полемической формѣ, раскрыты въ существенныхъ основахъ, можно сказать, всѣ главнѣйшіе пункты христіанскаго богословія [46]). Естественно поэтому, что сочиненіе св. Иринея между изслѣдователями христіанской письменности и церковной исторіи всегда пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Слѣдовавшіе за Иринеемъ ересеологи при описаніи древнихъ гностическихъ системъ большею частію руководствовались сообщеніями Иринея, и нерѣдко буквально переписывали ихъ въ свои сочиненія противъ еретиковъ [47]). Древніе учители церковные, средневѣковые ученые и ученые новаго времени отзывались о сочиненіи Иринея съ величайшими похвалами [48]). И до послѣдняго времени сочиненіе св. Иринея признаётся въ наукѣ главнымъ источникомъ для исторіи древнихъ ересей,— и по всей вѣроятности такое значеніе останется за нимъ всегда [49]).

---

[46]) См. указанныя въ примѣчаніи 24-мъ сочиненія Дункера, Липсіуса, Дорнера, Мейера, Каниса, Якоби, Ебрарда, Клинга; на русск. языкѣ статью Гусева „Догматическая система св. Иринея".

[47]) Ипполитъ, въ особенности Епифаній, который въ своемъ Панаріѣ переписалъ почти всю первую книгу Иринея, также Ѳеодоритъ, Леонтій византійскій въ сочиненіи „о сектахъ" и Іоаннъ Дамаскинъ въ сочиненіи „Параллели". Мѣста, заимствованныя этими писателями у св. Иринея, какъ сказано уже въ примѣчаніи 24-мъ, обыкновенно обозначаются въ новыхъ изданіяхъ св. Иринея (см. напр. изданіе Массюэтово у Миня или изданіе Гарвея).

[48]) См. изъ древнихъ отзывы объ Иринеѣ у Евсевія — Lib. II cap. 13; Lib. III cap. 23, lib. V cap. 5, 20, 24, 26,—у Кирилла іерусалимскаго—огласит. слов. 16,—у Василія Великаго — о Св. Духѣ гл. 29,—у Блаж. Августина—contra Julianum — Lib. I cap. 3, 7; изъ средневѣковыхъ у Фотія—Bibliotheca CXX. Вниманіе новой науки къ сочиненію св. Иринея доказывается многочисленными изданіями его писаній, тщательнѣйшими комментаріями къ нимъ, и изслѣдованіями объ Иринеѣ, и его писаніяхъ, указаннымъ въ примѣчаніи 24-мъ.

[49]) Кромѣ общаго большаго сочиненія противъ ересей, св. Иринеи писалъ еще особыя полемическія сочиненія противъ римскихъ пресвитеровъ Флорина („о единоначаліи" и „объ осмеричѣ") и Власта („о расколѣ"). Но изъ этихъ сочиненій извѣстны только малые отрывки. См. Евсевія V, 20 и собранія отрывковъ изъ утраченныхъ произведеній Иринея въ новѣйшихъ изданіяхъ его, между прочимъ въ русскомъ изданіи о. Преображенскаго стр. 691 и далѣе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Св. Ипполитъ: его замѣчательная судьба, различныя сказанія о немъ въ исторіи и мнѣнія у новыхъ ученыхъ.

За св. Иринеемъ ліонскимъ слѣдуетъ въ исторіи церкви другой великій полемистъ или ересеологъ—священно-мученикъ Ипполитъ. Подобно св. Иринею, Ипполитъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей и самыхъ замѣчательныхъ писателей своего времени [1]). Имя его надолго осталось славнымъ между христіанами востока и запада [2]). Сочиненія его поль-

---

[1]) Св. Ипполитъ написалъ очень много сочиненій; за исключеніемъ Оригена, это былъ едвали не самый плодовитый и разносторонній изъ всѣхъ христіанскихъ писателей до IV вѣка. Сочиненія его перечисляются въ церковной исторіи Евсевія (кн. VI, гл. 22), въ каталогѣ церковныхъ писателей Іеронима (De viris illustr. LXI), на мраморномъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Ипполита, и найденномъ въ окрестностяхъ Рима въ 1551 году (о немъ подробнѣе въ одномъ изъ слѣдующихъ примѣчаній), и затѣмъ еще нѣкоторыя не упомянутыя здѣсь упоминаются у блаж. Ѳеодорита, патріарха Фотія и еще позднѣйшихъ греческихъ, арабскихъ и сирскихъ писателей. Но изъ этихъ сочиненій нѣкоторыя остаются доселѣ неизвѣстными, другія извѣстны лишь въ очень краткихъ отрывкахъ, нѣкоторыя въ болѣе значительныхъ частяхъ, и лишь немногія (бесѣда о Христѣ и антихристѣ, слово на Богоявленіе) въ цѣльномъ видѣ. Притомъ и тѣ сочиненія св. Ипполита, которыя теперь сдѣлались извѣстны, были открываемы постепенно, и принадлежность ему нѣкоторыхъ изъ нихъ утверждена лишь недавно, или даже и доселѣ представляется спорною. Поэтому полнаго изданія сочиненій Ипполита

зовались большимъ уваженіемъ между позднѣйшими учителями церкви, и нѣкоторыя изъ нихъ съ греческаго языка, на

доселѣ не могло быть сдѣлано. Нѣкоторыя изъ нихъ наиболѣе обращавшіяся въ церковномъ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ были изданы съ учеными примѣчаніями Воссіемъ (противъ ереси Ноэта) Гудіемъ и Комбефизомъ (слово объ антихристѣ). Затѣмъ въ XVIII в. Фабрицій (Hamburg. II Voll. 1716 и 1718 гг.) и Галланди (Biblioth. vett. Patrum. T. II. Venet. 1766), сдѣлали болѣе полныя изданія извѣстныхъ тогда сочиненій Ипполита. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Анж. Маи дополнилъ эти изданія еще нѣсколькими отрывками изъ сочиненій Ипполита (Scriptorum veterum collectio nova T. I. 1825, T. VII. 1833,—T. IX—1837. Romae). Все собранное помянутыми издателями перепечатано Минемъ въ X томѣ греч. серіи Patrologiae cursus completus—съ предисловіями прежнихъ издателей, съ учеными примѣчаніями Комбефиза, Турріана и др., съ двумя значительнѣйшими изслѣдованіями о св. Ипполитѣ и его писаніяхъ, составленными въ прошломъ столѣтіи Лумперомъ и Руджіери (Gottfridi Lumper—De vita et Scriptis S. Hippolyti. Augustae Vindelicae 1791. Constant. Ruggerii—De portuensi S. Hippolyti sede. Romae. 1771), и съ объясненіемъ пасхальнаго круга, изображеннаго на памятникѣ Ипполитовомъ,—Бушера. Но въ X томъ патрологіи Миня, изданный въ 1857 году, не вошли ни вновь открытое и самое значительное изъ сочиненій Ипполитовыхъ „Φιλοσοφούμενα“, о принадлежности котораго были еще сомнѣнія въ пятидесятыхъ годахъ, ни сохранившійся у Евсевія отрывокъ изъ другаго ересеологическаго сочиненія его, извѣстнаго подъ названіемъ „Малый лабиринтъ ὁ μικρὸς λαβύρινθος“), принадлежность котораго св. Ипполиту также утверждена только въ послѣднее время. *Философумена* въ послѣдствіи 1860 г. перепечатаны Минемъ въ XVI томѣ греч. патрологіи вмѣстѣ съ сочиненіями Оригена; а отрывки изъ Малаго лабиринта, кромѣ исторіи Евсевія, напечатаны у Рута—Routh—Reliquiae Sacrae—T. II. Изслѣдованій о св. Ипполитѣ, кромѣ помянутыхъ предисловій къ прежнимъ изданіямъ, и перепечатанныхъ у Миня разсужденій Лумпера и Руджіери, кромѣ замѣчаній о немъ въ трудахъ общихъ церковныхъ исторіковъ—Баронія, Тильмона, и патрологовъ—Дю-Пеня, Сейлье, Каве, Удина, много написано и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ до открытія *философуменовъ*—Гэнелля—De Hippolyto. Götting. 1838 г. и Киммеля — De Hippolyti vita et scriptis. Jena. 1839. Но въ особенности возбуждено было вниманіе къ Ипполиту и его сочиненіямъ въ первые годы по напечатаніи *философуменовъ* (т.-е. послѣ 1851 года). Сюда принадлежатъ статьи Дункера — in d. Götting. gelehrt. Anzeig. 1851, Якоби — Deutsche Zeitschrift für christliche wissenschaft—1851 г. (его же статья въ Realenzyklopädie v. Herzog. T. VI), Гергенретера—Tübing. theolog. Quartalschritt. I. 1852, Гизелера—Theologische Studien und Kritik. 1853, Баура—Theolog. Jahbücher. 1853, Ричля—Theolog. Jahrbuch. 1854; цѣлыя изслѣдованія: Бунзена—первоначально напечатанное на англійскомъ языкѣ—Hyppolitus and his age. 4 Voll. London. 1852, затѣмъ самимъ авторомъ изданное понѣмецки—

которомъ были писаны, переводились на языки другихъ восточныхъ христіанскихъ народовъ — на арабскій, сирскій,

---

Hippolytus und seine Zeit. 2 Bde. Leipzig. 1852—53 г. (сочиненіе богатое содержаніемъ, но съ значительнымъ количествомъ парадоксовъ и ошибокъ), Вордсворта — St. Hippolytus and the church of Rome in the earlier part of the third century. London. 1853 (сочиненіе проникнутое полемическою тенденціей противъ римской церкви), Дёллингера — Hippolytus und Kallistus. Regensburg. 1853 (замѣчательное по внимательному изученію эпохи, по объясненію данныхъ для біографіи Ипполита, по острой критикѣ чужихъ мнѣній, но не безъ натяжекъ и пристрастія—въ пользу римской церкви), Фолькмара—Hippolytus und die römischen Zeitgenossen—Zürich. 1855 г. (особенно имѣетъ значеніе для объясненія внутренней конструкціи *философуменовъ* и отношеній этого произведенія къ другимъ ересеологическимъ памятникамъ, хотя и не вполнѣ удовлетворительно раскрываетъ предположенныя задачи). У насъ на русскомъ языкѣ были лишь небольшія изслѣдованія объ Ипполитѣ, въ настоящее время совершенно отставшія отъ научной разработки этого предмета на западѣ. Таковы статья о св. Ипполитѣ въ *Прибавленіяхъ къ творен. св. Отцевъ* за 1846 г., *въ Историческ. Ученіи объ Отцахъ церкви* преосв. Филарета черниговск. т. I. §§ 52—56, *Предисловіе* къ изданію старо-славянскаго перевода Ипполитова слова объ антихристѣ — К. И. Невоструева. Москва. 1868 г. Отъ нихъ отличается предисловіе къ переводу *философуменовъ* на русскій языкъ въ *Прав. Обозрѣніи* — 1871 г. свящ. П. А. Преображенскаго: въ немъ болѣе всего приняты во вниманіе результаты новыхъ западныхъ изслѣдованій о св. Ипполитѣ и философуменахъ. Но оно слишкомъ коротко касается самыхъ главныхъ вопросовъ представляющихся здѣсь. Мы въ своемъ изслѣдованіи имѣемъ въ виду опредѣлить значеніе Ипполита, главнымъ образомъ какъ ересеолога; но и разъясненіе одной этой стороны дѣла необходимо должно повести, какъ увидимъ, къ раскрытію общихъ вопросовъ о личности и литературной дѣятельности этого замѣчательнаго учителя церковнаго. Поэтому объ Ипполитѣ намъ прійдется говорить гораздо больше, чѣмъ о другихъ древнихъ ересеологахъ. При всемъ томъ наше изслѣдованіе, имѣющее частную ересеологическую цѣль, не устраняетъ конечно потребности имѣть на русскомъ языкѣ другое болѣе обширное общее историческое изслѣдованіе о жизни и писаніяхъ св. Ипполита.

[2]) На востокѣ Ипполита всегда чтили, преимущественно какъ извѣстнаго учителя церкви. Отзывы о немъ позднѣйшихъ писателей церковныхъ, преимущественно греческихъ, см. у Миня Patrolog. graec. T. X, стр. 569—582. День мученической кончины Ипполита на востокѣ вспоминался издавна 30 января. (Архим. Сергія „Мѣсяцесловъ“ Востока т. II, стр. 26 и въ замѣткахъ къ нему, стр. 34; Döllinger — Hippolytus und Kallistus s. 93—94). На западѣ Ипполита, какъ церковнаго писа-

эѳіопскій [3]). Въ память его мученическаго подвига христіанская поэзія сложила восторженный гимнъ [4]). Почитатели св. Ипполита воздвигли ему памятникъ, остающійся до настоящаго времени замѣчательнѣйшимъ памятникомъ древне-христіанскаго искусства [5]). Между тѣмъ, замѣчательное обстоя-

---

теля знали мало. Но память Ипполита, какъ священномученика, пользовалась въ западной церкви особенною извѣстностью вмѣстѣ съ памятью другихъ славнѣйшихъ священномучениковъ III вѣка—Лаврентія, Сикста, Кипріана. Имя Ипполита поминалось въ древнѣйшихъ служебникахъ западной церкви; въ честь его было устроено много храмовъ; изображенія его дѣлались на иконахъ, сосудахъ и другихъ предметахъ церковнаго употребленія; хотя, при запутанности сказаній о св. Ипполитѣ на западѣ въ средніе вѣка, трудно было бы сказать, какого Ипполита собственно тамъ чтили. Сравни Деллингера. Hippolytus und Kallistus s. 35 и далѣе.

[3]) О переводѣ Ипполитовыхъ сочиненій на арабскій и сирійскій языки—Ассемани Biblioth. Oriental. T. III p. 15; Фабрицій Biblioth. Graec. T. VII, p. 196 — 197; и opera Hippolyti T. II, p. 33. Объ эѳіопскихъ отрывкахъ приписываемыхъ Ипполиту (какъ и у Арабовъ—Абулиду), и обнародованныхъ Ванслебомъ (De Ecclesia Alexandrina — Paris. 1677 г.) и Лудольфомъ (Commentar. ad historiam Aethiopicam. Francf. 1691 г.)—см. у Миня T. X pag. 957 и дал. Сравни Лумпера—De scriptis s. Hippolyti въ томъ же томѣ у Миня стр. 345 — 346 и Филарета черниговск. объ Отцахъ церкви т. I. § 53 примѣч. 14, и § 54 прим. 19.

[4]) Мы разумѣемъ здѣсь гимнъ—περὶ στεφανῶν—испанскаго поэта Пруденція, жившаго въ концѣ IV вѣка, въ которомъ, на основаніи древнихъ, хотя и запутанныхъ, преданій воспѣтъ мученическій подвигъ св. Ипполита. Opera Prudentii — Migne — Patrolog. Curs. Lat. ser. **T. LX.**

[5]) Этотъ памятникъ—мраморная статуя, найденная близъ Рима на Вѣровомъ полѣ (in agro Verano), при раскопкахъ произведенныхъ здѣсь въ 1551 году; въ настоящее время она находится въ Ватиканѣ. Церковный учитель представленъ здѣсь въ сидячемъ положеніи, и по сторонамъ его сѣдалища (или епископской каѳедры, какъ прямо называютъ этотъ памятникъ) начертаны по-гречески пасхальный циклъ на 112 лѣтъ, начиная отъ перваго года царствованія Александра Севера, и перечень сочиненій написанныхъ учителемъ церкви. Изображеніе этого памятника съ объясненіемъ пасхальнаго круга начертаннаго на немъ находится при изданіяхъ сочиненій св. Ипполита у Фабриція, у Миня въ X томѣ, и въ русскомъ изданіи слова Ипполитова объ антихристѣ—у Невоструева. Памятникъ найденъ въ поврежденномъ состояніи: головы не нашлось, придѣлана послѣ,—и отбитъ уголъ сѣдалища, на которомъ находится самое начало перечня сочиненій. Что памятникъ этотъ представляетъ именно св. Ипполита, это видно не только изъ тѣхъ извѣстій, что именно онъ занимался въ это время составленіемъ пасхальнаго круга, но и изъ того, что на памятникѣ большею

тельство, о жизни этого славнаго учителя церкви сохранились въ исторіи самыя неопредѣленныя и противорѣчащія сказанія, и самая судьба его сочиненій представляетъ не мало страннаго и загадочнаго.

Несомнѣннымъ можно полагать, что церковная дѣятельность св. Ипполита относится главнымъ образомъ къ первымъ десятилѣтіямъ III вѣка, преимущественно ко времени папъ— Зефирина, Каллиста и ихъ ближайшихъ преемниковъ. Къ этому времени относятъ дѣятельность св. Ипполита большая часть древнихъ наиболѣе достовѣрныхъ писателей упоминав-

---

частію обозначены тѣ сочиненія, которыя у Евсевія и Іеронима прямо приписываются св. Ипполиту. Памятникъ этотъ самъ собою представляетъ свидѣтельство того значенія, какимъ долженъ былъ пользоваться между современниками и въ потомствѣ св. Ипполитъ: такой чести, по замѣчанію Деллингера (Hippolytus. s. 25), не удостоивался въ Римѣ ни одинъ изъ древнихъ церковныхъ дѣятелей послѣ апостола Петра. Когда именно воздвигнутъ былъ этотъ памятникъ, объ этомъ высказывались различныя мнѣнія. Нѣкоторымъ ученымъ представлялось сомнительнымъ, чтобы памятникъ могъ быть воздвигнутъ во времена близкія къ жизни св. Ипполита, когда были еще гоненія на христіанъ; молчаніе о немъ Іеронима, Пруденція, папы Геласія, ближайшихъ свидѣтелей римскихъ преданій объ Ипполитѣ, показываетъ, говорятъ, что памятникъ могъ быть воздвигнутъ не ранѣе VI вѣка. Такое мнѣніе изъ прежнихъ изслѣдователей объ Ипполитѣ поддерживалъ въ особенности Гэнелль, изъ новыхъ Гизелеръ; изъ русскихъ ученыхъ къ нему склонялся преосв. Филаретъ черниговскій. Но гораздо сильнѣе представляются въ этомъ дѣлѣ авторитеты такихъ знатоковъ древне-христіанскаго искусства, какъ Винкельманъ и Виземанъ, и доказательства тѣхъ новыхъ изслѣдователей объ Ипполитѣ, по соображеніямъ которыхъ памятникъ этотъ могъ быть воздвигнутъ именно только во времена ближайшія къ жизни Ипполита. Надписи на памятникѣ сдѣланы на греч. языкѣ, который во II и III вв. былъ въ большомъ употребленіи между римскими христіанами, а въ V и VI вв. сдѣлался совершенно неизвѣстенъ тамъ. Изображеніе на памятникѣ пасхальнаго цикла отъ 222 до 333 года могло имѣть значеніе для христіанъ III вѣка, для V и VI никакого. Перечисленіе сочиненій Ипполита на памятникѣ, представляющееся близкимъ къ показаніямъ Евсевія и Іеронима, но далеко не заимствованныхъ у нихъ, напротивъ болѣе древнимъ, показываетъ, что это надписаніе сдѣлано, когда у римскихъ христіанъ были еще въ живой памяти и употребленіи писанія Ипполитовы, а въ V и VI вв. на всемъ западѣ почти не знали о нихъ. Наконецъ—прибавимъ—самая мысль увѣковѣчить память св. Ипполита и его произведеній могла скорѣе всего явиться между ближайшими почитателями Ипполита въ III вѣкѣ; въ послѣдующіе вѣка, какъ увидимъ, на западѣ напротивъ усиленно старались затмить память св. Ипполита. Что касается до не-

шихъ о немъ [6]); на это время указывается и въ содержаніи самыхъ произведеній св. Ипполита [7]); на это время можно

возможности будто бы въ Римѣ поставить памятникъ Ипполиту въ III вѣкѣ, когда не кончились еще гоненія на христіанъ; эта невозможность не могла имѣть мѣста въ царствованіе такихъ государей, какъ Александръ Северъ или Филиппъ Аравитянинъ, при которыхъ христіане уже начинали открыто, и по преданіямъ—съ вѣдома самаго правительства, строить храмы. А что о памятникѣ не упоминали Іеронимъ, Пруденцій, папа Геласій,—изъ этого не слѣдуетъ, что памятникъ долженъ былъ явиться послѣ нихъ въ VI вѣкѣ. О памятникѣ не упоминалъ никто изъ западныхъ писателей и позднѣйшихъ до XVI вѣка, но изъ этого нельзя заключить, что памятникъ не могъ явиться ранѣе XVI вѣка. Ко временамъ Іеронима и Пруденція истинныя преданія объ Ипполитѣ, какъ увидимъ, сильно затмились; а папа Геласій, еслибы и зналъ эти преданія лучше другихъ современниковъ, имѣлъ особенныя побужденія не упоминать о нихъ. Есть еще мнѣніе о памятникѣ Ипполита, что онъ произведеніе болѣе ранней языческой пластики, и что христіане, желая воспользоваться имъ для прославленія Ипполита, съ своей стороны только сдѣлали на немъ надписаніе пасхальнаго цикла и сочиненій Ипполитовыхъ. Но это мнѣніе, подлежащее разсмотрѣнію въ исторіи христіанскаго искусства, для церковной исторіи не имѣетъ особеннаго значенія (намъ почти все равно, вновь ли сами христіане сдѣлали памятникъ Ипполиту, или воспользовались уже существовавшимъ прежде для прославленія его); и само по себѣ оно не представляется особенно состоятельнымъ. Срав. Bunsen Hippolytus und seine Zeit B. I. s. 163; Döllinger Hippolytus und Kallistus s. 25—28, 291—292; Volkmar Hippolytus und seine Zeitgenossen s. 76—77.

[6]) Евсевій упоминаетъ объ Ипполитѣ (кн. VI гл. 20 и 22) при изложеніи событій времени императоровъ Каракаллы, Геліогабала и Александра Севера и папъ Зефирина и Каллиста, и сближаетъ его дѣятельность со временемъ дѣятельности Берилла Бострійскаго и Кая. Іеронимъ (De viris illustrib. LXI) также помѣщаетъ Ипполита подлѣ Берилла и Кая — современника Зефиринова. Фотій (Bibliotheca cap. CXXI) называетъ Ипполита ученикомъ Иринея и вмѣстѣ съ Іеронимомъ сближаетъ его дѣятельность съ дѣятельностью Оригена. Все это падаетъ на первую половину и главнымъ образомъ на первыя три десятилѣтія III вѣка.

[7]) Всего яснѣе это видно изъ IX книги Философуменовъ, гдѣ авторъ описываетъ событія бывшія въ римской церкви—во время папъ Зефирина и Каллиста, какъ очевидецъ и непосредственный участникъ въ нихъ (см. въ особенности §§ 11 и 12). Но кромѣ того указанія на то же время можно находить и въ другихъ сочиненіяхъ Ипполита: въ обличеніи ереси Ноэта, которая стала распространяться въ Римѣ въ началѣ III столѣтія; въ „Маломъ Лабиринтѣ“, гдѣ также, какъ видно по отрывку приводимому Евсевіемъ описывались событія и опровергались заблужденія, относящіяся къ этому времени; въ упоминаемой Евсевіемъ и Іеронимомъ первой пасхаліи Ипполита, гдѣ составлено было расчисленіе празднованія Пасхи на шестнадцать лѣтъ до перваго

найдти указанія и въ памятникѣ поставленномъ ему [8]); къ этому же времени подходятъ, при всей спутанности и взаимныхъ противорѣчіяхъ, и древнія преданія о мученичествѣ св. Ипполита [9]). Съ полною вѣроятностью въ настоящее время можно полагать также и то, что дѣятельность св. Ипполита главнымъ образомъ была въ Римѣ или имѣла ближайшее отношеніе къ римской церкви. На это также указываютъ и содержаніе его произведеній, и его мраморный памятникъ найденный близъ Рима [10]), и множество другихъ преданій сохра-

---

года царствованія Александра Севера; въ упоминаемой Іеронимомъ бесѣдѣ Ипполита de laude Salvatoris, говоренной въ присутствіи Оригена; въ приписываемомъ сирскимъ каталогомъ Ипполиту сочиненіи противъ Кая, въ которомъ, какъ ниже скажемъ, есть основанія предполагать Кая римскаго и т. д.

[8]) На памятникѣ находится, какъ сказано, расчисленіе пасхальнаго цикла отъ перваго года царствованія Александра Севера на 112 лѣтъ впередъ (это расчисленіе составляетъ такимъ образомъ продолженіе прежде составленнаго Ипполитомъ, о которомъ упомянуто въ предшествовавшемъ примѣчаніи). Кромѣ того на памятникѣ между другими сочиненіями Ипполита упоминается προτρεπτικὸν πρὸς Ζεβῆρειναν. Θеодориту было извѣстно это писаніе подъ именемъ посланія къ императрицѣ (Dialog. II pag. 88; Dialog. III pag. 155). Большая часть ученыхъ подъ этой императрицей разумѣютъ Севиру жену Филиппа аравитянина, къ которой, по свидѣтельству Евсевія, писалъ также посланіе и Оригенъ Euseb. VI, 35). Другіе историки, не желающіе такъ далеко продолжать жизнь Ипполита, разумѣли здѣсь Юлію Маммею, мать Александра Севера, или его жену, или дочь, или Юлію Севиру—вторую жену Геліогабала, нѣкоторые даже Зиновію Пальмирскую. См. Lumperi у Миня въ X томѣ стр. 334 — 335; Döllinger „Hippolytus und Kallistus“ s. 25.

[9]) Въ этихъ преданіяхъ, какъ увидимъ, мученическая кончина Ипполита или нѣсколькихъ Ипполитовъ, жившихъ въ III столѣтіи, относится къ различнымъ пунктамъ времени между царствованіями Александра Севера (+ 235) и Клавдія Готскаго (+ 270). Разстояніе времени довольно значительное; но все-таки оно приближается къ одной и той же эпохѣ.

[10]) Всего яснѣе это можно видѣть изъ IX книги Философуменовъ: но указанія на это опять можно находить и въ сочиненіи противъ Ноэта, и въ отрывкѣ изъ Малаго Лабиринта, и въ надписаніи увѣщанія къ Северинѣ и въ надписаніи сочиненія противъ Кая,—хотя, правду сказать, безъ яснаго свидѣтельства *философуменовъ*, всѣ эти другія данныя очень шатки. Открытіе памятника близъ Рима болѣе имѣетъ значенія, и само по себѣ представляетъ важное доказательство на то, что дѣятельность Ипполита имѣла ближайшее отношеніе къ римской церкви.

нившихся здѣсь о немъ — указываемая гробница св. Ипполита, источникъ посвященный его имени, храмъ воздвигнутый въ честь его [11]). Но былъ ли св. Ипполитъ уроженецъ христіанскаго запада, или подобно св. Иринею онъ былъ малоазійскій Грекъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ пришедшій на церковное служеніе въ западную церковь, объ этомъ могутъ существовать различныя предположенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ имѣть для себя вполнѣ твердыхъ основаній [12]). Патріархъ Фотій называетъ св. Ипполита ученикомъ Иринея (Μαθητὴς Εἰρηναίου) [13]), но откуда онъ взялъ это свѣдѣніе— неизвѣстно, и въ какомъ смыслѣ даетъ Ипполиту названіе ученика Иринея—въ томъ ли, что онъ былъ непосредственный ученикъ пастыря ліонскаго, или его ученикъ по духу— подражатель ему въ своихъ писаніяхъ [14]): это также можетъ

---

[11]) Все это существовало въ Римѣ уже во времена Пруденція, какъ описываетъ онъ въ своемъ гимнѣ.

[12]) О западномъ римскомъ происхожденіи Ипполита заключаютъ на основаніи извѣстія Іеронимова (in epistola ad Magnum), будто Ипполитъ (прежде конечно принятія священнаго сана) былъ сенаторомъ римскимъ. Но справедливость этого извѣстія издавна возбуждала сомнѣнія, и самое чтеніе того мѣста у Іеронима, гдѣ Ипполиту приписывается сенаторское достоинство, многими не признается правильнымъ. (См. Lumperi de vita Hippolyti nota—3; Ruggerii—De portuensi s. Hippolyti sede. P. I. cap. II—V). О малоазійскомъ же происхожденіи Ипполита заключаютъ на основаніи его обширнаго греческаго образованія, отношеній къ св. Иринею, и того обстоятельства, что онъ свои сочиненія писалъ на греческомъ языкѣ, и въ нихъ видно знаніе нѣкоторыхъ такихъ обстоятельствъ изъ исторіи малоазійскаго христіанства, какія не упоминаются у другихъ писателей. Но сближеніе съ Иринеемъ могло произойдти и въ другомъ мѣстѣ. Что касается до греческаго образованія и писанія сочиненій на греч. языкѣ, то нужно сказать, что въ римской церкви во II и въ началѣ III вѣка едва ли не преобладающій элементъ былъ греческій, и другіе писатели жившіе въ Римѣ и вообще на западѣ (до Тертулліана) писали свои сочиненія по-гречески. Для того, чтобы знать обстоятельства малоазійскихъ церквей, также не было непремѣнной надобности вліятельному дѣятелю церковному самому быть въ Малой Азіи.

[13]) Bibliotheca cap. CXXI.

[14]) О личномъ непосредственномъ вліяніи Иринея на Ипполита заключаютъ также со словъ Фотія въ указанномъ мѣстѣ, что Ипполитъ составлялъ свое опроверженіе противъ ересей на основаніи *бесѣдъ Иринея* (ὁμιλούντος Εἰρηναίου). Но это, очевидно, очень слабое основаніе. Извѣстіе еще болѣе позднихъ писателей — Алб. Мирея (въ примѣча-

быть предметомъ только нетвердыхъ предположеній. Если остановиться на томъ, что св. Ипполитъ былъ непосредственный ученикъ Иринея, возникаетъ новый вопросъ и новыя разногласія о томъ, гдѣ Ипполитъ учился у Иринея—въ Малой Азіи, когда тамъ еще былъ Ириней, или въ Галліи на мѣстѣ пресвитерскаго и епископскаго служенія пастыря ліонскаго, или наконецъ въ Римѣ, когда св. Ириней приходилъ туда по дѣламъ церковнымъ [15]). Еще болѣе существенныхъ разногласій между учеными было высказано относительно того, какое мѣсто занималъ св. Ипполитъ въ служеніи церковномъ. И такъ какъ этотъ вопросъ очень любопытенъ самъ по себѣ и очень важенъ для разъясненія внутренняго значенія и самой внѣшней судьбы писаній Ипполитовыхъ, въ особенности важнѣйшаго между ними ересеологическаго памятника—*философуменовъ*: то намъ и нужно нѣсколько остановиться на немъ.

Какъ мы уже сказали, содержаніе большей части произведеній св. Ипполита имѣютъ ближайшее отношеніе къ римской церкви, и множество преданій и вещественныхъ памятниковъ сохранившихся о немъ въ Римѣ показываютъ, что мѣстомъ его служенія и дѣятельности былъ Римъ. Съ другой стороны въ новооткрытомъ произведеніи св. Ипполита Φιλοσοφούμενα есть прямое свидѣтельство о томъ, что св. Ипполитъ въ правленіе папы Зефирина занималъ вліятельное положеніе въ римской церкви, а потомъ когда писалъ Φιλοσοφούμενα, стоялъ уже и самъ во главѣ римскаго священства [16]). На основаніи

ніяхъ къ Іерониму) и Баронія о томъ, что Ипполитъ былъ ученикъ Климента Александрійскаго, еще менѣе имѣетъ основаній. См. Lumper—у Миня—Cap. I, Art. I.

[15]) Сравни—Harnack Zur Quellenkritik d. Gnosticismus—in Ztschr. für histor. Theolog. 1874 г. § 3. Lipsius—Die Quellen d. aeltest. Ketzergesch. гл. VI, Döllinger—Hippolytus—s. 118, 122.

[16]) См. Φιλοσοφούμεν Lib. IX, cap. 11 и 12; сравни слова предисловія, гдѣ авторъ называетъ себя преемникомъ апостольскаго служенія, участникомъ благодати первосвященства, стражемъ церкви. Ἅγιον Πνεῦμα τυχόντες πρότεροι οἱ ἀπόστολοι μετέδοσαν τοῖς ὀρθῶς πεπιστευκόσιν, ὧν ἡμεῖς διάδοχοι τυγχάνοντες τῆς τε αὐτῆς χάριτος μετέχοντες ἀρχιερατείας τε καὶ διδασκαλίας καὶ φρουροὶ τῆς Ἐκκλησίας δυκ ὀφθαλμῷ νυστάζομεν...

этихъ данныхъ повидимому не могло быть никакого другаго предположенія о мѣстѣ служенія и дѣятельности св. Ипполита, кромѣ того, что онъ былъ пресвитеромъ и епископомъ римской церкви. Такое преданіе о св. Ипполитѣ дѣйствительно и держалось всегда въ восточныхъ церквахъ. Здѣсь въ отзывахъ церковныхъ писателей объ Ипполитѣ, въ церковныхъ мартирологахъ и агіологахъ, и въ надписаніяхъ сочиненій приписываемыхъ св. Ипполиту, онъ назывался обыкновенно епископомъ или папою римскимъ [17]). Но, замѣчательное дѣло, въ

---

[17]) См. свидѣтельства объ Ипполитѣ, какъ епископѣ римскомъ восточныхъ писателей: Евстратія пресвит. константинопольскаго (VI в.), Леонтія византійскаго и Анастасія Синаита (нач. VII в.), патріарха, Германа и Іоанна Дамаскина (нач. VIII в.), патр. Никифора (нач. IX в.), Θеофилакта болгарскаго и Кедрина (XI в.) - въ Патрологіи Миня, т. X, стр. 575—576, и въ особенности у Деллингера Hippolytus, стр. 91—96, гдѣ къ свидѣтельствамъ писателей церковныхъ присоединены свидѣтельства изъ древнихъ греческихъ менологовъ и синаксарей, изъ древнихъ катенъ, изъ надписаній греческихъ рукописей Ипполитовыхъ сочиненій. И замѣчательно, что на востокѣ считали Ипполита епископомъ или папою римскимъ не только греки, но и сирійцы, арабы, копты (подъ именемъ Абулида), и не только православные, но и монофизиты. Въ нашихъ славянскихъ рукописяхъ сочиненія, приписываемыя св. Ипполиту, также извѣстны были подъ именемъ Ипполита Блаженнаго папы римскаго (см. Слово въ недѣлю мясопустную у Невоструева—Приложеніе 1, стр. 189). И въ славянскихъ мѣсяцесловахъ и синаксаряхъ Ипполитъ обыкновенно именовался подъ 30 января папою римскимъ. Другое мнѣніе объ Ипполитѣ, какъ епископѣ портуенскомъ, въ первый разъ заявлено было на Востокѣ около половины VII в. проживавшимъ въ Константинополѣ Анастасіемъ апокрисіаріемъ римской церкви, открывшимъ будто бы здѣсь греческіе акты мученичества св. Хрисы (съ свѣдѣніями объ Ипполитѣ, въ которыхъ онъ однакожъ представляется только пострадавшимъ въ Порто, но не собственно епископомъ портуенскимъ) и собственное произведеніе Ипполита противъ Верона и Гелика (теперь признанное неподлиннымъ. Отъ Анастасія это мнѣніе перешло въ греческую пасхальную хронику VII столѣтія и повторено нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ греческихъ писателей — Георгіемъ Синкелломъ (въ концѣ VIII в.), Зонарою (въ XII в.), Никифор мъ Каллистомъ (въ XIV в.) (Деллингера — Hippolytus, стр. 96—98). Впрочемъ это мнѣніе никогда не имѣло на востокѣ преобладающаго значенія. Только новѣйшіе русскіе ученые, подражая прежнимъ западнымъ, пытались исправить ошибку древняго греческаго преданія, и утвердить въ наукѣ мнѣніе о портуенскомъ епископствѣ св. Ипполита, и именно въ то самое время, когда западная наука напротивъ должна была отказаться отъ этого мнѣнія, и признать справедливость древняго восточнаго преданія объ Ипполитѣ.

древней западной церкви, въ самомъ Римѣ, которому принадлежала дѣятельноеть св. Ипполита, и затѣмъ въ западной наукѣ средневѣковой и новѣйшей до самаго послѣдняго времени было замѣтно какъ бы усиленное стараніе отдалить память Ипполита отъ Рима, отыскать для него мѣсто епископскаго служенія гдѣ бы то нибыло—въ Аравіи, въ Сиріи, въ Египтѣ, пожалуй въ другомъ городѣ Италіи, только не въ Римѣ. На это конечно должны были существовать особенныя серьезныя причины. Въ объясненіе того, какъ западными учеными не принималось во вниманіе ясное и неопровержимое свидѣтельство философуменовъ о церковномъ служеніи Ипполита въ Римѣ нужно сказать, что это произведеніе сдѣлалось извѣстнымъ для ученыхъ только въ послѣднее время [18]), да и послѣ обнародованія его принадлежность его св. Ипполиту не сразу была признана. Содержаніе другихъ произведеній Ипполита, какъ мы уже сказали, могло только указывать, что дѣятельность его имѣла близкое отношеніе къ римской церкви, но не давало еще прямаго указанія на то, что мѣстомъ его постояннаго служенія была римская церковь. Вещественные памятники пребыванія св. Ипполита въ Римѣ можно было объяснять такъ и иначе, что онъ напр. былъ епископомъ гдѣ нибудь недалеко отъ Рима, или пришедши изъ какой нибудь отдаленной церкви (изъ Аравіи или Сиріи), принялъ мученическую смерть въ Римѣ, или наконецъ просто тѣмъ, что въ Римѣ было распространено особенное благоговѣніе къ св. Ипполиту, какъ къ славному учителю церковному и мученику. Что же касается до преданій восточной церкви о римскомъ святительствѣ св. Ипполита, на западѣ имъ тѣмъ менѣе придавали значенія. Западные ученые въ своемъ невысокомъ представленіи о христіанскомъ востокѣ способны были предполагать, что на востокѣ называли Ипполита папою римскимъ по недоразумѣнію, потому только, что тамъ не знали преданій

[18]) *Философумены* въ настоящемъ видѣ, какъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, открыты были на Аѳонѣ въ 1842 г. и въ первый разъ напечатаны въ Лондонѣ 1851 года

западной церкви, и могли смѣшивать названіе римской церкви съ названіями другихъ итальянскихъ церквей, переносить титулъ папы на епископовъ другихъ итальянскихъ городовъ, кромѣ Рима, и даже прилагать званіе епископа пресвитеру [19]).

Между тѣмъ у западныхъ ученыхъ повидимому были сильнѣйшія основанія для того, чтобы не допускать предположенія о римскомъ епископствѣ св. Ипполита. Одно изъ этихъ основаній заключалось въ томъ, что древнѣйшіе церковные писатели и лучшіе знатоки церковныхъ древностей — Евсевій и Іеронимъ, говоря объ Ипполитѣ, не называютъ его римскимъ епископомъ. Точный Евсевій, обыкновенно обозначавшій и для менѣе значительныхъ и болѣе древнихъ, чѣмъ Ипполитъ, писателей церковныхъ — епископовъ, мѣста ихъ епископскаго служенія, называетъ Ипполита просто предстоятелемъ какой-то церкви [20]). Любознательный Іеронимъ, въ особенности хорошо знавшій преданія римской церкви, съ особенною ревностью изучавшій все, что могло относиться къ памяти римскихъ мучениковъ, и между прочимъ имѣвшій особенное уваженіе къ памяти св. Ипполита, говоритъ о св. Ипполитѣ, что онъ не могъ узнать мѣста его епископскаго служенія [21]). Конечно этотъ аргументъ можетъ быть обращенъ противъ предположенія о епископствѣ Ипполита какъ въ римской, такъ и во

---

[19]) См. Ruggerii — De Portuensi. S. Hippolyti Sede. P. I, cap. XX—XXVII P. II, cap. VIII—IX; Bunsen—Hippolytus und Seine Zeit B. I, стр. 151—153; Döllinger — Hippolytus und Kallistus, стр. 87—88 и 313—315.

[20]) Евсев. кн. VI, гл. 20. Ἱππολυτος ἑτέρας ποῦ καὶ αὐτὸς προεστῶς Ἐκκλησίας.

[21]) Hieron. De viris illustrib. cap. LXI: Hippolytus cujusdam Ecclesiae episcopus, nomen quippe urbis scire non potui. Между тѣмъ Іеронимъ долгое время жилъ въ Римѣ въ молодости и затѣмъ при папѣ Дамасѣ около четырехъ лѣтъ и имѣлъ по его словамъ особенное усердіе къ посѣщенію гробницъ мученическихъ и изученію преданій относящихся къ нимъ (Commentar. in Ezechiel. cap. 40). А что память Ипполита между прочимъ привлекала къ себѣ особенное вниманіе Іеронима, это видно изъ того, что онъ упоминаетъ о немъ, кромѣ каталога церковныхъ писателей, и въ своихъ письмахъ (70 ad Magnum, 71 ad Lucinium), и въ толкованіяхъ на книги свящ. писанія (Prol. in Matth), и сообщаетъ о немъ нѣкоторыя преданія, не упоминаемыя другими древними писателями.

всякой другой церкви: тѣмъ не менѣе при невыясненности вопроса, почему Евсевій и Іеронимъ не могли признать въ Ипполитѣ римскаго епископа, хотя вѣроятно и знали нѣкоторыя преданія о его римскомъ епископствѣ, этотъ аргументъ имѣетъ значительную силу. Еще болѣе сильнымъ представляется другой аргументъ противъ римскаго епископства св. Ипполита— это тотъ, что ни въ одномъ изъ древнихъ каталоговъ римскихъ папъ, ни въ одномъ изъ древнихъ западныхъ мартирологовъ и ни у одного изъ древнихъ западныхъ писателей Ипполитъ не называется папою или римскимъ епископомъ. И вообще, еще болѣе замѣчательное обстоятельство, древній и средневѣковой западъ почти не зналъ не только Ипполита римскаго епископа, но и Ипполита знаменитаго писателя церковнаго, котораго и въ древніе и въ средніе вѣка хорошо знали на востокѣ—греки, сирійцы, арабы [22]). Взамѣнъ этого западная церковь и именно около того самаго времени, къ которому по признакамъ находящимся въ сочиненіяхъ св. Ипполита должна относиться его жизнь, знаетъ нѣсколькихъ Ипполитовъ мучениковъ, которыхъ біографическія черты то какъ будто сходятся къ одной и той же исторической личности, развитіемъ легенды церковной раздробленной на нѣсколько личностей, то опять расходятся въ различныя положенія церковныя, хронологическія и топографическія, которыя повидимому никакъ нельзя свести къ одному и тому же историческому лицу. На этой основѣ построено въ западной церкви множество легендъ, преданій, житій святыхъ, содержаніе которыхъ для уясненія жизни и историческаго значенія дѣйствительнаго историческаго Ипполита представляетъ немного данныхъ, но изученіе которыхъ можетъ привести къ разъясненію

---

[22]) Изъ западныхъ писателей, кромѣ Іеронима, объ Ипполитѣ, какъ составителѣ пасхальнаго цикла, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ упоминали еще Исидоръ Испалійскій (Origin. Lib. VI, cap. 16) и Адо Віенскій (in Chronico ad ann. 220), и затѣмъ никто—ни многописавшій Августинъ, ни ересеологъ Филастрій, ни другіе. Сочиненія Ипполита до позднѣйшихъ вѣковъ совсѣмъ не были извѣстны на западѣ. Сравни Деллингера, стр. 35.

вопроса, какъ на западѣ — въ преданіяхъ церковныхъ и въ наукѣ постепенно затмѣвалась память о дѣйствительномъ историческомъ Ипполитѣ — писателѣ церковномъ епископѣ римскомъ, и какъ взамѣнъ этого могли складываться въ самой наукѣ предположенія о епископствованіи Ипполита въ разныхъ другихъ мѣстахъ [23]).

Древнѣйшее изъ западныхъ извѣстій о св. Ипполитѣ находится въ старомъ такъ-называемомъ либеріанскомъ каталогѣ римскихъ папъ, составленномъ въ 354 году, и имѣющемъ значеніе оффиціальнаго историческаго памятника для первоначальной исторіи римской церкви. О св. Ипполитѣ здѣсь упоминается только мимоходомъ по поводу ссылки папы Понтіана на островъ Сардинію въ 235 году; вмѣстѣ съ нимъ сосланъ былъ, говорится, и пресвитеръ Ипполитъ [24]). Само по себѣ это извѣстіе не представляетъ еще впрочемъ никакой опредѣленности, и всѣ предположенія новѣйшихъ ученыхъ о томъ, что этотъ именно Ипполитъ былъ Ипполитъ церковный писатель, что онъ съ папою Понтіаномъ умеръ въ Сардиніи, и послѣ мощи его вмѣстѣ съ мощами Понтіана были перенесены въ Римъ и положены въ извѣстной усыпальницѣ, гдѣ въ послѣдствіи сдѣлалась извѣстна гробница Ипполитова, не имѣютъ особенно твердыхъ основаній. Рядомъ съ этимъ римскимъ пресвитеромъ Ипполитомъ западныя сказанія впрочемъ уже позднѣйшія знаютъ другаго, мученика Ипполита, пресвитера антіохійскаго, только пострадавшаго въ Римѣ, который прежде принадлежалъ къ новаціанской сектѣ, но передъ смертію раскаялся и умеръ отъ руки палача съ испо-

---

[23]) Подобный разборъ всѣхъ этихъ сказаній у Деллингера во второй главѣ его книги „Hippolytus und Kallistus.

[24]) Liberian. Katalog ad ann. 235: „Eo tempore Pontianus episcopus et Ypolitus presbyter exoles sunt deportati in Sardinia in insula nociva Severo et Quintino-Consul“. О либеріан. каталогѣ см. Mommsen: Ueber den Chronographen 354—in d. Abhandlung. der philolog-histor. Classe K. Sachs. Gesellschaft der Wissenschaften B. I, 1850, s. 635; Lipsius: Chronologie der römischen Bischöfe. Kiel. s. 265. Срав. Doellinger — Hippolytus und Kallistus, s. 29, 67—71.

вѣданіемъ той вѣры, которой держится каѳедра св. Петра [25]). Изъ этого антіохійскаго пресвитера въ сказаніяхъ еще позднѣйшихъ образовался уже антіохійскій епископъ, пострадавшій не въ Римѣ, а въ Сиріи, а еще въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ дѣятельность этого Ипполита переносится уже изъ Антіохіи въ Александрію и изъ III вѣка въ V [26]).

Кромѣ этихъ двухъ пресвитеровъ, въ Римѣ пострадалъ еще по свидѣтельству одного жизнеописанія, приводимаго Бароніемъ, въ 257 г. при императорѣ Валеріанѣ какой-то пустынникъ Ипполитъ, проживавшій за городомъ въ уединенной пещерѣ, занимавшійся обращеніемъ язычниковъ, и за это по приказанію префекта Секундіана умерщвленный бичами римскихъ солдатъ [27]). Затѣмъ цѣлый циклъ сказаній о мученикахъ пострадавшихъ въ Остіи и Порто, представляютъ намъ новаго священномученика Ипполита; онъ называется здѣсь въ однихъ редакціяхъ жизнеописаній епископомъ, въ другихъ пресвитеромъ, или просто старцемъ (senex), нонномъ (nonnus или nonus, въ значеніи старца, пустынника, или въ значеніи собственнаго имени), вообще является дѣятельнымъ руководителемъ находящихся здѣсь христіанъ, заботится о погребеніи другихъ мучениковъ, предстательствуетъ за христіанъ передъ римскими властями, обличаетъ правителей въ несправедливыхъ жестокостяхъ съ христіанами, и за это самъ связанный по рукамъ и по ногамъ сбрасывается съ городской стѣны въ колодезь или водосточную яму, и здѣсь находитъ свою смерть [28]).

---

[25]) О страданіяхъ Ипполита пресвитера повѣствуется въ старыхъ римскихъ мартирологахъ (напр. такъ-назыв. Іеронимовомъ) подъ 30 января. Срав. Деллингера, стр. 51—52.

[26]) Такъ въ жизнеописаніи Ипполита, изъ котораго отрывки находятся въ Acta Ss. (Aug. T. IV, p. 506), гдѣ дѣятельность Ипполита смѣшивается съ дѣятельностью епископа Нонна, обратившаго св. Пелагію отъ безнравственной жизни. См. также Ruggerii. P. II, cap. X. Деллингера стр. 44.

[27]) Baronii Annales ad an. 257. Деллингеръ, стр. 51.

[28]) Акты остійскихъ мучениковъ — Acta martyrum ad Ostia Tiberina sub Claudio Gothico — собраны и изданы въ Римѣ въ 1795 году Симономъ de Magistris, съ объяснительными примѣчаніями и большимъ из-

Независимо отъ всѣхъ этихъ мучениковъ священнаго чина, римскія преданія знаютъ еще знаменитаго мученика Ипполита воина пострадавшаго при императорѣ Деціѣ. Память его и мѣсто погребенія тѣсно связывается съ памятью и мѣстомъ погребенія священномученика діакона Лаврентія (также будто пострадавшаго при Деціѣ?). Этотъ Ипполитъ—римскій центуріонъ, которому поручено было стеречь св. Лаврентія въ темницѣ передъ казнью, былъ обращенъ имъ въ христіанство, затѣмъ самъ мужественно исповѣдалъ вѣру передъ префектомъ римскимъ и по его приказанію, въ подобіе смерти древняго миѳическаго героя Ипполита сына Тезеева, привязанъ былъ къ дикимъ разъяреннымъ лошадямъ, и ими разорванъ на части. Мощи его положены были вблизи мощей св. Лаврентія in via Tiburtina, гдѣ въ послѣдствіи подлѣ базилики св. Лаврентія появилась и базилика св. Ипполита; и послѣ него пострадали его кормилица Конкордія и 19 другихъ христіанъ—его домочадцевъ и подчиненныхъ [29]).

Испанскій поэтъ Пруденцій, въ концѣ IV вѣка изучавшій на мѣстѣ преданія о римскихъ мученикахъ, слагая гимнъ въ честь Ипполита, соединилъ въ одно черты помянутыхъ нами преданій о мученикѣ Ипполитѣ — пресвитерѣ римскомъ, епископѣ Портуенскомъ, и мученикѣ Ипполитѣ — разорванномъ лошадьми при императорѣ Деціѣ, и по-

---

слѣдованіемъ о жизни и сочиненіяхъ Ипполита, которое Деллингеръ (s 75), при всей учености выказанной авторомъ въ этомъ сочиненіи, называетъ литературнымъ курьезомъ. Древнѣйшее изъ сказаній, находящихся въ этой книгѣ, греческіе акты мученичества св. Хрисы перепечатаны Минемъ въ X томѣ Patrologie. graec. стр. 547—570 и латинская редакція ихъ тамъ же, стр. 1603—1608. Деллингеръ (стр. 41—51 и 74—76) довольно подробно разбираетъ эти сказанія, но съ нѣкоторымъ пристрастіемъ и натяжками, къ числу хоторыхъ нужно напр. отнести то его мнѣніе, будто подъ императоромъ Клавдіемъ упоминаемымъ въ этихъ актахъ нужно разумѣть не Клавдія II Готскаго, а Клавдія I—предшественника Неронова. Въ нѣкоторыхъ же редакціяхъ этихъ актовъ (Acta Ss. Aug. T. IV, pag. 757) страданія остійскихъ мучениковъ относятся ко времени императора не Клавдія, а Александра Севера (Деллингеръ, стр. 47).

[29]) Извѣстія о страданіяхъ этихъ мучениковъ въ западныхъ календаряхъ и мартирологахъ подъ 13 августа. Ср. Деллингеръ, стр. 31—41.

гребенномъ in via Tiburtina. По его описанію Ипполитъ былъ римскій пресвитеръ, увлекшійся заблужденіемъ новаціанства, и самъ сдѣлавшійся главою этой партіи; во время Деціева гоненія онъ находился съ своими послѣдователями въ Остіи; но и туда прибылъ римскій префектъ, ненасытившійся кровію римскихъ мучениковъ. Ипполитъ, осужденный на смерть, раскаялся въ своемъ заблужденіи, и обратился къ послѣдователямъ новаціанства съ увѣщаніемъ подчиниться римской церкви. Префектъ приказалъ его привязать къ дикимъ лошадямъ и разорвать. Мощи св. мученика были перенесены въ Римъ и положены in via Tiburtina, гдѣ Пруденцій видѣлъ и гробницу его, и источникъ посвященный его имени, и храмъ воздвигнутый въ память его съ изображеніемъ на стѣнѣ самаго мученическаго подвига Ипполитова [30]). Комбинаціею Пруденція не завершилось развитіе сказаній о св. Ипполитѣ: послѣ него явилось еще одно сказаніе въ свою очередь связавшееся съ другими. Папа Геласій въ одномъ изъ своихъ сочиненій назвалъ Ипполита церковнаго писателя митрополитомъ аравійскимъ [31]). Явилось ли у папы Геласія это предположеніе вслѣдствіе простаго недоразумѣнія того мѣста Евсевіевой исторіи, гдѣ церковной историкъ не обозначая мѣста епископскаго служенія Ипполита помѣстилъ его рядомъ съ Берилломъ епископомъ Бостры Аравійской [32]), или въ основаніи этого извѣстія

[30]) Aurel. Prudentii — περὶ στεφανῶν gymn. XI. Разборъ сказанія Пруденціева и мнѣнія о немъ различныхъ ученыхъ см. у Ruggerii P. I, cap. VII—XIV, Doellinger, s. 54—66.

[31]) De duabus in Christo naturis Contra Nestorium et Eutychen. Opera Gelasii — Migne Patrolog. Lat. Ser. T. LIX. Срав. Lumperi de vita Hippoliti—art. II; у Миня Т. X. стр. 273. Ruggerii P. II, cap. XII—XVII; Деллингеръ, стр. 54.

[32]) Нужно сказать, что указанное мѣсто Евсевіевой исторіи (кн. VI, гл. 20) въ латинскомъ переводѣ Руфина было передано такъ неточно, что въ особенности могло подавать поводъ къ представленію Ипполита вмѣстѣ съ Берилломъ епископомъ аравійскимъ. У Евсевія въ подлинникѣ читается такъ: Ἐπίσκοπος δε ουτος (Βήρυλλος) ἦν τῶν κατα Βόστραν... ὧσαύτως τε καὶ Ἱππολυτος ἑτέρας που καὶ αὐτὸς προεστὼς Ἐκκλησίας. У Руфина это мѣсто переведено такъ „Episcopus fuit hic (Beryllus) apud Bostram. Erat nihilominus et Hippolytus, qui et ipse aliquanta scripta dereliquit, episcopus.

были какія нибудь древнія преданія, или даже какія нибудь особенныя мѣстныя тенденціи: во всякомъ случаѣ это извѣстіе получило дальнѣйшее развитіе, и связалось съ прежними сказаніями объ Ипполитѣ, какъ епископѣ портуенскомъ, или пострадавшемъ въ Римѣ пастырѣ антіохійскомъ. Отысканъ былъ въ Аравіи городъ Аденъ, который носилъ названіе Аравійской пристани и также римской пристани (Portus Romanus), явилось сказаніе объ обращеніи Ипполитомъ къ вѣрѣ Христовой трехъ тысячъ аравитянъ, перенесена на того же Ипполита отъ антіохійскаго исторія обращенія св. Пелагіи отъ безнравственной жизни, и затѣмъ для сближенія и этого Ипполита съ римскими преданіями онъ долженъ былъ прійти въ Римъ и здѣсь принять мученическую смерть—въ самомъ Римѣ, или въ Портѣ римскомъ вмѣстѣ съ другими остійскими мучениками [33]).

Нужно сказать, что всѣ эти сказанія могли развиться на свободной почвѣ, безъ всякаго отношенія къ содержанію письменныхъ произведеній Ипполита, которыя на западѣ въ средніе вѣка были совершенно забыты [34]), и безъ вниманія къ свидѣтельству, начертанному на памятникѣ ему, который открытъ былъ послѣ. Когда въ XVI вѣкѣ найдена была такъ-называемая мраморная каѳедра Ипполитова съ перечнемъ его сочиненій, и когда въ слѣдующіе вѣка стали издаваться въ свѣтъ нѣкоторыя изъ его писаній: циклъ сказаній объ Ипполитѣ, или о многихъ мученикахъ Ипполитахъ былъ уже развитъ вполнѣ, и новымъ ученымъ оставалась только взять одного изъ этихъ Ипполитовъ древняго сказанія, и сдѣлать его авторомъ тѣхъ произведеній, которыя, по свидѣтельству Евсевія и Іеронима принадлежали церковному писателю жившему въ первой половинѣ III вѣка.

---

[33]) Въ такомъ видѣ разсказъ о св. Ипполитѣ сложился у извѣстнаго римскаго кардинала Петра Даміани (XI в.). Epistola ad Nicolaum P. Opera Damiani — Migne Patrolog. Latin Ser. T. CXLV. Opuscul. XIX, cap. VII. Ср. Деллингеръ, стр. 45.

[34]) См. примѣч. 22.

Наиболѣе удобнымъ представилось выбрать для этого Ипполита епископа пристани римской въ Италіи, или Ипполита епископа пристани римской въ Аравіи. Мнѣнія ученыхъ раздѣлились: одни признали церковнаго писателя епископомъ порта Италійскаго, другіе епископомъ порта Аравійскаго [35]), такъ или иначе пріурочивая того и другаго къ римскимъ преданіямъ и къ показаніямъ памятника найденнаго въ 1551 году, и на различные лады видоизмѣняя старые разсказы о мученичествѣ Ипполита отъ дикихъ коней или отъ ввержения въ колодезь— при императорахъ Александрѣ Северѣ, Максиминѣ, Деціѣ, Валеріанѣ, Клавдіѣ Готскомъ. Ни то, ни другое мнѣніе не могло представить за себя особенно твердыхъ основаній; но каждое опиралось преимущественно на слабости другаго. Мнѣніе въ пользу Порта Италійскаго представлялось наиболѣе удобнымъ въ томъ отношеніи, что оно ближе подходило къ римскимъ памятникамъ объ Ипполитѣ, къ содержанію Ипполитовыхъ сочиненій, и связывалось съ цѣлымъ цикломъ сказаній объ Остійскихъ мученикахъ. Но противъ него было два сильныхъ возраженія: 1) Сомнѣніе въ томъ, могла ли быть въ первой половинѣ III вѣка епископская каѳедра въ Портѣ или

---

[35]) Сначала какъ между католическими учеными съ Баронія, такъ и между протестантскими господствовало то мнѣніе, что Ипполитъ былъ епископомъ въ Портѣ Римскомъ въ Италіи. Но затѣмъ Стефанъ Ле-Муанъ, (in Prolegominis ad varia Sacra-exertatiuncula de S. Hippolyto) раскритиковавши это мнѣніе, и основываясь на свидѣтельствѣ папы Геласія, далъ ходъ другому мнѣнію, что Ипполитъ былъ епископомъ Порта Аравійскаго. Къ этому мнѣнію присоединились извѣстные изслѣдователи древней церковной письменности Каве (Histor. litter. T. I, p. 102), Удинъ (Commentar. de Scriptor. ecclesiast T. I, pag. 222) Дю-Пэнь (Biblioth. auctor. T. I, pag. 179) Ассемани (Biblioth. Oriental. T. III, Par. 1. pag. 15). Болѣе осторожные писатели (Tillemont memoir. T. III; Ceillier Hist. gener. T. II, pag. 317; Bolland. T. IV, August. pag. 510) высказывали колебаніе между обоими мнѣніями, не склоняясь рѣшительно ни къ тому, ни къ другому. Въ концѣ прошлаго столѣтія Руджери своимъ изслѣдованіемъ De Portuensi S. Hippolyti sede и Симонъ de Magistris собраніемъ актовъ Остійскихъ мучениковъ дали опять преобладаніе прежнему мнѣнію о Портѣ Италійскомъ, и это мнѣніе по преимуществу держалось между учеными до открытія *философуменовъ*, и послѣ открытія нѣкоторое время. Впрочемъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи сильно отстаивалъ мнѣніе объ Аравійскомъ епископствѣ Ипполита Генелль „De Hippolyto episcopo“ Hottingae. 1838.

въ Остіи [36]). 2) Незнаніе Евсевія и Іеронима относительно Порта Италійскаго и положительное свидѣтельство папы Геласія противъ него. Съ другимъ мнѣніемъ относительно Порта Аравійскаго эти затрудненія какъ будто устранялись: незнаніе Іеронима относительно отдаленной аравійской митрополіи могло представляться болѣе естественнымъ, неопредѣленное выраженіе Евсевія поставляющаго Ипполита рядомъ съ Берилломъ Бострійскимъ можно было еще истолковать въ пользу этого мнѣнія; а свидѣтельство папы Геласія прямо говорило въ пользу его. Но это мнѣніе представлялось почти совершенно несогласимымъ съ содержаніемъ Ипполитовыхъ произведеній, съ римскими преданіями о немъ, съ остійскими сказаніями, и вообще оно не могло привести въ свою пользу болѣе древняго и болѣе крѣпкаго основанія, какъ неопредѣленное свидѣтельства папы Геласія VI вѣка, въ подлинности котораго притомъ выражалось сомнѣніе [37]). Ученые не могли не чувствовать слабости основаній того и другаго мнѣнія [38]), и вслѣдствіе этого у нѣкоторыхъ явилось рѣшеніе оставить совсѣмъ поиски епископской каѳедры Ипполитовой, и представить Ипполита епископомъ безъ опредѣленной каѳедры, на подобіе нынѣшнихъ episcoporum in partibus infidelibus въ римской церкви [39]). Но

---

[36]) Деллингеръ, съ особенною внимательностью разсмотрѣвшій мнѣніе о епископствѣ Ипполита въ Порто Италійскомъ, рѣшительно опровергъ всѣ основанія этого мнѣнія, и доказалъ, что ни въ Порто, ни въ Остіи не было епископской каѳедры до IV вѣка. Hippolytus und Kallistus ss. 73—98, 310—324.

[37]) См. Ruggerii p. II, cap. XIII—XVII.

[38]) Подробное изложеніе и разборъ основаній, приводившихся въ прежнее время, въ пользу того и другаго мнѣнія въ изслѣдованіяхъ Руджіери и Генелля.

[39]) Такое мнѣніе высказано Бенедиктинцами Congregat. S. Mauri in Histor. litter. de la France. T. I, pag. 363 и Кардиналомъ Орси (Doellinger s. 78). Мнѣніе это основано на сближеніи Ипполита съ его современникомъ Каемъ, котораго Фотій въ одномъ мѣстѣ своей библіотеки назвалъ ἐπίσκοπον τῶν ἐθνῶν (Biblioth cap. XLVIII). Но это основаніе очевидно очень слабое. Неизвѣстно, откуда Фотій могъ взять предположеніе о Каѣ, какъ епископѣ ἐθνῶν, и самая правильность чтенія означеннаго мѣста у Фотія подвергалась сомнѣнію,— нѣкоторые, вмѣсто ἐπίσκοπος ἐθνῶν читали επισκοπος ἀθηνῶν. (Fabricii Biblioth. Graeca T. V,

предположеніе о существованіи такихъ епископовъ въ древней церкви не могло быть подтверждено историческими данными, и противъ него сильно говорило то пониманіе епископскаго званія и его отношеній къ церкви, какое существовало во времена свв. Игнатія и Кипріана. Въ такомъ положеніи дѣла, при множествѣ спутанныхъ и разнорѣчивыхъ показаній объ Ипполитѣ, ученымъ чуть не оставалось совсѣмъ отказаться отъ историческаго разъясненія его личности, и по выраженію Деллингера представлять его себѣ какъ ἀπάτωρ, ἀμήτωρ, ἀγενεαλόγητος [40]).

Открытіе философуменовъ должно было дать новое направленіе разъясненію вопроса. Здѣсь представились новыя ясныя и твердыя данныя къ тому, чтобы признать Ипполита, согласно съ древнимъ восточнымъ преданіемъ, епископомъ не иной какой либо церкви, какъ самой римской. Хотя авторъ *философуменовъ* не называетъ прямо степени и мѣста своего церковнаго служенія: но въ IX книгѣ этого сочиненія (преимущественно въ 11 и 12 главахъ) онъ описываетъ, какъ непосредственный очевидецъ и участникъ, событія совершившіяся въ римской церкви—при папахъ Зефиринѣ и Каллистѣ. Самъ онъ въ этомъ описаніи представляется лицомъ, имѣвшимъ

---

pag. 267). Высказывались и другія мнѣнія о епископствѣ св. Ипполита, между ними напр. и такое, что епископство это было не церковное, а гражданская должность (Heumann in dissertatione, in qua docetur, ubi et qualis episcopus erat Hippolitus, saeculi tertii scriptor ecclesiasticus Goetting. 1738). Нужно сказать, что среди такихъ далекихъ отъ историческаго правдоподобія предположеній высказывались по временамъ и близкія къ истинѣ, что Ипполитъ былъ епископомъ въ самомъ Римѣ, только надъ извѣстною частію Рима транстеверинскою, совмѣстно съ другимъ главнымъ епископомъ города (подобно тому, какъ въ самое первое время существованія римской церкви нѣкоторые предполагали совмѣстное существованіе въ ней епископовъ Лина, Анаклета и Климента), или даже епископовъ схизматической партіи. Но до открытія данныхъ представляемыхъ философуменами эти предположенія не могли быть аргументируемы твердыми доказательствами; поэтому иногда и тѣ самые писатели, которымъ онѣ представлялись (напр. Стефанъ ле-Муанъ) не останавливались на нихъ. Изложеніе этихъ предположеній объ Ипполитѣ см. у Лумпера—De vita s. Hippolyti—cap. I, art. 2.

[40]) Doellinger-Hippolytus s. 54.

важное значеніе въ римскомъ клирѣ, вліяніемъ котораго до нѣкотораго времени была сдерживаема начинавшая въ это время распространяться въ римской церкви шаткость религіозныхъ воззрѣній и церковной дисциплины [41]). Наконецъ, когда эта шаткость при папѣ Каллистѣ, по убѣжденію Ипполита, стала доходить до рѣшительнаго искаженія истинъ вѣры и нравственныхъ началъ христіанскихъ, и когда правители оффиціальные римской церкви не только не стали принимать вразумленій и обличеній Ипполита, но и его самаго стали обвинять въ ереси [42]), Ипполитъ счелъ своимъ долгомъ отдѣлиться отъ нея и стать во главѣ христіанъ, не желающихъ признавать Каллиста законнымъ правителемъ церкви. Въ этомъ смыслѣ Ипполитъ въ своемъ описаніи даже избѣгаетъ называть Каллиста епископомъ [43]), церковь управляемую имъ называетъ не церковью, а школою—σχολή, διδασκαλεῖον—въ смыслѣ еретической секты [44]), и послѣдователей его не просто христіа-

---

[41]) Ипполитъ указываетъ два случая такого вліянія: одинъ (*въ началѣ 11 главы*) при папѣ Зефиринѣ, котораго онъ увѣщавалъ (ὑφ' ἡμῶν παραινεῖσθαι) не поддаваться ученію еретика Клеомена (δόγμα του Κλεομένους; другой случай (*въ срединѣ 12 главы*) уже при Каллистѣ, который, хотя и самъ сочувствовалъ мнѣніямъ еретика Савеллія, но долженъ былъ исключить его изъ церкви — по настоянію Ипполита — изъ боязни его (τὸν Σαβέλλιον ἀπέωσεν ὡς μὴ φρονούντα ὀρθῶς δεδοικὼς ἐμέ).

[42]) Патрипассіане, сливавшіе св. Троицу въ одно лице, еще при Зефиринѣ называли правовѣрующихъ послѣдователей Ипполита, ясно различавшихъ въ божествѣ Отца и Сына—*двубожниками* (ἀπεκάλει ἡμάς διθέους—*подъ конецъ 11 главы*). Каллистъ публично предъ народнымъ собраніемъ позорилъ ихъ тѣмъ же названіемъ (διά τὸ δημοσίᾳ ὀνειδίζων ἡμῖν εἶπεῖν. δίθεόί εστε — *въ срединѣ 12 главы*). Сравни Ипполита contra haeresin Noeti. Cap. XI.

[43]) Ипполитъ называетъ Каллиста ὁ θαυμασιώτατος Κάλλιστος (въ концѣ 12 главы) ἀνὴρ ἐν κακίᾳ πανούργος καὶ ποικίλος (*въ началѣ 11 главы*), и дабы оправдать эти названія онъ старается въ самыхъ резкихъ чертахъ изобразить не только церковное управленіе Каллиста, но и его частную жизнь, начиная съ лѣтъ молодости. Даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ипполиту приходилось говорить о епископскомъ избраніи Каллиста, онъ выражается глухо, что Каллистъ по смерти Зефирина считалъ себя достигшимъ того, чего искалъ— μετὰ τὴν τοῦ Ζεφυρίνου τελευτὴν νομίζων τετυχηκέναι, οὗ ἐθηρᾶτο — *12 глава въ срединѣ*.

[44]) Τοιαύτα ὁ τόης (Κάλλιστος) τολμήσας συνεστήσατο διδασκαλεῖον κατὰ τῆς ἐκκλησίας *сред: 12 главы*. Выраженія—σχολή, διδασκαλεῖον—Ипполитъ употребляетъ очевидно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ его учитель Иринеи

нами, а каллистіанами [45]). Свою же собственную партію онъ называетъ истинною церковью [46]), своихъ послѣдователей правомыслящими или правовѣрующими [47]) и себя самого преемникомъ апостольскаго служенія, участникомъ благодати первосвященства, стражемъ церкви—т. е. епископомъ правовѣрующихъ христіанъ [48]). Ясно отсюда, какой епископъ былъ писатель Философуменовъ? Онъ былъ епископъ римскій, но епископъ стоявшій во главѣ партіи оппозиціонной оффиціально признаннымъ папамъ римскимъ—Каллисту и его преемникамъ [49]). Онъ былъ антипапа, если по преданіямъ римской церкви исторія должна признать Каллиста законнымъ папою.

Такимъ образомъ по самому положенію Ипполита становится совершенно понятнымъ, почему въ римской церкви осталось столько слѣдовъ его памяти,—почему здѣсь и сохранилась его гробница, и воздвигнутъ былъ ему памятникъ, и храмъ въ честь его, и источникъ посвященъ его имени; и почему однакожъ въ каталогахъ римскихъ папъ не нашло себѣ мѣста имя

секту Валентиніанъ называлъ школою (σχολή), или о Татіанѣ выражался, что онъ оставивъ церковь, образовалъ собственную школу, (διδασκαλεῖον), и въ какомъ самъ Ипполитъ въ сочиненіи противъ Ноэта выражается о немъ: Ὃς εἰς τοσοῦτο φυσίωμα ἠνέχθη, ὡς διδασκαλεῖον σηστῆσαι. Срав. Doellinger s. 102.

[45]) Ἀφ' οὗ καὶ τὴν τοῦ ὀνόματος μετέσχον ἐπικλήσιν καλεῖσθαι διὰ τόν πρωτοστατήσοντα τῶν τοιούτων ἔργων Κάλλιστον Καλλιστιάνοι—*въ самомъ концѣ 12 главы*. Здѣсь Ипполитъ также слѣдуетъ мысли своего учителя Иринея, который говоритъ, что еретическія секты заимствуютъ свои названія отъ именъ основателей ихъ (Ирин. кн. III, глав. IV, 3).

[46]) Въ выраженіи—συνεστήσατο διδασκαλεῖον κατὰ τῆς ἐκκλησίας (*прим. 44*) названіе Ἐκκλησία Ипполитъ очевидно относитъ къ своей партіи.

[47]) Οἱ τῆς ἀληθείαν φρονούντες — *нач. 11 главы*.

[48]) Διάδοχοι τῆς τε αὐτῆς (τῶν αποστόλων) χάριτος, μετέχοντες ἀρχιερατείας τε καὶ διδασκαλίας κας φρουροὶ τῆς Ἐκκλησίας—изъ предисловія см. прим. 61.

[49]) Вошелъ ли Ипполитъ въ открытый разрывъ съ папствомъ еще при Зефиринѣ, или при самомъ избраніи Каллиста (νομίζων τετυχηκέναι, οὗ ἐθηρᾶτο), неясно. Деллингеръ (s. 101, 226—229), хотя безъ значительныхъ основаній, полагаетъ, что разрывъ начался съ того только времени, какъ Каллистъ предъ народнымъ собраніемъ—обозвалъ послѣдователей Ипполита *двубожниками*. Но что разрывъ съ преемниками Каллиста продолжался у Ипполита и послѣ его смерти, по крайней мѣрѣ до того времени, какъ онъ писалъ IX книгу *философуменовъ*; это видно изъ заключительныхъ словъ о партіи Каллистовой (*12 главы*): οὗ (Καλλίστου) διδασκαλεῖον διαμένει φυλάσσον τα ἔθη καὶ τὴν παράδοσιν (Καλλίστου).

св. Ипполита? Римская церковь, признавъ законными папу Каллиста и его преемниковъ-соперниковъ Ипполитовыхъ, естественно вмѣстѣ съ тѣмъ не могла признать законнымъ епископства Ипполитова. Вотъ почему въ преданіяхъ римской церкви, св. Ипполитъ, какъ скоро имя его пріурочивается къ Риму, является только пресвитеромъ; въ этомъ санѣ только и могла признавать его партія каллистова, и слѣдовательно вся позднѣйшая римская церковь [50]). Напротивъ восточная церковь, которой не было дѣла до римскихъ счетовъ и предубѣжденій партіи, которая знала Ипполита главнымъ образомъ по его сочиненіямъ какъ великаго учителя церкви, и въ которой нѣкоторыя изъ сочиненій Ипполита можетъ быть распространялись прямо съ надписаніемъ епископскаго званія его, сохранила въ своихъ преданіяхъ воспоминаніе объ Ипполитѣ, какъ о настоящемъ римскомъ епископѣ, римскомъ папѣ, въ каковомъ званіи считалъ онъ и самъ себя и считали его приверженцы. Здѣсь было не недоразумѣніе, какъ думали западные ученые, а истинное признаніе того факта, до пониманія котораго западная наука должна была дойти только въ самое послѣднее время.

Не сразу дошла западная наука до признанія этого факта и послѣ открытія философуменовъ. Сначала послѣ 1851 года шли разсужденія о томъ, кому изъ древнихъ учителей церковныхъ должны были принадлежать φιλοσοφούμενα [51]); затѣмъ когда въ наукѣ стало утверждаться мнѣніе, что они не могутъ принадлежать никому другому, кромѣ Ипполита, привычка къ установившимся, хотя и основаннымъ на недоразумѣніи мнѣніямъ, предубѣжденія противъ возможности признать Ипполита римскимъ епископомъ, на нѣкоторое время еще задержали разъясненіе вопроса о церковномъ положеніи Ипполита. Поддерживать мнѣніе о его епископствѣ въ Аравіи послѣ данныхъ

---

[50]) Въ такомъ только качествѣ римская церковь признавала въ послѣдствіи и Новаціана—соперника папы Корнилія.

[51]) О различныхъ мнѣніяхъ по этому вопросу подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

представившихся въ философуменахъ конечно уже не могъ никто изъ серьезныхъ ученыхъ: быть епископомъ въ Аравіи и принимать въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій личное участіе въ дѣлахъ римской церкви, стоять во главѣ партіи римскихъ христіанъ несочувствовавшихъ тогдашнимъ папамъ, Ипполиту конечно нельзя было. Но мнѣніе о епископствѣ Ипполита въ Портѣ Италійскомъ на первыхъ порахъ еще не представлялось рѣшительно несогласимымъ съ показаніями философуменовъ: Порто отъ Рима отстоялъ все-таки не такъ далеко, хотя однакожъ и не настолько близко, чтобы Ипполиту можно было принимать постоянное участіе въ дѣлахъ римскихъ [52]), и хотя въ философуменахъ не только нѣтъ никакого упоминанія о Порто, но и вообще представляется, что протестъ Ипполита противъ папъ Зефирина и Каллиста былъ веденъ не изъ какой-нибудь другой церкви, а изъ среди той самой, въ которой правителями были Зефиринъ и Каллистъ. Какъ бы то ни было первые ученые, занимавшіеся разъясненіемъ вопроса о церковномъ положеніи Ипполита послѣ открытія философуменовъ, преимущественно Бунзенъ и Вордсвортъ—старались еще поддержать мнѣніе о его епископствѣ въ Портѣ Италійскомъ [53]), Бунзенъ при этомъ сдѣлалъ попытку примирить старое воззрѣніе съ новооткрытыми данными, высказавъ предположеніе, что Ипполитъ, будучи епископомъ въ Порто, могъ находиться въ отношеніяхъ суффраганъ-епископа къ папѣ римскому, и могъ быть даже членомъ римскаго пресвитеріума, что и давало ему возможность и поводъ принимать постоянное участіе въ дѣлахъ римской церкви, какъ своей собственной [54]). Попытка эта, впрочемъ, основанная на примѣрахъ отношеній нынѣшнихъ остійскихъ и другихъ италь-

---

[52]) Именно около 20 англійскихъ миль.

[53]) Названіе сочиненій Бунзена и Вордсворта въ примѣчаніи 1. (Разборъ ихъ мнѣній—у Деллингера во 2 и 5 главѣ). Помянутые въ томъ же примѣчаніи русскіе ученые, писавшіе объ Ипполитѣ послѣ открытія *философуменовъ*, также держались того мнѣнія, что Ипполитъ былъ епископомъ Порта Италійскаго.

[54]) Bunsen-Hippolytus und seine Zeit. B. I, ss. 152—153.

янскихъ епископовъ къ римскимъ папамъ—на примѣрахъ не примѣнимыхъ къ порядкамъ древней церкви, оказалась искусственною. Остійскіе и Портуенскіе епископы съ того самаго времени, какъ дѣлаются извѣстными въ исторіи (и именно не съ III, а съ IV вѣка) представляются не суффраганами римскихъ папъ, а самостоятельными епископами своихъ церквей. И такого смѣшенія церковныхъ степеней, чтобы одно и тоже лицо было епископомъ одной церкви, и считалось пресвитеромъ другой, въ древней церкви не существовало, какъ это допускается въ настоящее время въ римской церкви [55]).

Первый изъ западныхъ ученыхъ безъ предубѣжденія въ пользу установившихся мнѣній относительно римскаго епископства Ипполитова отнесся къ новооткрытымъ даннымъ философуменовъ извѣстный мюнхенскій профессоръ Деллингеръ, нынѣшній вождь старокатолической партіи въ Германіи. Тщательно собравши всѣ данныя для біографіи Ипполита, и разобравши другія доселѣ господствовавшія мнѣнія о церковномъ служеніи Ипполита внѣ Рима, въ особенности о епископствѣ его въ Порто Италійскомъ, Деллингеръ съ такою ясностью и доказательностью раскрылъ положеніе о римскомъ епископствѣ — антипапствѣ Ипполита, что съ этого времени фактъ этотъ, можно сказать, сталъ вполнѣ твердымъ положеніемъ въ наукѣ. Доказательства Деллингера, сколько намъ извѣстно, не вызвали противъ себя ни одного значительнаго возраженія въ защиту старыхъ опровергнутыхъ имъ мнѣній, и вообще новыхъ значительныхъ сочиненій для разъясненія церковнаго положенія Ипполитова послѣ разсужденія Деллингера уже не появлялось; новые ученые, которымъ приходится по какому нибудь случаю касаться вопроса о жизни Ипполита, большею частію принимаютъ положенія Деллингера, какъ вполнѣ признанный и разъясненный фактъ [56]).

---

[55]) Сравни Doellinger ss. 152—153.

[56]) См. Volkmar Hippolytus und die römischen Zeitgenossen. S. 7. Kurtz. Allgemeine Kirchengeschichte B. I, § 106 a, 126, 1. Впрочемъ у нѣкоторыхъ писателей и послѣ, безъ особенно значительныхъ основа-

При всемъ томъ, намъ кажется, и въ сочиненіи Деллингера не вполнѣ разъясненъ вопросъ о личности и жизни Ипполита; и это сочиненіе, при замѣчательной учености, острой критикѣ и сильномъ историческомъ талантѣ высказавшихся въ немъ, имѣетъ свои недоконченности и недостатки. Прежде всего, намъ кажется, Деллингеръ изъ того богатаго матеріала, какимъ онъ пользовался, далеко не вывелъ всѣхъ представляющихся здѣсь разультатовъ, и нѣкоторыхъ вопросовъ возникающихъ при разсмотрѣніи этого матеріала совсѣмъ не коснулся. Другой еще болѣе важный недостатокъ — такъ-сказать нравственнаго свойства—состоитъ въ томъ, что Деллингеръ, воспользовавшись для разъясненія тогдашняго состоянія римской церкви данными сочиненія Ипполитова, рѣшился обратить ихъ противъ самаго же Ипполита; и вообще при этомъ вопросъ о внѣшнемъ церковномъ положеніи Ипполита Деллингеръ разъяснилъ, но вопросъ о нравственномъ характерѣ его личности

ній, но болѣе такъ сказать по привычкѣ къ издавна принимаемому мнѣнію высказывалось еще колебаніе между римскимъ епископствомъ Ипполита и портуенскимъ. См. напр. статью Якоби объ Ипполитѣ въ Realenzyklopädie v. Herzog. T. VI, или Шаффа—Geschichte d. alten. Kirche B. I, § 125. Наиболѣе благовидный способъ примиренія того и другаго мнѣнія представляется въ томъ предположеніи, что Ипполитъ, не нашедши въ своемъ протестѣ противъ Каллиста поддержки отъ большинства римскихъ христіанъ, могъ съ своими послѣдователями перейти въ Порто, гдѣ въ большинствѣ греческаго населенія, пріѣзжавшаго сюда или проживавшаго здѣсь по торговымъ дѣламъ могъ найти болѣе сочувствія себѣ; такимъ образомъ Порто, и до учрежденія въ немъ постояннаго епископства съ IV в., могъ быть уже въ III вѣкѣ временнымъ мѣстопребываніемъ оппозиціоннаго папству епископа. Такое предположеніе не представляетъ прямаго противорѣчія свидѣтельствамъ философуменовъ и другимъ римскимъ памятникамъ дѣятельности Ипполитовой: но особенной надобности въ такомъ предположеніи нѣтъ, и твердую опору для него трудно найти. Припомнимъ, что мнѣніе о портуенскомъ епископствѣ Ипполита возникло главнымъ образомъ на основаніи гимна Пруденціева и сказаній объ остійскихъ мученикахъ, въ которыхъ Ипполитъ представляется только мученикомъ пострадавшимъ въ Порто, а не прямо епископомъ Порто. Что касается до храма, устроеннаго въ память Ипполита въ Порто, то и устроеніе его съ достаточною вѣроятностію можно объяснить только страданіемъ Ипполита въ Порто, безъ предположенія о его епископствованіи здѣсь. Во всякомъ случаѣ римскіе памятники и свидѣтельства епископствованія Ипполитова гораздо многочисленнѣе и значительнѣе, чѣмъ портуенскіе.

не только не разъяснилъ, но можно сказать запуталъ больше [57]). Наконецъ нельзя не поставить въ упрекъ Деллингеру и того, что онъ воспользовавшись для біографіи Ипполита данными философуменовъ, и свидѣтельствомъ либеріанскаго каталога, на нашъ взглядъ, слишкомъ рѣзко отнесся ко всѣмъ другимъ древнимъ сказаніямъ объ Ипполитѣ, хотя и не имѣющимъ строго историческаго характера, но тѣмъ не менѣе едва ли можно сказать неимѣющимъ рѣшительно никакого значенія для исторіи. Точно также Деллингеръ, устанавливая мнѣніе о римскомъ епископствѣ Ипполита, слишкомъ такъ-сказать увлекся своимъ открытіемъ (которое въ сущности и не было новымъ открытіемъ, а только возстановленіемъ древняго восточнаго преданія), и слишкомъ пренебрежительно отнесся къ мнѣніямъ и работамъ всѣхъ другихъ ученыхъ объ Ипполитѣ, изъ которыхъ иныя, хотя въ общихъ основахъ своихъ и построены на шаткой почвѣ, но въ частностяхъ представляютъ не мало такого, что могло бы служить къ пополненію представленія и работы самого Деллингера.

Первый вопросъ, оставленный безъ разъясненія Деллингеромъ, состоитъ въ томъ, почему въ римской церкви, бывшей свидѣтельницею церковнаго служенія, письменной дѣятельности св. Ипполита, и его борьбы съ папою Каллистомъ не сохра-

---

[57]) То и другое объясняется положеніемъ, въ какомъ Деллингеръ писалъ свою книгу. Это, повидимому, смѣлое, свободное и безпристрастное изслѣдованіе строилось далеко не на свободной научной почвѣ. Деллингеръ писалъ изслѣдованіе объ Ипполитѣ, когда былъ еще ревностнымъ защитникомъ римской церкви; кажется, и предпринято было это изслѣдованіе съ заднею мыслію — поддержать историческую репутацію древнѣйшаго папства, которой такой сильный ударъ наносилъ Ипполитъ съ своимъ протестомъ въ философуменахъ. Чтобы выйти изъ представившагося затруднительнаго положенія, нужно было пожертвовать личностію самого Ипполита, нѣсколько очернить ее,—даромъ что сама же римская церковь признаетъ Ипполита святымъ. Увы, Деллингеръ въ 1853 году не предвидѣлъ, въ какое положеніе черезъ восемнадцать лѣтъ онъ самъ станетъ по отношенію къ папству. Еслибы Деллингеру пришлось писать изслѣдованіе объ Ипполитѣ послѣ Ватиканскаго собора, какою сильною опорою могъ бы быть примѣръ древняго учителя церковнаго для протестовъ противъ папства и оправданія сомнительнаго положенія нынѣшней старокатолической партіи!

нилось никакихъ преданій объ этой борьбѣ, никакихъ воспоминаній объ Ипполитѣ, какъ епископѣ римскомъ? Пусть римская церковь, признавъ законнымъ и святымъ папу Каллиста, не могла въ то же время признать Ипполита законнымъ папою, но какъ въ ней не сохранилось преданій объ Ипполитѣ, хотя бы какъ антипапѣ? Какимъ образомъ, взамѣнъ утраченной памяти объ Ипполитѣ церковномъ писателѣ—несомнѣнной исторической личности и замѣчательномъ церковномъ дѣятелѣ, въ римской церкви получили такое развитіе другія сказанія объ Ипполитѣ воинѣ, Ипполитѣ антіохійскомъ пресвитерѣ, Ипполитѣ епископѣ Порта Италійскаго, епископѣ Порта Аравійскаго и т. д., между тѣмъ какъ всѣ эти личности или личности совсѣмъ вымышленныя, или видоизмѣненіе преданія о томъ же самомъ Ипполитѣ церковномъ писателѣ, или если и дѣйствительныя отдѣльныя отъ него личности, то далеко не имѣвшія такого важнаго историческаго значенія, какъ Ипполитъ церковный писатель, стоявшій въ оппозиціи съ римскими папами? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы очень простой: въ томъ-то именно, что Ипполитъ былъ замѣчательный церковный писатель и замѣчательный историческій дѣятель—высокая нравственная личность, святой и мученикъ по признанію самой римской церкви, и между тѣмъ стоялъ въ оппозиціи съ римскими папами, самъ былъ антипапою, въ томъ-то именно и заключалась причина, почему Ипполита дѣйствительнаго историческаго, и его положеніе въ римской церкви, и его борьбу съ папами, и его книгу, свидѣтельницу этой борьбы, нужно было забыть, изгладить изъ воспоминаній народныхъ, затемнить другими преданіями не имѣющими отношенія къ фактамъ описываемымъ въ обличительной книгѣ, замѣнить другими личностями, не имѣющими (или повидимому не имѣющими) отношенія къ дѣйствительному историческому Ипполиту, противнику папства. Фактъ антипапства по римскимъ понятіямъ вообще фактъ непріятный, съ которымъ примириться трудно; въ настоящемъ же случаѣ затрудненіе усложнялось тѣмъ, что антипапою являлся замѣчательный историческій дѣя-

тель, учитель церковный, которому въ самой римской церкви не могли отказать въ признаніи святости. Римской церкви нельзя было признать святымъ Ипполита епископа римскаго, противника папамъ. Ей можно было признать Ипполита святымъ, но не въ такомъ качествѣ; можно было признать его святымъ пожалуй во многихъ лицахъ, но не въ дѣйствительномъ его историческомъ положеніи; ей нужно было отдалить его отъ Рима, сдѣлать пресвитеромъ антіохійскимъ, епископомъ Порта Италійскаго, Порта Аравійскаго, какимъ бы то ни было, только не римскимъ. Въ какой степени искусно это было сдѣлано, видно изъ того, что не только простой христіанскій народъ, желавшій чтить память св. Ипполита, въ средніе вѣка уже не зналъ, какого Ипполита онъ чтитъ въ мощахъ сохранявшихся in via Tiburtina, въ храмахъ воздвигнутыхъ въ честь Ипполита, въ святцахъ и служебникахъ римскихъ; но и самая наука, какъ мы видѣли, не только забыла о дѣйствительномъ историческомъ положеніи Ипполита, но получала даже предубѣжденіе противъ самой возможности признать Ипполита въ томъ положеніи церковнаго служенія, въ какомъ онъ находился. Фактъ этотъ по искусству обработки нисколько не уступаетъ фактамъ замѣны Яна Гуса Яномъ Непомукомъ, перечисленія Кирилла и Меѳодія въ число католическихъ святыхъ, затемненія подвига св. Меѳодія подвигами Войтѣха Пражскаго и другимъ подобнымъ искуснымъ дѣламъ римской практики и науки.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы въ римской церкви совершенно искоренена была память объ оппозиціонномъ положеніи Ипполита въ средѣ этой церкви. Нѣкоторые слѣды этой памяти сохранились въ сказаніяхъ объ антіохійскомъ пресвитерѣ Ипполитѣ и въ гимнѣ Пруденція, гдѣ Ипполитъ представляется увлекавшимся расколомъ новаціанства, бывшимъ главою у новаціанъ (т. е. епископомъ), но потомъ передъ смертію раскаявшимся и обратившимся къ римской церкви. Конечно, здѣсь есть нѣкоторое намѣренное или ненамѣренное смѣшеніе временъ и фактовъ. Ипполита въ собственномъ смыс-

лѣ послѣдователемъ новаціанства назвать было нельзя; его распря съ римскими папами была за нѣсколько десятковъ лѣтъ ранѣе раскола новаціанскаго (хотя, какъ увидимъ ниже, есть основанія предполагать, что Ипполитъ дожилъ и до движенія новаціанскаго, и принималъ въ немъ нѣкоторое участіе). Но въ этомъ сказаніи о новаціанствѣ Ипполита ученые (Гизелеръ, Деллингеръ и за ними другіе) не безъ основанія узнаютъ слѣды истины, хотя искаженной и затемненной. Положеніе Ипполита въ римской церкви и отношеніе его къ папѣ Каллисту въ двадцатыхъ годахъ III столѣтія были очень похожи на тѣ, въ какихъ въ пятидесятыхъ годахъ сталъ Новаціанъ, также ученый и неукоризненный по нравственности своей, пресвитеръ римской церкви относительно папы Корнелія. Самый протестъ Ипполита противъ Каллиста выходилъ изъ началъ подобныхъ тѣмъ, изъ какихъ въ послѣдствіи вышелъ протестъ Новаціана—изъ ревности о поддержаніи церковной дисциплины начинавшей ослабѣвать въ римской церкви. Только у Ипполита, какъ еще нѣсколько ранѣе его у Тертуліана, кромѣ разности дисциплинарныхъ воззрѣній, была еще другая болѣе серьезная причина распри съ папами, — причина догматическая — негодованіе на потворство нѣкоторыхъ папъ распространяющемуся въ Римѣ монархіанству. Во всякомъ случаѣ болѣе древняя и менѣе оставившая слѣдовъ по себѣ распря Ипполитова въ затемненномъ сознаніи позднѣйшихъ римскихъ христіанъ очень легко могла отождествиться съ позднѣйшею и болѣе сильною распрею новаціанскою. Что касается до повѣствованія о томъ, будто Ипполитъ передъ смертью раскаялся въ своемъ противленіи папству и увѣщавалъ своихъ послѣдователей обратиться къ римской церкви: то это опять довольно обычный пріемъ римскихъ писателей только подъ условіемъ раскаянія и покорности папству признавать званіе святыхъ и историческія заслуги за тѣми церковными дѣятелями, которымъ почему бы то ни было приходилось входить въ раздоръ съ папствомъ. Такъ точно, по рѣшенію римскихъ писателей, хотя и безъ всякихъ историческихъ данныхъ для вѣроятности такого

рѣшенія, долженъ былъ непремѣнно раскаяться и покориться папѣ извѣстный поборникъ галликанской церковной независимости въ V вѣкѣ св. Иларій арелатскій, при жизни своей не желавшій подчиняться Льву великому [58]). Извѣстно, что были и такіе католическіе писатели, по сказаніямъ которыхъ даже патріархъ Фотій константинопольскій—этотъ ненавистнѣйшій противникъ папства въ IX вѣкѣ, въ послѣдніе годы жизни ходилъ въ Римъ на поклонъ папамъ [59]). Впрочемъ относительно Ипполита, какъ опять увидимъ ниже, есть нѣкоторыя основанія предполагать, что онъ въ послѣдніе годы жизни дѣйствительно уже не находился въ оппозиціи съ папствомъ. Только его обращеніе къ оффиціальной римской церкви едва ли могло совершиться такъ внезапно въ страхѣ передъ смертью, какъ это представляется въ помянутыхъ римскихъ сказаніяхъ.

Какъ же однако мы можемъ представлять себѣ нравственное положеніе Ипполита въ римской церкви? Положеніе это во всякомъ случаѣ можетъ возбуждать нѣкоторыя недоумѣнія. Признавъ дѣйствительность распри, существовавшей между Ипполитомъ и Каллистомъ, и дошедшей до открытаго раскола, мы должны признать, что въ этой распрѣ справедливость была на той или на другой сторонѣ. Если мы признаемъ вполнѣ справедливымъ протестъ Ипполита противъ Каллиста, мы должны будемъ признать Каллиста дурнымъ человѣкомъ, безнравственнымъ правителемъ церковнымъ, еретикомъ, недостойнымъ и незаконнымъ епископомъ. Но въ такомъ случаѣ какъ же объяснить то обстоятельство, что римская церковь (т. е. большинство римскихъ христіанъ) продолжала считать Каллиста до самой смерти законнымъ папою, и послѣ смерти причла его къ лику святыхъ, а протестъ Ипполита какъ бы отвергла и епископство его не признала? Съ другой стороны если мы признаемъ протестъ Ипполита несправедливымъ и станемъ на

---

[58]) См. Schaff—Geschichte d. alten Kirche B. II, § 191 примѣч. 5.
[59]) См. L. Allatii de perpetua Eclesiar. oriental. atque occidental. consensione. Lib. II, cap. V, стр. 553 и дал.

сторону Каллиста, самъ Ипполитъ долженъ будетъ остаться въ исторіи виновникомъ распри, нарушителемъ мира церковнаго, вождемъ раскола. Тогда какъ примирить такое его положеніе съ авторитетомъ признаннаго учителя церкви, признаннаго святаго? Вполнѣ твердаго руководства самой исторіи для разрѣшенія этихъ затрудненій мы не имѣемъ. Для сужденія о распрѣ между Ипполитомъ и Каллистомъ мы имѣемъ показанія одной стороны—самаго Ипполита въ IX книгѣ его философуменовъ. Если мы пріймемъ эти показанія во всей силѣ, съ какою они выражены, то должны будемъ дѣйствительно признать не только самаго Каллиста дурнымъ папою, безнравственнымъ человѣкомъ и даже еретикомъ, основателемъ особой отрасли монархіанства Каллистіанъ; но вмѣстѣ съ нимъ должны будемъ признать заблуждавшеюся и еретичествовавшею и римскую церковь, которая несмотря на протестъ Ипполита продолжала считать Каллиста законнымъ папою до его смерти, послѣ смерти признала его святымъ, и въ которой, по свидѣтельству самаго Ипполита, и послѣ Каллиста при его преемникахъ держались воззрѣнія и направленіе Каллиста, по крайней мѣрѣ до того времени, какъ были писаны философумены [60]). Но такой приговоръ едва ли могъ бы найти себѣ оправданіе въ исторіи. Мы знаемъ, что римскую церковь въ то время другія христіанскія церкви не считали еретичествующею, и позднѣйшіе ересеологи не признавали Каллиста еретикомъ, и не знали особой отрасли монархіанства Каллистіанъ [61]). Во всякомъ случаѣ въ отзывахъ Ипполита о Каллистѣ нельзя не признать нѣкотораго раздраженія, которое замѣтно и въ самомъ тонѣ этихъ отзывовъ, и которое естественно

---

[60]) См. примѣч. 44, 45, 49.

[61]) Изъ всѣхъ позднѣйшихъ ересеологовъ Каллиста причисляетъ къ послѣдователямъ Ноэтіанства одинъ только Ѳеодоритъ (Haeretic. Fabular. Compend. Lib. III cap. 3), и то очевидно со словъ Ипполита, и по всей вѣроятности не на основаніи пространнаго повѣствованія о Каллистѣ въ IX книгѣ философуменовъ, а на основанія краткаго извѣстія о немъ въ 27 § X книгѣ, гдѣ не указаны ни мѣсто служенія, ни званіе Каллиста, ни личныя отношенія къ нему Ипполита.

могло представить дѣло нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ. Но еще болѣе несправедливо было бы безъ всякихъ основаній преувеличивать дѣло въ противоположную сторону, какъ это дѣлаетъ Деллингеръ въ своей книгѣ. На основаніи тѣхъ же самыхъ данныхъ, которыя находятся у Ипполита, Деллингеръ посредствомъ искусственныхъ толкованій старается представить Каллиста высокою личностью, замѣчательнымъ правителемъ церковнымъ, твердымъ богословомъ, а на Ипполита набросить тѣнь, какъ на суроваго ригориста, ограниченнаго старовѣра, и даже чуть не еретика, грубо понимавшаго ученіе о св. Троицѣ [62]). Апологетическая ревность защитника римской церкви въ этомъ случаѣ пошла далѣе, чѣмъ нужно было для самой римской церкви. Какъ мы уже сказали, нѣтъ надобности представлять Каллиста въ такомъ дурномъ свѣтѣ, какъ описываетъ его Ипполитъ. Можно допустить, что въ изображеніи Ипполита есть преувеличенія, что Каллистъ былъ не такой дурной человѣкъ, что кромѣ хозяйственныхъ способностей и ловкости, которыхъ не отрицаетъ въ немъ и Ипполитъ, у Каллиста были и извѣстныя нравственныя качества, снискавшія ему уваженіе и расположеніе римскихъ христіанъ, и помогшія достигнуть пресвитерскаго и епископскаго званія; можно предположить, что Каллистъ, какъ правитель церковный, оказалъ значительныя услуги римской церкви [63]) и что наконецъ его мученическая смерть должна была покрыть сла-

---

[62]) См. 3 и 4 главу изслѣдованія Деллингера. Замѣчательнѣе всего то, что для возвеличенія личности Каллиста и униженія Ипполита Деллингеръ не имѣетъ рѣшительно никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ сообщаемыхъ самимъ же Ипполитомъ, и перетолковываемыхъ въ совершенно противоположную сторону. Мученическіе акты Каллиста, составленные въ римской церкви, по словамъ самаго Деллингера (ss. 115—116) вымышлены съ начала до конца. Что же могло бы быть, какія изобрѣтенія могъ бы измыслить пристрастный ревнитель римской церкви, если бы ему удалось найти хоть какое-нибудь свидѣтельство противъ Ипполита со стороны Каллистовой партіи?

[63]) Извѣстно между прочимъ, что Каллистомъ устроено было по порученію папы Зефирина (на это есть указаніе и въ 12 главѣ IX книги философуменовъ) извѣстное христіанское кладбище (κοιμητήριον), съ большимъ интересомъ изучаемое донынѣ христіанскими археологами.

бости и проступки предшествовавшей жизни, и дать право римской церкви на причтеніе его къ лику святыхъ. Но зачѣмъ же при этомъ бросать тѣнь на Ипполита, нравственную личность котораго до послѣдняго времени не осмѣливалась тронуть рука ни одного изъ старыхъ даже римскихъ жизнеописателей и легендаторовъ, на разные лады передѣлывавшихъ только внѣшнія обстоятельства его жизни? Зачѣмъ подвергать сомнѣнію самое его православіе въ важнѣйшемъ пунктѣ христіанскаго ученія, который въ особенности старался разъяснять и защищать Ипполитъ, въ догматѣ о св. Троицѣ. Мысли Ипполита объ этомъ предметѣ, выраженныя не въ однихъ новооткрытыхъ философуменахъ, но и въ другихъ сочиненіяхъ, бывшихъ издавна извѣстными, никогда не подавали повода обвинять его въ склонности къ ереси. Ипполита, несмотря на его оппозиціонное отношеніе къ папамъ, не только восточная, но и западная церковь считаетъ учителемъ церковнымъ и святымъ мужемъ.

Раздоръ, возникшій между Ипполитомъ и Каллистомъ, безъ крайняго предосужденія для того и другаго, можетъ быть объясненъ изъ разности личныхъ характеровъ ихъ и изъ разности направленій, представителями которыхъ они были въ свое время, направленій несомнѣнно существовавшихъ въ римской церкви и до этого времени и послѣ того, но въ это время не доходившихъ еще до крайностей еретичества ни на той ни на другой сторонѣ. Ипполитъ, на сколько видно изъ всего этого дѣла—это была натура аскетическая, ревнитель высшихъ христіанскихъ идеаловъ, человѣкъ строгій къ себѣ и другимъ, не хотѣвшій знать никакихъ сдѣлокъ съ жизнью, человѣкъ по преимуществу преданный богословскому созерцанію и научной дѣятельности. Каллистъ напротивъ — натура практическая, человѣкъ жизни, бывавшій въ различныхъ положеніяхъ, много видѣвшій и испытавшій,—человѣкъ, вѣроятно имѣвшій и преданность церкви и другія достойныя качества (безъ чего едва ли римскіе христіане въ то время избрали бы его пресвитеромъ и епископомъ), но способный

болѣе примѣняться къ обстоятельствамъ, допускать сдѣлки съ жизнью, снисходительнѣе относиться къ людскимъ слабостямъ, и вообще легче смотрѣть на примѣненіе нравственныхъ христіанскихъ требованій въ жизни. Такіе дѣятели могутъ быть хороши и полезны каждый въ своемъ родѣ, но встрѣчаясь другъ съ другомъ на одномъ пути, они естественно приходятъ во взаимныя столкновенія, и доходятъ до крайнихъ предубѣжденій другъ противъ друга. Разность личныхъ характеровъ получала здѣсь еще большее значеніе при разности направленій, представителями которыхъ являлись Ипполитъ и Каллистъ,—направленій неоднократно приходившихъ во взаимныя столкновенія, и произведшихъ не мало смуты въ церкви христіанской, и особенно въ римской, съ послѣднихъ десятилѣтій втораго и до послѣднихъ десятилѣтій третьяго столѣтія. Ипполитъ былъ представитель строгой церковной партіи, которая требовала поддержанія въ церкви высшихъ нравственныхъ и дисциплинарныхъ требованій безъ всякаго примѣненія къ измѣняющимся обстоятельствамъ времени и снисхожденія къ слабостямъ большинства христіанъ, — той партіи, къ которой принадлежали въ той же западной церкви нѣсколько ранѣе его Тертулліанъ и позже Новаціанъ. Только обширность научнаго греческаго образованія, которою Ипполитъ несомнѣнно превосходилъ и Тертулліана и Новаціана, и твердая церковная почва, на которой всегда старался держаться онъ, должны были предохранить его отъ тѣхъ крайностей ригоризма, переходящаго въ сектантство, до какихъ дошли Тертулліанъ и Новаціанъ. Каллистъ напротивъ, какъ видно по описаніямъ самого Ипполита, принадлежалъ къ той болѣе мягкой въ своихъ воззрѣніяхъ партіи, которая въ виду измѣняющихся обстоятельствъ времени и увеличивающихся соблазновъ въ средѣ христіанскаго общества, находила необходимымъ допустить нѣкоторое послабленіе въ требованіяхъ церковной дисциплины, чтобы не разогнать христіанскаго общества непосильною строгостью этихъ требованій. Эту партію въ началѣ осуждали строгіе ревнители высшихъ

христіанскихъ требованій, упрекали ее въ измѣнѣ этимъ требованіямъ: но жизнь дѣлала свое, и въ послѣдствіи во второй половинѣ III вѣка вся церковь признала воззрѣніе этой партіи болѣе соотвѣтственнымъ условіямъ времени и духу христіанской снисходительности[64]). Что касается до догматическихъ воззрѣній Ипполита и Каллиста, то и здѣсь они, оставаясь оба въ существѣ дѣла вѣрны православію, по разности личныхъ характеровъ и степени образованія, естественно могли дойти до столкновенія другъ съ другомъ. Ипполитъ, какъ болѣе глубокій богословъ, старался дать научное разъясненіе христіанскому догмату, и какъ человѣкъ во всемъ точный и строгій, придавалъ большое значеніе точности и строгости самыхъ внѣшнихъ формулъ, въ какихъ догматъ долженъ быть выражаемъ; вслѣдствіе этого онъ былъ и особенно чуткъ ко всѣмъ неясностямъ и фальшивостямъ такихъ богословскихъ формулъ, подъ которыми незамѣтно могли распространяться во христіанствѣ ложныя и вредныя ученія. Каллистъ напротивъ какъ человѣкъ практическій, вѣроятно, придавалъ и менѣе значенія догматической сторонѣ христіанства, и довольствуясь общими выраженіями основныхъ христіанскихъ вѣрованій, не такъ внимательно и строго относился къ различенію частныхъ формулъ такого и другаго пункта богословскаго воззрѣнія, и какъ человѣкъ притомъ болѣе мягкій и снисходительный, скорѣе склоненъ былъ на общеніе и съ такими богословскими партіями, православіе которыхъ для бо-

---

[64]) Характеризуя два нравственныя направленія, существовавшія въ церкви во II и III вѣкахъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько это нужно для уясненія отношеній Ипполита и Каллиста, мы не пускаемся здѣсь въ подробное раскрытіе того, какъ эти направленія образовались, и въ какихъ вопросахъ преимущественно сталкивались между собою во времена Ипполита и Каллиста. Подробнѣе и яснѣе раскроемъ это при изложеніи исторіи монтанистическихъ и новаціанскихъ споровъ. Довольно подробно излагается сущность спорныхъ между Ипполитомъ и Каллистомъ вопросовъ и у Дёллингера въ 3-й главѣ его изслѣдованія: но при чтеніи этой главы нельзя терять изъ виду указанной тенденціи Дёллингера — все и всякими способами наклонять и объяснять въ пользу Каллиста.

лѣе строгихъ богослововъ могло представляться сомнительнымъ. Таковы же были и предшественники Каллиста Викторъ и Зефиринъ, при нетвердости богословскихъ воззрѣній неоднократно вступавшіе въ общеніе съ такими появлявшимися въ Римѣ христіанскими обществами, на которыя они потомъ должны были произносить отлученія [65]). Въ этомъ отношеніи исторія оправдала справедливость взгляда Ипполитова. Рядъ многовѣковыхъ волненій между христіанскими обществами показалъ, что христіанская истина тогда только можетъ охраняться въ церкви чисто и твердо, когда она выражена въ точныхъ и строгихъ богословскихъ формулахъ: напротивъ излишняя широта и неопредѣленность богословскихъ формулъ не только никогда не устраняла разногласій и споровъ въ христіанскихъ обществахъ, но сама часто давала поводы къ такимъ разногласіямъ и спорамъ; и сближеніе церкви съ религіозными обществами двусмысленно исповѣдающими христіанскую истину не только не приносило пользы ни самой церкви, ни этимъ обществамъ, ни раскрытію христіанской истины, но болѣе вредило всему этому. Но то, что сдѣлалось совершенно яснымъ для понимающихъ исторіи развитія церкви въ IV, V, VI и дальнѣйшихъ вѣкахъ, то не могло представляться съ такою ясностью въ концѣ II и началѣ III вѣка. И папу Каллиста съ его предшественниками Викторомъ и Зефириномъ и съ его послѣдователями еще нельзя было слишкомъ строго осуждать, какъ не осудила ихъ въ то время и церковь, за то, что они болѣе свободно, чѣмъ сколько слѣдовало, относились къ разнымъ сектантскимъ обществамъ появлявшимся въ то время въ Римѣ, и потомъ возбуждавшимъ смуту между христіанами.

---

[65]) И этого предмета мы касаемся здѣсь лишь въ общихъ чертахъ. Подробнѣе раскроемъ его при изложеніи исторіи распространенія монтантистическихъ и монархіанскихъ ученій въ Римѣ. Относительно того, какъ Дёллингеръ въ 4-й главѣ раскрываетъ разности между богословскими воззрѣніями Ипполита и Каллиста, мы должны еще съ большею силою повторить тоже предостереженіе, какое въ предшествующемъ примѣчаніи высказали по поводу 3-й главы разсужденія Деллингерова.

Но если такъ, — если личныя нравственныя качества, и образъ воззрѣній, и іерархическіе принципы папы Каллиста не возбуждали строгаго суда, и большинство римскихъ христіанъ, несмотря на обличенія Ипполита, могли безъ смущенія совѣсти считать его законнымъ папою до самой его смерти, — не является ли въ такомъ случаѣ самовольнымъ и незаконнымъ образомъ дѣйствій Ипполита, рѣшившагося безъ общаго суда церковнаго отдѣлиться отъ своего епископа, стать во главѣ общества не сочувствующаго Каллисту, и принять на самаго себя санъ епископа въ той церкви, гдѣ оставался въ живыхъ другой епископъ законноизбранный [66]) и не лишенный своего званія судомъ церковнымъ? Конечно, такой образъ дѣйствій съ позднѣйшей канонической точки зрѣнія можетъ представляться не совсѣмъ правильнымъ. Но едва ли можно позднѣйшую каноническую точку зрѣнія прилагать къ тѣмъ временамъ, когда іерархическія отношенія во всякомъ случаѣ не были такъ опредѣленны, какъ сдѣлались въ послѣдствіи. Понятіе о единствѣ церковномъ, въ смыслѣ единства и внѣшняго епископскаго управленія, едва ли такъ строго держалось въ христіанскомъ сознаніи до св. Кипріана и волненій новаціанскихъ, какъ установилось съ этого времени. Да и со временъ св. Кипріана разрывъ общенія съ еписко-

---

[66]) Относительно того впрочемъ, вполнѣ ли законно—по воззрѣніямъ самаго Ипполита—было избраніе Каллиста, нельзя судить такъ рѣшительно, какъ опять это дѣлаетъ Дёллингеръ. Дёллингеръ (глава 4-я) считаетъ за несомнѣнное, что Ипполитъ сначала признавалъ избраніе Каллиста, и нѣкоторое время находился въ общеніи съ нимъ. Онъ основываетъ это заключеніе главнымъ образомъ на томъ, что Каллистъ, какъ видно изъ словъ самаго Ипполита, исключилъ Савеллія изъ церкви — по вліянію Ипполита, боясь его — δεδοικὼς ἐμὲ. (Срав. выше примѣч. 41). Но — δεδοικὼς ἐμὲ — едва ли можетъ служить доказательствомъ братскаго общенія; правитель церковный или гражданскій можетъ сдѣлать извѣстное распоряженіе не по вліянію только своихъ близкихъ совѣтниковъ и помощниковъ, но и по вліянію со стороны, изъ опасенія (δεδοικὼς) нареканій отъ противниковъ. Между тѣмъ выраженіе Ипполита о епископствѣ Каллиста въ этомъ же мѣстѣ — νομίζων τετυχηκέναι, οὗ ἐθηρᾶτο—какъ будто вовсе не показываетъ, чтобы Ипполитъ когда-нибудь считалъ законнымъ епископство Каллиста.

помъ, подозрѣваемымъ въ ереси, всегда считался не только позволительнымъ, но и обязательнымъ. Правда, въ практикѣ церковной на этотъ предметъ установилось такое правило, что избраніе новаго епископа на мѣсто прежняго подозрѣваемаго въ ереси или какомъ-нибудь другомъ нетерпимомъ преступленіи, не прежде можетъ считаться дозволеннымъ, какъ когда прежній епископъ будетъ торжественно обличенъ и низложенъ судомъ церковнымъ. Но если это правило не всегда соблюдалось и въ позднѣйшія времена; то прилагать его къ болѣе раннимъ случаямъ практики церковной едва ли возможно—тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстно съ ясностью и то, былъ ли вообще въ то время въ церквахъ западныхъ обычай соборнаго суда надъ епископами, и самаго собранія соборовъ [67]). Во всякомъ случаѣ, не входя въ слишкомъ строгій разборъ каноничности или неканоничности дѣйствій св. Ипполита, нельзя не признать въ настоящемъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ двухъ важныхъ обстоятельствъ. Вопервыхъ: возставая съ горячимъ протестомъ противъ Каллиста, и рѣшаясь отдѣлиться отъ него, св. Ипполитъ дѣйствовалъ совершенно искренно. Если для другихъ—для большинства римскихъ христіанъ догматическія воззрѣнія и іерархическіе принципы Каллиста не представлялись особенно соблазнительными, если и на самомъ дѣлѣ въ нихъ не было чего-либо столько предо-

[67]) Что въ церквахъ восточныхъ, преимущественно малоазійскихъ, были собираемы соборы уже во второй половинѣ II вѣка, это несомнѣнно извѣстно изъ исторіи монтанизма и споровъ о праздновании пасхи. Но въ церкви западной, и притомъ не въ римской, а въ карѳагенской первые соборы становятся извѣстными только съ III вѣка. Есть, правда, одно позднѣйшее описаніе соборовъ—Libellus Synodicus—составленное подъ конецъ IX вѣка (Harduini Collectio concilior. T. V. pag. 1491 seq.), въ которомъ упоминаются римскіе соборы бывшіе во II вѣкѣ при папахъ—Телесфорѣ, Аникитѣ и Викторѣ: но данныя этого позднѣйшаго памятника не признаются правдоподобными. (См. Hefele Conciliengeschichte T. I pag. 76—77). Примѣры соборовъ въ смыслѣ собранія мѣстнаго епископа съ своимъ клиромъ для рѣшенія дѣлъ церковныхъ (напр. для осужденія еретиковъ Артемона, Ѳеодота, Савеллія) бывали въ римской церкви и во время Ипполита и раньше его: но соборы въ смыслѣ собраній нѣсколькихъ — многихъ епископовъ для суда надъ однимъ какимъ-либо епископомъ—неизвѣстны въ это время.

судительнаго, чтобы за это Каллиста слѣдовало низложить съ римскаго епископства: то во всякомъ случаѣ св. Ипполиту и его послѣдователямъ эти воззрѣнія и принципы представлялись настолько соблазнительными и предосудительными, что для нихъ по совѣсти нельзя было продолжать общеніе съ Каллистомъ. Это видно изъ всего содержанія и тона полемики противъ Каллиста, находящейся въ IX книгѣ *Философуменовъ*. Вовторыхъ: рѣшаясь принять на себя званіе епископа надъ тою христіанскою общиною, которая вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ отдѣлилась отъ Каллиста, св. Ипполитъ безъ сомнѣнія принялъ этотъ санъ законнымъ порядкомъ — т.-е. чрезъ епископское же рукоположеніе. Какъ и отъ кого принялъ онъ епископское рукоположеніе, осталось неизвѣстнымъ: но что онъ имѣлъ его, это видно изъ того, что онъ прямо называетъ себя обладателемъ священноначалія по преемству отъ апостоловъ [68]). Вѣроятно въ Италіи были и другіе епископы, сочувствовавшіе протесту Ипполита противъ Каллиста, которые и рѣшились поставить его епископомъ въ Римъ въ оппозицію Каллисту [69]).

Уяснивши вопросъ о римскомъ епископствѣ св. Ипполита, перейдемъ теперь къ разъясненію того вопроса, какое же значеніе имѣютъ всѣ другія сказанія объ Ипполитѣ, какъ объ антіохійскомъ пресвитерѣ, Ипполитѣ епископѣ Порта Италійскаго, занимающимъ видное положеніе въ описаніи страданій Остійскихъ мучениковъ, Ипполитѣ епископѣ Аравійскомъ, обратившемъ къ христіанству три тысячи Аравитянъ,—и какое отноше-

---

[68]) См. примѣч. 16.

[69]) Когда въ послѣдствіи Новаціанъ возбудилъ новый протестъ въ римской церкви противъ папы Корнилія; нашлись нѣсколько итальянскихъ епископовъ, которые рѣшились прибыть въ Римъ, и сообщить Новаціану епископское рукоположеніе. Корнилій самъ описываетъ этотъ фактъ въ письмѣ къ Фабію Антіохійскому (Евсев. истор. ц. кн. VI гл. XLIII), и хотя старается представить всѣхъ участвовавшихъ въ немъ въ самыхъ темныхъ чертахъ; но почему не предположить, что епископы рукополагавшіе антипапу могли дѣйствовать не по прельщенію или какой-либо слабости, а и по искреннему убѣжденію въ правотѣ протеста—антипапы?

ніе имѣетъ Ипполитъ церковный писатель къ Ипполиту мученику воину, гробница котораго, какъ и гробница Ипполита писателя, по римскимъ сказаніямъ должна находиться in via Tiburtina? Деллингеръ, какъ мы уже сказали, увлекшись своимъ открытіемъ о римскомъ епископствѣ св. Ипполита, основаннымъ на показаніяхъ философуменовъ, рѣшительно отвергъ историческое значеніе всякихъ другихъ сказаній объ Ипполитѣ, какъ антіохійскомъ пресвитерѣ, арабскомъ епископѣ, португенскомъ мученикѣ и т. д. Изъ всѣхъ данныхъ для біографіи Ипполита, кромѣ находящихся въ философуменахъ, онъ придаетъ значеніе только одному — находящемуся въ каталогѣ римскихъ папъ 354 г., въ которомъ Ипполитъ въ качествѣ пресвитера (какимъ тогда признавала его оффиціальная римская церковь) представляется сосланнымъ въ 235 году вмѣстѣ съ папою Понтіаномъ на островъ Сардинію. Этою ссылкой, по соображенію Деллингера, должна была закончиться борьба Ипполитовой партіи въ Римѣ съ папскою партіей и вся исторія Ипполита. Деллингеръ представляетъ довольно остроумное объясненіе относительно того, что по всей вѣроятности ссылка Ипполита вмѣстѣ съ Понтіаномъ послѣдовала не за исповѣданіе христіанской вѣры, а именно за смуты производимыя въ Римѣ этими представителями двухъ взаимно враждующихъ христіанскихъ партій, такъ какъ эта ссылка и произошла въ послѣдній годъ царствованія императора Александра Севера, какъ извѣстно не преслѣдовавшаго христіанъ за вѣру, но начинавшаго уже принимать нѣкоторое участіе во внутреннихъ дѣлахъ христіанской церкви [70]). Сосланные въ Сардинію, заключаетъ Деллингеръ, Понтіанъ и Ипполитъ по всей вѣроятности должны были умереть тамъ: такъ какъ изъ Сардиніи ссыльные рѣдко возвращались живыми. И затѣмъ мощи Понтіана и Ипполита ихъ почитателями вмѣстѣ были перенесены въ Римъ, вслѣдствіе чего и стали въ Римѣ праздновать па-

[70]) Деллингеръ, стр. 69—72.

мять ихъ въ одинъ день—13 августа [71]). Всѣ другія сказанія объ Ипполитѣ воинѣ, Ипполитѣ римскомъ пустынникѣ, Ипполитѣ антіохійскомъ пресвитерѣ, Ипполитѣ епископѣ Порта Италійскаго, Ипполитѣ митрополитѣ аравійскомъ, по мнѣнію Деллингера, представляютъ чистый вымыселъ или такую массу фантастическихъ несообразностей, въ которой до крупицъ исторической истины нѣтъ возможности добраться [72]). Но зачѣмъ же съ одной стороны на однихъ вѣроятностяхъ строить такіе рѣшительные приговоры, а съ другой—такъ поспѣшно отказываться отъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія такого матеріала, въ которомъ несомнѣнно много работала фантазія и особенная намѣренная тенденція, но можетъ быть что нибудь найдется и для исторіи. Нужно принять во вниманіе, что хотя всѣ помянутыя сказанія въ тѣхъ редакціяхъ, въ какихъ они дошли до насъ, довольно поздняго происхожденія, но основы ихъ несомнѣнно существовали въ преданіи болѣе древнемъ, извѣстномъ по крайней мѣрѣ въ IV вѣкѣ, какъ это видно изъ гимна Пруденція [73]).

Намъ кажется, нѣтъ никакой необходимости обрывать исторію жизни Ипполитовой на 235 году. Если и принять вмѣстѣ съ Деллингеромъ, что сосланный въ этомъ году въ Сардинію пресвитеръ Ипполитъ былъ именно церковный писатель Ипполитъ: почему нужно думать, что въ этой ссылкѣ онъ долженъ былъ кончить свою жизнь? Вся сила основаній для этого предположенія у Деллингера заключается въ томъ, что ссылка въ Сардинію, по климатическимъ условіямъ этого острова, въ то время могла равняться осужденію на смерть, что оттуда ссыльные рѣдко возвращались живые [74]).

---

[71]) Деллингеръ, стр. 29—30, 250—251.

[72]) Деллингеръ—вся 2-я глава на эту тему, въ особенности страницы 45, 49, 55.

[73]) Деллингеръ оставляетъ на заднемъ планѣ это соображеніе, усиленно указывая лишь на то, что самое древнее изъ разсматриваемыхъ сказаній— греческіе акты мученичества св. Хрисы—не восходятъ ранѣе VI столѣтія.

[74]) S. 69.

Но развѣ такое доказательство можетъ имѣть какую нибудь твердость въ данномъ частномъ случаѣ? Развѣ примѣръ очень близкаго къ этой исторіи лица — Каллиста, бывшаго еще въ молодости въ такой же ссылкѣ не показываетъ, что можно было оттуда возвращаться живымъ [75]), и жить послѣ этого долго, и отправлять очень важную общественную дѣятельность? Если предположить, что Ипполитъ не умеръ въ Сардиніи, но скоро освободился оттуда, какъ этого нерѣдко достигали ссыльные христіане по ходатайству ихъ друзей и приверженцевъ, какъ этого удалось достигнуть между прочимъ и Каллисту: гдѣ послѣ этого могла протекать, и какъ могла обнаруживаться дѣятельность св. Ипполита? Конечно рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, при неимѣніи ясныхъ историческихъ показаній, дать нельзя. Но, принимая во вниманіе различныя преданія объ Ипполитѣ, можно приходить къ предположеніямъ весьма вѣроятнымъ.

Всего труднѣе было бы, кажется, предположить, чтобы Ипполитъ изъ ссылки могъ возвратиться къ своему прежнему положенію въ Римѣ (особенно если онъ изъ-за него и былъ сосланъ), тѣмъ болѣе, что протестъ его, начавшійся ранѣе двадцатыхъ годовъ III столѣтія, при измѣнившихся условіяхъ въ римской церкви, къ концу тридцатыхъ годовъ естественно долженъ былъ лишиться своего прежняго значенія, и его партія къ этому времени по всей вѣроятности ослабѣла или съ его ссылкою и совсѣмъ разсѣялась [76]). Съ

---

[75]) Φιλοσοφούμενα. Lib. IX, cap. 12.

[76]) Можно согласиться съ Деллингеромъ (стр. 230) въ томъ, что партія Ипполитова во время самаго разгара его протеста не была особенно сильна численностью. Самъ Ипполитъ жаловался на то, что еще при Каллистѣ многіе переходили отъ него на сторону противника, привлекаемые легкостью нравственныхъ правилъ и распущенностью церковной дисциплины въ партіи Калиста (πολλοὶ ὑπὸ πολλῶν αἱρεσέων απο βληθέντες, τινες δε Ἐκβλητοι τῆς Ἐκκλησίας ὑφ ἡμῶν προσχωρήσαντες αὐτοῖς ἐπλήθυναν τὸ διδασκαλείον αυτὸυ. Lib XI, cap. 12 въ срединѣ). При послѣдующихъ папахъ протестъ Ипполита, имѣвшій, кромѣ общихъ причинъ, особенное личное отношеніе къ Калисту, долженъ былъ въ значительной степени лишиться своей силы, особенно когда римскій престолъ занимаемъ былъ такою личностью, каковъ былъ Фабіанъ, по преданію

другой стороны трудно было бы предположить, чтобы такая живая и сильная натура, какая была у Ипполита, могла оставаться безъ всякой дѣятельности, и чтобы самая извѣстность, пріобрѣтенная имъ въ церкви въ качествѣ славнаго учителя христіанскаго, могла дать возможность оставаться его богатымъ силамъ безъ всякаго употребленія на пользу церкви Примѣръ Оригена, младшаго современника Ипполитова, показываетъ намъ, что въ тѣ времена замѣчательные дѣятели церковные, почему-либо стѣсненные такъ сказать въ оффиціальномъ развитіи своей дѣятельности въ своей отечественной церкви, могли находить для себя широкое поприще дѣятельности въ другихъ церквахъ, или и въ той же своей отечественной церкви приносить большую пользу христіанству въ качествѣ частныхъ дѣятелей учеными трудами, обращеніемъ язычниковъ къ христіанству, предстательствомъ за христіанъ передъ языческими властями, поддержаніемъ твердости духа въ христіанскомъ обществѣ и попеченіемъ о страдающихъ христіанахъ во времена гоненій, перепиской съ учителями другихъ церквей по поводу возникавшихъ въ христіанствѣ недоумѣній, вопросовъ и т. д. Нельзя ли предположить чего нибудь подобнаго объ Ипполитѣ? Намъ кажется, можно; и первыя нити для развитія этихъ предположеній, кажется, даются въ самой церковной исторіи Евсевія, который, правда, говоритъ объ Ипполитѣ очень коротко неопредѣленными намеками, но котораго и краткимъ показаніямъ мы должны при-

---

особеннымъ указаніемъ свыше избранный на этотъ престолъ (Евсев. кн VI, XXIX), и съ достоинствомъ управлявшій имъ въ продолженіи четырнадцати лѣтъ (236—250 гг.). Ко времени возбужденія протеста новаціанскаго безъ сомнѣнія были въ Римѣ личности державшіяся воззрѣній Ипполитовыхъ; но не видно, чтобы оставалась какая-нибудь особенная партія Ипполитова. Этими соображеніями, по нашему мнѣнію, можетъ съ вѣроятностью опредѣляться и время поставленія Ипполиту памятника его почитателями. Памятникъ по всей вѣроятности воздвигнутъ тогда, когда протестъ и вліяніе Ипполита были въ Римѣ въ особенной силѣ, и всего скорѣе еще въ царствованіе Александра Севера. Въ свою очередь этимъ можетъ объясниться и то, почему названія нѣкоторыхъ сочиненій Ипполита, писанныхъ позже, не обозначены на памятникѣ.

давать тѣмъ большее значеніе, чѣмъ осторожнѣе они высказываются.

Вопервыхъ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство уже указанное выше, что у Евсевія упоминаніе объ Ипполитѣ стоитъ рядомъ съ упоминаніемъ о Бериллѣ епископѣ Бостры Аравійской [77]). Хотя изъ этого обстоятельства нельзя выводить такого заключенія, что и Ипполитъ былъ епископомъ въ Аравіи, но нельзя ли отсюда догадываться, что Ипполитъ имѣлъ какое-то отношеніе къ Бериллу [78]). О самомъ Бериллѣ у Евсевія упоминается также мимоходомъ при описаніи дѣятельности Оригена. Бериллъ былъ современникъ Оригена, образованный епископъ, написавшій много полезныхъ для церкви сочиненій, но временно увлекшійся монархіанскими заблужденіями, для исправленія которыхъ вызванъ былъ *между прочимъ* на собесѣдованіе съ Бериллом знаменитый Оригенъ. Но кромѣ Оригена, по замѣчанію Евсевія, вступали въ состязаніе съ Бериллом и другіе епископы [79]). Почему не предположить между этими епископами и того, который былъ въ то время главнымъ обличителемъ монархіанства во всѣхъ его видахъ — св. Ипполита? Нужно при этомъ принять во вниманіе, что кромѣ церковной исторіи Евсевія, въ которой дѣятельность Ипполита поставляется въ какую-то связь съ исторіею Берилла и Оригена, объ отношеніяхъ Ипполита къ Оригену есть еще болѣе ясныя свидѣтельства и у другихъ писателей. Іеронимъ передаетъ намъ, что въ одной изъ бесѣдъ Ипполита, которую вѣроятно Іеронимъ имѣлъ передъ глазами, есть прямое указаніе на то, что она была говорена въ присутствіи Оригена [80]). Тотъ же Іеронимъ свидѣтельствуетъ, что Ипполитъ своими толковательными бесѣ-

---

[77]) Евсев. Ц. Исторія, кн. VI, XX.

[78]) Въ хроникѣ своей (ad annum MMCCXLIII) Евсевій также упоминаетъ объ Ипполитѣ рядомъ съ Бериллом. У Іеронима въ каталогѣ церковныхъ писателей (cap. LXI) объ Ипполитѣ также говорится въ слѣдъ за Бериллом.

[79]) Евсев. Ц. Истор., кн. VI, гл. XXXIII.

[80]) De viris illustribus, cap. LXI.

дами на Свящ. Писаніе имѣлъ сильное вліяніе на Оригена, и его возбудилъ заняться этимъ дѣломъ, и что по внушенію того же Ипполита извѣстный богатый другъ Оригена обращенный имъ къ церкви валентиніанинъ Амвросій предложилъ Оригену щедрыя матеріальныя пособія для занятія этимъ дѣломъ—писцовъ и переписчиковъ [81]). Наконецъ въ самомъ внутреннемъ строѣ богословскихъ воззрѣній Оригена и Ипполита, особенности въ ихъ представленіяхъ о св. Троицѣ, находятъ замѣчательное сходство [82]). Вообще видно, что эти два — не обинуясь можно сказать—самые знаменитые учители церкви того времени, сродные между собою и по внѣшней судьбѣ—по неудовольствію и преслѣдованіямъ на нихъ со стороны высшей оффиціальной іерархіи, были близки между собою, имѣли большое вліяніе другъ на друга... Гдѣ же они могли сблизиться? Предполагаютъ — въ Римѣ, куда приходилъ Оригенъ при папѣ Зефиринѣ. Но это предположеніе не имѣетъ твердыхъ основаній; Оригенъ былъ въ Римѣ, недолгое время, и могъ положить тамъ только начало своему сближенію съ Ип-

---

[81]) Патріархъ Фотій (Bibliotheca cap. CXXI) (если только это мѣсто его библіотеки правильно безъ пропусковъ читается въ существующихъ изданіяхъ) нѣсколько иначе передаетъ это извѣстіе, что самъ Ипполитъ, по подражанію Оригену сталъ говорить толковательныя бесѣды на Свящ. Писаніе, — что онъ вообще былъ другомъ Оригена и почитателемъ его твореній (συνήθης μάλιστα καὶ ἐραστὴς των λόγων),—что онъ именно сдѣлалъ для Оригена то, что Евсевій и Іеронимъ приписываютъ Амвросію, т. е. далъ ему писцовъ и переписчиковъ для его сочиненій,—и что Оригенъ въ одномъ письмѣ всѣмъ называетъ его своимъ возбудителемъ на трудъ (ἐργοδιώκτην). Это послѣднее извѣстіе есть и у Іеронима, но неясно, къ кому относится—къ Амвросію или Ипполиту. См. также Georg. Syncelli Chronographia ann. 215. Nicephori Callisti Histor. Eccles. Lib. IV, cap. 31.

[82]) Ипполитъ въ объясненіи догмата св. Троицы держался теоріи такъ-называемаго *субординаціонизма*, которая по преимуществу раскрывалась въ Александрійской богословской школѣ — у Оригена и Діонисія Александрійскаго. Не входя здѣсь въ подробное раскрытіе этого предмета, о которомъ намъ прійдется говорить послѣ, сошлемся пока на объясненія Деллингера (ss. 206—213, 255—261), но замѣтимъ при этомъ опять, что Деллингеръ сильно расположенъ преувеличивать дѣло не въ пользу Ипполита. Сходство воззрѣній у Оригена и Ипполита Деллингеръ находитъ не только въ представленіяхъ о св. Троицѣ, но и въ другихъ пунктахъ—между прочимъ въ нерасположеніи къ высшей іерархіи.

политомъ, но едва ли могъ сблизиться съ нимъ въ это время тѣсно [83]). Не вѣроятнѣе ли будетъ предположить, что сближеніе Оригена съ Ипполитомъ совершилось главнымъ образомъ въ Аравіи? Нужно принять во вниманіе, что христіанская церковь въ Аравіи находилась тогда въ особенныхъ обстоятельствахъ. Тамъ было уже христіанское правительство, интересовавшееся разъясненіемъ внутреннихъ вопросовъ христіанскаго ученія, и въ то же время тамъ оставалось еще широкое поприще для христіанскаго миссіонерства [84]). Тамъ возникали важныя богословскія и философскія разсужденія [85]). Тамъ собирались соборы епископовъ; туда вызывали извѣстнѣйшихъ учителей церкви изъ отдаленныхъ христіанскихъ странъ [86]). Туда приходилъ Оригенъ изъ Александріи три раза; почему не предположить, что туда приходилъ и Ипполитъ изъ Рима, и также—можетъ быть не одинъ разъ [87])? Не этимъ ли объясняется то, что Ипполитъ и въ послѣдствіи имѣлъ большую извѣстность у Арабовъ (подъ именемъ Абулида), и что сочиненія его были переводимы на арабскій языкъ. Не этимъ ли объясняется, что Ипполиту одному изъ древнихъ ересеологовъ извѣстны были нѣкоторыя еретическія заблужденія, распространявшіяся въ Аравіи, и извѣстны были не какъ-нибудь, а по непосредственному источнику—по писаніямъ самихъ ересеучителей [88]). Не

---

[83]) Евсев. кн. VI, гл. XIV.

[84]) Первое путешествіе Оригена въ Аравію было по приглашенію правителя Аравіи, который письмомъ просилъ епископа Александрійскаго прислать къ нему знаменитаго богослова для собесѣдованія (Евсев. VI, XIX).

[85]) Евсев. VI, XXXVII.

[86]) Евсев. VI, XXXII.

[87]) Мы склонны думать, что Ипполитъ былъ въ Аравіи всѣ три раза, когда былъ тамъ и Оригенъ,—и именно въ первый разъ приходилъ туда на время изъ Рима, а по освобожденіи изъ ссылки Сардинской вѣроятно и постоянно жилъ на Востокѣ—въ Аравіи и Сиріи до путешествія въ Александрію и возвращенія въ Римъ въ 252 году.

[88]) Мы разумѣемъ здѣсь ученіе Монойма Араба, которое Ипполитъ излагаетъ въ 12—15 главахъ VIII книги Философуменовъ—но его собственнымъ писаніямъ. Не принадлежало ли это ученіе къ числу тѣхъ философскихъ заблужденій распространявшихся въ Аравіи, о которыхъ упоминаетъ Евсевій въ 37 главѣ VI книги. А Оригенъ, какъ предполагаетъ и Деллингеръ, едва ли не у Ипполита заимствовалъ свои свѣдѣнія о сектѣ елкесаитовъ, распространявшейся тогда въ Римѣ.

этимъ ли объясняется и то, почему у Евсевія разсказъ о томъ, какъ Оригенъ началъ заниматься изъясненіемъ Свящ. Писанія, и какъ Амвросій далъ ему на то пособія, непосредственно связывается съ описаніемъ перваго путешествія въ Аравію и съ перечисленіемъ сочиненій Ипполитовыхъ [89]). Если все это такъ, намъ уясняется весьма важный эпизодъ въ жизни и дѣятельности Ипполита, и выдѣляется доля исторической истины въ запутанныхъ западныхъ сказаніяхъ о пребываніи Ипполита въ Аравіи, и объ обращеніи имъ тамъ язычниковъ къ христіанству. Ипполитъ могъ не быть епископомъ въ Аравіи (Евсевій и не называетъ его такъ), но тѣмъ не менѣе могъ оставить здѣсь замѣчательные слѣды своего пребыванія и славную извѣстность по себѣ.

Евсевій же даетъ намъ указаніе (правда также самое краткое и неопредѣленное) и къ уясненію другаго замѣчательнаго эпизода изъ жизни Ипполита. Разсказывая въ послѣднихъ главахъ VI книги своей исторіи (43—46 главы) о волненіи новаціанскомъ, Евсевій довольно подробно описываетъ переписку, возникшую по поводу этого волненія между предстоятелями старѣйшихъ христіанскихъ церквей — римской, александрійской и антіохійской. Папа Корнилій, въ виду движенія новаціанскаго желая привлечь на свою сторону расположеніе знаменитѣйшихъ церквей востока, написалъ посланіе къ Фабію епископу антіохійскому, въ которомъ старался представить личность Новаціана (у Евсевія онъ называется Новатомъ) и дѣло его въ самыхъ темныхъ чертахъ (гл. 43). Но убѣжденія Корнилія мало подѣйствовали на Фабія; вѣроятно въ тоже самое время или еще ранѣе этого ему сдѣланы были болѣе сильныя убѣжденія отъ противной стороны — новаціанской, такъ что Фабій на нѣкоторое время склонился было къ нова-

---

[89]) См. XXIII главу VI книги Евсевія, которая, непосредственно за перечисленіемъ сочиненій Ипполита въ XXII главѣ начинается такъ: „съ этого времени и Оригенъ началъ излагать изъясненія на божественное писаніе, къ чему особенно склонялъ его сильными убѣжденіями Амвросій“ и т. д...

ціанству (начало 44 главы). Такимъ образомъ могъ возникнуть разрывъ между двумя знаменитѣйшими церквами—римскою и антіохійскою: но возстановителемъ мира явился вліятельнѣйшій изъ пастырей того времени—св. Діонисій александрійскій. Онъ написалъ нѣсколько убѣдительныхъ посланій и въ Антіохію, и въ Римъ къ папѣ Корнилію и римскому клиру, и даже къ самому Новаціану, склоняя всѣхъ къ возстановленію мира (гл. 44—46). Вотъ объ одномъ изъ этихъ-то посланій, написанныхъ Діонисіемъ *къ римскимъ братіямъ*, Евсевій замѣчаетъ, что оно отправлено было въ Римъ чрезъ Ипполита. Чрезъ какого Ипполита? Такъ какъ Евсевій не обозначилъ ни званія, ни особеннаго мѣста служенія посланнаго, а между тѣмъ самымъ наименованіемъ его конечно желалъ дать замѣтить, что это было лицо значительное и извѣстное: то всего естественнѣе предположить, что Евсевій разумѣлъ здѣсь того самаго Ипполита, о которомъ говорилъ нѣсколько ранѣе—въ 20 и 22 главахъ той же VI книги своей исторіи,—т.-е. Ипполита извѣстнаго церковнаго писателя. Первый высказалъ такое предположеніе Гизелеръ въ своей статьѣ объ Ипполитѣ, напечатанной въ 1853 году; и это предположеніе такъ естественно, что Деллингеръ напрасно пытался подорвать его разными софизмами [90]).

Но какимъ образомъ Ипполитъ могъ появиться въ Александріи? Гизелеръ относительно этого высказалъ такое предположеніе, что Ипполитъ по всей вѣроятности съ самаго начала сношеній западной церкви съ восточными по дѣлу новаціанскому принималъ участіе въ этихъ сношеніяхъ. Первоначальное участіе его въ этихъ сношеніяхъ вѣроятно было въ интересахъ новаціанской партіи, римскіе новаціане поручили Ипполиту склонять восточныя церкви на ихъ сторону; можетъ

---

[90]) Полное заглавіе статьи Гизелера такое: Ueber Hippolytus, die ersten Monarchianer und die Römische Kirche in der ersten Hälfte des dritten Jahrhunderts – Theolog. Studien und Kritiken 1853. 4 Heft. Разборъ этой статьи у Деллингера, стр. 275—310. Замѣчанія Деллингера по поводу нѣкоторыхъ частныхъ мыслей Гизелера заслуживаютъ вниманія, но возраженія его противъ общей постановки вопроса объ участіи Ипполита въ новаціанскомъ движеніи основаны на софизмахъ.

быть его то вліяніемъ первоначально и была склонена въ пользу новаціанства церковь антіохійская. Но когда затѣмъ, вслѣдствіе сношеній возникшихъ по этому дѣлу между антіохійскою и александрійскою церквами, Ипполитъ прибылъ въ Александрію, св. Діонисій его же избралъ посредникомъ и для сношеній съ римскою церковью. Всѣ эти предположенія — весьма вѣроятныя. Съ одной стороны новаціанамъ трудно было бы для своего дѣла избрать лучшаго представителя предъ церквами восточными, какъ Ипполита — извѣстнаго богослова и церковнаго писателя, человѣка отлично владѣвшаго греческимъ языкомъ и греческимъ образованіемъ, по всей вѣроятности бывавшаго на востокѣ, и можетъ быть нѣсколько лѣтъ постоянно проживавшаго тамъ [91]), стараго церковнаго дѣятеля, тенденціи и воззрѣнія котораго могли представляться новаціанамъ совершенно сходными съ ихъ собственными воззрѣніями и тенденціями. Ипполитъ съ своей стороны могъ естественно принять на себя порученіе новаціанъ. Въ движеніи новаціанскомъ Ипполитъ могъ видѣть возобновленіе своего стараго протеста противъ послабленія церковной дисциплины въ Римѣ. Самъ онъ вѣроятно уже нѣсколько лѣтъ передъ этимъ не видалъ Рима, его прежняя римская партія вѣроятно въ это время уже разсѣялась: тѣмъ не менѣе ему, нѣкогда горячему борцу за поддержаніе нравственныхъ идеаловъ, не могло не быть пріятно на старости лѣтъ увидѣть возобновленіе прежней борьбы въ новомъ поколѣніи римскаго христіанства. Если Ипполитъ лично не присутствовалъ при возникновеніи новаціанскаго движенія въ Римѣ, а получилъ о немъ свѣдѣнія заочно, живя на востокѣ: онъ тѣмъ менѣе могъ знать, что это движеніе исходитъ не совсѣмъ изъ такихъ мотивовъ, изъ какихъ выходилъ его протестъ,—что въ этомъ новомъ движеніи къ борьбѣ за нравственный идеалъ примѣшиваются смутные и нечистые элементы—интриги и страсти; тѣмъ болѣе поэтому онъ могъ заочно увлечься новаціанскимъ движеніемъ и счесть его за

---

[91]) См. примѣч. 87.

возобновленіе своего давняго искренняго и чистаго протеста противъ безнравственности распространяющейся въ римскомъ обществѣ — подъ покровомъ самихъ папъ. Конечно все это предположенія, которыя не могутъ быть подтверждены твердыми историческими данными; но предположенія очень естественныя, противъ правдоподобія которыхъ и возразить что-нибудь трудно. Сильнѣйшее возраженіе, представленное Деллингеромъ противъ положеній Гизелера объ участіи Ипполита въ новаціанскомъ движеніи, состоитъ въ томъ, что Ипполитъ былъ бы слишкомъ старъ для всего этого, что онъ не могъ дожить до пятидесятыхъ годовъ III столѣтія, и совершать въ такое время путешествія между Антіохіею, Александріей и Римомъ [92]). Но это возраженіе можетъ имѣть значеніе только съ точки зрѣнія Деллингера, которому ни въ какомъ случаѣ не хочется допустить, чтобы Ипполитъ пережилъ Сардинскую ссылку. Но такая точка зрѣнія, какъ мы выше объяснили, ни для кого не можетъ быть обязательна. Исторія церкви древнихъ временъ представляетъ намъ не мало замѣчательныхъ дѣятелей, доживавшихъ до глубокой старости, и до самой смерти продолжавшихъ съ неослабною энергіей дѣйствовать на пользу церкви, между прочимъ и предпринимать путешествія трудныя не менѣе того, какое мы здѣсь предполагаемъ для Ипполита. Припомнимъ св. Поликарпа чуть не столѣтняго старца, незадолго передъ смертію путешествовавшаго въ Римъ по дѣлу церковному [93]). И Іустинъ Философъ, Поѳинъ, Пантенъ, Климентъ, великій скиталецъ Оригенъ, не говоря уже о еще болѣе великихъ предшественникахъ ихъ апостолахъ, развѣ только

---

[92]) Doellinger-Hippolytus s. 278. Другое возраженіе Деллингера, что еслибы Ипполитъ участвовалъ въ римскомъ новаціанскомъ движеніи, о немъ было бы упомянуто или у Евсевія или въ перепискѣ римскаго клира съ Кипріаномъ — наряду съ другими наиболѣе замѣчательными личностями—исповѣдниками, увлекшимися новаціанствомъ,—это возраженіе совершенно устраняется нашимъ предположеніемъ, что Ипполитъ и не принималъ личнаго участія въ возбужденіи новаціанскаго движенія, и не былъ въ то время въ Римѣ, а принялъ на себя только порученіе заочно дѣйствовать въ пользу новаціанъ, живя на востокѣ.

[93]) Евсев. кн. IV, гл. XIV—XV.

въ молодости трудились и ходили изъ конца въ конецъ извѣстнаго тогда міра ради дѣла Христова?

Но если все это такъ, если Ипполитъ принималъ важное участіе въ сношеніяхъ запада съ востокомъ по дѣлу новаціанскому, почему Евсевій, умолчавъ обо всей этой исторіи, даетъ одинъ лишь неопредѣленный намекъ о завершеніи ея—объ отправленіи Ипполита въ Римъ съ посланіемъ отъ Діонисія Александрійскаго? И какое значеніе имѣетъ этотъ завершительный моментъ дѣятельности Ипполитовой на востокѣ для всей его жизни? На первый вопросъ отвѣтъ не трудный: Евсевій въ указанныхъ главахъ, представляя общее изложеніе новаціанской исторіи, вовсе и не имѣлъ въ виду разъясненіе частнаго интересующаго насъ — вопроса объ участіи Ипполита въ этомъ движеніи. Что касается до того, какое значеніе для Ипполита имѣло возвращеніе его въ Римъ съ письмомъ отъ Діонисія Александрійскаго; понятно само собою, что очень важное. Это было не только завершеніе дѣятельности Ипполита на востокѣ, это было завершеніе всего того смутнаго періода его жизни, въ которомъ онъ находился въ неопредѣленномъ отношеніи къ своей родной римской церкви—это его возвращеніе въ римскую церковь, примиреніе съ нею. Обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что Ипполитъ возвращается изъ Александріи въ Римъ съ письмомъ *къ римскимъ братіямъ*—т.-е. не къ партіи новаціановой, а къ клиру господствующей церкви—къ партіи папы Корнилія. Какимъ образомъ это могло случиться? Какимъ образомъ Ипполитъ могъ начать свое участіе въ этой исторіи въ качествѣ представителя новаціанской партіи, а закончить его въ качествѣ повѣреннаго отъ православнаго епископа Александрійскаго къ православному римскому клиру? Очевидно здѣсь былъ переворотъ, переходъ съ одной стороны на другую, возвращеніе Ипполита къ той господствующей римской церкви, съ которою онъ по всей вѣроятности уже нѣсколько десятковъ лѣтъ не имѣлъ никакихъ связей [94]). Какъ могло совершиться это возвращеніе и прими-

[94]) Мы опасаемся пуститься въ гадательныя соображенія о томъ, не имѣло ли самое содержаніе письма Діонисіева къ римскому клиру, ко-

реніе, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній: но что оно могло совершиться скорѣе всего въ Александріи, и именно — подъ вліяніемъ св. Діонисія Александрійскаго, это предположить всего естественнѣе. Достаточно припомнить себѣ, хотя по описаніямъ того же Евсевія, характеръ великой просвѣтительный и примирительной дѣятельности св. Діонисія Александрійскаго, его мягкій, разумный способъ обращаться со всѣми, даже и съ увлекающимися и заблуждающими, его особенный даръ всѣхъ убѣждать и примирять [95]). Этотъ пастырь удержалъ отъ увлеченія въ Новаціанство всю Антіохійскую и другія восточныя церкви [96]); тѣмъ болѣе онъ могъ подѣйствовать своими убѣжденіями на того разумнаго старца, который явился къ нему представителемъ по дѣлу Новаціанства отъ антіохійской церкви т.-е. на св. Ипполита. Нужно принять во вниманіе, что св. Ипполита и св. Діонисія въ особенности могли сближать и разносторонность ихъ греческаго философскаго и литературнаго образованія, и замѣчательное сходство богословскихъ воззрѣній въ самомъ важномъ занимавшемъ умы тогдашнихъ богословъ вопросѣ — о Св. Троицѣ; и св. Ипполитъ и св. Діонисій держались въ объясненіи этого догмата теоріи *субординаціонизма*. Безъ сомнѣнія нужно предположить, что встрѣча св. Ипполита съ Діонисіемъ, какъ и прежде съ его славнымъ учителемъ Ори-

---

торое у Евсевія обозначается краткимъ выраженіемъ ἐπιστολὴ διακονική, какого-нибудь отношенія къ тогдашнему положенію Ипполита, не трактовалось ли напр. въ немъ о какихъ-либо условіяхъ, подъ которыми римскій клиръ соглашался принять Ипполита въ свой составъ. Замѣтимъ только, дабы не опустить ни одного даннаго относящагося къ разъясненію дѣла, что въ одномъ изъ позднѣйшихъ, несомнѣнно фальшивыхъ, но принадлежащихъ все-таки еще къ началу VI вѣка документовъ римскихъ, въ которомъ заключалось будто бы церковное осужденіе Ипполита вмѣстѣ съ его современниками Каллистомъ и Викториномъ, Ипполитъ названъ діакономъ (Diaconus). Документъ этотъ приводится у Деллингера, стр. 247.

[95]) Описаніемъ примирительной дѣятельности св. Діонисія, кромѣ указанныхъ выше главъ VI книги, занята и вся почти VII книга Евсевіевой исторіи: см. въ особенности главы 5, 7, 24.

[96]) Сравни 44 главу VI книги и 5 главу VII книги Евсевіевой исторіи.

геномъ, не обошлась безъ взаимнаго вліянія ихъ другъ на друга. Отъ св. Ипполита Діонисій могъ получить возбужденіе къ обличенію издавна ненавистной Ипполиту ереси Савелліанской, которымъ впослѣдствіи Діонисій и ознаменовалъ себя. Въ свою очередь св. Діонисій болѣе, чѣмъ кто нибудь могъ объяснить Ипполиту, что возставая противъ Савелліанскаго ученія о св. Троицѣ, христіанскіе богословы не должны впадать въ противоположную крайность, что кромѣ Александрійской теоріи объясненія догмата св. Троицы возможна (и поэтому не должна быть осуждаема и смѣшиваема съ Савелліанствомъ) и другая православная теорія—та именно, которая складывалась преимущественно въ Римской церкви, которую—можетъ быть—шатко и неясно выражалъ Каллистъ, но которую впослѣдствіи съ особенною твердостью выразилъ одинъ изъ его преемниковъ—Діонисій римскій. Справедливость этой теоріи, и даже превосходство ея предъ Александрійскими объясненіями догмата, съ особеннымъ безпристрастіемъ и искренностью открыто призналъ въ послѣдствіи самъ Св. Діонисій Александрійскій въ своей перепискѣ съ Діонисіемъ римскимъ [97]). Съ другой стороны св. Діонисій, осторожно и вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельно раскрывъ предъ Ипполитомъ нравственную сторону новаціанскаго движенія, могъ убѣдить его въ томъ, что эта сторона далеко не такъ чиста, какъ можетъ быть представлялъ себѣ Ипполитъ заочно, находясь вдали отъ Рима [98]).

И такъ вотъ чѣмъ долженъ былъ окончиться многолѣтній раз-

---

[97]) Въ чемъ состояла разность римскаго и александрійскаго объясненія догмата св. Троицы, и по какому поводу возникла объ этомъ переписка между Діонисіемъ александрійскимъ и Діонисіемъ римскимъ; объ этомъ надѣемся подробнѣе сказать въ послѣдствіи. Главный источникъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ *посланіе св. Аѳанасія великаго о мнѣніяхъ Діонисія александрійскаго* (русск. перев. въ прибавленіяхъ къ твор. св. Отцевъ Т. XVII стр. 361—392.

[98]) Изъ посланія св. Діонисія къ Новаціану, приводимаго въ XLV главѣ VI книги Евсевіевой исторіи видно, что св. Діонисій успѣлъ было по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время и самаго Новаціана убѣдить въ неправотѣ его положенія (хотя впослѣдствіи, какъ видно изъ VIII главы VII книги. и долженъ былъ оставить надежду на возвращеніе его въ церковь). Тѣмъ болѣе разумныя и кроткія внушенія св. Діонисія могли подѣйствовать на Ипполита.

рывъ Ипполита съ римскою церковью! Послѣ долговременнаго пребыванія на востокѣ—въ Аравіи и Сиріи, послѣ новаго на старости лѣтъ увлеченія въ пользу новаціанства, представившагося ему возобновленіемъ его давняго протеста въ римской церкви, Ипполитъ, убѣжденный въ Александріи разумными и мягкими внушеніями св. Діонисія, долженъ былъ наконецъ возвратиться *къ римскимъ братьямъ* примиреннымъ съ римскою церковью. Не на этомъ ли основаніи впослѣдствіи сложилось въ Римѣ сказаніе объ Ипполитѣ Антіохійскомъ (т.-е. пришедшемъ изъ Антіохіи) пресвитерѣ, бывшемъ новаціанинѣ, но потомъ обратившемся къ каѳедрѣ св. Петра? Возвращеніе Ипполита къ церкви такъ, какъ мы предполагаемъ въ слѣдствіе разумнаго и глубокаго богословскаго убѣжденія, въ слѣдствіе вліяній другаго великаго учителя церкви, въ слѣдствіе искренне сознаннаго не совсѣмъ нормальнаго положенія въ отдѣленіи отъ церкви, безъ сомнѣнія могло произойти гораздо естественнѣе, чѣмъ такъ, какъ это представляется въ сказаніи — т.-е. какъ бы совершенно внезапно—безъ всякой подготовки. Что же касается до того, что Ипполитъ послѣ своего возвращенія въ Римъ былъ извѣстенъ здѣсь преимущественно подъ именемъ Антіохійскаго пресвитера обратившагося отъ новаціанства, а не подъ именемъ прежняго римскаго оппозиціоннаго папству епископа; это также было очень естественно. Для новаго римскаго поколѣнія пятидесятыхъ годовъ III вѣка Ипполитъ давній римскій дѣятель временъ папъ Зефирина и Каллиста былъ уже далекъ. Его недавняя дѣятельность въ Антіохіи въ связи съ движеніемъ Новаціанскимъ, болѣе могла быть на виду у всѣхъ. Проживши много лѣтъ на востокѣ, и вновь возвратившись въ Римъ, Ипполитъ новому поколѣнію римскихъ христіанъ представлялъ только какъ знаменитый пришлецъ съ востока обратившійся отъ раскола къ церкви. Вліятельные члены римской церкви, болѣе другихъ знавшіе его прежнее положеніе въ Римѣ, не имѣли побужденій поддерживать въ новомъ поколѣніи память объ этомъ положеніи. И самъ престарѣлый Ипполитъ можетъ быть не желалъ сму-

щать своихъ младшихъ братій воспоминаніями о прежнихъ распряхъ.

Не можемъ ли мы еще чего нибудь узнать о дальнѣйшей судьбѣ Ипполита, о дѣятельности его послѣднихъ лѣтъ, и о концѣ его жизни? Отвѣтомъ на это служатъ помянутыя выше сказанія объ Ипполитѣ пустынникѣ, проживавшемъ въ пещерѣ близь Рима и занимавшемся обращеніемъ язычниковъ къ христіанству въ царствованіе императора Валеріана, и Ипполитѣ священномученикѣ (епископѣ, пресвитерѣ или старцѣ по разнымъ редакціямъ сказаній) пострадавшемъ въ Порто вмѣстѣ съ другими Остійскими мучениками при Клавдіѣ Готскомъ. Дѣятельность болѣе соотвѣтственную для послѣднихъ лѣтъ жизни великаго учителя церковнаго, и конецъ болѣе достойный для завершенія такой жизни—представить трудно. Конечно нѣтъ прямыхъ историческихъ основаній (кромѣ тожества имени и близости мѣста и времени жизни) принимать Ипполита пустынника и Ипполита остійскаго священномученика за одно и то же лицо съ Ипполитомъ прежнимъ римскимъ антипапою, дѣятелемъ аравійскимъ, антіохійскимъ и т. д. Но не можетъ быть и значительныхъ возраженій противъ такого принятія, кромѣ того лишь, что Ипполиту извѣстному церковному писателю ученику св. Иринея и дѣятелю временъ Зефирина и Каллиста трудно было бы дожить до временъ императоровъ Валеріана и Клавдія Готскаго. Но на это возраженіе мы уже дали отвѣтъ выше. Здѣсь прибавимъ только, что и въ самыхъ сказаніяхъ объ Ипполитѣ пустынникѣ временъ Валеріана, и Ипполитѣ остійскомъ священномученикѣ временъ Клавдія Готскаго, онъ представляется по лѣтамъ своимъ именно такимъ, какимъ долженъ былъ быть ученикъ св. Иринея въ это время, т.-е. глубокимъ старцемъ.

Такимъ образомъ возстановляется смыслъ различныхъ сказаній объ Ипполитѣ, распространившихся въ западной церкви, и всѣ эти сказанія, представляющія такъ сказать разрозненныя олицетворенія различныхъ эпизодовъ изъ жизни одной и той же личности, сводятся опять къ одной и той же личности. Понятнѣе

становится послѣ этого и самое образованіе и распространеніе этихъ сказаній. Они не были чистымъ вымысломъ; чистый вымыселъ можетъ быть и не имѣлъ бы такого успѣха; основы для этихъ сказаній, какъ мы уже говорили, несомнѣнно существовали въ древнемъ преданіи. Но онѣ представляли именно раздробленіе одной и той же личности—одной біографіи на нѣсколько отдѣльныхъ. И понятно, какъ могло образоваться такое раздробленіе. Вынуть изъ многолѣтней жизни главный ея нервъ, изъ занимательнѣйшей монографіи—главный эпизодъ, служащій исходнымъ пунктомъ для объясненія всѣхъ дальнѣйшихъ. Приведена въ забвеніе важнѣйшая эпоха жизни и дѣятельности Ипполита, о которой непріятно было сохранять воспоминаніе западной церкви, эпоха его римской оппозиціи при папахъ Зефиринѣ и Каллистѣ, которая описывается въ *философумена́хъ*. Затѣмъ сами собою потеряли существенный смыслъ дальнѣйшіе эпизоды жизни Ипполита; не понятно стало, какимъ образомъ одна и та же личность является въ Римѣ, въ Аравіи, въ Сиріи, въ Египтѣ, опять въ Римѣ или близь Рима, въ Остіи или Порто, и притомъ въ разныхъ церковныхъ положеніяхъ — то епископомъ, какъ называлъ онъ нѣкогда самъ себя и какъ называли его почитатели,—то пресвитеромъ, какъ признавала его римская церковь (для нѣкоторыхъ можетъ быть даже и діакономъ), то просто старцемъ или пустынникомъ, какъ вѣроятно онъ извѣстенъ былъ народу въ послѣдніе годы жизни. По изъятіи главнаго нерва изъ этой монографіи, сами собою должны были потерять связь и распасться отдѣльныя ея части, и такимъ образомъ сказаніе объ одномъ и томъ же Ипполитѣ, дѣятелѣ Римскомъ, Аравійскомъ, Сирійскомъ, Остійскомъ, разбилось на нѣсколько сказаній о различныхъ Ипполитахъ. Такимъ пріемомъ и всего удобнѣе было, кому это оказывалось нужнымъ, затемнить истинный смыслъ жизни Ипполита и его положенія въ римской церкви [99]).

---

[99]) Приведши, по нашему разумѣнію, въ естественную связь различныя западныя сказанія объ Ипполитѣ, мы оставляемъ въ сторонѣ лишь одно изъ нихъ—сказаніе объ Ипполитѣ знатномъ римскомъ воинѣ, по-

Теперь намъ яснѣе становится и то, почему два замѣчательнѣйшіе писателя IV вѣка, особенно отличавшіеся знаніемъ древней христіанской исторіи, Евсевій и Іеронимъ, оставили такіе сдержанные неопредѣленные отзывы о церковномъ положеніи Ипполита (Ἱππόλυτος ἑτέρας ποῦ πρεσβὺς Ἐκκλησίας.... Hippolytus cujusdam Ecclesiae episcopus, scire non potui). Едва ли можно предположить, чтобы Евсевій и Іеронимъ не знали на самомъ дѣлѣ никакихъ преданій о церковномъ положеніи Ипполита. И тотъ и другой видимо интересовались имъ. Евсевій упоминаетъ объ Ипполитѣ въ трехъ мѣстахъ церковной исторіи, и упоминаетъ также въ своей хроникѣ. Іеронимъ долго самъ жилъ въ Римѣ и отлично долженъ былъ знать преданія римской церкви; онъ также упоминаетъ объ Ипполитѣ нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ, и сообщаетъ такія подробности о его жизни, о его отношеніяхъ къ Оригену, о какихъ не упоминаетъ ни одинъ изъ

страдавшемъ при Деціѣ съ своею кормилицей Конкордіей и девятнадцатью другими христіанами. Привести это сказаніе въ непосредственную связь съ біографіей Ипполита церковнаго писателя, представить его видоизмѣненіемъ преданій о томъ же Ипполитѣ церковномъ писателѣ, безъ крайнихъ натяжекъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ возможности. Съ другой стороны, мы не считаемъ себя въ правѣ быть на столько рѣшительными, чтобы признать все это сказаніе объ Ипполитѣ воинѣ и его 19 соучастникахъ въ страданіи — чистымъ вымысломъ, какъ это дѣлаетъ Дёллингеръ (стр. 31 — 34, 63, 73). Дёллингеръ полагаетъ, что это сказаніе создалось лишь вслѣдствіе того, что близъ мѣста погребенія Ипполита церковнаго писателя — на городской стѣнѣ была изображена сцена растерзанія дикими конями древняго миѳическаго Ипполита. Это, намъ кажется, слишкомъ смѣло! Мы скорѣе склонны думать, что Ипполитъ воинъ—историческая личность, отдѣльная отъ церковнаго писателя Ипполита. Но въ средніе вѣка преданія и объ этомъ Ипполитѣ дѣйствительно были смѣшиваемы съ преданіями о священномученикѣ Ипполитѣ писателѣ,—частію — можетъ быть — ненамѣренно, частію вслѣдствіе особенной указанной выше тенденціи—затемнить память Ипполита писателя. Поводами къ смѣшенію могли быть не только сходство именъ и близость времени жизни двухъ мучениковъ (въ чемъ нѣтъ ничего неестественнаго), но и близость мѣстъ погребенія ихъ одного къ другому (нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что мощи священномученика Ипполита перенесенныя изъ Порто были положены на томъ же кладбищѣ, гдѣ положены были нѣсколько прежде останки мощей воина Ипполита), и наконецъ близость дня памяти ихъ одного къ другому (память Ипполита воина вмѣстѣ съ памятью св. Лаврентія

древнихъ писателей. Ужели же Евсевій и Іеронимъ не слышали никакихъ преданій о церковномъ положеніи Ипполита? Преданія эти несомнѣнно существовали въ Римѣ въ IV столѣтіи, какъ видно изъ описанія Пруденціева. Трудно допустить, чтобы Евсевій и Іеронимъ не знали того, что̀ зналъ Пруденцій. Но преданія эти въ IV вѣкѣ, какъ видно опять изъ описанія Пруденціева, были уже сильно запутаны и затемнены между римскими христіанами; можетъ быть при этомъ и самыя особенности въ положеніи Ипполита, римскаго епископа при другомъ признанномъ епископѣ, дѣятеля, являющагося то въ Италіи, то въ Аравіи, то въ Сиріи, нѣсколько смущали писателей IV вѣка: вслѣдствіе этого болѣе точные изъ нихъ, какъ Евсевій и Іеронимъ, рѣшались лучше ограничиваться краткими и неопредѣленными отзывами о церковномъ положеніи Ипполита, чѣмъ пускаться въ болѣе пространныя, но сомнительныя повѣствованія, подобныя поэтическому сказанію Пруденція. Въ самомъ выраженіи отзывовъ Евсевія и Іеронима о церковномъ положеніи Ипполита (предстоятель какой-то церкви.... епископъ, не могъ я узнать, ка-

---

праздновалась 10 августа), а память (перенесенія мощей) Ипполита вмѣстѣ съ памятью (перенесенія мощей) Понтіана—13 августа).... Намъ пріятно высказать, что на своемъ самостоятельномъ пути научнаго изслѣдованія мы и въ этомъ пунктѣ сходимся съ древними преданіями восточной церкви. Въ то время какъ въ западной церкви создались сказанія о пяти или шести мученикахъ Ипполитахъ, почти одновременно жившихъ и установлено въ году множество дней въ ихъ воспоминаніе (10 августа Ипполита воина и Лаврентія, 13 августа Ипполита пресвитера и Понтіана, 22 авг. Ипполита епископа, 5 сентября Ипполита и другихъ остійскихъ мучениковъ, 30 января Ипполита антіох. пресвитера и т. д.); восточная церковь знала только двухъ Ипполитовъ мучениковъ III вѣка—Ипполита папу римскаго, память котораго праздновалась 30 января, и Ипполита воина — память вмѣстѣ съ св. Лаврентіемъ 10 августа. Послѣднее, мы полагаемъ, болѣе соотвѣтствуетъ исторической истинѣ, — такъ что новымъ нашимъ ученымъ нѣтъ никакой надобности перемѣнять даты древнихъ восточныхъ менологовъ (напр. переносить память Ипполита воина съ 10 августа на 13), и вообще представлять восточныя преданія объ Ипполитѣ смѣшеніемъ или недоразумѣніемъ западныхъ. (См. архим. Сергія Мѣсяцесловъ Востока Т. II — подъ 30 января и 13 августа, и замѣчанія на 30 января).

кой церкви) замѣтны какъ будто болѣе сдержанность и какое-то недоумѣніе, чѣмъ совершенное невѣдѣніе относительно церковнаго положенія Ипполита.

Другой вопросъ, естественно представляющійся при сужденіяхъ о характерѣ историческихъ данныхъ, представляемыхъ философуменами: почему Евсевій въ своей исторіи не сообщаетъ свѣдѣній не только о жизни Ипполита, но и о самомъ церковномъ движеніи произведенномъ имъ, о расколѣ бывшемъ въ римской церкви при папѣ Каллистѣ? Почему также не упоминаетъ о немъ и никто изъ позднѣйшихъ христіанскихъ историковъ? Не можетъ ли это служить поводомъ къ сомнѣнію въ достовѣрности данныхъ, представляемыхъ философуменами? Отвѣтъ на это простой: церковную исторію Евсевія мы не можемъ представлять себѣ полнымъ и подробнымъ повѣствованіемъ обо всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ, бывшихъ въ христіанской церкви въ первые три вѣка. Евсевій разсказываетъ о томъ, о чемъ онъ самъ могъ узнать изъ бывшихъ подъ руками его источниковъ. Но не всѣ историческіе памятники первыхъ вѣковъ были у него подъ руками, и потому не о всѣхъ важныхъ событіяхъ тѣхъ временъ онъ разсказываетъ. Евсевій напр. не пользовался писаніями знаменитаго пастыря карѳагенскаго св. Кипріана, и потому у него въ исторіи ничего не говорится о новатовомъ карѳагенскомъ расколѣ, несмотря на то, что этотъ расколъ находился въ тѣсной связи съ новаціанскимъ римскимъ движеніемъ, о которомъ Евсевій говоритъ довольно подробно. По всей вѣроятности Евсевій не оставилъ бы намъ никакихъ извѣстій ни о расколѣ Власта, бывшемъ въ Римѣ, еслибы не зналъ Иринеева писанія по поводу этого раскола, ни объ избраніи въ Римѣ же епископа Наталиса партіей артемонитовъ, еслибы до него не дошло сочиненіе писанное противъ этой секты. О движеніи произведенномъ Ипполитомъ Евсевій не сказалъ ничего, потому что по всей вѣроятности онъ не зналъ содержанія философуменовъ. Другіе позднѣйшіе писатели также или не знали этого сочиненія, или находили особенныя затрудненія

къ пользованію имъ какъ въ самомъ характерѣ сочиненія, такъ можетъ быть и въ особенностяхъ церковнаго положенія автора философуменовъ. Преданія о движеніи возбужденномъ Ипполитомъ въ римской церкви тѣмъ болѣе могли утратиться въ исторіи, что для послѣдующихъ вѣковъ оно такъ сказать заслонено было другими подобными ему, но болѣе сильными движеніями. Дисциплинарно-нравственный вопросъ, бывшій одною изъ главныхъ сторонъ Ипполитова протеста, въ послѣдствіи съ особенною силою возбужденъ былъ въ новаціанствѣ; а догматическая сторона споровъ Ипполита съ Каллистомъ также съ большею ясностью раскрылась потомъ въ египетскихъ савелліанскихъ спорахъ. Но это тѣмъ не менѣе въ новѣйшей исторіи не должно отнимать значенія и у Ипполитовой дѣятельности. И если исторія ни мало не сомнѣвается въ дѣйствительности церковныхъ движеній, бывшихъ въ Карѳагенѣ въ половинѣ III вѣка, потому что о нихъ не разсказывается ни у Евсевія, ни у другихъ церковныхъ историковъ, а разсказывается въ сочиненіяхъ самаго св. Кипріана карѳагенскаго; точно также нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ дѣйствительности движенія, произведеннаго авторомъ философуменовъ въ римской церкви въ двадцатыхъ годахъ III вѣка на томъ основаніи, что объ этомъ движеніи мы не имѣемъ другихъ извѣстій, кромѣ представляющихся въ самыхъ же философуменахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЕРЕСЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСАНІЯ СВ. ИППОЛИТА ЧАСТНЫЯ: ПРОТИВЪ НОЭТІАНЪ, ѲЕОДОТІАНЪ, АЛОГОВЪ, МОНТАНИСТОВЪ, ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИКОВЪ, МАРКІОНИТОВЪ.

Въ предшествовавшей главѣ намъ пришлось довольно долго, можетъ быть нѣсколько болѣе, чѣмъ это нужно для непосредственной цѣли нашего изслѣдованія, остановиться на разъясненіи вопроса о личности и церковномъ положеніи св. Ипполита. Но вопросъ этотъ самъ по себѣ такъ новъ, такъ интересенъ въ научномъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ запутанъ, что коснувшись его нельзя было удовольствоваться нѣсколькими поверхностными объясненіями, но необходимымъ представлялось войти въ разсмотрѣніе дѣла серьезное и обстоятельное. Притомъ разъясненіе вопроса о личности и жизни св. Ипполита, мы думаемъ, можетъ помочь и разъясненію вопросовъ о внутреннемъ характерѣ и внѣшней судьбѣ самыхъ сочиненій Ипполитовыхъ.

Судьба сочиненій св. Ипполита, какъ и самыхъ обстоятельствъ его жизни, представляетъ не мало оригинальнаго и загадочнаго. Сочиненія Ипполита извѣстны намъ главнымъ главнымъ образомъ изъ трехъ источниковъ: изъ церковной исторіи Евсевія, изъ каталога церковныхъ писателей (de viris

illustribus) Іеронима, и изъ перечня писаній на открытомъ въ 1551 году памятникѣ Ипполиту [1]). Но счетъ и названіе Ипполитовыхъ сочиненій въ этихъ трехъ показаніяхъ о нихъ пред-

---

[1]) Евсевій (Lib. VI cap. XXII) перечисляетъ слѣдующія писанія Ипполита: Τὸ περὶ του Πάσχα σύγγραμμα, κάνον ἐννεακαιδεκαετηρίδος περὶ του Πάσχα, εἰς τὴν ἑξαήμερον, εἰς τὰ μετὰ τὴν ἑξαήμερον, πρὸς Μαρκίωνα, εἰς τὸ Ἆσμα, εἰς μέρη του Ἰεζεκιήλ, περὶ του Πάσχα, πρὸς ἅπασας τὰς αἱρέσεις πλεῖστά τε ἄλλα καὶ παρὰ πολλοῖς σωζομενα. Въ LXI главѣ каталога Іеронимова объ Ипполитѣ значится: Hippolytus, cujusdam Ecclesiae episcopus, rationem Paschae temporumque canones scripsit usque ad primum annum Alexandri Imperatoris, et sexdecim annorum circulum, quem Graeci ἑκκαιδεκαετηρίδα vocant, reperit; et Eusebio, qui super eodem Pascha, canonem decem et novem annorum circulum, id est Ἐννεακαιδεκαετηρίδα composuit, occasionem dedit. Scripsit nonnullos in Scripturas commentarios, e quibus hos reperi in hexaemeron, et in Exodum, in Canticum Canticorum, in Genesim, et in Zachariam: de psalmis, et in Esaiam, de Daniele, de Apocalypsi, de Proverbiis, de Ecclesiaste, de Saul et Pythonissa, de Antichristo, de Resurrectione, contra Marcionem, de Pascha, adversus omnes Haereses, et προσομιλίαν de laude Domini Salvatoris, in qua praesente Origene se loqui in Ecllesia significat“.... На памятникѣ Ипполита, найденномъ въ 1551 году, названіе первыхъ обозначенныхъ сочиненій можетъ быть возстановлено только предположительно: такъ какъ вслѣдствіе поврежденія памятника отъ первыхъ строкъ надписанія осталось только по нѣскольку буквъ. Вотъ это надписаніе, какъ оно теперь читается: ....ΙΟΥϹ (большая часть ученыхъ полное названіе сочиненія обозначеннаго здѣсь предполагаютъ – πρὸς ἰουδαΙΟΥϹ) ...ΝΙΑϹ) это названіе большею частію ученыхъ читается,—περὶ κοσμογοΝΙΑϹ или περὶ ἡγεμοΝΙΑϹ, но нѣкоторые изъ прежнихъ ученыхъ, соединяя это слово съ предшествующимъ, въ томъ и другомъ предполагали названіе одного сочиненія Εἰς φάλμους μεταΝΟΙΑϹ, теперь это неловкое объясненіе оставлено) ...ΑΛΜΟΥϹ (здѣсь очевидно нужно читать Εἰς ΨΑΛΜΟΥϹ, или какъ предполагаютъ для соразмѣрности строки διήγησις Εἰς ΨΑΛΜΟΥϹ). Далѣе идутъ болѣе отчетливыя заглавія.... ΓΑϹΤΡΙΜΥΘΟΝ (предполагаютъ Εἰς τὴν ἘγΓΑϹΤΡΙΜΥΘΟΝ), ΥΠΕΡ ΤΟΥ ΚΑΤΑ ΙΩΑΝΝΗ ΕΥΑΓΓΕΛΙΟΥ ΚΑΙ ΑΠΟΚΑΛΥΨΕΩϹ, ΠΕΡΙ ΧΑΡΙϹΜΑΤΩΝ ΑΠΟϹΤΟΛΙΚΗ ΠΑΡΑΔΟϹΙϹ, ΧΡΟΝΙΚΩΥ ΠΡΟϹ ΕΛΛΗΝΑϹ ΚΑΙ ΠΡΟϹ ΠΛΑΤΩΝΑ (Бунзенъ читаетъ ΠΡΟϹ ΠΑΤΩΝΑ) Η ΚΑΙ ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΑΝΤΟϹ (нѣкоторые полагаютъ здѣсь одно, а другіе два или даже три отдѣльныхъ сочиненія), ΠΡΟΤΡΕΠΤΙΚΟϹ ΠΡΟϹ ϹΕΒΗΡΕΙΝΑΝ, ΑΠΟΔΕΙΞΙϹ ΧΡΟΝΩΝ ΤΟΥ ΠΑϹΧΑ ΚΑΤΑ ΕΝ ΤΩ ΠΙΝΑΚΙ, ΩΔΑΙΙϹ (Εἰς) ΠΑϹΑϹ ΤΑϹ ΓΡΑΦΑϹ (это заглавіе также очень неотчетливо: вмѣсто ὦδαι нѣкоторые читаютъ ὁμιλίαι, а вмѣсто Εἰς πάσας γράφας—по мнѣнію Ле-Муана нужно читать Εἰς πασας αἱρέσεις) ΠΕΡΙ ΘΥ (Θεοῦ) ΚΑΙ ϹΑΡΚΟϹ ΑΝΑϹΤΑϹΕΩϹ, ΠΕΡΙ ΤΑΓΑΘΟΥ ΚΑΙ ΠΟΘΕΝ (το) ΚΑΚΟΝ.:. Позднѣйшій перечень Ипполитовыхъ сочиненій въ хронографіи Георгія Синкелла (ампл. 215) и въ церковной исторіи Никифора Каллиста (Lib. IV cap. 3) представляетъ только соединеніе перечисленія Евсевіева и Іеронимова. (См. сравнительную таблицу этихъ перечисленій у Бунзена—Hippolytus B. 1. Ss. 209—212 и у Лумпера de Scriptis Hippolyti P. II

ставляются далеко неодинаковыми [2]). Кромѣ того въ даль нѣйшіе вѣка дѣлаются извѣстны новыя сочиненія Ипполита, о которыхъ не упоминаютъ ни Евсевій, ни Іеронимъ, ни надпись на Ипполитовомъ памятникѣ, но которыхъ принадлежность Ипполиту подтверждается также довольно древними свидѣтельствами и твердыми соображеніями [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ именемъ Ипполита становятся извѣстны такія сочиненія, которыя по самому содержанію своему и обстоятель-

---

art. 1). Но у Θеодорита, Фотія и въ Сирскомъ Каталогѣ Ипполитовыхъ сочиненій, какъ увидимъ, упоминаются еще нѣкоторыя, не обозначенныя ни у Евсевія, ни у Іеронима, ни на памятникѣ Ипполитовомъ. Критико-библіографическія свѣдѣнія и соображенія о сочиненіяхъ Ипполита см. у Фабриція при изданіи Ипполитовыхъ сочиненій и въ поименованныхъ въ предшествующей главѣ (примѣчаніе 1) ученыхъ изслѣдованіяхъ Лумпера, Гэпелля, Киммеля, изъ новѣйшихъ—у Бунзена (т. 1. стр. 164—114), у Деллингера (стр. 2—24), у Фолькмара (стр. 77—82, 148—164 и др.) изъ русскихъ—у Филарета Черниговскаго т. I. §§ 63—56.

[2]) Разность списковъ Евсевія, Іеронима и памятника очевидна сама собою при малѣйшемъ сличеніи ихъ. Въ объясненіе этой разности нужно прежде всего сказать, что ни Евсевій, ни Іеронимъ, ни составитель надписанія на памятникѣ вѣроятно и не имѣли въ виду исчислить всѣ сочиненія Ипполита. Евсевій прямо говоритъ, что, кромѣ названныхъ имъ, у многихъ сохраняются еще очень многія сочиненія Ипполита. Іеронимъ, какъ самъ экзегетъ, по преимуществу обращалъ вниманіе на экзегетическіе труды Ипполита. Что касается до надписанія памятника: то, если вѣрно наше предположеніе (предшествующая глава примѣч. 76), что памятникъ Ипполиту воздвигнутъ не въ самый поздній періодъ его жизни, въ такомъ случаѣ въ надписаніе памятника конечно не могли войти позднѣйшія произведенія Ипполита. Затѣмъ въ объясненіе разности приведенныхъ списковъ нужно еще сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта разность только видимая. Одно и то же сочиненіе въ одномъ спискѣ могло быть обозначено однимъ названіемъ, въ другомъ инымъ. Такъ предполагаютъ, что упоминаемое у Іеронима сочиненіе de Saul et Pythonyssa то же, что на памятникѣ обозначено названіемъ Εἰς Ἐγγαστρίμυθον, упоминаемое Евсевіемъ и Іеронимомъ сочиненіе Εἰς ἑξαήμερον—in Hexaemeron на памятникѣ было обозначено названіемъ περὶ κοσμογονίας, сочиненіе προς Μαρκίωνα—contra Marcionem у Евсевія и Іеронима то же что περὶ Θεοῦ καὶ σαρκὸς ἀναστάσεως или περὶ ταγαθοῦ καὶ πόθεν τὸ κακὸν—на памятникѣ и т. д.

[3]) Таково напр. сочиненіе противъ Ноэта (Migne T. X. pag. 803—830), о которомъ не упоминается ни у Евсевія, ни у Іеронима, ни на памятникѣ Ипполитовомъ и которое однакожъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, почти всѣми учеными признавалось за Ипполитово.

ствамъ появленія не могутъ быть отнесены даже и ко времени св. Ипполита [4]). Наконецъ въ новѣйшее время обращаютъ на себя всеобщее вниманіе ученыхъ такія сочиненія, частію извѣстныя отъ древнихъ временъ, частію только-что открытыя, о принадлежности которыхъ Ипполиту нельзя указать ни одного прямаго и яснаго свидѣтельства древности, и которыя тѣмъ не менѣе новѣйшая наука не находитъ возможнымъ приписать никому другому изъ древнихъ писателей, кромѣ св. Ипполита [5]). Есть основаніе предполагать, что кромѣ всѣхъ этихъ уже сколько-нибудь извѣстныхъ въ настоящее время или по названіямъ, или въ отрывкахъ, или въ болѣе или менѣе значительныхъ частяхъ сочиненій Ипполита, были еще и другія, о которыхъ не сохранилось ни одного яснаго свидѣтельства древности, отъ которыхъ не осталось никакого отрывка, и которыя однакожь имѣли важное значеніе въ древней христіанской письменности [6]). Есть наконецъ основанія предполагать, что нѣкоторыя изъ сочиненій Ипполита, несомнѣнно существовавшія въ древнія времена, оставались почти неизвѣстными, никѣмъ почти не читались, ни кѣмъ не употреблялись, несмотря на богатое содержаніе ихъ, или употреблялись только по частямъ, въ разрозненномъ видѣ, и иногда подъ именами другихъ учителей церковныхъ, а не Ипполита [7]). По всему видно, что сочиненія Ипполита из-

---

[4]) Таковы: сочиненіе противъ Верона и Гелика, многими впрочемъ признаваемое за подлинное произведеніе Ипполита (Migne T. X. pag. 829—852), слово о кончинѣ міра и объ антихристѣ, извѣстное въ старославянскомъ переводѣ подъ именемъ слова въ недѣлю мясопустную (Migne T. X. pag. 903—952, Невоструева стр. 189—218), сказанія о 12 и 70 апостолахъ (Migne pag. 951—958), хроника приписанная Ипполиту римскому, вмѣсто Ипполита Ѳивскаго—писателя XI вѣка (Migne—Patrolog. Iatina T. III pag. 6571). Генеалогія св. Дѣвы Маріи и Іосифа, также, полагаютъ, составленная Ипполитомъ Ѳивскимъ и т. д. См. Lumperi Cap. IV — De operibus Hippolyto suppositis — Migne T. X. pag. 338—346.

[5]) Сюда относятся такъ называемый *Малый Лабиринтъ* и самые *философумены*.

[6]) Таково, какъ увидимъ, по всей вѣроятности было то сочиненіе Ипполита, которымъ пользовался Епифаній въ 1 отдѣленіи 2 книги Панарія. См. ниже примѣчанія 17, 46, 63, 64, 76.

[7]) Это опять относится къ Малому Лабиринту и философуменамъ.

давна находились въ исключительномъ положеніи и должны были испытать особенную судьбу. Конечно, подобная судьба забвенія, утраты, искаженій, замѣнъ, поддѣлокъ постигала произведенія и многихъ другихъ писателей древности: но сочиненія Ипполита подверглись такой судьбѣ, можно сказать, по преимуществу. И это, намъ кажется, нужно объяснять какъ особенностями внутренняго характера сочиненій Ипполитовыхъ, такъ и особенностями самой его личной судьбы—его исключительнымъ въ продолженіе долгаго времени церковнымъ положеніемъ, его скитальческою жизнью, наконецъ преднамѣреннымъ тенденціознымъ искаженіемъ преданій о немъ въ мѣстахъ, ближайшихъ къ главному мѣсту его церковнаго служенія и литературной дѣятельности.

Если принять во вниманіе всѣ сочиненія написанныя св. Ипполитомъ, изъ которыхъ бо́льшая часть совсѣмъ не дошла до насъ, и изъ дошедшихъ бо́льшая часть сохранилась только въ малыхъ отрывкахъ, такъ что изъ всего написаннаго Ипполитомъ мы можетъ быть знаемъ только какую-нибудь десятую долю,—этого писателя, безъ сомнѣнія, нужно поставить въ ряду самыхъ замѣчательныхъ писателей христіанской древности. Мы не обинуясь можемъ повторить здѣсь сказанное уже въ предшествовавшей главѣ, что, за исключеніемъ Оригена, св. Ипполитъ былъ едва ли не самый плодовитый и самый разносторонній изъ всѣхъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Ипполитомъ писаны были сочиненія самыя разнообразныя: богословскія, философскія, апологетическія, церковно-ораторскія, экзегетическія, каноническія, историческія и наконецъ собственно полемическія или ересеологическія. Въ нѣкоторыхъ родахъ церковной письменности, напр. въ церковно-ораторскомъ и экзегетическомъ (разумѣя въ послѣднемъ объясненія не на отдѣльныя мѣста, а на цѣлыя книги Свящ. Писанія), Ипполита нужно признать едвали не первымъ дѣятелемъ, показавшимъ путь другимъ. Что касается до внутренняго характера сочиненій св. Ипполита, они также, на сколько мы можемъ судить по сохранившимся остаткамъ,

отличались большими достоинствами: богатыми свѣдѣніями какъ собственно въ богословіи, такъ и въ другихъ предметахъ— въ древней философіи, миѳологіи, поэзіи, исторіи, даже математикѣ и астрономіи, твердою и свободною мыслью, горячею ревностью о вѣрѣ, глубокимъ знаніемъ Священнаго Писанія и особеннымъ умѣньемъ пользоваться имъ при раскрытіи истинъ вѣры, твердымъ и прямымъ, иногда и одушевленнымъ выраженіемъ мысли. Находятся впрочемъ въ сочиненіяхъ Ипполита и нѣкоторые недостатки, бывшіе можетъ быть также одною изъ причинъ того, почему сочиненія эти не такъ внимательно читались въ позднѣйшія времена, и не такъ тщательно сохранялись, какъ писанія другихъ учителей церкви. Это недостатки: мѣстами парадоксальность во взглядахъ, излишняя оригинальность въ объясненіи истинъ вѣры, рѣзкость въ выраженіяхъ, мѣстами излишнее пристрастіе къ аллегоріи и мистицизму, а иногда, напротивъ, чрезмѣрный буквализмъ, излишнее стремленіе выразить высокую таинственную истину вѣры какъ можно нагляднѣе, наконецъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ видимый недостатокъ внѣшней обработки, темнота и тяжеловатость изложенія и т. д. [8]).

Наша задача—разсмотрѣть собственно полемическія или ересеологическія сочиненія св. Ипполита. Однихъ сочиненій этого рода св. Ипполитъ написалъ болѣе чѣмъ всякій другой изъ древнихъ ересеологовъ. И хотя полемическія сочиненія его и въ древности читались и находились въ употребленіи менѣе чѣмъ сочиненія другихъ ересеологовъ: тѣмъ не менѣе имя св. Ипполита, какъ ересеолога, стояло у людей знающихъ высоко, на ряду съ именемъ его учителя св. Иринея [9]). Св.

---

[8]) На достоинства и недостатки Ипполитовыхъ сочиненій указывалъ уже Фотій при оцѣнкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ своей библіотекѣ (Codd. CXXI, CCII). Всего виднѣе и эти достоинства и эти недостатки въ большомъ сочиненіи Ипполита — философуменахъ: но онѣ видны и въ другихъ менѣе значительныхъ сочиненіяхъ его—напр. въ словѣ объ антихристѣ.

[9]) См. отзывы объ Ипполитѣ, какъ ересеологѣ, у Ѳеодорита въ обличеніи басней еретическихъ (Lib I. cap. XXV, Lib II cap. I), у

Ипполитомъ писаны были какъ частныя ересеологическія сочиненія противъ отдѣльныхъ еретическихъ сектъ, такъ и общія противъ всѣхъ значительныхъ ересей, бывшихъ въ церкви христіанской до его времени. Въ судьбѣ полемическихъ сочиненій, приписываемыхъ св. Ипполиту, представляется опять та особенность, что изъ нихъ до послѣдняго времени были наиболѣе извѣстны менѣе значительныя или даже подложно приписанныя Ипполиту, а самыя значительныя напротивъ или сдѣлались извѣстными лишь въ послѣднее время, или и доселѣ остаются неизвѣстными.

Самымъ извѣстнымъ изъ полемическихъ сочиненій Ипполита до новѣйшаго времени было сочиненіе (бесѣда или трактатъ) противъ Ноэта [10]). Это сочиненіе не значится ни въ Евсевіевомъ, ни въ Іеронимовомъ спискѣ, ни на памятникѣ Ипполитовомъ; въ самомъ сочиненіи нѣтъ прямаго указанія на то, что оно принадлежитъ Ипполиту, — видно только, что оно писано современникомъ Ноэта, человѣкомъ близко знавшимъ обстоятельства появленія Ноэтіанской секты и лично препиравшимся съ Ноэтіанами [11]). Но въ трактатѣ de duabus in Christo naturis, приписываемомъ папѣ Геласію, приводятся нѣкоторыя выраженія изъ этого сочиненія прямо съ именемъ Ипполита [12]). Епифаній, при описаніи Ноэтіанской ереси въ

Епифанія въ Панаріѣ (Haeres. XXXI cap. 35); отзывы объ Ипполитѣ, вообще какъ писателѣ, отъ другихъ древнихъ писателей у Миня Patrol. gr. T. X. pag. 569—582, у Филарета Черниговскаго ч. 1 § 53.

[10]) Сочиненіе это въ первый разъ напечатано было въ латинскомъ текстѣ Боссіемъ in Miscellaniis Sanctorum aliquot Patrum Graecorum et Latinorum—Moguntiae. 1604 an. Греческій текстъ сочиненія по Ватиканскому списку первый издалъ Фабрицій—Hamburgi 1716 an. У Миня (Patrol. gr. T. X pag. 903—830) перепечатанъ латинскій и греческій текстъ трактата по изданію Галланди (Venet. 1766 г.) съ объясненіями Турріана. Латинское заглавіе сочиненія: S. Hippolyti Tractatus seu homilia de Deo trino et uno et de mysterio incarnationis contra haeresin Noeti. Греческое: Τοῦ ἁγίου Ἱππολύτου ἀρχιεπισκόπου καὶ μάρτύρος Εἰς τὴν αἵρεσιν Νοήτου τινὸς.

[11]) Это видно изъ самаго 1 параграфа сочиненія противъ Ноэта.

[12]) Геласій, приводя свидѣтельства древнихъ учителей о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, говоритъ между прочимъ: Hippolyti episcopi et martyris Arabum metropolis in *Memoria haeresium*: Hic procedens in

своемъ Панаріѣ, видимо пользуется данными этого сочиненія, хотя и не называетъ его [13]). Фотій свидѣтельствуетъ, что Ипполитъ доводилъ свою противосектанскую полемику до секты Ноэтіанской [14]). Наконецъ по мыслямъ и языку это сочиненіе представляетъ сходство съ другими сочиненіями Ипполита. На этихъ основаніяхъ сочиненіе противъ Ноэта почти безспорно всѣми учеными признано издавна Ипполитовымъ [15]). Открытіе Философуменовъ, въ которыхъ также представляется горячая полемика противъ Ноэтіанства отъ ближайшаго современника Ноэтіанской секты, и самый способъ обличенія секты представляется весьма сходнымъ съ трактатомъ противъ Ноэта, и встрѣчаются тирады даже по внѣшнему изложенію ближайшимъ образомъ напоминающія этотъ трактатъ, представляетъ новыя доказательства, что трактатъ противъ Ноэта писанъ тѣмъ же авторомъ, какимъ писаны и Философумены [16]). Между учеными остается не вполнѣ разъясненнымъ лишь тотъ вопросъ, составляетъ ли этотъ трактатъ самостоятельное цѣлое, или часть другаго

---

mundum Deus et homo apparuit et caet. Эта мысль почти въ тѣхъ же выраженіяхъ раскрывается въ концѣ 17 и въ 18 §§ трактата противъ Ноэта.

[13]) Πανάριον haeres. LVII. У Епифанія впрочемъ встрѣчается разногласіе съ трактатомъ противъ Ноэта о мѣстѣ происхожденія Ноэтіанства. Авторъ трактата выводитъ эту ересь изъ Смирны, а Епифаній изъ Ефеса. Но думаютъ, что Епифаній здѣсь просто въ поспѣшности перемѣнилъ имя одного Малоазійскаго города на другое, какъ случалось ему подобнымъ же образомъ наскоро переиначивать и другія извѣстія, заимствованныя у болѣе древнихъ ересеологовъ.

[14]) Bibliotheca Cod. CXXI.

[15]) См. Лумпера. De Scriptis Hippolyti P. II art. VI, Гэнелля De Hippolyto s. 40—46; Киммеля De Hippolyti Scriptis. s. 18 и дал., Овербека Quaestionum Hippolytearum Specimen s. 9, Гарнака Quellenkritik d. Gnosticismus s. 179—180. Лишь немногіе писатели (изъ прежнихъ Дю—Пэнь, Каве, Бособръ, изъ новыхъ Зейнекке выражали сомнѣніе въ принадлежности трактата Ипполиту: но ихъ возраженія противъ него не считаются значительными.

[16]) Сличеніе сходныхъ мѣстъ въ трактатѣ противъ Ноэта и въ философуменахъ см. у Бунзена—Hippolytus B. 1 ss. 183—189, у Фолькмара ss. 133, 138—142.

болѣе обширнаго сочиненія, и какого именно [17]). Во всякомъ случаѣ этотъ трактатъ и въ настоящемъ своемъ видѣ имѣетъ немаловажное значеніе какъ въ исторіи ересей, такъ въ исторіи развитія положительнаго христіанскаго богословія первыхъ вѣковъ. Онъ представляетъ и изъ самаго перваго источника свѣдѣнія о началѣ Ноэтіанской секты; онъ представляетъ отчетливый разборъ основаній, на которыхъ Ноэтіане старались утверждать свои мысли о св. Троицѣ; онъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ первыхъ опытовъ по-

---

[17]) Что трактатъ противъ Ноэта составляетъ только часть болѣе обширнаго сочиненія, въ которомъ кромѣ Ноэтіанства вѣроятно разсматривались и другія ереси, объ этомъ можно заключать по самому началу трактата: Ἕτεροι τίνες ἑτέραν διδασκαλίαν παρεισάγουσιν, γενόμενοι τινὸς Νοήτου μαθηταὶ и т. д. Далѣе изъ 2 § разсматриваемаго трактата можно видѣть, что у автора по всей вѣроятности въ томъ же сочиненіи, къ которому принадлежалъ трактатъ, обличенію Ноэтіанства предшествовало обличеніе другой монархіанской секты—Θεοδοτιανῶν. Въ 8 § есть также указаніе на то, что въ этомъ сочиненіи кромѣ Ноэтіанства, авторомъ разсматривались и многія другія ереси: Ἐπειδὴ οὖν ἤδη καὶ ὁ Νόητος ἀνατετραπται, Ἐλθομεν Ἐπὶ τὴν ἀληθείας ἀπόδειξιν, ἵνα συστήσωμεν τὴν ἀληθείαν, καθ' ἧς πάσαι, τοσαῦται αἱρέσεις γεγέγηνται. Геласій, какъ мы видѣли (примѣч. 12), приводя изъ 17 § трактата противъ Ноэта свидѣтельство о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, говоритъ, что это свидѣтельство взято имъ изъ сочиненія Ипполита, которое онъ называетъ *Memoria haeresium*, также по всей вѣроятности обозначая этимъ названіемъ такой памятникъ, въ которомъ, кромѣ Ноэтіанства, разсматривались и опровергались и другія ереси. Какой же былъ этотъ памятникъ? Всего менѣе можно предположить, какъ предположилъ, преосвященный Филаретъ Черниговскій (§ 54), что трактатъ противъ Ноэта есть извлеченіе изъ 10 книги обширнаго сочиненія противъ ересей извѣстнаго подъ названіемъ философуменовъ. Для того чтобы не сдѣлать такого предположенія, достаточно было хоть сколько-нибудь просмотрѣть въ подлинникѣ и сравнить трактатъ противъ Ноэта и 10 книгу философуменовъ; сходство мыслей и цѣлыхъ фразъ относительно одного и того же предмета здѣсь дѣйствительно есть; но это два сочиненія совершенно различныя. Трудно также предположить, какъ предполагала доселѣ большая часть западныхъ ученыхъ (Фабрицій, Гэнелль, Киммель, и изъ новѣйшихъ Липсіусъ in Quellenkritik des Epiphonios Ss. 37—39), чтобы трактатъ противъ Ноэта былъ частію или заключеніемъ того краткаго Ипполитова сочиненія о ересяхъ, о которомъ говоритъ Патріархъ Фотій Biblioth. CXXI (*объ этомъ сочиненіи ниже*). Такое пространное опроверженіе одной Ноэтіанской секты едвали могло входить, какъ часть, въ небольшое сочиненіе (Βιβλιδάριον) представлявшее (по Фотію) описаніе 32 ересей. Если справедливо предположеніе Фолькмара (Hippolytus und die römischen Zeitgenossen S. 165) и Гарнака (Quellenkritik

ложительнаго христіанскаго богословствованія о св. Троицѣ [18]). По внѣшнему изложенію трактатъ противъ Ноэта представляетъ также одинъ изъ замѣчательныхъ опытовъ древнѣйшаго богословскаго ораторства [19]).

Во время споровъ монофелитскихъ и иконоборческихъ въ VII и VIII столѣтіяхъ получили извѣстность подъ именемъ св. Ипполита отрывки изъ сочиненія о богословіи и воплощеніи, направленнаго противъ какихъ-то еретиковъ Верона и Гелика, будто бы послѣдователей гностика Валентина, неправильно учившихъ о соединеніи въ Іисусѣ Христѣ природы божественной и человѣческой [20]). Анастасій, апокрисіарій римской церкви, проживавшій въ Константинополѣ около половины VII вѣка (тотъ самый, который открылъ тамъ греческіе акты мученичества св. Хрисы), разсказываетъ, что ему представлено было

---

d. Gnosticismus s. 183),—предположеніе новое, мало разъясненное, но на нашъ взглядъ очень удачное, которое вѣроятно не останется безплоднымъ для дальнѣйшаго разъясненія древней ересеологіи,—предположеніе, что Ипполитъ, кромѣ извѣстныхъ намъ сочиненій противъ всѣхъ ересей писалъ еще особенное сочиненіе собственно противъ сектъ монархіанскихъ (и можетъ быть, склонны думать мы, не противъ однихъ монархіанскихъ, а вообще противъ сектъ распространявшихся преимущественно въ Римѣ въ концѣ 2 и началѣ 3 вѣка при папахъ Елевѳеріи, Викторѣ и Зефиринѣ, изъ этого сочиненія по всей вѣроятности заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этихъ сектахъ св. Епифаній въ 1 отдѣленіи 2 книги его большаго сочиненія о ересяхъ); если справедливо такое предположеніе, въ такомъ случаѣ всего естественнѣе думать, что трактатъ противъ Ноэта былъ частію этого именно не дошедшаго до насъ сочиненія, о существованіи котораго до послѣдняго времени даже и догадокъ не было между учеными.

[18]) См. Dorner—Heschichte der Lehre von der Person Christi B. I. ss. 532—536.

[19]) Поэтому трактатъ и называется гомиліею; и онъ дѣйствительно изложенъ въ формѣ богословско-ораторской рѣчи, какъ бы предназначенной или для произнесенія предъ народомъ, или для чтенія христіанамъ въ предостереженіе отъ вредной ереси. Ср. Bunsen—Hippolytus B. I. s. 182.

[20]) Греческое заглавіе этого сочиненія въ большей части изданій и рукописей. Τό κατὰ Βήρωνος καὶ Ἥλικος, τῶν αἱρετικῶν (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто Ἥλικος читается ἡλικιώνος или даже ἡλικιωτῶν αἱρετικῶν что, какъ увидимъ, даетъ иной смыслъ дѣлу) περὶ Θεολογίας καὶ σαρκώσεως κατὰ στιχεῖον Λογός. Латинское заглавіе: S. Hippolyti, episcopi Portus romani et martyris veritatis, Sermo de Theologia et incarnatione contra Beronem et Heliconem haereticos Migne. T. 380.

православными противниками Монофелитства это сочиненіе Ипполита въ цѣльномъ видѣ, и онъ хотѣлъ переписать его но Монофелиты отняли у него эту книгу, когда онъ успѣлъ выписать изъ нея только восемь отрывковъ. Эти восемь отрывковъ, обнародованные Анастасіемъ на латинскомъ языкѣ, въ послѣдствіи уже въ концѣ VIII вѣка приведены были и погречески въ полемическихъ сочиненіяхъ Никифора патріарха константинопольскаго противъ иконоборцевъ (въ сочиненіяхъ извѣстныхъ подъ названіемъ antirretica). Эти отрывки ранѣе другихъ подлинныхъ писаній Ипполита обратили на себя вниманіе ученыхъ, и были перепечатываемы много разъ въ разныхъ изданіяхъ древнеотеческихъ произведеній [21]). Но уже съ XVII вѣка противъ принадлежности этихъ отрывковъ св. Ипполиту были заявлены многими учеными сильныя возраженія, другіе ученые старались отстаивать подлинность ихъ, и въ такомъ положеніи можно сказать вопросъ остается до настоящаго времени [22]). Нельзя не сказать впрочемъ, что основанія противъ подлинности этого сочиненія представляются гораздо болѣе сильными, чѣмъ за подлинность. Правда, въ общемъ строѣ воззрѣній и въ самомъ изложеніи этихъ отрывковъ не находятъ существенныхъ противорѣчій съ другими сочиненіями Ипполита, находятъ даже довольно сходства

---

[21]) У Канизія, Сирмонда, Комбефизія, Фабриція, Галланди, Миня. (T. X pag. 830—852). Въ томъ же X томѣ у Миня и объ открытіи этихъ отрывковъ и о прежнихъ изданіяхъ въ изслѣдованіи Лумпера P. II art. VII § 1.

[22]) Подлинность отрывковъ опровергалъ Дю Пэнь (Biblioth. auctor. pag. 178), А. Наталисъ (Hist. Eccles, Saec. III cap. IV arti. I pag 63). Сандъ (Vet. script eccles p. 27) Баснажъ (Animadvers. ad Thesaur, Canisian. T. I pag. 10—11); защищали ихъ Булль (Defensio fidei Nicaenae. P. II, cap. VIII § 5), Тильмонъ (Memoir eccles. T. III pag. 108—109), Салигъ (De Eutychianismo ante Eutych 1823), Лумперъ (De Scriptis Hippolyti B. II art. VII § 2). Изъ писателей нынѣшняго столѣтія Гэнелль сильно опровергалъ подлинность отрывковъ (De Hippolito episcopo 1828); Дорнеръ (ss. 536—549) Бунзенъ (ss. 191—192), изъ русскихъ Филаретъ Черниговскій (ч. 1 стр. 113—114) пытались еще защищать ихъ; но затѣмъ бо́льшая часть новѣйшихъ писателей считаютъ подложность отрывковъ фактомъ неопровержимымъ (см. Деллингера стр. 317—224, Фолькмара стр. 142—166).

въ особенности съ трактатомъ противъ Ноэта; но въ частности здѣсь встрѣчается много мыслей и богословскихъ терминовъ, совершенно несоотвѣтствующихъ развитію христіанской полемики во времена Ипполита, и имѣющихъ ближайшее отношеніе къ эпохѣ монофизитской и моноѳелитской [23]). Самыя имена еретиковъ Верона и Гелика ни у кого изъ древнихъ ересеологовъ не упоминаются въ числѣ послѣдователей системы Валентиновой [24]); мнѣнія приписываемыя имъ въ отрывкахъ мало соотвѣтствуютъ общему характеру этой системы. Съ другой стороны, еслибы еще съ конца 2-го или отъ начала 3-го столѣтія существовало сочиненіе извѣстнаго учителя церкви, въ которомъ бы съ такою ясностью и точностью въ самыхъ подробностяхъ раскрывалось ученіе объ отношеніи въ Іисусѣ Христѣ природы божественной и человѣческой, какъ это представляется въ сочиненіи противъ Верона и Гелика: трудно было бы допустить, чтобы никто изъ учителей церковныхъ не воспользовался этимъ сочиненіемъ ранѣе половины VII столѣтія, напр. въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ во время споровъ православныхъ богослововъ съ аполлинаристами и монофизитами. Блаж. Ѳеодоритъ въ своихъ діалогахъ противъ

---

[23]) Здѣсь (въ особенности въ отрывкахъ 4, 5, 6, 7) разсматриваются извѣстные вопросы монофизитской и моноѳелитской эпохи de mutatione duarum naturarum, de mistione ac confusione proprietatum, de duabus operationibus in Christo, встрѣчаются выраженія ὑπόστασις въ смыслѣ persona (на мѣсто употребляемаго въ другихъ сочиненіяхъ Ипполита πρόσωπον), οὐσιώσας, Ἐνουσιώσας, κίνησις, ταυτουργὸς, μεταβολὴ ἰδιωμάτων, διαίρεσις προσωπικὴ, φῦσικὴ ὕπαρξις, Θεότης τῇ σαρκὶ ταυτοπαϑὴς, απαναγία τοῦ Θεοῦ σαρξ, παναγία ἀειπαρϑένος Μαρία и т. д. *сравни указанныя мѣста у Деллингѣра и Фолькмара.*

[24]) Въ большей части изданій заглавіе сочиненія обозначается κατα Βήρωνος καὶ Ἡλικος τῶν αἱρετικῶν — contra Beronem et Heliconem, при чемъ оба названія Верона и Гелика принимаются за собственныя. Но у нѣкоторыхъ, напр. у Фабриція, вмѣсто Ἥλικος поставляется ἡλικιωτῶν, при чемъ только имя Верона остается собственнымъ, и надписаніе получаетъ такой смыслъ: противъ Верона и подобныхъ, или родственныхъ (единомысленныхъ) или современныхъ ему еретиковъ—contra Beronem et aequales, socios, coëtaneos haereticos. Нѣкоторые же оба названія принимаютъ за нарицательныя и переводятъ заглавіе сочиненія: contra Verum et Socium haereticos (см. Миня T. X стр. 829, Фолькмара стр. 142—166.

Евтихіанъ старался собрать всѣ возможныя свидѣтельства древности въ пользу ученія о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Между прочимъ онъ привелъ нѣсколько мѣстъ и изъ сочиненій Ипполитовыхъ [25]) въ пользу этого ученія, мѣстъ гораздо менѣе значительныхъ, чѣмъ какія можно было бы выбрать изъ сочиненія противъ Верона и Гелика, еслибы это сочиненіе существовало ранѣе V вѣка. Трудно предположить чтобы блаж. Ѳеодоритъ, вообще болѣе всѣхъ древнихъ учителей церкви знакомый съ сочиненіями Ипполита [26]), оставилъ безъ вниманія именно то изъ нихъ, которое всего болѣе могло бы подходить къ его полемико-богословскимъ цѣлямъ. Но ни унего, ни вообще у кого бы то ни было изъ учителей церковныхъ до VII вѣка нѣтъ упоминанія объ этомъ сочиненіи. На основаніи этихъ соображеній сочиненіе противъ Верона и Гелика едва ли можетъ быть принято въ число источниковъ для исторіи ересей первыхъ вѣковъ на ряду съ другими подлинными ересеологическими писаніями св. Ипполита.

Евсевій въ церковной исторіи [27]) сообщаетъ извѣстіе о какомъ-то сочиненіи противъ древнѣйшей изъ монархіанскихъ сектъ, распространявшихъ свое ученіе въ Римѣ — противъ секты Ѳеодотіанъ и Артемонитовъ, Евсевій приводитъ изъ

---

[25]) Такъ въ первомъ діалогѣ (Migne Patr. gr. T. LXXXIII pag. 85—87). Ѳеодоритъ приводитъ изъ рѣчи Ипполита на текстъ „Господь насетъ мя“ одинъ отрывокъ, изъ рѣчи на Елкану и Анну три отрывка, на начало пророка Исаіи одинъ отрывокъ. Во второмъ діалогѣ (тамъ же стр. 171—175) приводятся изъ рѣчи о раздѣленіи талантовъ отрывокъ, изъ посланія къ нѣкоторой царицѣ (Северинѣ) отрывокъ, изъ рѣчи на Елкану и Анну отрывокъ, изъ толкованія на пѣснь пѣсней три отрывка, и по одному отрывку изъ объясненія псалмовъ 2 и 23. Въ 3 діалогѣ (тамъ же стр. 283—285) два отрывка изъ посланія къ царицѣ и три отрывка изъ рѣчи о двухъ разбойникахъ. Отсюда видно и то, что Ѳеодоритъ имѣлъ подъ руками не мало сочиненій Ипполита не только не дошедшихъ до насъ, но и не обозначенныхъ ни у Евсевія, ни у Іеронима, ни на памятникѣ Ипполитовомъ (срав. примѣч. 1).

[26]) На это, кромѣ указаннаго въ предшествовавшемъ примѣчаніи, будутъ еще представлены доказательства ниже—при разсмотрѣніи философуменовъ.

[27]) Кн. V гл. XXVIII.

этого сочиненія нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ. Блаженный Θеодоритъ, при описаніи секты Артемонитовъ упоминая о тѣхъ же самыхъ фактахъ, о которыхъ разсказывается въ одномъ изъ отрывковъ Евсевіевыхъ, называетъ то сочиненіе, изъ котораго заимствованы эти факты, Малымъ Лабиринтомъ (ὁσμικρος Λαβύρινθος) [28]). Объ этомъ сочиненіи упоминаетъ также и патріархъ Фотій въ своей библіотекѣ подъ именемъ сочиненія противъ ереси Артемона (Λόγος κατα τῆς τοῦ Ἀρτέμωνος αἱρίσεως [29]). Отрывки, приведенные Евсевіемъ изъ этого сочиненія, имѣютъ очень важное значеніе для исторіи. Они не только представляютъ любопытные факты о распространеніи и характерѣ очень замѣчательной (раціоналистической) секты Артемонитовъ, распространившейся въ Римѣ при папахъ Викторѣ и Зефиринѣ и о движеніи произведенномъ ею въ средѣ христіанскаго общества: но представляютъ и самыя основанія, на которыхъ хотѣла держаться секта, возраженія, какія она дѣлала противъ важнѣйшаго христіанскаго догмата — о божествѣ Іисуса Христа, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ доводы, которыми опровергались возраженія еретиковъ со стороны православнаго богословія [30]).

---

[28]) Haeretic. Fabul. Lib. II cap. V.

[29]) Bibliotheca Cod. XLVIII. Изъ позднѣйшихъ писателей см. еще о Маломъ Лабиринтѣ у Никофора Каллиста Histor. Eccles Lib. IV cap. XX.

[30]) Тюбингенская школа старалась придать еще особенное значеніе отрывкамъ изъ Малаго Лабиринта, толкуя содержаніе ихъ въ свою пользу. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ сообщается извѣстіе, что Θеодотіане, отвергавшіе вѣру въ божественность Іисуса Христа, говорили, что ихъ вѣра древняя, державшаяся въ церкви отъ апостоловъ до папы Виктора, и что будто только при папѣ Зефиринѣ эта вѣра обезображена новымъ ученіемъ (т.-е. ученіемъ о Троичности лицъ въ Богѣ и божественности Іисуса Христа). Изъ этого Тюбингенцы хотѣли вывести то заключеніе, что въ церкви римской и на самомъ дѣлѣ до конца II вѣка держались іудейскія представленія и не было вѣры ни въ Троицу, ни въ божественность Іисуса Христа, ни признанія Евангелія Іоанна. (См. напр. Baur Die Lehre v. d. Dreieinigkeit und Menschwerdung Gottes. Th. S. 279—282, его же Dogmengeschichte B. 1 S. 471—472). Но въ томъ же самомъ отрывкѣ сообщается извѣстіе и о томъ, что авторъ Малаго Лабиринта твердо опровергъ ложныя представленія Θеодотіанъ, ясно показавъ свидѣтельствами Свящ. Писанія, древнѣйшихъ учителей

Кто былъ авторомъ этого сочиненія? Вопросъ этотъ издавна между учеными былъ очень запутанъ, но въ настоящее время почти общее мнѣніе склоняется къ тому, что сочиненіе это должно быть приписано Ипполиту. Во времена Θеодорита это сочиненіе приписывалось Оригену. Но самъ же Θеодоритъ замѣчаетъ, что оно по характеру своему не походитъ на сочиненія Оригеновы [31]). Притомъ Оригенъ во время распространенія въ Римѣ секты Θеодотіанъ и Артемонитовъ былъ еще слишкомъ молодъ, и находился далеко отъ Рима: а составитель Малаго Лабиринта видимо имѣлъ ближайшее личное отношеніе къ этой сектѣ [32]). Патріархъ Фотій высказалъ такое предположеніе, что сочиненіе противъ Артемонитовъ вмѣстѣ съ другимъ сочиненіемъ, которое онъ называетъ просто Лабиринтъ, и еще инымъ, которое носило названіе περὶ παντος οὐσίας, написано римскимъ писателемъ Каемъ, жившимъ въ концѣ II и началѣ III вѣка и извѣстнымъ свою полемикою противъ Монтаниста Прокула [33]). Это предположеніе со временъ патріарха Фотія удерживалось безъ повѣрки позднѣйшими учеными [34]), и отрывки изъ Малаго Лабиринта до позднѣйшаго

христіанскихъ и псалмами и пѣснопѣніями издавна употреблявшимися въ церкви, что вѣра въ божественность Іисуса Христа несомнѣнно держалась въ христіанствѣ отъ самаго начала его. Это одинъ изъ примѣровъ того, какъ извѣстная историческая школа, желающая казаться строго научною, пользуется фактами заимствуемыми изъ древнихъ памятниковъ. Сравни Бунзена ч. 1, стр. 180.

[31]) Κατὰ τῆς τούτων (Θεοδοτιάνων), ἀιρεσεως ὁ σμικρὸς συνεγράφη Λαβύρινθος, ὅν τίνες 'Ωριγένους ὑπολαμβάνουσι ποιήμα, αλλ' ὐ. καραχτηρ ελέγχοι τούς λέγοντας. Fabul. Haeret. Lib. II, cap. V. Подъ именемъ Оригена же (какъ увидимъ ниже), есть основанія предполагать, были извѣстны Θеодориту и *философумены.*

[32]) Разсказывая объ избраніи въ Римѣ Θеодотіанами епископа Наталиса при папѣ Зефиринѣ, сочинитель говоритъ: „напомню многимъ изъ братій о современномъ намъ событіи. Недавно, а въ наше время жилъ исповѣдникъ Наталій и т. д. *2-й отрывокъ у Евсевія.*

[33]) Сравни Photii Biblioth. Cod. XLVIII, Euseb. Hist. Eccles. Lib. II cap. XXV Lib. III cap. XXVIII, XXXI; Hieronym de viris illustribus cap. LIX.

[34]) Tillemont Memoir. T. III pag. 176; Hist. litter. de la France T. I, pag. 359, Pearson opp. Dissert. II cap. 1 § 3; Gallandi Bibliot. Patrum Lib. II pag. XXVIII изъ новыхъ ученыхъ мнѣніе о принадлежности

времени помѣщались рядомъ съ отрывками изъ другихъ сочиненій, приписываемыхъ Каю [35]). Но всѣ три названныя сочиненія, какъ мы увидимъ далѣе, приписаны патріархомъ Фотіемъ Каю по недоразумѣнію, и то лишь предположительно. О писаніяхъ Кая изъ древнѣйшихъ источниковъ неизвѣстно ничего болѣе, кромѣ того, что онъ написалъ діалогъ противъ Монтаниста Прокула [36]). Опроверженіе ереси Θеодотіанъ и Артемонитовъ, какъ объ этомъ мы будемъ говорить сейчасъ же, едва ли даже могло исходить изъ того круга воззрѣній, какого держался самъ Кай. Въ настоящее время на основаніяхъ гораздо болѣе твердыхъ признано, что сочиненіе περὶ παντὸς οὐσίας и то, которое рядомъ съ нимъ у патріарха Фотія называется Лабиринтомъ, принадлежатъ не другому кому, какъ Ипполиту [37]). Поэтому и сочиненіе «Малый Лабиринтъ»

Каю Малаго Лабиринта, также какъ и философуменовъ, поддерживали Фесслеръ (Tubing. Quartalschrift. 1853 г.) и Бауръ (Theolog. Jahrbüch. 1853 г.).

[35]) У Галланди Bibliotheca vet. Patr. II, 203; у Миня T. X, pag. 25—34.

[36]) Евсевій и Іеронимъ (см. примѣч. 33) ясно говорятъ только объ одномъ этомъ сочиненіи Кая. Отрывки изъ Малаго Лабиринта приписаны Каю вѣроятно потому только, что сочинитель этого произведенія (какъ видно изъ 2-го отрывка) былъ современникомъ папы Зефирина, а Кай, по свидѣтельству Іеронима, жилъ въ Римѣ при этомъ именно папѣ, и Евсевій, упоминая о немъ нѣсколько разъ въ своей исторіи называетъ его ученѣйшимъ или разумнѣйшимъ мужемъ (ἀνὴρ λογιώτατος). На такихъ же основаніяхъ приписанъ Каю и такъ-называемый древнѣйшій каталогъ свящ. книгъ, открытый Мураторіемъ (Migne T. X, pag. 20—24, 33—36), принадлежность котораго Каю тѣмъ менѣе вѣроятна, что въ этомъ каталогѣ Апокалипсисъ Іоанна — считается въ числѣ свящ. книгъ, а о Каѣ положительно извѣстно, что онъ эту книгу считалъ не только не священною, но даже еретическою (Евсев. III, 28). На Кая просто была какъ бы нѣкоторая мода между учеными, начиная со временъ Фотія до послѣдняго времени. Всякій вновь открываемый памятникъ (изъ западныхъ въ особенности), происхожденіе котораго нужно было отнести къ концу II или къ началу III вѣка, и авторъ котораго былъ неизвѣстенъ, приписывался Каю. Между тѣмъ имя другаго писателя, жившаго въ то же время и гораздо болѣе важнаго и гораздо болѣе написавшаго — Ипполита было какъ бы совсѣмъ забыто — по причинамъ отчасти уже разъясненнымъ выше.

[37]) Сочиненіе περὶ παντὸς οὐσίας несомнѣнно Ипполитово; оно значится въ надписаніи памятника Ипполиту: поэтому сохранившіеся отрывки изъ этого сочиненія давно уже помѣщались между сочиненіями Ипполитовыми (Gallandi Vet. Patr. II, 451, Migne T. X, 795—802). Пред-

большею частью новѣйшихъ ученыхъ признается за Ипполитово [38]). Это предположеніе представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ. Весьма естественно думать, что тотъ самый учитель церкви, который съ особенною ревностью вооружался противъ одной изъ отраслей римскаго монархіанства — Ноэтіанъ, не оставилъ безъ опроверженія и другую отрасль еретиковъ, отрицавшихъ догматъ св. Троицы — Θеодотіанъ, почти одновременно съ Ноэтіанами распространявшихъ въ Римѣ свое ученіе [39]). Названіе «лабиринтъ» въ примѣненіи къ разобличенію еретическихъ заблужденій было, какъ видно, любимымъ выраженіемъ у того именно писателя, который писалъ *философумены*; въ X книгѣ *философуменовъ* также встрѣчается это названіе [40]). Малымъ Лабиринтомъ, разсматриваемое сочи-

---

положеніе нѣкоторыхъ ученыхъ (Migne X. 24), что кромѣ Ипполитова сочиненія подъ этимъ заглавіемъ было и у Кая такое же, не имѣетъ никакого основанія. Лабиринтъ же—это по всей вѣроятности—философумены: принадлежность этого сочиненія Ипполиту будетъ подробно разъяснена ниже. То предположеніе (Якоби, Бунзена и Деллингера), что Фотій подъ „Лабиринтомъ“ разумѣлъ именно Малый Лабиринтъ Евсевія и Θеодорита, и кромѣ того имѣлъ въ виду еще какое-то особенное сочиненіе того же автора противъ Артемонитовъ (λόγον κατα τῆς Ἀρτεμωνος αἱρέσεως) лишено твердыхъ основаній. Ср. Фолькмара 5, 73 и дал.

[38]) Первый, и весьма основательно, доказалъ принадлежность „Малаго Лабиринта“ Ипполиту Рутъ, который и перепечаталъ его въ своемъ изданіи подъ именемъ Ипполита (Reliquiae Sacrae II, 129—134, 141—157). Далѣе вопросъ о Маломъ Лабиринтѣ вновь возбужденъ былъ съ особенною силою послѣ изданія философуменовъ; и большая часть тѣхъ ученыхъ, которые признали философумены произведеніемъ Ипполита, вмѣстѣ съ тѣмъ настаивали на принадлежности Ипполиту и Малаго Лабиринта (такъ Якоби въ Deutsche Zeitschrift für christliche Wissenschaft 1851 г. и въ Real enzyklopädie v. Herzog T. VI; Bunsen-Hippolytus B. I, Ss. 178—182; Doellinger Ss. 3—7, 269—272). Гергенретеръ впрочемъ возражалъ противъ принадлежности Малаго Лабиринта одному и тому же автору съ философуменами (Tübing. Theolog. Quartalschrift 1852 г.). Фолькмаръ также, признавая философумены несомнѣннымъ произведеніемъ Ипполита, склоняется къ мысли, что Малый Лабиринтъ написанъ другимъ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ намъ писателемъ того же времени (S. 165).

[39]) Нѣкоторое указаніе на это можно видѣть и въ трактатѣ противъ Ноэта § 3.

[40]) Τὸν λαβύρινθον τῶν αἱρεσέων οὐ βίᾳ διαῤῥήξαντες, ἀλλὰ μόνῳ ἔλεγχῳ ἀληθέιας δυνάμει διαλύσαντες, πρόσιμεν ἐπὶ τὴν τῆς ἀληθείας ἀπόδειζιν. *Начало X книги философуменовъ.*

неніе естественно названо по сравненію съ другимъ сочиненіемъ того же автора Великимъ Лабиринтомъ, или просто Лабиринтомъ, т.-е. философуменами. Свѣдѣнія о сектѣ Ѳеодотіанъ, представляемыя въ Маломъ Лабиринтѣ, согласны съ тѣми, которыя излагаются въ философуменахъ [41]). И эти два сочиненія представляются именно тѣми первоначальными источниками, изъ которыхъ исторіею главнымъ образомъ заимствуются свѣдѣнія о Ѳеодотіанахъ: ни у кого изъ писателей, ближайшихъ ко времени распространенія этой секты, мы не встрѣчаемъ извѣстій о ней, кромѣ автора Малаго и Большаго Лабиринта [42]). Самый способъ опроверженія Ѳеодотіанъ въ Маломъ Лабиринтѣ представляется очень сходнымъ съ пріемами, употребляемыми въ другихъ сочиненіяхъ Ипполита: сближеніе еретическаго ученія съ ученіемъ языческой философіи — это главный полемическій пріемъ философуменовъ; подборъ древнихъ свидѣтельствъ для защиты и разъясненія православнаго догмата—этотъ пріемъ также имѣетъ очень видное мѣсто въ другихъ сочиненіяхъ Ипполита, напр. въ трактатѣ противъ Ноэта и въ словѣ объ Антихристѣ [43]). Что касается до несходства по языку между Малымъ Лабиринтомъ и другими сочиненіями Ипполита, находимаго нѣкоторыми учеными: то это предметъ далеко неясный. Одни изъ знатоковъ древнехристіанской письменности находятъ такое несходство, другіе не находятъ его [44]). Едва ли по тѣмъ отрывкамъ, какіе со-

[41]) Φιλοσοφ. Lib. VIII § 35—36.

[42]) У Епифанія (Haeres 35 и 36) представляются болѣе пространныя извѣстія о Ѳеодотіанахъ: но они также близки къ указываемымъ здѣсь двумъ древнѣйшимъ источникамъ, и также, какъ увидимъ, по всей вѣроятности заимствованы Епифаніемъ у Ипполита же.

[43]) Разница съ трактатомъ противъ Ноэта представляется здѣсь только та, что Ноэтіанъ авторъ опровергаетъ главнымъ образомъ свидѣтельствами Свящ. Писанія, а Ѳеодотіанъ—по преимуществу свидѣтельствами древнѣйшихъ учителей церковныхъ и псалмами и пѣснопѣніями, употреблявшимися въ церкви. Но эта разница вызывалась самыми обстоятельствами дѣла: Ноэтіане старались мысль свою подтверждать текстами Свящ. Писанія; а Ѳеодотіане говорили, что ихъ ученіе древнѣйшее въ церкви. Пріемъ опроверженія въ томъ и другомъ случаѣ по существу одинаковый.

[44]) На несходство указываетъ Гергенретеръ: но Деллингеръ опровергаетъ его (s. 6).

хранились изъ Малаго Лабиринта, и можно вывести рѣшительное заключеніе объ этомъ предметѣ [45]). При томъ время литературной дѣятельности св. Ипполита простиралось не менѣе, какъ на три, а можетъ быть и болѣе чѣмъ на четыре, десятилѣтія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что у такого писателя въ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ слогъ былъ нѣсколько иной, чѣмъ въ позднѣйшихъ [46]).

---

[45]) Есть и еще одинъ признакъ принадлежности „Малаго Лабиринта“ Ипполиту. Авторъ Малаго Лабиранта по показанію Фотія (Cod. XLVIII) не признавалъ подлинности посланія апостола Павла къ Евреямъ. Точно также не признавалъ его и Ипполитъ въ сочиненіи несомнѣнно, по суду самаго Фотія, принадлежащимъ ему (Cod. CXXI, сравни Cod. CCXXXII). Но этотъ признакъ можетъ относиться и къ Каю (Евсев. VI, 20; Hieronym de viris LIX). Вообще въ Римѣ еще многіе тогда не признавали подлинности посланія къ Евреямъ (см. также и Мураторіевъ каталогъ).

[46]) За разъясненіемъ указанныхъ выше вопросовъ о Маломъ Лабиринтѣ, остается еще одинъ: было ли это отдѣльное сочиненіе, или также, какъ и трактатъ противъ Ноэта, оно составляло лишь часть другаго большаго сочиненія Ипполита. Вопросъ этотъ доселѣ не возбуждался: но въ виду предположенія высказаннаго нами въ 17-мъ примѣчаніе онъ самъ собою выдвигается теперь. Не было ли и опроверженіе Θеодотіанъ частію того сочиненія, въ которомъ находилось и опроверженіе Ноэтіанства, и которымъ пользовался Епифаній (въ 1-мъ отдѣленіи 2-й книги Панарія) и при описаніи другихъ сектъ, распространявшихся преимущественно въ Римѣ въ концѣ II и началѣ III столѣтія? Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого вопроса со стороны филологической, мы замѣтимъ только, что въ указанныхъ выше (примѣч. 27, 28, 29) библіографическихъ данныхъ не представляется существенныхъ затрудненій къ принятію послѣдняго предположенія. Евсевій и Θеодоритъ сообщаютъ, что въ сочиненіи называемомъ у послѣдняго Малымъ Лабиринтомъ содержалось опроверженіе ереси Θеодотіанъ и Артемонитовъ; но не говорятъ, чтобы въ немъ не было также и опроверженія другихъ ересей того же времени. Изъ словъ Фотія повидимому болѣе слѣдуетъ заключить, что опроверженіе Артемонитовъ составляло у автора особенное сочиненіе: συντάξαι δε (Таіος—по мнѣнію Фотія) καὶ ετερον λογον ἰδίως κατα τῆς Ἀρτέμωνος αἱρέσεως. Но Фотій едва ли и имѣлъ передъ глазами это сочиненіе, а по всей вѣроятности говорилъ о немъ по показаніямъ Евсевія. Если же имѣетъ мѣсто то предположеніе, что опроверженіе ереси Артемонитовъ, также какъ и трактатъ противъ Ноэта, были лишь частями большаго сочиненія о ересяхъ конца II вѣка, которымъ пользовался Епифаній: въ такомъ случаѣ нужно предположить, что и названіе „Малый Лабиринтъ“ относилось не къ одному опроверженію Артемонитовъ, а ко всему этому сочиненію. Въ такомъ случаѣ названіе „Малый Лабиринтъ“ въ сравненіи съ Большимъ Лабиринтомъ должно было выражать не объемъ сочиненія (который могъ быть и очень значительный) а меньшее (сравнительно съ разсматри-

Въ каталогѣ сочиненій св. Ипполита, переведенныхъ на сирскій языкъ (Ебедъ-Езу), значится еще одно полемическое произведеніе, о которомъ нѣтъ болѣе упоминаній ни въ одномъ изъ древнихъ и позднѣйшихъ списковъ сочиненій Ипполитовыхъ: *главы противъ Кая* (*capita adversus* Cajum)[47]). Что это за сочиненіе? Кто могъ быть этотъ Кай, опровергаемый Ипполитомъ? Прежніе критики и библіографы почти не обращали серьезнаго вниманія на показаніе Сирскаго Каталога, и въ объясненіи его довольствовались лишь такимъ замѣчаніемъ, что *главы противъ Кая* по всей вѣроятности написаны были въ обличеніе секты Каинитовъ или Кайянъ, извѣстной по Иринею и другимъ писателямъ почитаніемъ Каина, Исава, Іуды Искаріотскаго, Содомлянъ — личностей представляемыхъ въ Свящ. Писаніи самыми безнравственными[48]). Бунзенъ въ нѣмецкомъ изданіи своего сочиненія объ Ипполитѣ прямо даже передѣлалъ упоминаемыя въ Сирскомъ Каталогѣ *главы противъ Кая* въ сочиненіе противъ Каина (*Abhandlung gegen Cain*)[49]). Но Кай и Каинъ—различныя имена. Производить Каинитовъ отъ Кая — слишкомъ произвольно. Предполагать, что Ипполитъ считалъ нужнымъ писать отдѣльное сочиненіе противъ этой секты — секты не особенно значительной, о которой онъ не счелъ нужнымъ даже и упомянуть въ своемъ большомъ сочиненіи φιλοσοφούμενα, секты притомъ въ Римѣ едва ли имѣвшей какое-нибудь вліяніе и распространявшейся главнымъ

ваемыми въ Большомъ Лабиринтѣ—въ философуменахъ) число опровергаемыхъ ересей. Такое толкованіе болѣе будетъ согласно и съ тѣмъ смысломъ слова „лабиринтъ“, въ какомъ употребляетъ его самъ авторъ въ X книгѣ философуменовъ: онъ собственно называетъ лабиринтомъ не опроверженіе ересей, представляемое имъ, а самыя лжеученія еретическія (τὸν λαβύρινθον τῶν αἱρέσεων διαῤῥηξοντες).

[47]) Fabricii P. 1, pag. 222.

[48]) См. Иринея кн. I гл. XXXV; Климента Александр. Стромата Lib. VII pag. 549; Епифанія Haeres. XXXVIII; Ѳеодорита Fabul. Haereiic. Lib. 1. Cap. XV. Срав. Лумпера Cap. III art. II § III, Симона de Magistris (s. 127); Haenell S. 40; Kimmel S. 45.

[49]) Hippolytus und seine Zeit B. I, S. 198. Изъ новѣйшихъ писателей то мнѣніе, что Ипполитъ опровергалъ Каинитовъ, старается еще поддерживать Гарнакъ Quellenkritik Ss. 59, 178.

образомъ въ Египтѣ, нѣтъ основаній. Если же и можно было бы допустить, что Ипполитъ писалъ такое сочиненіе, все-таки трудно объяснить, почему онъ самъ или переводчикъ его сочиненія на Сирскій языкъ, или кто другой озаглавилъ это сочиненіе «противъ Кая или хоть противъ Каина» (?), вмѣсто того, чтобы озаглавить его просто и прямо «противъ Каинитовъ». Не гораздо ли естественнѣе предположить, что этотъ Кай былъ особенный лжеучитель, болѣе близкій Ипполиту, мнѣнія котораго Ипполитъ, вообще старавшійся опровергать еретиковъ по преимуществу близкихъ и современныхъ ему, считалъ нужнымъ подвергнуть обличенію. Кто же могъ быть этотъ Кай? Изъ близкихъ современниковъ Ипполита, дѣйствовавшихъ въ той же самой римской церкви, въ которой протекла бо́льшая часть служенія Ипполитова, мы знаемъ одного Кая, опять того, который извѣстенъ былъ диспутомъ съ Проклом Монтанистомъ и сочиненіемъ противъ него. Нѣтъ ли основаній предположить, что Ипполитъ писалъ именно противъ этого Кая? Есть и довольно значительныя [50]). Въ одномъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности, принадлежащихъ ко 2-й половинѣ II вѣка, и приписываемыхъ между прочимъ Каю, но совершенно неосновательно, въ найденномъ ученымъ прошлаго столѣтія Мураторіемъ отрывкѣ изъ древнѣйшаго списка свящ. книгъ, составленнаго, какъ видно въ римской церкви, есть между прочимъ извѣстіе, что въ римской церкви было въ то время разногласіе относительно Іоаннова Апокалипсиса: одни принимали его, а другіе не принимали [51]). Мы не знаемъ, на сколько значительнымъ

---

[50]) Предположеніе о томъ, что полемика Ипполитова была направлена противъ Кая римскаго, высказано Деллингеромъ (S. 24), но недостаточно твердо мотивировано. Мы постараемся разъяснить существенныя основанія, на которыхъ можетъ держаться такое предположеніе.

[51]) Apocalypsis Ioannis (et Petri?) tantum recipimus, quam quidam ex nostris legi in Ecclesia nolunt. Мураторіевъ отрывокъ у Миня т. X, pag. 33—36). Цѣнность этого памятника опредѣляется тѣмъ, что въ немъ представляется одно изъ самыхъ древнихъ свидѣтельствъ о составѣ священнаго новозавѣтнаго канона во II вѣкѣ. Принадлежность его ко II вѣку видна изъ прямыхъ словъ составителя, что пасторъ Эрмы

представлялось это разногласіе въ то время, и какъ велико было число пріемлющихъ и непріемлющихъ Апокалипсисъ: но несомнѣнно, что во времена Ипполита и Кая (т.-е. въ концѣ II и началѣ III столѣтія) главными представителями этихъ двухъ мнѣній объ Апокалипсисѣ были именно Ипполитъ и Кай. Кай отвергалъ Апокалипсисъ, представлялъ эту книгу исполненною грубыми заблужденіями и считалъ ее произведеніемъ не Іоанна Богослова, а еретика Керинѳа: это прямо говорится въ одномъ изъ отрывковъ его сочиненія противъ Прокла Монтаниста, сохраненныхъ Евсевіемъ [52]) Ипполитъ, напротивъ, относился съ большимъ уваженіемъ къ книгѣ Апокалипсисъ: онъ писалъ о ней особенное сочиненіе, онъ приводилъ изъ нея мѣста въ другихъ своихъ сочиненіяхъ [53]) онъ ссылался на эту книгу болѣе чѣмъ кто-нибудь другой изъ древнихъ христіанскихъ учителей [54]); онъ въ особенности интересовался разъясненіемъ тѣхъ предметовъ вѣры, которыхъ касается Апокалипсисъ [55]). Вотъ такимъ образомъ существенный предметъ разно-

---

написанъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ переведенъ на латинскій языкъ) въ Римѣ въ очень недавнія времена, при первосвященствѣ епископа Пія, который управлялъ римскою церковію 142 — 157 гг. (Pastorem nuperrime temporibus nostris in urbe Roma Herma conscripsit, sedente cathedra urbis Romae Ecclesiae Pio episcopo fratre ejus).

[52]) Евсев. кн. III, гл. 28. То предположеніе, что Кай рѣзко выражался не о церковномъ Апокалипсисѣ, а о другомъ, дѣйствительно составленномъ Керинѳомъ и выданномъ подъ именемъ Іоанна Богослова, не имѣетъ основанія.

[53]) Это сочиненіе упоминается у Іеронима (De apocalypsi) и въ надписаніи памятника Ипполитова (ὑπὲρ τοῦ κατὰ Ἰωαννην εὐαγγελίου καὶ ἀποκαλύψεως). *См. примѣч. 1.*

[54]) Такъ напр. на Апокалипсисъ есть ссылка: въ трактатѣ противъ Ноэта въ главѣ XXX на XIX гл. 11—13 стихи Апокал., въ сочиненіи о Христѣ и антихристѣ въ главѣ V на V гл. 5 ст. апок., глав. XXIX на XVII гл. 9 ст. апок., глав. XXXIX на XVII глав. 1—18 ст. апок. глав. XLII на XVIII гл. 1—24 ст. апок., гл. XLIII на XI, 3 апок., гл. XLVII на XI, 4—6 апок., гл. XLVIII на XIII, 11—18 апок., гл. L на XIII 18 апок., гл. LX на XII, 1—6, 13—17 апок., гл. LXV на XX, 6, 14, XXI, 8, XXI, 8, XXII, 15 апок., въ отрывкѣ изъ сочиненія περὶ παντὸς οὐσίας на XXII, 5 апок. Есть упоминаніе объ Апокалипсисѣ, какъ о книгѣ боговдохновенной, написанной св. Іоанномъ, и въ *философуменахъ* Lib. VII, cap. 36.

[55]) Т.-е. разъясненіемъ эсхатологической и символической стороны

гласія между Ипполитомъ и его современникомъ Каемъ. Не естественно ли предположить, что Ипполитъ, такъ чутко отзывавшійся на всѣ церковные и богословскіе вопросы, возникавшіе въ его время, такъ зорко слѣдившій за всѣми неправильными мнѣніями, преимущественно распространявшимися въ той церкви, къ которой онъ самъ принадлежалъ, и такъ ревностно старавшійся опровергать ихъ, счелъ нужнымъ написать опроверженіе и противъ неправильнаго мнѣнія объ апокалипсисѣ, представляемаго въ его время такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Кай, быть-можетъ его близкій сослужитель въ римской церкви [56]). Не было ли то сочиненіе объ Апокалипсисѣ, о которомъ говорится въ спискѣ Іеронимовомъ, и въ надписаніи памятника Ипполитова, направлено противъ Кая, и не это ли сочиненіе въ цѣломъ видѣ или въ отдѣльной части переведено на Сирскій языкъ подъ именемъ *главъ противъ Кая* [57])?

Есть основанія, склоняющія насъ болѣе утвердиться въ этомъ предположеніи, и притомъ дающія поводъ еще предположить, что полемика противъ Кая или близкой

вѣры, что̀ видно и изъ сочиненія Ипполитова объ антихристѣ, и изъ толкованій на пророка Даніила.

[56]) Говоримъ: *быть-можетъ* — потому, что о церковномъ положеніи Кая еще труднѣе составить ясное представленіе, чѣмъ о церковномъ положеніи Ипполита. Евсевій называетъ Кая просто мужемъ церковнымъ (ἀνὴρ ἐκκλησιαστικὸς), Іеронимъ совсѣмъ ничего не говоритъ о его должности и степени, но Фотій, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, называетъ его римскимъ пресвитеромъ и затѣмъ какимъ-то епископомъ для язычниковъ (ἐπίσκοπος τῶν ἐθνῶν). Съ того времени обыкновенно и принято называть его римскимъ пресвитеромъ. Повидимому въ судьбѣ этого человѣка было еще болѣе загадочнаго, чѣмъ въ судьбѣ Ипполита. Срав. Фолькмара Ss. 63—68.

[57]) На основаніи сказаннаго, можно видѣть, что и Мураторіевъ отрывокъ скорѣе можетъ быть приписанъ Ипполиту принимавшему Апокалипсисъ, чѣмъ Каю, отвергавшему его. Такому предположенію не противорѣчитъ и то, что авторъ отрывка не считаетъ посланіе къ Евреямъ въ числѣ подлинныхъ посланій апостола Павла (см. примѣч. 45). Только нѣтъ необходимости всякій вновь открываемый памятникъ 2-й половины II вѣка приписывать или Каю, или Ипполиту; въ Римѣ были въ то время и другіе писатели—напр. Родонъ, Аполлоній, Минуцій Феликсъ и т. д. Впрочемъ намъ нѣтъ надобности подробно разсматривать здѣсь вопросъ о Мураторіевомъ отрывкѣ. Объ этомъ предметѣ въ нѣмецкой литературѣ есть нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій.

ему въ Римѣ партіи касалась не одного Апокалипсиса, а и другихъ очень важныхъ предметовъ. У двухъ писателей ересеологовъ конца IV вѣка—Епифанія и Филастрія представляются извѣстія объ одной сектѣ, мнѣнія которой объ Апокалипсисѣ совершенно сходны съ тѣмъ мнѣніемъ, какое по свидѣтельству Евсевія высказывалъ Кай въ своемъ діалогѣ противъ Прокла, именно что апокалипсисъ есть произведеніе еретика Керинѳа [58]). Филастрій описываетъ эту секту очень коротко и не даетъ ей опредѣленнаго названія, Епифаній же представляетъ подробное описаніе и опроверженіе ея заблужденій, и называетъ ее опредѣленно сектою алоговъ. Что это была за секта, когда и гдѣ она распространялась, и откуда ересеологи IV вѣка могли получить свѣдѣнія о ней? Опредѣленнаго извѣстія о мѣстѣ и времени распространенія секты алоговъ ни у Епифанія, ни у Филастрія мы не находимъ, а у ересеологовъ и вообще у писателей болѣе раннихъ, напр. у Иринея, Тертулліана, Климента Александрійскаго, Евсевія и др., нѣтъ даже и малѣйшаго упоминанія объ алогахъ. На этомъ основаніи многіе изъ прежнихъ ученыхъ приходили къ сомнѣнію, не есть ли секта алоговъ измышленіе самого Епифанія, которое у него потомъ заимствовалъ и Филастрій [59]). Но такое предположеніе при болѣе тщательномъ изученіи ересеологическихъ данныхъ представляется совершенно неосновательнымъ. Вопервыхъ, признано въ настоящее время, что Филастрій писалъ свое сочиненіе о ересяхъ независимо отъ Епифанія, слѣдов. и извѣстія о помянутой сектѣ заимствовалъ не у Епифанія, а вмѣстѣ съ нимъ у какого-нибудь болѣе древняго писателя [60]). Съ другой стороны, какъ бы кто ни думалъ объ историческомъ достоинствѣ показаній Епифанія Кипрскаго,

---

[58]) Епифанія Παναρίον haeres LI; Филастрія De haeresibus LX—у Миня Patrolog. Latin. T. XII. За Епифаніемъ и Филастріемъ извѣстія объ этой сектѣ повторяются и еще у позднѣйшихъ писателей: у Августина De haeresibus XXX, у Іоанна Дамаскина De haeres LI.

[59]) См. Вальха Ketzergeschichte Th. I, S. 575. Leipzig. 1762. Срав. Фолькмара S. 113, Гарнака S. 167.

[60]) Lipsius Quellenkritik des Epiphanios Ss. 28—32.

никто не можетъ сказать, чтобы въ этихъ показаніяхъ произволъ автора могъ доходить до измышленія цѣлыхъ особенныхъ сектъ никогда не существовавшихъ, и до сочиненія подробныхъ свѣдѣній о нихъ безъ всякихъ основаній. Самая отчетливость, опредѣленность и характерность тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаетъ Епифаній въ главѣ объ алогахъ, показываютъ, что эти свѣдѣнія не измышлены Епифаніемъ, а заимствованы изъ болѣе древняго писателя, близко знавшаго эту секту. Кто же былъ этотъ писатель? Какой изъ извѣстныхъ намъ ересеологовъ могъ стоять всего ближе къ сектѣ, называемой у Епифанія алогами? Къ сожалѣнію, какъ мы сказали, Епифаній и Филастрій не даютъ никакихъ прямыхъ показаній относительно того, когда и гдѣ распространялась секта алоговъ, и кто поэтому изъ древнихъ ересеологовъ могъ стоять ближе къ ней. Но за недостаткомъ прямыхъ показаній о времени и мѣстѣ распространенія алоговъ можно составить заключеніе довольно твердое, принявъ во вниманіе тотъ порядокъ, въ какомъ разсматриваютъ эту секту Епифаній и Филастрій въ связи съ другими сектами. Тотъ и другой писатели даютъ мѣсто алогамъ въ ряду сектъ, распространявшихся главнымъ образомъ въ Римѣ въ концѣ II и началѣ III вѣка—въ связи съ сектами монтанистовъ, четыредесятниковъ, Θеодотіанъ, Мелхиседекіанъ, Ноэтіанъ [64]); въ особенно близкомъ отношеніи алоги, по свидѣтельству Епифанія, находились съ

[64]) Порядокъ описанія этихъ сектъ у Епифанія и Филастрія не совсѣмъ одинаковъ: у Епифанія описаніе секты алоговъ предшествуетъ Θеодотіанамъ, Мельхиседекіанамъ и Ноэтіанамъ, а у Филастрія слѣдуетъ послѣ нихъ. Но это разница не существенная. У Филастрія кромѣ того между этими сектами значится еще нѣсколько мелкихъ не упоминаемыхъ Епифаніемъ (Procliauitae, Floriani, Chilionelitae). Но есть основанія предполагать, что и эти секты, какъ частнѣйшія развѣтвленія описываемыхъ Епифаніемъ, также распространялись въ Римѣ въ концѣ II столѣтія. У Епифанія же въ ряду помянутыхъ сектъ разсматривается еще секта елкезаитовъ не упоминаемая Филастріемъ: но и эта секта несомнѣнно (Φιλοσοφούμενα Lib. XI, cap. 13) появилась въ Римѣ около того же времени. Эти разности еще болѣе показываютъ, что Епифаній и Филастрій не другъ другу слѣдовали въ описаніи означенныхъ сектъ, а заимствовали свои свѣдѣнія изъ писаній (и вѣроятно изъ различныхъ писаній) ересеолога древнѣйшаго и ближайшаго по времени и мѣсту къ описываемымъ сектамъ.

Θеодотіанами [62]). Слѣдовательно секта алоговъ по всей вѣроятности распространялась тамъ же и тогда же, гдѣ и когда распространялись и другія помянутыя секты, и свѣдѣнія объ этой сектѣ Епифаній и Филастрій могли получить отъ того же писателя, отъ котораго они узнали и о Θеодотіанахъ, Ноэтіанахъ и др. помянутыхъ сектантахъ. Но писатель ересеологъ, жившій въ Римѣ во время распространенія тамъ всѣхъ означенныхъ сектъ, былъ Ипполитъ и первоначальнымъ источникомъ свѣдѣній объ этихъ сектахъ для позднѣйшихъ писателей были именно сочиненія Ипполита [63]). Слѣдовательно и свѣдѣнія о сектѣ алоговъ по всей вѣроятности были заимствованы Епифаніемъ и Филастріемъ не у другаго кого, какъ у Ипполита [64]). Такимъ образомъ, принимая во вниманіе: 1) показаніе сирскаго каталога о томъ, что Ипполитъ писалъ какое-то сочиненіе противъ Кая; 2) свидѣтельство Евсевія о

---

[62]) Епифаній (Haeres LIV) называетъ секту Θеодотіанъ отраслью алоговъ (ἀπόσπασμα ἐκ τῆς προειρημένης ἀλόγου αἱρέσεως). Можетъ быть только это нужно разумѣть не въ смыслѣ прямаго историческаго происхожденія Θеодотіанъ отъ алоговъ, а въ томъ смыслѣ, что секта Θеодотіанъ представляла крайнее развитіе того направленія, которое болѣе сдержанно выражалось въ сектѣ алоговъ.

[63]) Эти секты опровергалъ Ипполитъ, какъ современныя ему, въ большомъ своемъ сочиненіи противъ ересей—въ философуменахъ (кн. VII, 35—36; кн. VIII, 19—20; кн. XI, 6—17; кн. X, 23—27). Эти же секты описывались имъ и въ краткомъ обозрѣніи ересей (Βιβλιδάριον Фотія), насколько мы можемъ судить объ этомъ сочиненіи по передѣлкѣ его въ Libellus pseudo—Tertulliani (о семъ ниже). cap. LXII—LXIII. Эти же секты имѣлись въ виду и въ дошедшихъ до насъ опроверженіяхъ Ноэтіанъ и Артемонитовъ, составляли ли эти опроверженія особыя сочиненія, или (по высказанному въ 17 и 46 примѣчаніяхъ предположенію) входили, какъ части, въ одно большое сочиненіе, направленное Ипполитомъ противъ сектъ монархіанскихъ, или вообще противъ сектъ распространявшихся въ Римѣ въ концѣ II и началѣ III вѣка.

[64]) Епифаніемъ, мы думаемъ, заимствованы эти свѣдѣнія изъ того большаго сочиненія о ересяхъ конца II вѣка, о которомъ мы только-что упомянули въ концѣ предшествовавшаго примѣчанія, и которое, по всей вѣроятности, у Епифанія находилось въ рукахъ безъ имени автора; а Филастріемъ—изъ краткаго описанія 32-хъ ересей (Βιβλιδάριον). Этимъ вѣроятно объясняется и указанная выше (примѣч. 61) разность въ размѣщеніи описываемыхъ сектъ и также нѣкоторая разность въ самыхъ оттѣнкахъ описанія — у Епифанія пространнаго, у Филастрія краткаго, при одинаковой однакожь у того и другаго исторической основѣ.

Каѣ извѣстномъ римскомъ писателѣ—современникѣ Ипполита (свидѣтельство основанное на сочиненіи самого Кая), что этотъ Кай отвергалъ книгу Апокалипсисъ, считалъ ее произведеніемъ еретика Керинѳа и 3) свидѣтельство Епифанія и Филастрія, что такое именно мнѣніе объ Апокалипсисѣ было характеристическою чертой современной Ипполиту секты алоговъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что упоминаемое сирскимъ каталогомъ сочиненіе Ипполита было направлено именно противъ Кая римскаго, извѣстнаго противника Монтанистовъ, и что это сочиненіе или было тѣмъ самымъ источникомъ, или какъ часть входило въ тотъ источникъ, или имѣло ближайшее отношеніе къ тому источнику, изъ котораго Епифаній и Филастрій заимствовали свои свѣдѣнія объ алогахъ.

На основаніи этихъ выводовъ представляются еще новыя и очень важныя соображенія о личности Кая, о сектѣ алоговъ и о другихъ полемическихъ сочиненіяхъ св, Ипполита. Епифаній и Филастрій сообщаютъ, что секта алоговъ отличалась не однимъ отрицаніемъ Анокалипсиса, но и сомнѣніемъ въ подлинности самаго Евангелія Іоанна. Епифаній довольно подробно передаетъ и разбираетъ самыя возраженія, которыя дѣлали алоги противъ Евангелія Іоанна и Апокалипсиса [65]).

---

[65]) Епифаній кромѣ того приписываетъ алогамъ и еще болѣе важное заблужденіе—отрицаніе божественнаго *Слова*—т.-е. 2-го лица Св. Троицы. По представленію Епифанія, и отрицаніе Евангелія Іоанна выходило у алоговъ изъ того, что они не хотѣли принимать раскрываемаго въ этомъ Евангеліи ученія о *Словѣ*. Отсюда Епифаній объясняетъ и самое названіе секты: ἄλογοι — отрицатели Слова (Haeres. LI, 3. Сравни вступительную главу въ 1-е отдѣленіе 2-й книги Панарія, гдѣ краткая характеристика описываемыхъ въ этомъ отдѣленіи сектъ). Въ другомъ мѣстѣ впрочемъ Епифаній толкуетъ это названіе иначе, обращая его въ иронію противъ алоговъ: ἄλογοι—ἀνόητοι безсловесные — безсмысленные (см. надписаніе LI ереси и главу 7-ю). Но извѣстіе Епифанія о томъ, будто алоги не принимаютъ ученія о божественномъ Словѣ, по всей вѣроятности есть прибавленіе самого Епифанія, какъ его собственное умозаключеніе къ свѣдѣніямъ о сектѣ алоговъ, заимствованнымъ изъ болѣе древняго источника. У Филастрія этого обвиненія алогамъ нѣтъ, и у самаго Епифанія оно высказывается лишь мимоходомъ въ 3-й главѣ LI ереси безъ всякаго раскрытія, между тѣмъ какъ другіе пункты ученія алоговъ (въ особенности отрицаніе Евангелія Іоанна) раскрываются

Епифаній, кромѣ того, даетъ понять, что эта секта вообще отличалась слишкомъ разсудочнымъ, раціоналистическимъ, какъ теперь называютъ, или душевнымъ, а не духовнымъ, какъ тогда говорили, отношеніемъ къ религіи, что она въ особенности скептически относилась къ высшимъ таинственнымъ сторонамъ вѣры—къ откровеніямъ, пророчествамъ, сверхъестественнымъ дарованіямъ духовнымъ и т. д. [66]). Такимъ образомъ эта секта представляется противоположностью мистической суевѣрной сектѣ монтанистовъ, которая, напротивъ, исключительно имѣла въ виду таинственную, сверхъестественную сторону религіи, проповѣдывала о новыхъ видѣніяхъ, откровеніяхъ, пророчествахъ, высшихъ духовныхъ дарованіяхъ, любила останавливаться на самыхъ темныхъ мѣстахъ и книгахъ Свящ. Писанія, и въ особенности опиралась на Апокалипсисѣ въ своихъ суевѣрныхъ мечтаніяхъ и стремленіяхъ. Такимъ образомъ естественно объясняется и самое происхожденіе алоговъ реакціею противъ распространявшагося тогда въ Римѣ монтанизма [67]); и это опять совершенно сходится съ показаніемъ Евсевія, что Кай рас-

---

очень подробно. Во всякомъ случаѣ если нѣкоторые изъ алоговъ и доходили до отрицанія божественности Слова: это отрицаніе едва ли можно было назвать характеристическимъ признакомъ цѣлой секты. Иначе эта секта совершенно совпадала бы съ другою современною ей—ѳеодотіанами. Самыя возраженія, приводимыя алогами противъ Евангелія Іоанна, выводятся не изъ догматическихъ, а изъ критико-экзегетическихъ основаній. Эти возраженія главнымъ образомъ основываются на видимомъ несходствѣ Евангелія Іоанна съ тремя другими Евангеліями, и представляютъ даже во многихъ частностяхъ замѣчательное сходство съ возраженіями противъ 4-го Евангелія новѣйшей библейско-критической школы германской (см. 4—31 главы описанія Епифаніева). Что касается до возраженій противъ Апокалипсиса, онѣ представляются очень сходными съ мнѣніемъ Кая объ этой книгѣ, приведеннымъ у Евсевія (сравни 32—34 главы описанія Епифаніева съ показаніемъ Евсевія, кн. III, 28).

[66]) См. 35 главу описанія.

[67]) Такъ и объясняютъ происхожденіе алоговъ большая часть церковныхъ историковъ. См. Неандера, Шаффа, Куртца, и особенныя изслѣдованія Гефеле — Tubing. Quartalschrift. 1851 г., Липсіуса — Die Quellen d. ältest. Ketzergeschichte, стр. 93—115. Деллингеръ (Hippolytos, стр. 292—310) напротивъ считаетъ алоговъ за отрасль самаго монтанизма, но мало основательно.

крылъ свое мнѣніе объ Апокалипсисѣ въ спорѣ съ монтанистами, въ діалогѣ написанномъ противъ тогдашняго римскаго главы ихъ Прокла.

Но должны ли мы поэтому всѣ заблужденія, приписываемыя Епифаніемъ алогамъ, приписывать и Каю, или можемъ предполагать, что Кай раздѣлялъ только часть этихъ заблужденій относительно Апокалипсиса? Должны ли мы далѣе предполагать, что Ипполитъ, въ виду распространявшагося въ Римѣ алогизма, писалъ только то сочиненіе, которое въ сирскомъ каталогѣ обозначено заглавіемъ: «Capita adversus Cajum, или у Іеронима заглавіемъ de Apocalypsi, или можемъ предполагать у Ипполита еще другія полемическія сочиненія, направленныя противъ другихъ мнѣній алогизма? На первый вопросъ мы опять, къ сожалѣнію, не можемъ отвѣчать рѣшительно. Что Кай, кромѣ отрицанія Апокалипсиса, относился вообще скептически къ сверхъестественнымъ духовнымъ дарованіямъ, откровеніямъ, пророчествамъ, на это еще можно находить нѣкоторое указаніе въ отрывкахъ Кайева діалога, приводимыхъ Евсевіемъ. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ монтанистъ Проклъ указываетъ на упомянутый въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ фактъ сверхъестественныхъ дарованій въ лицѣ пророчествовавшихъ дочерей благовѣстника Филиппа [68]). Можно предполагать, что Проклъ указывалъ на этотъ фактъ потому именно, что его противникъ Кай скептически относился къ фактамъ такого рода [69]). Но чтобы Кай сомнѣвался въ подлинности Евангелія Іоанна, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній ни въ отрывкахъ діалога Кайева, ни въ другомъ какомъ-либо источникѣ. Могло быть и такъ и иначе; могло быть, что Кай раздѣлялъ, всѣ мнѣнія, приписываемыя Епифаніемъ алогамъ; могло быть, что онъ только относительно Апокалипсиса держался неправильнаго мнѣнія. Нужно сказать, что

[68]) Дѣян. XXI, 9.

[69]) Евсев. III, 31. Что монтанисты любили ссылаться на пророчества дочерей Филиппа, и что у нихъ самихъ были подражательницы дочерямъ Филиппа, объ этомъ у того же Епифанія (Haeres. XLIX, 2).

такъ названная у Епифанія секта алоговъ едва ли и была въ собственномъ смыслѣ сектою, подобно другимъ сектамъ имѣвшею одного главнаго руководителя и представителя и при немъ массу послѣдователей, одни общія всѣмъ убѣжденія, одно опредѣленное названіе [70]). Скорѣе это было особенное направ-

---

[70]) Самыя возраженія, приводимыя алогами противъ Евангелія Іоанна, какъ мы уже говорили, имѣютъ болѣе критико-раціоналистическій, нежели догматико-сектантскій характеръ. Равнымъ образомъ ихъ возраженія противъ Апокалипсиса показываютъ не столько какую нибудь опредѣленную сектантскую доктрину, сколько вообще раціоналистическое или скептическое отношеніе къ таинственнымъ предметамъ вѣры и аллегорическимъ изреченіямъ Священнаго Писанія. Такое направленіе едва ли могло быть особенно въ тѣ времена направленіемъ цѣлой большой массы христіанскаго народа, а скорѣе могло выражаться въ ограниченномъ кружкѣ ученыхъ, раціоналистически относящихся къ предметамъ вѣры. Такой кружокъ въ строгомъ смыслѣ не могъ быть названъ сектою, а скорѣе именно кружкомъ или частною богословскою партіею. Съ названіемъ „секта“, мы соединяемъ понятіе о цѣломъ болѣе или менѣе значительномъ обществѣ, состоящемъ не изъ однихъ ученыхъ представителей, а и изъ народа слѣдующаго за этими представителями,—объ обществѣ имѣющемъ одинаковыя болѣе или менѣе опредѣленныя мнѣнія и общаго для всѣхъ главу и руководителя. Въ кружкѣ, при общемъ преобладающемъ направленіи, у различныхъ представителей его по частнымъ вопросамъ могутъ быть совершенно различныя мнѣнія, и эти представители въ своихъ мнѣніяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ могутъ быть совершенно независимы другъ отъ друга. Поэтому кружку трудно бываетъ дать и какое нибудь опредѣленное названіе, между тѣмъ какъ секта обыкновенно имѣетъ опредѣленное названіе— по имени главнаго основателя и руководителя или по какимъ нибудь характеристическимъ и общимъ для всѣхъ пунктамъ ученія. Тѣ лжеучители или скорѣе вольнодумцы, которыхъ Епифаній называетъ алогами, въ древнѣйшемъ источникѣ, изъ котораго Епифаній заимствовалъ свѣдѣнія о нихъ, т. е. въ писаніяхъ Ипполита, едва ли имѣли опредѣленное названіе. Филастрій называетъ ихъ просто: haeresis evangelium Ioannis et apocalypsin ipsius rejiciens. Епифаній называетъ ихъ алогами, но самъ же даетъ понять, что это названіе, какъ общее для всѣхъ послѣдователей означеннаго направленія, прилагается къ нимъ имъ самимъ въ первый разъ: ἄλογοι ἀφ' ἡμῶν κληθέντες, и затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ онъ измѣняетъ названія: то ἄλογοι, то ἀνοήτοι. Едва ли впрочемъ эти названія совершенно вновь измышлены Епифаніемъ: по всей вѣроятности онѣ находились и въ первоисточникѣ, т. е. въ писаніи Ипполита, но не какъ общее опредѣленное названіе въ самомъ заголовкѣ опроверженія этихъ лжеученій, а гдѣ нибудь въ срединѣ опроверженія мимоходомъ, какъ иронія надъ усвояемымъ себѣ этими вольнодумцами названіями людей разумныхъ, мыслящихъ—Λόγιος, νόητος. (Припомнимъ здѣсь кстати то, что и у Евсевія въ одномъ мѣстѣ (кн. VI, 20) Каю придается названіе мужъ разумнѣйшій или ученѣйшій — ἀνὴρ

леніе римскихъ раціоналистовъ богословъ, развившееся въ противоположность крайностямъ монтанистическаго мистицизма и само въ свою очередь вдавшееся въ крайности, благодаря между прочимъ вообще распространенной въ Римѣ тогда — при папахъ Викторѣ, Зефиринѣ, Каллистѣ — шаткости религіозныхъ убѣжденій и колебанію мнѣній [71]). Одни изъ этихъ

Λογιώτατος). Такъ какъ такой кружокъ раціоналистовъ богословъ конца II столѣтія, по нашему предположенію, не составлялъ большой секты, а состоялъ только изъ отдѣльныхъ личностей, при одинаковости общаго направленія имѣвшихъ различныя частныя мнѣнія, и такъ какъ эти мнѣнія съ обличеніемъ, раскаяніемъ или наконецъ съ смертію ихъ представителей должны были терять свое значеніе; этимъ объясняется и то, почему въ сочиненіяхъ дальнѣйшихъ христіанскихъ писателей III и IV вѣка до Епифанія и Филастрія и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ самаго Ипполита объ этихъ лжеучителяхъ не упоминается. У Ипполита въ Философуменахъ, которыя писаны несомнѣнно гораздо позже обличеній θеодотіанъ и алоговъ, разсматриваются секты θеодотіанъ, мелхиседекіанъ, монтанистовъ, четыредесятниковъ, ноэтіанъ, элкезаитовъ, потому что то были секты болѣе или менѣе значительныя, остатки которыхъ въ Римѣ и другихъ мѣстахъ по всей вѣроятности держались долго: но объ алогахъ и о мнѣніяхъ ихъ нѣтъ никакого упоминанія потому, что представители этого направленія въ то время, какъ были написаны философумены, вѣроятно уже не существовали, и мнѣнія ихъ потеряли всякое значеніе. Нѣтъ объ алогахъ прямаго упоминанія и въ такъ-называемомъ libellus pseudo-Tertulliani, которое считается передѣлкою βιβλιδάριον Ипполита. Но мы думаемъ, что въ самомъ подлинномъ βιβλιδάριον, писанномъ гораздо ранѣе философуменовъ, свѣдѣнія о мнѣніяхъ этихъ лжеучителей были, и ихъ оттуда заимствовалъ Филастрій вмѣстѣ съ свѣдѣніями о другихъ мелкихъ сектахъ, разсматриваемыхъ въ LV—LX главахъ его книги, и никѣмъ, кромѣ него, не упоминаемыхъ. Въ латинской передѣлкѣ псевдо-Тертуліана, какъ и въ *философуменахъ* самаго Ипполита, секты мелчайшія и скоро утратившія свое значеніе были вѣроятно опущены, и оставлены только болѣе значительныя и долѣе другихъ сохранявшія вліяніе.

[71]) Зарожденіе этого направленія имѣлъ въ виду еще св. Иринеи въ III книгѣ противъ ересей, гл. XI. § 9. Alii vero, ut donum spiritus frustrentur, quod in novissimis temporibus secundum placitum Patris effusum est in humanum genus, illam speciem non admittunt, quae est secundum Joannis evangelium, in qua Paracletum se missurum Dominus promisit; sed simul et evangelium et propheticum repellunt spiritum... Detur autem intelligi, quod hujusmodi neque Apostolum Paulum reciriant. In ea enim epistola, quae est ad Corinthios, de propheticis charismatibus diligenter locutus est, et scit viros et mulieres in Ecclesia prophetantes... Нельзя впрочемъ не сознаться, что это мѣсто св. Иринея довольно темно. Многіе относятъ его не къ алогамъ, а къ монтанистамъ (см. примѣчанія къ означенному мѣсту въ изданіи Миня и въ русскомъ пе-

раціоналистовъ въ спорѣ противъ монтанистическихъ откровеній и пророчествъ доходили до отрицанія истинныхъ откровеній и пророчествъ; другіе, опровергая мечтанія монтанистовъ о тысячелѣтнемъ земномъ царствованіи Христовомъ, считали нужнымъ отвергнуть подлинность самой книги священной, на которой монтанисты хотѣли основывать свои чаянія,—Апокалипсиса; третьи съ отрицаніемъ Апокалипсиса соединяли отрицаніе и Евангелія Іоанна Богослова, и можетъ быть другихъ апостольскихъ писаній [72]); иные, наконецъ, примыкая ближе къ ѳеодотіанамъ, также распространявшимъ въ то время въ Римѣ свое ученіе и также отличавшимся еще болѣе крайнимъ раціонализмомъ [73]), доходили до отрицанія самаго существеннаго христіанскаго догмата, преимущественно раскрываемаго въ Евангеліи Іоанна, т. е. до отрицанія божественности Іисуса Христа.

У Ипполита, можно сказать, совершался на глазахъ этотъ споръ крайняго монтанистическаго мистицизма съ крайнимъ раціонализмомъ алоговъ. Ипполитъ не могъ, конечно, оставить безъ вниманія этотъ споръ какъ потому, что онъ вообще отличался особенною чуткостью и отзывчивостью на современные вопросы, и особенною ревностью къ опроверженію преимущественно распространявшихся въ его время въ римской церкви заблужденій, такъ и потому что его собственная мысль чужда была какъ крайностей монтанистическаго мистицизма, такъ и крайностей раціоналистическаго алогизма. Ипполитъ по свойству своей натуры самъ имѣлъ большую склонность

реводѣ св. Иринея. См. также Деллингера — Hippolytus, s. 299. Липсіуса Quellenkritck d. Epiphanios, s. 24). Но намъ кажется болѣе сообразнымъ со смысломъ дѣла отнести его къ тому направленію, которое у Епифанія называется алогами.

[72]) Объ этомъ можно догадываться изъ приведенныхъ въ предшествовавшемъ примѣчаніи словъ св. Иринея: Detur intelligi, quod neque Apostolum Paulum recipiant. In ea enim epistola, quae est ad Corinthios и дал.

[73]) О раціонализмѣ ѳеодотіанъ см. въ 3-мъ отрывкѣ изъ Малаго Лабиринта (Евсев. V, 28), что они искажаютъ и передѣлываютъ Писаніе, желая исправлять его по своимъ мыслямъ, Евклида, Аристотеля, Ѳеофраста и Галена предпочитаютъ Писанію и т. д.

къ мистицизму; онъ высоко ставилъ таинственную сторону религіи и любилъ погружаться мыслью въ объясненіе тѣхъ догматовъ, тѣхъ мѣстъ Священнаго Писанія и цѣлыхъ книгъ, которыя особенно отличаются таинственнымъ смысломъ [74]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Ипполитъ далекъ былъ отъ увлеченій и суевѣрій монтанистическихъ; отъ крайностей монтанизма его должно было предохранять его обширное богословское и философское образованіе и его здравый и твердый отъ природы умъ. Ипполитъ признавалъ мечтанія монтанистовъ заблужденіями, и самый монтанизмъ поставлялъ въ разрядъ сектъ несогласныхъ съ истиннымъ пониманіемъ христіанства [75]). Тѣмъ болѣе далекъ былъ Ипполитъ, при своихъ твердо православныхъ убѣжденіяхъ, при глубокомъ уваженіи къ Священному Писанію и церковному преданію, которое сказывается во всѣхъ его произведеніяхъ, отъ крайностей произвола раціоналистическаго. Такимъ характеромъ, по всей вѣроятности, и отличались сочиненія написанныя Ипполитомъ въ виду помянутаго спора монтанистовъ съ алогами. Въ этихъ сочиненіяхъ, есть основанія предполагать, Ипполитъ коснулся всѣхъ существенныхъ вопросовъ, затронутыхъ монтанистами и алогами, и по всѣмъ этимъ вопросамъ раскрылъ твердое, чуждое крайностей той и другой партіи, православное убѣжденіе.

Одно изъ этихъ сочиненій, названное у Іеронима «de Apocalypsi» мы уже знаемъ. Оно по всей вѣроятности составлено по поводу возникшаго между монтанистами и алогами спора о смыслѣ и подлинности Апокалипсиса. Остается вопросомъ, одно ли и то же было это сочиненіе съ упоминаемыми въ сирскомъ каталогѣ главами противъ Кая, или нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ Ипполитъ касаясь вопроса объ Апокалипсисѣ въ своихъ сочиненіяхъ по всей вѣроятности съ одной сто-

---

[74]) Разумѣемъ здѣсь толкованія Ипполита на пророка Даніила, изъ которыхъ сохранились многіе отрывки (у Миня. т. X, pag. 633—700), сочиненіе о Христѣ и антихристѣ и под.

[75]) Φιλοσοφούμενα Lib. VIII, cap. 19; Lib. X, cap. 25; Libellus Pseudo-Tertulliani, cap. LII.

роны защищалъ подлинность Апокалипсиса противъ раціоналистическаго мнѣнія алоговъ, а съ другой опровергалъ и тѣ неправильныя толкованія и примѣненія этой книги, какое дѣлали монтанисты.

Изъ списка сочиненій Ипполитовыхъ, начертаннаго на памятникѣ ему, видно, что Ипполитъ писалъ сочиненіе не только объ Апокалипсисѣ, но и о Евангеліи Іоанна Богослова, оспариваемомъ алогами. Здѣсь между сочиненіями Ипполита значится: Ὑπὲρ τοῦ κατὰ Ἰωάννην εὐαγγελίου καὶ ἀποκαλύψεως. Одно ли это было сочиненіе или два различныхъ о двухъ писаніяхъ Іоанна Богослова; если одно, то же ли самое, которое приводится у Іеронима подъ сокращеннымъ заглавіемъ, или другое, — или упомянутое у Іеронима разсужденіе объ Апокалипсисѣ входило только какъ часть въ это сочиненіе (какъ capita, переведенныя и на сирскій языкъ); все ли это сочиненіе направлено было противъ Кая (если Кай вмѣстѣ съ Апокалипсисомъ отвергалъ и Евангеліе Іоанна), или противъ Кая направлена была только часть его объ Апокалипсисѣ, а другая о Евангеліи противъ другаго представителя алогизма: всѣ эти вопросы за утратою сочиненій Ипполита не могутъ быть рѣшаемы съ увѣренностью. Неяснымъ остается и то, изъ этихъ ли отдѣльныхъ сочиненій Ипполита Епифаній заимствовалъ свои свѣдѣнія объ алогахъ и опроверженіе ихъ, или кромѣ этихъ сочиненій Ипполитъ разсматривалъ еще мнѣнія алоговъ въ особомъ отдѣленіи своего общаго сочиненія противъ современныхъ ему римскихъ сектъ конца II вѣка [76]). Но во всякомъ случаѣ, касаясь возбужденнаго алогами вопроса о подлинности Евангелія Іоанна, Ипполитъ могъ высказаться не иначе, какъ въ защиту этой подлинности; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ипполитъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ приводилъ мѣста изъ

[76]) Мы болѣе склонны къ тому предположенію, что Епифаній заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ одного большаго сочиненія Ипполитова, въ которомъ находились опроверженія и ноэтіанства (въ первоначальной фазѣ его римскаго развитія—до Савеллія и Каллиста) и θеодотіанства, и ало-

Евангелія Іоанна или дѣлалъ указанія на него [77]), и его показанія относительно этого Евангелія считаются въ числѣ важнѣйшихъ доказательствъ вѣры въ подлинность Евангелія Іоанна, твердо державшейся въ римской церкви во II столѣтіи [78]).

Къ этому же разряду сочиненій, написанныхъ Ипполитомъ

гизма и другихъ римскихъ сектъ конца II столѣтія. (*Сравни примѣчанія 17, 46, 64*). Ипполитъ могъ сначала писать отдѣльныя сочиненія противъ ноэтіанства, ѳеодотіанства, алогизма, а потомъ все существенное изъ этихъ сочиненій могъ соединить въ одномъ большомъ трудѣ, который и былъ главнымъ источникомъ для Епифанія въ 1-мъ отдѣленіи 2-й книгѣ его Панарія—подобно тому, какъ въ первой книгѣ было для него главнымъ источникомъ сочиненіе Иринея. Затѣмъ далѣе Ипполиту вздумалось составить краткое описаніе не только современныхъ ему сектъ, но и всѣхъ извѣстныхъ ересей первыхъ двухъ вѣковъ христіанства съ досиѳеанъ до ноэтіанъ. Это βιβλιδάριον патріарха Фотія, извѣстный въ латинской передѣлкѣ подъ именемъ libellus Pseudo—Tertulliani. Этимъ сочиненіемъ по всей вѣроятности пользовался Филастрій преимущественно при описаніи XLIX — LX ересей своей книги (*примѣч. 64*). Это сочиненіе по всей вѣроятности писано было уже тогда, когда ноэтіанство стало переходить въ савелліанизмъ, (о которомъ упоминается у Филастрія въ связи съ ноэтіанствомъ въ ереси LIII — LIV), и когда монтанизмъ разбился на нѣсколько мелкихъ отраслей, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія отъ Псевдо-Тертулліана и Филастрія. А потомъ еще гораздо позже Ипполитъ предпринялъ новый большой трудъ — обширное обозрѣніе всѣхъ значительныхъ сектъ I, II и начала III вѣка — въ связи съ ихъ отдаленными источниками—философскими ученіями Греціи и религіозными преданіями языческаго востока. Это сочиненіе было писано Ипполитомъ уже тогда, когда борьба съ савелліанствомъ привела его не только къ столкновенію и разрыву съ самимъ папою Каллистомъ, но и спустя значительное время послѣ смерти Каллиста. (*См 4-й главы примѣч. 49*).

[77]) См. указанія на 24 мѣста изъ евангелія Іоанна въ однихъ *философуменахъ* XVI Т. патрологіи Миня въ индексѣ locorum ex scriptura sacra *при философуменахъ* стр. 3459. Затѣмъ 7 такихъ указаній мы насчитали въ сочиненіи „о Христѣ и антихристѣ“ (главы VI, X, XLV, LXV), 20 указаній въ сочиненіи противъ Ноэта (главы IV, V, VI, VII, XI, XII, XIV, XVI, XVIII). Есть также указанія на евангеліе Іоанна и въ сохранившихся отрывкахъ другихъ сочиненій Ипполита: напр. изъ толкованій на книгу Бытія (Миня Т. X. стр. 595, 559, 601), на притчи (Миня 625), на пророка Даніила (647, 651, 695), изъ сочиненія περὶ παντὸς αἰτίας (799), въ бесѣдахъ Ипполита (853, 859, 869)....

[78]) На это было обращено вниманіе многими учеными въ особенности послѣ изданія философуменовъ. См. Бунзена — Hippolytus B. I. S. 222—224, Якоби въ Энциклопедіи Герцога Т. VI, *предисловіе* къ переводу *Философуменовъ* на русскій языкъ стр. VI и т. д.

въ виду споровъ алоговъ съ монтанистами, принадлежитъ по всей вѣроятности и то его произведеніе, которое на памятникѣ и заглавливается словами: «Περὶ χαρισμάτων ἀποστολικὴ παράδοσις — о дарованіяхъ апостольское преданіе». О содержаніи этого произведенія были высказываемы различныя предположенія, и подъ сходными съ означеннымъ заглавіемъ названіями были выдаваемы сочиненія, не считающіяся подлинными произведеніями Ипполита. Но самое вѣроятное предположеніе относительно содержанія означеннаго сочиненія есть то, что въ немъ раскрывалось истинное апостольское ученіе о сверхестественныхъ дарахъ духовныхъ съ одной стороны противъ монтанистовъ, выдававшихъ за высшіе духовные дары темные екстатическіе порывы и провѣщанія своихъ пророковъ и пророчицъ, съ другой стороны противъ алоговъ, скептически относившимся и къ истиннымъ откровеніямъ и пророчествамъ [79]).

На ту же тему по всей вѣроятности написано было и то сочиненіе Ипполита, которое озаглавливается у Іеронима словами «De Saul et Pythonissa». Было высказано два предположенія относительно того, кого нужно разумѣть подъ названными въ этомъ заглавіи личностями: по мнѣнію однихъ древняго еврейскаго царя Саула и аэндорскую волшебницу (1 Цар. XXVIII), по мнѣнію другихъ — апостола Павла и исцѣленную имъ прорицательницу въ Филиппахъ. (Дѣян. XVI, 16—18). Но какъ бы то ни было, выборъ того или другаго предмета для разсужденія самъ собою показываетъ, что̀ могъ писать церковный учитель въ этомъ сочиненіи въ виду возникшихъ между монтанистами и алогами споровъ о вдохновеніяхъ и прорицаніяхъ [80]). По всей вѣроятности въ этомъ сочиненіи раскрывалось ученіе о томъ, какъ нужно отличать истинныя прорицанія и откровенія отъ ложныхъ — т.-е. по всей вѣроятности это сочиненіе по содержанію было сходно

---

[79]) См. Лумпера De scriptis Hippolyti p. II. Art. VIII § I.
[80]) Лумпера P. III, Art. I. § VII.

съ упоминаемымъ у Евсевія сочиненіемъ болѣе ранняго писателя Мильтіада противъ монтанистовъ [81]).

Изъ самыхъ названій указанныхъ нами полемическихъ сочиненій Ипполита, частію сохранившихся въ отрывкахъ, частію извѣстныхъ только по заглавіямъ видно, что Ипполитъ по преимуществу направлялъ свои опроверженія противъ современныхъ ему и бывшихъ у него въ виду лжеученій [82]). Всѣ поименованные выше сектанты—ноэтіане, ѳеодотіане, алоги, монтанисты [83]), распространяли свои мнѣнія въ римской церкви въ концѣ II и началѣ III вѣка, какъ видно опять изъ показаній самаго же Ипполита въ другихъ его общихъ сочиненіяхъ о ересяхъ, и изъ показаній позднѣйшихъ ересеологовъ, по всей вѣроятности впрочемъ заимствовавшихъ свои свѣдѣнія объ означенныхъ ересяхъ главнымъ образомъ у того же Ипполита [84]).

Къ этому же разряду полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ современныхъ и преимущественно римскихъ сектантовъ, нужно отнести и писанныя Ипполитомъ сочиненія о пасхѣ, о которыхъ упоминаютъ и Евсевій, и Іеронимъ, и надпись на памятникѣ Ипполитовомъ. Та-

---

[81]) Евсев. V, 17; сравни Епифанія Haeres. XLVIII.

[82]) Къ числу сочиненій, написанныхъ Ипполитомъ въ виду современныхъ недоумѣній и заблужденій, вѣроятно нужно отнести и извѣстное его Ἀπόδειξις περὶ Χριστοῦ καὶ ἀντιχρίστου (Migne T. X p. 725—788). Поводомъ къ написанію этого сочиненія могли быть частію эсхатологическія недоразумѣнія, возбужденныя спорами монтанистовъ и алоговъ, частію ожиданія кончины міра, распространявшіяся между христіанами въ виду тогдашнихъ гоненій. Что сочиненіе объ антихристѣ написано не только съ цѣлію положительнаго раскрытія ученія вѣры, но и для предостереженія отъ заблужденій, это видно изъ обращенныхъ въ началѣ сочиненія словъ къ Ѳеофилу: Δυσωπήσεις δὲ διὰ τοῦτων τοὺς ἀντιτιθεμένους καὶ ἀντιλέγοντας τῷ σωτηριῷ λόγῳ.

[83]) Писалъ ли Ипполитъ особенныя сочиненія противъ монтанистовъ, или только обличалъ ихъ въ-тѣхъ писаніяхъ, которыя писалъ противъ алоговъ и въ общихъ своихъ ересеологическихъ сочиненіяхъ, намъ неизвѣстно: но уже писатель VII вѣка Стефанъ Гобаръ, по свидѣтельству Фотія, ссылался на какія-то мнѣнія Ипполита о монтанистахъ. Τίνας ὑπολήψεις εἶχεν ὁ ἁγιωτατος Ἱππόλυτος περὶ τῆς τῶν Μοντανιστῶν αἱρεσεως. Photii Biblioth. cod. CCXXXII.

[84]) См. *Примѣч. 63.*

кихъ сочиненій, кромѣ начертаннаго на памятникѣ пасхальнаго цикла, было написано Ипполитомъ нѣсколько [85]). И эти сочиненія по всей вѣроятности были вызваны не только практическими нуждами церкви, но и существовавшими въ то время, спорами о празднованіи пасхи, и преимущественно державшимся въ Римѣ расколомъ четыредесятниковъ, не хотѣвшихъ праздновать пасху вмѣстѣ съ церковью [86]). И въ этихъ сочиненіяхъ Ипполитъ по всей вѣроятности не только представлялъ основанія для правильнаго разчисленія времени празднованія пасхи, но и разбиралъ мнѣнія противниковъ, приводившихъ свои основанія въ пользу несогласнаго съ церковію празднованія. Относительно этого предмета заслуга Ипполита особенно цѣнилась христіанами послѣдующихъ временъ. Онъ первый, обладая хорошими не только богословскими, но и математическими — астрономическими свѣдѣніями, указалъ твердую научную почву для рѣшенія спорнаго вопроса о празднованіи пасхи. И его разчисленія и разъясненія относительно этого предмета вѣроятно имѣли вліяніе на установленіе въ церкви послѣдующихъ вѣковъ единовременнаго празднованія величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ [87]).

Какая жалость, что почти всѣ поименованныя сочиненія, написанныя въ виду живыхъ потребностей своего времени и общества, въ виду горячей борьбы религіозныхъ мнѣній и партій, написанныя человѣкомъ крѣпкаго ума, многосторонняго образованія и замѣчательной ревности по вѣрѣ, потеряны для насъ! Эта потеря поистинѣ

---

[85]) Евсевій и Іеронимъ, кромѣ круга пасхальнаго составленнаго Ипполитомъ, видимо различаютъ два его сочиненія о пасхѣ τὸ περὶ τοῦ πάσχα σύγγραμμα—ratio Paschae temporumqe canones, и просто περὶ τοῦ πάσχα—de Pascha. На памятникѣ Ипполитовомъ значится: Ἀπόδειξις χρονων του πάσχα κατὰ ἐν τω πινακι: одно это сочиненіе или два, мы не можемъ сказать. Сравни Lumperi de scriptis Hippolyti P. II. Art. IX, Bucherii in canonem Paschalem animadversiones—Migne T. X p. 885 - 902.

[86]) См. Φιλοσοφούμενα VIII, 18; Libellus Pseudo-Tertul. LI; Епифанія Haeres, L; Филастрія LVIII.

[87]) См. свидѣтельства Анатолія лаодикійскаго, Исидора испалійскаго и отзывъ Тилльмона у Лумпера (Migne X, 311).

есть великая потеря не только для христіанской ересеологіи и полемики, но и для положительнаго церковнаго богословія: ибо Ипполитъ, какъ видно изъ сохранившихся до насъ малыхъ остатковъ его полемическихъ сочиненій, слѣдовалъ въ нихъ методу учителя своего Иринея, т.-е. опровергая неправильныя сектантскія мнѣнія, въ противоположность имъ старался раскрывать правильное церковное ученіе [88]).

Впрочемъ не противъ однихъ только современныхъ лжеученій направлялъ свою полемику св. Ипполитъ; онъ писалъ сочиненія и противъ значительнѣйшихъ изъ сектъ древнѣйшихъ, существовавшихъ до него. Сюда относится приписываемое ему Евсевіемъ и Іеронимомъ сочиненіе противъ Маркіона [89]). Маркіонъ не былъ современникомъ Ипполита; онъ жилъ поколѣніями двумя раньше его (какъ современникъ Іустина философа и Поликарпа [90]). Но съ одной стороны самые вопросы затронутые ученіемъ Маркіона были такъ важны и трудны, съ другой стороны вліяніе распространенное имъ и на долгое время оставшееся послѣ него какъ въ восточныхъ церквахъ—въ Малой Азіи, Сиріи и Арменіи, такъ и въ западныхъ въ Римѣ и Карѳагенѣ было такъ значительно, что почти всякій изъ учителей церковныхъ послѣднихъ десяти-

---

[88]) Это видно въ особенности изъ трактата противъ Ноэта, изъ X книги Философуменовъ, и изъ сообщеній Евсевія о содержаніи Малаго Лабиринта.

[89]) О сочиненіи Ипполита противъ Маркіона упоминаютъ и Евсевій и Іеронимъ, и за ними Георгій Синкеллъ и Никифоръ Каллистъ (*Цитаты примѣч. 1*). Ѳеодоритъ также называетъ Ипполита въ числѣ замѣчательнѣйшихъ опровергателей маркіонитства (Fabul. Haeretic. Lib. I cap. 25). На памятникѣ Ипполитовомъ обличеніе Маркіона не упоминается прямо; но указаніе на него думаютъ видѣть въ надписаніяхъ περὶ Θεοῦ καὶ σαρκὸς ἀναστάσεως или περὶ ταγαθοῦ καὶ πόθεν τὸ κακόν. Нѣкоторые впрочемъ высказывали предположеніе, что послѣднее сочиненіе было направлено не противъ Маркіона, а противъ Флорина также римскаго лжеучителя и не далекаго отъ времени Ипполита, противъ котораго писалъ еще Ириней (Евсев. V, 20). Лумпера P. III Art. II § IV. Фолькмара s. 79.

[90]) Срав. Іустина апол. I, 26; Ирин. кн. III гл. IV, 3; Евсев. IV, 14. Липсіуса Die Zeit d. Marcion—Zeitschr. f. wissenschaft. Theologie 1867 и Quellen d. aeltest. Ketzergesch. Beilage II.

лѣтій II вѣка и первыхъ III считалъ своимъ долгомъ опровергать Маркіона. Поэтому и св. Ипполитъ писалъ противъ Маркіона. Отъ этого сочиненія также не сохранилось до насъ никакихъ остатковъ; можетъ быть впрочемъ значительная часть свѣдѣній заключавшихся въ немъ перешла въ обширное Епифаніево описаніе маркіонитской секты, о которой Епифаній говоритъ въ той именно части своего Панарія, гдѣ онъ, какъ мы сказали, всего болѣе долженъ былъ пользоваться сочиненіями Ипполита [91]). Во всякомъ случаѣ въ виду подробныхъ свѣдѣній объ ученіи Маркіона, дошедшихъ до насъ изъ другихъ источниковъ, потеря Ипполитова сочиненія о немъ еще не представляется такою значительною, какъ потеря другихъ ересеологическихъ писаній того же учителя; но важна и эта потеря въ томъ случаѣ, если предположить, что Ипполитъ въ своемъ сочиненіи противъ Маркіона имѣлъ въ виду и разбиралъ какіе-нибудь неизвѣстные намъ изъ другихъ источниковъ памятники маркіонитства [92]).

Епифаній въ *Панаріи* отзывается съ большою похвалою объ опроверженіи Ипполита на валентиніанъ [93]). Ѳеодоритъ въ *Обличеніи еретическаго баснословія* приводитъ имя Ипполита въ числѣ писателей писавшихъ противъ николаитовъ [94]). Но нѣтъ значительныхъ основаній предполагать, чтобы Ипполитъ писалъ особенныя сочиненія противъ валентиніанъ и николаитовъ. Вѣроятнѣе, Епифаній и Ѳеодоритъ имѣли въ виду тѣ обличенія этихъ сектантовъ, которыя находились въ общихъ ересеологическихъ писаніяхъ Ипполита [95]).

Во всякомъ случаѣ, если имѣть въ виду и однѣ частныя указанныя выше полемическія сочиненія св. Ипполита, если принять во вниманіе, что въ этихъ сочиненіяхъ имъ описанъ и

---

[91]) Παναρ. Haeres. XLII Ср. Lipsius — Quellen d. Epiphanios ss. 197—207.

[92]) Какъ *въ Философуменахъ* VII, 31.

[93]) Haeres. XXXI cap. 33.

[94]) Fabul. Haeretic. Lib. III cap. I.

[95]) Срав. Лумпера у Миня X, 332.

опровергнутъ былъ цѣлый рядъ сектъ, распространявшихъ свое вліяніе преимущественно въ римской церкви въ концѣ II столѣтія,—по однимъ этимъ сочиненіямъ нельзя не поставить Ипполита, рядомъ съ св. Иринеемъ,—значительнѣйшимъ изъ ересеологовъ первыхъ вѣковъ христіанства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ересеологическія писанія св. Ипполита общія: ΒΙΒΛΙΔΑΡΙΟΝ, ΦΙΛΟΣΟΦΟΥΜΕΝΑ.

Кромѣ частныхъ полемическихъ сочиненій противъ различныхъ еретическихъ сектъ, св. Ипполитъ писалъ и общія сочиненія противъ ересей. О такихъ сочиненіяхъ говорятъ и Евсевій и Іеронимъ [1]); но какія это были сочиненія, какія секты въ нихъ опровергались, на это ни у Евсевія, ни у Іеронима и ни у кого изъ древнѣйшихъ писателей нѣтъ указаній. Уже въ IX вѣкѣ мы встрѣчаемъ довольно опредѣленное извѣстіе относительно содержанія одного изъ общихъ ересеологическихъ произведеній Ипполита. Фотій, излагая въ своей Библіотекѣ содержаніе и дѣлая оцѣнку прочитанныхъ имъ сочиненій, говоритъ между прочимъ: «читалъ книжку Ипполита, ученика Иринеева; это сочиненіе противъ 32 ересей, начинаю-

---

[1]) У Евсевія — Πρὸς ἁπάσας τὰς αἱρέσεις, У Іеронима adversus omnes haereses. Г. Синкеллъ соединяетъ заглавіе *противъ ересей* съ заглавіемъ—*противъ Маркіона*—πρὸς Μαρκίωνα κὰς τὰς Λοιπὰς αἱρέσεις; но неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ; Евсевій и Іеронимъ видимо раздѣляютъ эти сочиненія. Впрочемъ можетъ быть, у Синкелла подъ заглавіемъ—πρὸς λοιπὰς αἱρεσεις разумѣется не то сочиненіе, какое у Евсевія — πρὸς ἁπάσας αἱρεσεις, а особенное противъ ересей современныхъ Ипполиту (*см. ниже примѣч. 32*). У Н. Каллиста опять—πρὸς πάσας τὰς αἱρέσεις (отдѣльно отъ πρὸς Μαρκίωνα) съ эпитетомъ Βιωφελέστατον.

щееся Досиѳеанами, и доведенное до Ноэта и Ноэтіанъ» [2]). Далѣе Фотій дѣлаетъ краткую оцѣнку этого сочиненія преимущественно со стороны слога, сообщаетъ между прочимъ извѣстіе о томъ, что Ипполитъ въ этомъ сочиненіи высказывается противъ подлинности посланія апостола Павла къ евреямъ, и приводитъ нѣкоторыя дошедшія до него преданія о жизни и ученой дѣятельности Ипполита и отношеніяхъ его къ Оригену. Но затѣмъ объ этомъ сочиненіи опять нѣтъ никакихъ извѣстій, и на самое упоминаніе Фотія о немъ до новѣйшаго времени никто не обращалъ серіознаго вниманія.

Только съ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, со времени открытія *философуменовъ* сталъ ученыхъ занимать вопросъ о содержаніи этого сочиненія, какъ и вообще о личности и писаніяхъ Ипполита. Сначала нѣкоторыми изъ ученыхъ, признавшихъ *философумена* произведеніемъ Ипполита, высказано было такое предположеніе, что это-то и есть сочиненіе противъ 32-хъ ересей читанное Фотіемъ [3]). Но такое предположеніе скоро было признано несостоятельнымъ. Къ Философуменамъ во многомъ не подходили признаки сочиненія описаннаго Фотіемъ. 1) Къ такому большему сочиненію, какъ Философумена, Фотій едва ли могъ приложить названіе маленькая книжка (βιβλιδάριον-libellus). 2) Фотій говоритъ, что Ипполитъ составилъ это сочиненіе руководствуясь сообщеніями своего учителя Иринея [4]): между тѣмъ въ *философуменахъ* и тѣ секты, которыя тщательно описаны Иринеемъ, представляются съ значительными отличіями отъ Иринеевскихъ описаній [5]), и затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о многихъ сектахъ новыхъ, о которыхъ у Иринея нѣтъ никакихъ извѣ-

---

[2]) Bibliotheca Cod. CXXI: Ἀνεγνώσθη Βιβλιδάριον Ἱππολύτου. μαθητὴς δὲ Εἰρηναίου ὁ Ἱππόλυτος. Ἦν δὲ τὸ σύνταγμα κατὰ αἱρεσέων λβ, ἀρχὴν ποιούμενον Δοσιθεανούς, καὶ μέχρι Νοητοῦ καὶ Νοητιανῶν διαλαμβάνον.

[3]) Такое предположеніе высказано и аргументировано было Бунзеномъ—Hippolytus B. I. S. 16—24, у насъ Филаретомъ Черниговскимъ ч. 1, § 54. Разборъ аргументаціи Бунзена у Деллингера,—Ss. 8—18.

[4]) Ταύτας δέ φῆσιν ελέγχοις ὑποβληθήναι ὁμιλούντος Εἰρηναίου, ὧν καὶ σύνοψιν ὁ Ἱππόλυτος ποιούμενος τόδε τὸ βιβλίον φησὶ συντεταχέναι.

[5]) Сравни напр. описанія ересей Симона, Василида и Николы Валентиновой и Маркіоновой у Иринея и въ Философуменахъ.

стій [6]). 3) Если счетъ ересей, обличаемыхъ въ *философуменахъ*, какъ нибудь еще можно довести до обозначеннаго у Фотія числа 32-хъ, то начало и конецъ философуменовъ совершенно не совпадаютъ съ началомъ и концомъ сочиненія читаннаго Фотіемъ. Синтагма Ипполитова, читанная Фотіемъ, начиналась съ Досиѳеанъ, а въ философуменахъ совсѣмъ не упоминается объ этой сектѣ; *философуумена* начинаются съ описанія древнихъ греческихъ философскихъ системъ, а изъ еретическихъ сектъ въ нихъ прежде всего разсматриваются секты Наассеновъ, Ператовъ и Сиѳіанъ [7]). Синтагма, читанная Фотіемъ оканчивалась Ноэтіанами; а въ философуменахъ къ Ноэтіанамъ присоединяются еще, какъ особенная секта, Каллистіане, и затѣмъ одновременно съ ними распространившіеся въ Римѣ Элкезаиты, за которыми описываются еще іудейскія секты эссеевъ, фарисеевъ и саддукеевъ [8]). 4) Въ философуменахъ не находится и того признака, отмѣченнаго Фотіемъ въ синтагмѣ Ипполитовой, что Ипполитъ не признавалъ подлинности посланія апостола Павла къ Евреямъ [9]). 5) Самъ авторъ философуменовъ въ предисловіи къ этому сочиненію говоритъ, что имъ еще прежде составлено другое краткое и сжатое опроверженіе еретическихъ ученій [10]). Слѣдовательно у этого автора мы должны различать два сочиненія противъ еретиковъ, написанныя въ различное время: малое и большое. Подъ указаннымъ у Фотія сочиненіемъ, которое онъ называетъ βιβλιδάριον, во всякомъ случаѣ скорѣе можно разумѣть болѣе раннее — малое сочиненіе Ипполита, чѣмъ позднѣйшее большое.

---

[6]) Таковы преимущественно секты, описываемыя въ V, VIII и IX книгахъ философуменовъ.

[7]) Φιλοσοφούμενα кн. IV.

[8]) Φιλοσοφούμενα кн. IX.

[9]) Въ объясненіе этого Бунзенъ высказалъ такое предположеніе, что указанное Фотіемъ мнѣніе о Посланіи къ Евреямъ могло находиться въ особенномъ общемъ *предисловіи къ философуменамъ, будто бы недошедшемъ до насъ*, такъ какъ извѣстное намъ предисловіе относится будто только къ одной 1-й книгѣ *философуменовъ*. Но это предположеніе не имѣетъ никакого основанія.

[10]) Ὧν (αἱρεσέων) καὶ πάλαι μετρίως τὰ δόγματα ἐξεθέμεθα, οὐ κατὰ λεπτὸν ἐπιδείξαντες. ἀλλὰ αδρομερῶς ἐλέγξαντες.

6) Наконецъ у самаго Фотія можно найти различеніе малой синтагмы Ипполитовой отъ другаго большаго сочиненія противъ ересей, которое извѣстно было ему подъ именемъ Лабиринта, и которое онъ при томъ не считалъ произведеніемъ Ипполита [11]). Всѣхъ этихъ соображеній даже слишкомъ много для того, чтобы признать предположеніе о тождественности синтагмы Ипполитовой съ философуменами не выдерживающимъ критики [12]).

Но рядомъ съ разсмотрѣннымъ предположеніемъ пошло въ ходъ другое, оказавшееся болѣе удачнымъ. Давно уже извѣстно было подъ именемъ—Libellus pseudo-Tertulliani—небольшое сочиненіе на латинскомъ языкѣ о ересяхъ первыхъ двухъ вѣковъ, помѣщавшееся обыкновенно между сочиненіями Тертулліана, какъ бы продолженіе его извѣстнаго произведенія De praescriptionibus adversus haereticos [13]). Что сочиненіе это

---

[11]) Bibliotheca Cod. XLVIII. Предположеніе (Якоби, Бунзена и Деллингера), что Фотій въ указанномъ мѣстѣ подъ названіемъ Λαβύρινθος разумѣлъ не *философумена*, а *Малый Лабиринтъ*, какъ мы уже говорили (5-й главы примѣч. 37), не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Фотій прямо говоритъ, что авторъ *Лабиринта* въ концѣ этого сочиненія (ἐν τῷ τέλει τοῦ Λαβυρίνθου) свидѣтельствуетъ, что имъ написано также сочиненіе περὶ παντὸς οὐσίας: а такое свидѣтельство находится именно въ *концѣ философуменовъ* (кн. X, 5). Предполагать, что такое же свидѣтельство о περὶ παντὸς οὐσίας могло быть и въ *Маломъ Лабиринтѣ*, и именно *въ концѣ* его, недошедшемъ до насъ (Doellinger Hippolitus S. 6), слишкомъ искусственно. О Маломъ Лабиринтѣ Фотій въ той же главѣ говоритъ особо, называя его просто сочиненіемъ противъ ереси Артемона — Λόγος κατὰ τῆς Ἀρτέμωνος αἱρεσέως.

[12]) Другое предположеніе (см. Деллингера, стр. 23), что Фотій подъ заглавіемъ βιβλιδάριον — имѣлъ въ виду не всѣ *философумена*, а только X заключительную книгу ихъ, которая будто бы отдѣльно отъ предшествующихъ девяти книгъ находилась въ обращеніи, какъ самостоятельное цѣлое, также не выдерживаетъ критики. И къ десятой книгѣ *философуменовъ* также почти, какъ и ко всему сочиненію, непримѣнимы указанные выше признаки Фотіева βιβλιδάριον, за исключеніемъ перваго. Притомъ малое сочиненіе о ересяхъ, читанное Фотіемъ (какъ показано въ примѣчаніи 10) писано Ипполитомъ гораздо ранѣе философуменовъ (πάλαι), а 10-я книга написана несомнѣнно въ заключеніе всего этого произведенія.

[13]) Opera Tertulliani у Миня Patrologia latina T. II, pag. 61—74. Подлинное сочиненіе Тертулліана de praescriptionibus состоитъ изъ XLIV главъ. А затѣмъ главы XLV—LIII въ нѣкоторыхъ кодексахъ составляютъ прибавку, произвольно присоединенную къ сочиненію Тертулліана.

не принадлежитъ Тертулліану, это давно признано [14]). Но кому оно принадлежитъ, есть ли оно самостоятельное произведеніе, написанное на латинскомъ языкѣ, или переводъ или передѣлка какого-нибудь греческаго сочиненія о ересяхъ,—объ этомъ до позднѣйшаго времени не существовало опредѣленныхъ мнѣній. Въ новѣйшее время нѣкоторыми учеными обращено вниманіе на то, что число ересей описываемыхъ въ этомъ сочиненіи, и самое начало описанія съ іудейской или самаританской секты Досиѳеанъ совершенно соотвѣтствуетъ числу и началу описанія сектъ въ читанной Фотіемъ синтагмѣ Ипполитовой [15]). Съ болѣе тщательнымъ изученіемъ содержанія Философуменовъ, и вообще съ разъясненіемъ вопроса о личности и писаніяхъ Ипполита, открылось еще болѣе основаній для предположенія о тождествѣ или близости Ипполитовой синтагмы съ сочиненіемъ переведеннымъ или передѣланнымъ на латинскій языкъ подъ именемъ — libellus pseudo-Tertulliani. Въ libellus pseudo-Tertulliani описаніе еретическихъ сектъ подходитъ именно къ тому времени, къ какому подходитъ оно и въ Философуменахъ и въ частныхъ полемическихъ сочиненіяхъ Ипполита [16]). И

---

[14]) Подробнѣе объ этомъ въ слѣдующей главѣ, при сужденіи о ересеологическихъ писаніяхъ Тертулліана.

[15]) Первоначально на это обращено было вниманіе нѣкоторыми англійскими учеными (Waterlands Works T. V, 227—London 1823, Christian Remembrancer 1853, № 1, S. 229). Деллингеръ въ своемъ изслѣдованіи объ Ипполитѣ, опровергнувъ мнѣніе Бунзена о тождествѣ *синтагмы* описанной Фотіемъ съ философуменами, отнесся съ большимъ вниманіемъ (стр. 19—20) къ мнѣнію о близости *синтагмы* къ *псевдо-Тертулліанову описанію* ересей, но еще не рѣшился твердо высказаться въ пользу такого мнѣнія. Фолькмаръ представилъ новыя основанія въ пользу этого мнѣнія (Hippolytus Ss. 84—92). Наконецъ во всей полнотѣ и съ замѣчательною тщательностью оно раскрыто, какъ скажемъ ниже, въ новѣйшее время Липсіусомъ и Гарнакомъ.

[16]) Въ libellus pseudo-Tertulliani описаніе ересей останавливается на тѣхъ мелкихъ развѣтвленіяхъ монтанизма и патрипассіанства (въ первой фазѣ его развитія), которыя преимущественно развились въ Римѣ подъ конецъ II и въ самомъ началѣ III столѣтія. Въ IX книгѣ *Философуменовъ* описаніе проводится нѣсколько далѣе: представляются Каллистіанство, какъ новая фаза въ развитіи патрипассіанства и Элкезаитство, какъ секта, начавшая распространяться въ Римѣ вмѣстѣ съ Каллистіанствомъ. Но эта разница объясняется именно тѣмъ, что малое

секты описываютея главнымъ образомъ тѣ, на какія по преимуществу Ипполитъ обращалъ вниманіе въ своихъ сочиненіяхъ [17]). Самыя свѣдѣнія сообщаемыя о сектахъ въ libellus pseudo-Tertulliani съ одной стороны представляютъ большую (сравнительно съ философуменами) близость къ описаніямъ Иринеевскимъ, что̀ такъ и должно быть по свидѣтельству Фотія (потому что Ипполитъ писалъ свое первое раннее сочиненіе о ересяхъ подъ вліяніемъ Иринея),—съ другой стороны и нѣкоторыя отличительныя отъ Иринеевскихъ описаній черты, которыя болѣе сближаютъ это сочиненіе съ философуменами [18]).

Но оказываются и нѣкоторыя затрудненія къ тому, что-

сочиненіе о ересяхъ написано Ипполитомъ гораздо ранѣе *философуменовъ* (πάλαι) — т.-е. малое сочиненіе вѣроятно написано въ первомъ, а *философумена* въ третьемъ или четвертомъ десятилѣтіяхъ III вѣка. *Сравни предшествовавшей главы примѣчаніе 76.*

[17]) Именно, кромѣ сектъ старыхъ, описанныхъ еще у Иринея, и въ libellus pseudo-Tertulliani, и въ философуменахъ, и въ частныхъ полемическихъ сочиненіяхъ Ипполита описываются главнымъ образомъ тѣ секты, которыя преимущественно распространялись въ Римѣ подъ конецъ II и въ началѣ III столѣтія. Сравни напр. LII—LIII главы псевдо-Тертулліана и философуменовъ кн. VII, 35—36, кн. VIII, 18—20, кн. IX, 7 (при семъ см. *предшествующей главы* нашего изслѣдованія *примѣчаніе 63*). Есть конечно и значительныя разности въ содержаніи разсматриваемыхъ произведеній. Въ *философуменахъ* нѣкоторыя изъ малыхъ сектъ, описываемыхъ въ libellus, опускаются и взамѣнъ того описываются другія, неописанныя въ libellus. Но это опять объясняется разностію времени написанія и самыхъ задачъ, которыя имѣлъ въ виду Ипполитъ при составленіи малаго и большаго сочиненія о ересяхъ. Въ философуменахъ авторъ естественно не нашелъ нужнымъ описывать всѣ мелкія развѣтвленія прежнихъ сектъ, описанныхъ имъ въ βιβλιδάριον, которыя ко времени написанія философуменовъ уже утратили значеніе. Взамѣнъ того онъ нашелъ нужнымъ описать здѣсь секты новыя, или и появившіяся или по крайней мѣрѣ сдѣлавшіяся извѣстными ему послѣ написанія βιβλιδάριον. Къ первому разряду, кромѣ Каллистіанства, вѣроятно нужно отнести и ученія Моноима и Гермогена (*философ.* кн. VII, гл. 12, 18); ко второму всѣ секты, описанныя въ V книгѣ, также ученіе Препона, какъ новой отрасли Маркіонитства (кн. VII, гл. 31) и ученіе Вардесана, какъ новой отрасли Валентиніанства (Lib. VI, cap. 35).

[18]) Эта сторона дѣла преимущественно раскрыта Фолькмаромъ (Hippolytus Ss. 89—92). Фолькмаръ указываетъ характеристически сходныя между сочиненіемъ псевдо-Тертулліана и философуменами черты преимущественно въ описаніи ересей Николаитовъ, Мелхиседеніанъ, Монтанистовъ, и въ извѣстіяхъ о Коларвазѣ — ученикѣ Валентина и Лукіанѣ—ученикѣ Маркіона. Сравни Гарнака in Zeitschrift für die historische Theologie 1874 г., стр. 184, примѣч. 131.

бы признать libellus pseudo-Tertulliani прямымъ переводомъ синтагмы Ипполитовой [19]). Главное изъ этихъ затрудненій то, что конецъ псевдо-Тертулліанова сочиненія не совсѣмъ такой, какой былъ конецъ синтагмы Ипполитовой по извѣстію Фотія. Синтагма Ипполита оканчивалась описаніемъ заблужденій Ноэта и Ноэтіанъ. Libellus pseudo-Tertulliani также оканчивается описаніемъ секты, заблужденія которой были такія же, какъ и у секты Ноэтіанъ (патрипассіанскія). Но здѣсь эта секта называется не Ноэтіанскою, и главнымъ представителемъ ея является не Ноэтъ, извѣстный по сочиненіямъ Ипполита (о Ноэтѣ здѣсь совсѣмъ и не упоминается), а Праксей, извѣстный по особенному полемическому сочиненію Тертулліана, написанному противъ этого еретика [20]). Это недоумѣніе впрочемъ довольно легко разрѣшается тѣмъ, что латинскій излагатель синтагмы Ипполитовой, по всей вѣроятности жившій въ Карѳагенѣ, естественно вздумалъ, при передачѣ того мѣста, которое касалось патрипассіанства, названіе Ноэта, патрипассіанскаго учителя извѣстнаго въ Римѣ и на Востокѣ, замѣнить именемъ Праксея, извѣстнаго болѣе въ Карѳагенѣ [21]).

---

[19]) Эти затрудненія преимущественно выяснены Деллингеромъ S. 20 Разрѣшеніе ихъ у Фолькмара Ss. 86—87.

[20]) Pseudo-Tertulliani cap. LIII, Tertulliani Liber advers. Praxeam-Migne T. II, pp. 153—196.

[21]) См. Christian Remembrancer, также Деллингера, Фолькмара и Гарнака указанныя мѣста. Есть еще для этого разногласія другое объясненіе (Землера—*цитатъ у Фолькмара*): „можетъ быть Праксей и Ноэтъ одно и то же лицо; названіе Праксей у Тертулліана можетъ быть употребляется не какъ собственное имя, а какъ эпитетъ ересеарха „Дѣлатель злыхъ дѣлъ“, согласно съ извѣстнымъ характернымъ опредѣленіемъ дѣятельности этого еретика: *Duo negotia* diaboli Praxeas Romae *procuravit* (ἔπραξεν): prophetiam expulit et haeresim intulit, Paracletum fugavit et Patrem crucifixit (advers. Praxeam cap. 1). Но это объясненіе слишкомъ искусственно: названіе Ноэта — Νοητὸς пожалуй еще съ большею вѣроятностью можетъ быть принято за нарицательное, чѣмъ названіе Праксея. Притомъ о ересеархѣ Ноэтѣ Смирнскомъ неизвѣстно опредѣленно, былъ ли онъ самъ въ Римѣ: распространителемъ его ученія здѣсь, по показаніямъ философуменовъ (IX, 7) представляется главнымъ образомъ его ученикъ Епигонъ. Другое довольно значительное затрудненіе къ признанію псевдо-Тертулліанова описанія за передѣлку или переводъ синтагмы Ипполитовой находятъ въ томъ, что у Ипполита

Но это же показываетъ, что libellus pseudo-Tertulliani — не простой переводъ синтагмы Ипполитовой, а скорѣе передѣлка ея; и на сколько свободная передѣлка, трудно рѣшить съ опредѣленностью; можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ синтагмы сдѣланы латинскимъ излагателемъ перемѣны не менѣе значительныя, какъ въ главѣ о патрипассіанствѣ. Къ тому же заключенію приводитъ и то соображеніе, что въ сочиненіи псевдо-Тертулліана не находится мнѣніе Ипполита о неподлинности посланія къ Евреямъ, которое Фотій читалъ въ *синтагмѣ*. На этомъ заключеніи, что libellus pseudo-Tertulliani не переводъ, а передѣлка Ипполитовой синтагмы, и останавливается большая часть новѣйшихъ ученыхъ [22]).

въ философуменахъ ученіе еретика Апеллеса представляется нѣсколько иначе, чѣмъ у псевдо-Тертулліана *(см. Деллингера указанное мѣсто)*. Но это затрудненіе разрѣшается еще легче: 1) О самомъ Апеллесѣ извѣстно, что этотъ еретикъ не отличался устойчивостью своихъ воззрѣній, но нѣсколько разъ мѣнялъ ихъ: сначала былъ послѣдователемъ Маркіонитства, потомъ самостоятельно преобразовалъ это ученіе, и при сближеніи съ Монтанистами и Валентиніанами значительно поддался ихъ вліянію. Различіе представленія Апеллесова ученія у псевдо-Тертулліана и въ философуменахъ могло быть отраженіемъ этихъ измѣненій въ самомъ ученіи. 2) И объ Ипполитѣ извѣстно, что онъ при представленіи одного и того же ученія въ различныхъ сочиненіяхъ, даже въ различныхъ мѣстахъ одного и того же сочиненія не старался непремѣнно употреблять однѣ и тѣ же формулы и выраженія для характеристики ученія: но когда встрѣчалъ новое извѣстіе о какомъ-либо ученіи, или находилъ не вполнѣ удачною имъ прежде представленную формулу его, замѣнялъ эту формулу другою безъ опасенія навлечь на себя упрекъ въ противорѣчіи. Напр. въ одномъ и томъ же сочиненіи — *философуменахъ* нельзя не замѣтить различія въ представленіи ученія Маркіонова въ 29—31 глав. VII книги и въ 19 главѣ X книги. Этимъ вообще можно объяснить нѣкоторыя, и не особенно важныя различія между показаніями псевдо-Тертулліанова описанія и философуменовъ, принявъ во вниманіе разность времени, когда Ипполитъ писалъ Βιβλιδάριόν и Φιλοσοφούμενα, и разность задачъ, которыя онъ имѣлъ въ виду при написаніи того и другаго сочиненія, и наконецъ разность въ самомъ количествѣ и твердости свѣдѣній о еретикахъ, которыя онъ могъ имѣть въ ранній и поздній періодъ своей ересеологической дѣятельности.

[22]) Разница въ мнѣніяхъ здѣсь только та, что напр. Деллингеръ склоняется къ такому предположенію, что авторъ псевдо-Тертулліанова описанія лишь пользовался данными Ипполитовой синтагмы, а Фолькмаръ, Липсіусъ и Гарнакъ рѣшительнѣе высказываются въ томъ смыслѣ, что псевдо-Тертулліаново описаніе—передѣлка самой синтагмы.

Этотъ выводъ еще болѣе подтвержденъ въ послѣднее время сравненіемъ псевдо-Тертулліанова сочиненія съ писаніями извѣстныхъ ересеологовъ IV вѣка—Епифанія и Филастрія, сравненіемъ сдѣланнымъ двумя учеными Липсіусомъ и Гарнакомъ [23]). Уже давно замѣчено было, что Епифаній и Филастрій при описаніи ересей первыхъ двухъ вѣковъ и не только тѣхъ, въ изображеніи которыхъ они слѣдовали главнымъ образомъ Иринею, но и тѣхъ, свѣдѣнія о которыхъ нужно было заимствовать изъ другаго источника, представляются близкими между собою [24]). Эта близость объяснялась прежде заимствованіемъ Филастрія у Епифанія [25]). Но такое объясненіе въ настоящее время отвергнуто: вопервыхъ потому, что вообще трудно доказать, чтобы Филастрій при написаніи своего сочиненія о ересяхъ могъ имѣть въ виду сочиненія одновременно съ нимъ писавшаго Епифанія; во вторыхъ потому что близость Филастрія къ Епифанію ограничивается только описаніемъ ересей первыхъ двухъ вѣковъ, а въ описаніи дальнѣйшихъ ересей (и у Епифанія и у Филастрія оно доходитъ почти до конца IV вѣка) такой близости незамѣтно [26]). Та-

---

[23]) Липсіуса Zur Quellenkritik des Epiphanios. Wien 1865 г.—Die Quellen der aeltesten Ketzer-geschichte. Leipzig 1875 г.—Гарнака Zur Quellenkritik der Geschichte des Gnosticismus (къ настоящему вопросу относится собственно 2-я часть этого изслѣдованія напечатанная въ Zeitschrift für die historische Theologie 1874 г.). Главная заслуга въ сравненіи ересеологическихъ показаній Епифанія и Филастрія съ псевдо-Тертуллiановыми, и въ разъясненіи отношеній всѣхъ трехъ къ синтагмѣ Ипполита принадлежитъ Липсіусу. Гарнакъ прибавилъ нѣсколько частныхъ соображеній къ основнымъ положеніямъ Липсіуса: но Гарнакъ, намъ кажется, вѣрнѣе опредѣлилъ время и мѣсто написанія синтагмы Ипполитовой, т.-е. что это произведеніе написано не въ Малой Азіи около 190 года, какъ полагалъ Липсіусъ, а въ Римѣ не ранѣе перваго десятилѣтія III вѣка.

[24]) Сравни въ особенности 48—57 ереси Епифанія и 49—60 ереси Филастрія; но и при описаніи ересей, предшествовавшихъ къ извѣстiамъ Иринеевскимъ во многихъ мѣстахъ прибавляются еще особенныя общія имъ представленія, показывающія, что и тамъ, кромѣ Иринея, они руководствовались еще какими-то общими источниками.

[25]) Новѣйшимъ представителемъ такого объясненія является Мангольдъ въ статьѣ о Филастріи у Герцога—Realenzyklopädie T. XI.

[26]) Подробнѣе о семъ у Липсіуса во 2-й главѣ, особенно стр. 29—32. Сравни Гарнака, стр. 162 и дал.

кимъ образомъ болѣе вѣроятнымъ представляется здѣсь другое предположеніе, что Епифаній и Филастрій въ тѣхъ частяхъ своихъ описаній, въ которыхъ они близки между собою и которыхъ они не могли заимствовать у Иринея, руководствовались также какими-нибудь одинаковыми, или близкими между собою источниками. Какіе же могли быть эти источники? Здѣсь представляются на видъ отношенія Епифанія и Филастрія къ псевдо-Тертулліанскому описанію ересей. Епифаній и Филастрій весьма близки къ псевдо-Тертулліану какъ въ порядкѣ описанія еретическихъ ученій [27]), такъ и въ представленіи самаго смысла этихъ ученій; въ послѣднемъ отношеніи близость трехъ означенныхъ писателей во многихъ мѣстахъ открывается не только въ сходствѣ мыслей, но и въ буквальномъ сходствѣ самыхъ выраженій, которыми характеризуется то или другое ученіе [28]). Чѣмъ же это объяснить? Здѣсь опять нельзя предположить заимствованія двумя авторами у третьяго—Епифаніемъ и Филастріемъ у псевдо-Тертулліана. Въ иныхъ мѣстахъ Епифаній и Филастрій, близкіе между собой, удаляются отъ псевдо-Тертулліана; въ иныхъ мѣстахъ Епифаній представляется болѣе близкимъ къ псевдо-Тертулліану, въ другихъ Филастрій. Иногда Епифаній и Филастрій, руководствуясь общимъ источникомъ, сообщаютъ такія свѣдѣнія, какихъ нѣтъ у псевдо-Тертуллиана. Вообще въ описаніи тѣхъ ересей, въ которыхъ три помянутые автора наиболѣе сближаются между собою, Филастрій и псевдо-Тертулліанъ излагаютъ дѣло коротко, а Епифаній гораздо пространнѣе: у него по мѣстамъ совмѣщаются тѣ черты, которыя у Филастрія и псевдо-Тертулліана являются раздѣльно. Липсіусъ тщательнѣйшимъ образомъ шагъ за шагомъ провѣрилъ всѣ указанныя комбинаціи

---

[27]) См. сравнительную таблицу ересеологическихъ описаній (Иринея, псевдо-Тертулліана, Епифанія, Филастрія, псевдо-Оригена, т.-е. философуменовъ и Θеодорита) и объясненія къ ней въ 1-й главѣ Quellenkritik Липсіуса.

[28]) Такихъ мѣстъ въ параллели много приведено въ книгѣ Липсіуса. См. напр., стр. 105, 109—110, 115, 173, 189, 196, 209, 211, 243.

по писаніямъ Епифанія, Филастрія и псевдо-Тертулліана [29]), и пришелъ на основаніи этого сличенія къ такому заключенію, что три помянутые писателя имѣли подъ руками общій источникъ, которымъ пользовались совершенно свободно и независимо другъ отъ друга [30]). Епифаній распространялъ этотъ источникъ, присоединяя къ нему свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ и свои собственныя соображенія, а Филастрій и псевдо-Тертулліанъ большею частью сокращали его, и опять каждый по своему.

Какой же этотъ источникъ? Принимая во вниманіе: 1) указанные выше признаки сходства между сочиненіемъ псевдо-Тертулліана и синтагмою Ипполита, о которой говоритъ Фотій; 2) то обстоятельство, что близость между Епифаніемъ, Филастріемъ и псевдо-Тертулліаномъ преимущественно представляется въ описаніи тѣхъ ересей, которые ближе подходятъ ко времени жизни Ипполита (къ концу II и началу III столѣтія) и къ мѣсту служенія его (къ Риму), и противъ которыхъ Ипполитъ писалъ и частныя полемическія сочиненія [31]), естественно вывести такое заключеніе, что общимъ источникомъ Епифанія, Филастрія и псевдо-Тертулліана была именно синтагма Ипполитова, о которой говоритъ Фотій. Выводъ этотъ представляется весьма важнымъ для всей древней ересеологіи въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) Имъ возстановляется на основаніяхъ довольно твердыхъ содержаніе древняго, не дошедшаго до насъ, ересеологическаго памятника—синтагмы Ипполитовой. Содержаніемъ этимъ принимаются тѣ общія данныя о ересяхъ первыхъ вѣковъ, въ которыхъ Епифаній, Филастрій и псевдо-Тертулліанъ сходятся между собою (помимо ихъ общихъ заимствованій у Иринея). Такимъ образомъ какъ бы открывается новый источникъ для исторіи древнихъ ересей. 2) Уясняется

---

[29]) Отдѣльныхъ примѣровъ не приводимъ: ихъ множество разсѣяно по всей книгѣ Липсіуса.

[30]) См. общіе выводы Липсіуса, на стр. 29, 35, 43; срав. Гарнака, стр. 217.

[31]) Сравни предшествующей главы нашего изслѣдованія примѣчаніе 82 и текстъ при немъ, и настоящей примѣч. 24, 27.

значеніе другаго ересеологическаго памятника, давно всѣмъ извѣстнаго, но представлявшагося доселѣ по своему происхожденію и по своимъ сообщеніямъ довольно сомнительнымъ— такъ-называемаго libellus pseudo-Tertulliani. Памятникъ этотъ хотя оказывается и несамостоятельнымъ произведеніемъ, по крайней мѣрѣ ближайшею передѣлкою древнѣйшаго произведенія, принадлежавшаго извѣстному ересеологу. 3) Многія свѣдѣнія изъ исторіи ересей первыхъ двухъ вѣковъ, представляемыя Епифаніемъ и Филастріемъ, относительно происхожденія которыхъ доселѣ недоумѣвали, и въ достовѣрности которыхъ иные поэтому сомнѣвались, получаютъ твердое значеніе, какъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ древнѣйшаго и ближайшаго къ описываемымъ сектамъ источника. 4) Разъясняется доселѣ путанный вопросъ о взаимномъ отношеніи ересеологическихъ писаній Епифанія и Филастрія [32]).

---

[32]) Изложивъ здѣсь результаты сравненія ересеологическихъ писаній Епифанія, Филастрія и псевдо-Тертулліана и гипотезу объ отношеніи ихъ къ утраченной синтагмѣ Ипполита по изслѣдованіямъ Липсіуса и Гарнака, мы, при всемъ уваженіи къ этимъ замѣчательнымъ изслѣдованіямъ, соглашаясь съ ними въ главныхъ положеніяхъ, считаемъ нужнымъ присоединить свое особенное мнѣніе по одному изъ частныхъ вопросовъ относящихся къ разсматриваемому дѣлу. Липсіусъ и Гарнакъ, основываясь на сходныхъ мѣстахъ означенныхъ трехъ ересеологическихъ памятниковъ, приходятъ къ тому заключенію, что всѣ они (въ указанныхъ мѣстахъ)—передѣлка утраченной синтагмы Ипполитовой—передѣлка у псевдо-Тертулліана и Филастрія сокращенная, у Епифанія распространенная. Мы также признаемъ, что Епифаній, Филастрій и псевдо-Тертулліанъ руководствовались въ своихъ произведеніяхъ писаніями Ипполита, — но думаемъ, что не однимъ и тѣмъ же, а двумя писаніями—именно Филастрій и псевдо-Тертулліанъ тѣмъ краткимъ описаніемъ тридцати двухъ ересей—βιβλιδάριον — σύνταγμα, о которомъ говорилъ Фотій, а Епифаній особеннымъ сочиненіемъ того же Ипполита, въ которомъ заключалось болѣе обширное описаніе и опроверженіе сектъ преимущественно современныхъ Ипполиту и главнымъ образомъ распространявшихъ свое вліяніе въ римской церкви. (См. предшествовавшей главы нашего изслѣдованія примѣчанія 17. 64, 76). Такому предположенію не противорѣчитъ сходство Епифаніевскихъ описаній съ описаніями Филастрія и псевдо-Тертулліана, сходство въ иныхъ мѣстахъ представляющееся въ самыхъ выраженіяхъ. Одному и тому же писателю при описаніи однихъ и тѣмъ же ересей естественно было и въ различныхъ сочиненіяхъ употреблять по мѣстамъ одинаковыя мысли и выраженія. Такое напр. сходство пред-

Намъ остается сказать еще объ одномъ и самомъ важномъ сочиненіи Ипполита, которое уже пріобрѣло себѣ большое значеніе въ современныхъ ересеологическихъ изслѣдованіяхъ, и надо полагать—пріобрѣтетъ еще большее значеніе въ будущемъ—о такъ-называемыхъ *Философуменахъ*.

Въ 1842 году ученый Грекъ Минонда Мина, по порученію французскаго правительства осматривавшій библіотеки восточ-

---

ставляется въ нѣсколькихъ мѣстахъ при сравненіи Ипполитова трактата противъ Ноэта съ IX и X книгами философуменовъ. Такое сходство тѣмъ болѣе могло быть между синтагмою Ипполита, которою пользовались Филастрій и псевдо-Тертулліанъ, и тѣмъ его сочиненіемъ, которымъ пользовался Епифаній; сочиненія эти вѣроятно писаны были въ недалекое одно отъ другаго время. Между тѣмъ при нашемъ предположеніи лучше объясняется то, что̀ у Епифанія (во 2-й книгѣ *Панарія*) при сходствѣ еретическихъ характеристикъ съ характеристиками Филастрія и псевдо-Тертулліана, представляются однакоже и значительныя разности съ ними какъ въ числѣ описываемыхъ ересей (у Епифанія нѣтъ многихъ мелкихъ сектъ описываемыхъ у Филастрія и псевдо-Тертулліана), такъ и въ самомъ порядкѣ этихъ описаній (сравни предшествовавшую главу примѣчанія 61, 64). Нашимъ предположеніемъ лучше объясняется также и то, почему у Епифанія описанія гораздо обширнѣе—несравненно обширнѣе, чѣмъ у Филастрія и псевдо-Тертулліана. Это конечно можно объяснить и тѣмъ, что Филастрій и псевдо-Тертулліанъ слишкомъ сокращали свой источникъ, который однакожъ у нихъ могъ быть и тотъ же, что у Епифанія; но такое объясненіе можетъ годиться развѣ только за недостаткомъ всякаго другаго. Съ другой стороны трудно предположить и то, чтобы такія большія описанія, какія Епифаній извлекъ изъ своего первоисточника (напр. въ главѣ о Ноэтіанахъ, Ѳеодотіанахъ, Алогахъ) могли входить, и какъ малая лишь часть, въ такое сочиненіе, которое Фотій называетъ маленькою книжкою—βιβλιδάριον. Естественнѣе предположить, что такія описанія взяты изъ сочиненія Ипполитова же, но не изъ того краткаго, изъ котораго Филастрій и псевдо-Тертулліанъ брали свои краткія описанія ересей, а изъ другаго болѣе обширнаго, въ которомъ ереси извѣстнаго періода разсматривались гораздо подробнѣе. При нашемъ предположеніи лучше объясняется и тотъ издавно занимавшій ученыхъ вопросъ, къ какому изъ общихъ сочиненій Ипполита нужно отнести трактатъ противъ Ноэта. Что этотъ трактатъ не есть самостоятельное цѣлое, а часть другаго большаго сочиненія, въ которомъ, кромѣ Ноэтіанства разсматривались и другія ереси, на это, какъ мы уже говорили (5-й главы примѣч. 17), есть доказательства въ самомъ трактатѣ. Но что этотъ трактатъ не принадлежитъ ни къ философуменамъ, какъ предположилъ преосвящ. Филаретъ черниговскій, ни къ описанному Фотіемъ краткому сочиненію о тридцати двухъ ересяхъ, это также не трудно доказать. Гораздо естественнѣе предположить, что этотъ трактатъ принадлежитъ къ тому особенному сочиненію Ипполита, которымъ

ныхъ монастырей, нашелъ на Аѳонѣ старую рукопись XIV вѣка, въ которой находилось обширное и древнее сочиненіе о ересяхъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства — подъ заглавіемъ: «Философскія мнѣнія или Обличеніе на всѣ ереси» [33]).

пользовался Епифаній, и которое у Геласія названо: Memoria haeresium. Можетъ быть, къ этому же сочиненію принадлежатъ и тѣ отрывки изъ обличенія Артемонитовъ, которые приводитъ Евсевій, и о содержаніи которыхъ упоминаетъ Ѳеодоритъ, называя сочиненіе, изъ котораго они извлечены, Малымъ Лабиринтомъ (срав. 5-й главы примѣч. 46). Можетъ быть, это сочиненіе, а не βιβλιδάριον и не Φιλοσοφούμενα упоминается и у Георгія Синкелла (см. примѣч. 1) подъ заглавіемъ Πρὸς Μαρκίωνα καὶ τὰς λοιπὰς αἱρέσεις. (О томъ, что Епифаній и свѣдѣнія о Маркіонитствѣ заимствовалъ у Ипполита, мы также высказывали догадку въ концѣ 5-й главы при примѣч. 91). Всѣ эти соображенія въ существѣ дѣла не измѣняютъ главныхъ положеній о содержаніи Ипполитовой синтагмы, представленныхъ нами въ текстѣ и не противорѣчатъ результатамъ, добытымъ изслѣдованіями Липсіуса и Гарнака, а только дополняютъ ихъ... Мы далеки и отъ того, чтобы приписывать себѣ честь перваго заявленія этой догадки о существованіи у Ипполита, кромѣ Βιβλιδάριον и Φιλοσοφούμενα, еще *особеннаго* сочиненія о ересяхъ конца II вѣка. Какъ мы уже упоминали въ предшествовавшей главѣ (примѣч. 17), эту догадку первый высказалъ Фолькмаръ (s. 125), но совершенно голословно мимоходомъ, безъ всякаго раскрытія и доказательства. Гарнакъ видимо придавалъ серьезное значеніе этой гипотезѣ, но также сказавши по поводу ея лишь нѣсколько словъ, уклонился отъ обстоятельнаго раскрытія ея съ оговоркою, что это повлекло бы очень далеко (s. 183—184). Мы разширяемъ гипотезу Фолькмара и Гарнака, предполагая, что означенное сочиненіе Ипполитово заключало въ себѣ опроверженіе не однихъ монархіанскихъ ересей, но и другихъ сектъ во времена Ипполита преимущественно распространявшихся въ Римѣ и противъ которыхъ Ипполитъ прежде писалъ отдѣльныя полемическія сочиненія, начиная можетъ быть съ секты Маркіона и кончая трактатомъ противъ Ноэта. Приведенныя выше соображенія, даютъ намъ кажется, довольно твердыя основанія для такой гипотезы. Но при всемъ томъ эта гипотеза въ настоящее время конечно можетъ представляться не болѣе, какъ только гипотезою. (Поэтому мы и оставляемъ ее здѣсь въ примѣчаніяхъ, не внося въ самый текстъ изслѣдованія). Думаемъ однакоже, что эта гипотеза не останется безплодною для дальнѣйшаго развитія ереесологіи, и что ее нужно имѣть въ виду, преимущественно при изслѣдованіи объ источникахъ и историческомъ значеніи ереесологическихъ показаній Епифанія.

[33]) Φιλοσοφούμενα ἢ κατὰ πασῶν αἱρεσεων Ἔλεγχος.—Philosophumena sive omnium Haeresium Refutatio. Ради краткости и отличія отъ Иринеевскаго Ἔλεγχος это сочиненіе называется просто философумена, хотя это названіе относится собственно только къ первой книгѣ этого сочиненія. У Миня оно помѣщено въ XVI томѣ Patrologiae graecae по

Изъ этого сочиненія до новѣйшаго времени извѣстна была одна часть—первая книга, содержащая въ себѣ обозрѣніе мнѣній греческихъ философовъ (Φιλοσοφουμενα) о природѣ вещей и происхожденіи міра. Это обозрѣніе учеными XVII и XVIII вѣка большею частію приписывалось Оригену и печаталось вмѣстѣ съ сочиненіями Оригена [34]). Что оно не представляло собою полнаго цѣлаго, а только часть неизвѣстнаго большаго сочиненія, имѣвшаго главнымъ предметомъ обличеніе ересей,—это видно было изъ начала и конца этого обозрѣнія. Начиналось оно такими словами: «вотъ что находится въ этой первой книгѣ обличенія на всѣ ереси [35]). Въ концѣ же обозрѣнія авторъ говоритъ, что представленное имъ изложеніе мнѣній древнихъ философовъ есть введеніе къ обширному обличенію еретическихъ ученій, которыя онъ предполагаетъ разсмотрѣть въ связи съ древними философскими ученіями [36]). Такимъ образомъ это обозрѣніе само собою должно было предрасполагать знающихъ ученыхъ къ ожиданію открытія большаго сочиненія противъ ересей: но это ожиданіе до новѣйшаго времени оставалось неосуществленнымъ, и наконецъ исполнилось съ открытіемъ Миноиды Мины.

Въ 1851 году ученый библіотекарь парижской королевской библіотеки Эммануилъ Миллеръ издалъ въ Оксфордѣ рукопись,

---

изданію Миллера, съ присоединеніемъ впрочемъ нѣкоторыхъ примѣчаній и изъ позднѣйшаго изданія Дункера и изъ изслѣдованій Бунзена, и съ предисловіями Миллера и Дункера, гдѣ излагается между прочимъ и исторія открытія этого произведенія, и описывается съ внѣшней стороны рукописный кодексъ, въ которомъ оно сдѣлалось извѣстнымъ.

[34]) Напр. въ изданіяхъ Гроновія и Де-ла-Рю (послѣднее перепечатано у Миня), хотя впрочемъ послѣдній издатель вмѣстѣ съ Гуэціемъ извѣстнымъ ученымъ изслѣдователемъ писаній Оригеновыхъ сомнѣвался въ принадлежности этого сочиненія Оригену. Кромѣ Оригена, это сочиненіе приписывалось иными учеными Іустину философу, Иринею, и Епифанію, Аэцію, Дидиму александрійскому, нѣкоторыми и Ипполиту, но послѣднее мнѣніе, какъ видно, не было достаточно развито и не получило большаго хода (*см. предисловіе Миллера*).

[35]) Τὰδε ἔνεστιν ἐν τῇ πρώτῃ τοῦ κατὰ πασῶν αἱρέσεων ἐλέγχου.

[36]) Τὰς μεν οὖν τῶν καθ' Ἕλληνας φιλοσοφεῖν ἐπικεχειρηκότων δόξας ἱκανῶς ἐκτεθεῖσθαι νόμιξω, παρ ὧν τὰς ἀφορμὰς λαβόντες οἱ αἱρετικοὶ τα μετ' ου πολὺ ῥηθησόμενα ἐπιχείρησαν.

открытую Миной, и содержаніе ея, сдѣлавшееся извѣстнымъ ученому міру, въ высшей степени обратило на себя вниманіе знатоковъ древней христіанской письменности. Все это сочиненіе оказалось состоящимъ изъ десяти книгъ. Въ первыхъ четырехъ книгахъ авторъ предположилъ разсмотрѣть мнѣнія греческихъ философовъ и преданія древней языческой магіи и астрологіи, бывшія, по его мнѣнію, источниками для образованія ересей въ христіанскомъ мірѣ. Но изъ этихъ четырехъ книгъ сохранились только первая въ полномъ видѣ и четвертая безъ начала: вторая и третья доселѣ не найдены [37]). Въ пяти слѣдующихъ книгахъ авторъ разсматриваетъ самыя еретическія ученія, начиная съ древнѣйшихъ полуязыческихъ Наассеновъ иЕратовъ, и оканчивая сектою Каллистіанъ, которую онъ разсматриваетъ какъ особую отрасль Ноэтіанства, ближайшую, современную ему, противъ которой онъ лично боролся въ Римѣ многіе годы, и сектою Элказаитовъ, также въ первый разъ появившеюся въ Римѣ съ востока въ его время. Іудейское происхожденіе этой послѣдней секты даетъ ему поводъ сказать еще о состояніи іудейства въ позднѣйшее время и наиболѣе замѣчательныхъ развившихся въ немъ сектахъ — Эссеяхъ, Фарисеяхъ и Саддукеяхъ. Десятая книга представляетъ сокращеніе предшествующихъ: въ ней авторъ повторяетъ сущность разсмотрѣнныхъ философскихъ и еретическихъ ученій, впрочемъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ показаніяхъ и въ порядкѣ размѣщенія разсматриваемыхъ лжеученій [38]). Въ заключеніе всего сочиненія, въ противополож-

---

[37]) Въ текстѣ сохранившихся частей сочиненія есть также пропуски и неясности.

[38]) Напр. ересь Іустина въ V книгѣ философуменовъ поставляется прежде Симона Мага, Валентина и Василида, а въ X послѣ, — ереси Докетовъ, Моноима и Татіана въ VIII книгѣ послѣ маркіонитства и его отраслей, и въ X прежде,—ересь Гермогена въ VIII книгѣ прежде Четыредесятниковъ, Монтанистовъ и Ноэтіанъ, а въ X въ числѣ самыхъ послѣднихъ ересей между Каллистіанами и Елкезаитами. По внутреннему смыслу дѣла представляется особенно значительная разница въ отзывахъ автора объ ученіи Маркіона. Въ VIII книгѣ гл. 29 говорится, что Маркіонъ принималъ два начала вселенной — доброе и

ность описаннымъ лжеученіямъ, авторъ излагаетъ сущность истиннаго христіанскаго ученія (ἀπόδειξις τῆς ἀληθείας [39]). Особенность, съ какою авторъ описываетъ еретическія ученія, состоитъ въ томъ, что онъ старается разсматривать каждое ученіе не столько въ его частныхъ пунктахъ, сколько въ основныхъ принципахъ и въ связи съ древними философскими, миѳологическими и астрологическими представленіями. При этомъ авторъ приводитъ множество извлеченій какъ изъ апокрифическихъ писаній еретиковъ, такъ и изъ сочиненій древнихъ философовъ, поэтовъ и т. д. [40]). Авторъ приводитъ не только еретическія сочиненія, бывшія доселѣ неизвѣстными [41]), но и выдержки изъ древнихъ философовъ, которыхъ нельзя найдти въ сохранившихся до насъ ихъ сочиненіяхъ [42]). Мало того авторъ описываетъ цѣлыя секты, о которыхъ доселѣ наука не имѣла ни малѣйшаго понятія, а ученія другихъ сектантовъ представляетъ въ новомъ свѣтѣ—совсѣмъ не такъ, какъ представлялись онѣ по показаніямъ другихъ ересеологовъ [43]). Все это должно было въ высшей степени заинтере-

---

злое (ἀγαθὸν καὶ πονηρὸν), а въ X кн. 19 гл., что онъ признавалъ три начала—доброе, справедливое и матерію, (ἀγαθὸν, δίκαιον, ὕλην), а нѣкоторые изъ его учениковъ прибавляли четвертое—злое (πονηρὸν).

[39]) Кн. X гл. 32—34.

[40]) Въ философуменахъ—множество отрывковъ изъ Гезіода, Гомера, Арата, Пиндара, Анакреона, Еврипида, — изъ Ксенофонта, Парменида, Эмпедокла, Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля,—изъ Гиппократа, Аппіона, Плутарха, Секста Емпирика,—изъ Сивиллиныхъ предвѣщаній, Елевзинскихъ изреченій и т. д. См. къ философуменамъ index locorum ex scriptis profanis—Migne T. XVI p. 3439—3460.

[41]) Сюда относятся напр. апокрифическая книга Варуха у еретика Іустина (кн. V, 26, 27), Ἀποφασις μεγαλη—у Симоніанъ (VI, 11 — 18), Παράδοσις Ζὴθ—у Сеѳіанъ (V, 19 — 21), Βιβλος Ἠλχασαὶ—у Элкезаитовъ (IX, 16—17), отрывки изъ писаній Наассеновъ, Ператовъ, Докетовъ, Василидіанъ, Моноима, Препона и т. д.

[42]) Указываютъ на такіе отрывки изъ Эмпедокла при изложеніи Маркіонова ученія въ VII книгѣ *философуменовъ*, изъ Гераклита при изложеніи Ноэтіанства въ IX книгѣ. Ср. статью Якоби у Герцога. Т. VI. стр. 137.

[43]) Ученіе еретика Юстина здѣсь представляются совершенно въ первый разъ, ученія Моноима, Гермогена, Элкезаитовъ хотя были нѣсколько извѣстны и прежде главнымъ образомъ по сообщеніямъ писателей, черпавшихъ свои свѣдѣнія у того же Ипполита, но здѣсь пред-

совать вниманіе ученыхъ. Къ этому въ ново-открытомъ сочиненіи представились стороны, имѣющія близкое отношеніе къ другимъ важнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ церковно-исторической литературѣ новѣйшаго времени: представились новыя важныя подтвержденія для признанія подлинности евангелія Іоанна Богослова, уже твердо державшейся въ церкви во II вѣкѣ [44]); представились поясненія къ нѣкоторымъ темнымъ мѣстамъ Иринеева сочиненія о ересяхъ, и новые неизвѣстные доселѣ отрывки изъ утраченнаго греческаго текста этого сочиненія [45]). По всѣмъ этимъ сторонамъ дѣла новооткрытымъ *философуменамъ* сразу дано было важное мѣсто въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древнѣйшей христіанской письменности, и открытіе этого произведенія признано однимъ изъ счастливѣйшихъ библіографическихъ открытій новѣйшаго времени [46]).

Съ особенною живостію въ первые годы послѣ изданія *Философуменовъ* возбужденъ былъ между ученымн вопросъ о томъ, кого изъ древнихъ писателей нужно считать авторомъ новооткрытаго произведенія. Миллеръ, первый издатель философуменовъ, по примѣру прежнихъ издателей помѣщавшихъ первую доселѣ извѣстную книгу этого сочиненія между писаніями Оригена, издалъ и все новооткрытое сочиненіе подъ именемъ Оригена [47]). Затѣмъ еще нѣкоторые ученые выска-

---

ставляются о нихъ новыя свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ,—секты Наассеновъ, Ператовъ, Сеѳіанъ, Докетовъ представляются совершенно въ новомъ свѣтѣ, ученіе Василида излагается совсѣмъ иначе, чѣмъ у другихъ ересеологовъ, не мало новаго въ ученіи Симоніанъ, есть особенности и при изложеніи ученій Валентиновой и Маркіоновой школы, и вообще не мало новаго и своеобразнаго при описаніи почти всякой секты.

[44]) На эту важную сторону въ философуменахъ мы уже указывали въ предшествовавшей главѣ—*примѣчанія 77, 78.*

[45]) Извлеченія изъ Иринея преимущественно въ VI и VII книгахъ *философуменовъ. См. въ примѣчаніяхъ у издателей.*

[46]) Какое впечатлѣніе на ученыхъ произвело открытіе философуменовъ, можно судить по тому восторженному тону, съ какимъ Бунзенъ начинаетъ свое изслѣдованіе объ Ипполитѣ и философуменахъ. Hippolytus 13. 1. S. 1—2.

[47]) См. предисловіе Миллера въ отдѣльномъ изданіи и у Миня T. XVI. pag. 3010—3011.

зались въ пользу того мнѣнія, что это сочиненіе нужно приписать Оригену [48]). Но если уже издавна, когда извѣстна была только первая книга Философуменовъ, болѣе проницательные ученые затруднялись признать ее произведеніемъ Оригена: то тѣмъ болѣе теперь, послѣ обнародованія остальныхъ частей сочиненія, открылись въ содержаніи его такія данныя, которыя никакъ не позволяютъ признать это сочиненіе Оригеновымъ [49]). Съ Оригеномъ у автора означеннаго сочиненія могло представляться на видъ одно существенное сходство — обширная ученость, преимущественно обширное знаніе греческой философіи и литературы. Но самый характеръ и направленіе этой учености представляются въ Философуменахъ съ иными оттѣнками, чѣмъ у Оригена. У Оригена едва ли могло быть такое суровое отношеніе къ греческимъ философскимъ системамъ, какое высказывается въ Философуменахъ [50]). Въ богословскихъ воззрѣніяхъ автора филосо-

---

[48]) Напр. извѣстный Ленорманъ Le Correspondant. Paris T. 31 p. 504—550. Срав. Деллингера Hippolytus ss. 268—269.

[49]) Противъ предположенія объ Оригенѣ, какъ авторѣ Философуменовъ, немедленно по напечатаніи этого сочиненія высказались Бунзенъ, Якоби, Дункеръ и нѣкоторые изъ англійскихъ ученыхъ (см. Bunzen B. I. ss. 239—242). Бунзенъ даже ставилъ въ упрекъ всей ученой корпораціи Оксфордскаго университета то, что подъ его фирмою замѣчательное произведеніе Ипполита издано подъ именемъ Оригена, и совѣтовалъ университету скорѣе загладить эту ошибку болѣе исправнымъ изданіемъ *Философуменовъ*, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Ипполита, подъ настоящимъ именемъ автора (стр. 242).

[50]) Общій приговоръ о древнихъ философскихъ ученіяхъ въ концѣ первой книги Философуменовъ высказывается такой: „Всѣ они, вращаясь ниже божественнаго, занимались существомъ сотворенныхъ вещей, почитая ихъ за божество, Бога же всего и создателя не познали“. Впрочемъ строгость сужденій о философскихъ мнѣніяхъ у автора Философуменовъ вызывается не столько сущностью ихъ самихъ, сколько тѣмъ, что они послужили источниками для образованія различныхъ ересей въ христіанствѣ. Сами по себѣ философскія ученія, по сужденію автора, гораздо выше произшедшихъ отъ нихъ еретическихъ ученій „древнѣе и почтеннѣе по отношенію къ божественному“,—но основатели ересей пользовались философскими ученіями, обращая ихъ къ худшему (*см. предисловіе*). Это конечно взглядъ еще не крайній; онъ далекъ отъ мнѣнія тѣхъ современныхъ Ипполиту христіанъ, которые прямо считали философію произведеніемъ демоновъ (какъ напр. Тер-

фуменовъ, напр. въ ученіи о Св. Троицѣ, при нѣкоторомъ сходствѣ съ воззрѣніями александрійской школы, представляются также и значительныя разности съ ученіемъ Оригеновымъ [51]). Вообще что касается до воззрѣній автора философуменовъ, въ нихъ нельзя не признать твердости и самостоятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ далеко не находятъ широты и глубины геніальнаго ума Оригенова [52]). Еще болѣе очевидныя противорѣчія съ извѣстными историческими данными объ Оригенѣ представляютъ біографическія данныя, открывающіяся въ философуменахъ. Авторъ философуменовъ былъ епископомъ: онъ самъ называетъ себя преемникомъ апостольскаго служенія, участникомъ благодати первосвященства, и самое обличеніе ересей признаетъ своею непосредственною обязанностью, какъ стража церкви [53]). Оригенъ же, извѣстно, не былъ епископомъ. Мѣстомъ жизни и служенія автора философуменовъ была римская церковь: это видно не только изъ того, что онъ съ особеннымъ вниманіемъ описываетъ секты, распространявшіяся въ концѣ II и началѣ III вѣка въ римской церкви, но и изъ того, что онъ прямо говоритъ о своемъ большомъ вліяніи въ римскомъ клирѣ при папѣ Зефиринѣ, и о своей непосредственной борьбѣ съ папою Каллистомъ [54]). Объ Оригенѣ извѣстно, что онъ былъ въ Римѣ при папѣ Зефиринѣ на очень короткое время [55]), но никакихъ непосредственныхъ столкновеній съ папою Каллистомъ не имѣлъ. Этихъ данныхъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы предположеніе объ Оригенѣ, какъ авторѣ философуме-

---

тулліанъ). Но тѣмъ не менѣе онъ далекъ и отъ того высокаго мнѣнія о философіи, какое высказывали александрійскіе учители, производившіе философію изъ источника божественнаго, и называвшіе ее путеводительницею къ Божеству.

[51]) Объ этомъ у Бунзена B. I. Ss. 218—220.

[52]) См. Деллингера стр. 258, Якоби у Герцога T. VI стр. 135.

[53]) См. 4-й главы примѣч. 16.

[54]) 4-й главы примѣч. 41.

[55]) Евсевія кн. VI гл. XIV.

новъ, было оставлено, какъ скоро ученые ознакомились съ характеромъ и содержаніемъ этого сочиненія [56]).

Изъ римскихъ ученыхъ конца II и начала III вѣка извѣстны преимущественно два — Кай и Ипполитъ. На нихъ главнымъ образомъ и должно было остановиться вниманіе ученыхъ при изслѣдованіи вопроса о томъ, кто былъ авторомъ Философуменовъ [57]).

---

[56]) Ученые, считавшіе философумена произведеніемъ Оригена, не обращали вниманіе на одно обстоятельство, которое могло быть приводимо, какъ самый сильный аргументъ въ пользу ихъ мнѣнія: *Философумена* не только во времена Фотія признавались нѣкоторыми за произведеніе Оригена,—но есть основанія предполагать, что и блаж. Ѳеодоритъ пользовался этимъ сочиненіемъ, считая его Оригеновымъ (*объ этомъ ниже*). Это обстоятельство однакоже не измѣняетъ сущности дѣла. Какъ существовавшее во времена блаж. Ѳеодорита мнѣніе о принадлежности Малаго Лабиринта Оригену не служитъ доказательствомъ того, что это произведеніе дѣйствительно написано Оригеномъ; какъ мнѣніе Фотія о томъ, что сочиненія περὶ παντὸς οὐσίας и λαβύρινθος написаны Каемъ, не могутъ быть твердымъ доказательствомъ дѣйствительной принадлежности этихъ произведеній Каю: точно также и тотъ фактъ, что философумена нѣкоторыми и въ V и въ IX вѣкѣ считались за произведеніе Оригена, самъ по себѣ еще ничего не доказываетъ. Какъ уже показано выше, вопросъ о личности и всей письменной дѣятельности Ипполита былъ запутанъ очень рано,—такъ что во всемъ, что касается того или другаго произведенія или того и другаго пункта письменной дѣятельности этого учителя церкви, нужно руководствоваться не такими или другими мнѣніями тѣхъ или другихъ, хотя бы и древнихъ, писателей, а самостоятельными изслѣдованіями, тщательнымъ сличеніемъ признаковъ извѣстнаго произведенія съ самыми первоначальными данными о жизни и письменной дѣятельности названнаго Учителя Церкви.

[57]) Предположенія нѣкоторыхъ прежнихъ ученыхъ, знавшихъ одну первую книгу философуменовъ, что авторомъ этого произведенія могъ быть кто-либо изъ писателей болѣе ранней эпохи, напр. св. Іустинъ или Иринеи сами собою должны были потерять всякій смыслъ, какъ скоро знакомство съ послѣдними книгами философуменовъ показало, что въ этомъ произведеніи описываются ереси позднѣйшія времени іустиновскаго и иринеевскаго. Равнымъ образомъ при знакомствѣ съ философуменами не могли уже имѣть мѣста и тѣ предположенія, что авторомъ этого произведенія былъ кто-либо изъ писателей IV вѣка—Епифаній, Аэцій или Дидимъ александрійскій: такъ какъ особенно въ IX книгѣ философуменовъ есть ясные признаки того, что авторъ жилъ въ первыя десятилѣтія III вѣка. Всѣ эти предположенія уже и не возобновлялись никѣмъ по обнародованіи содержанія философуменовъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ это произведеніе Миноида Мина. Изъ писателей конца II и начала III вѣка, кромѣ Кая и Ипполита, можно

Нашлись нѣкоторые, предположившіе авторомъ философуменовъ Кая. Это главнымъ образомъ Бауръ, извѣстный тюбингенскій церковный историкъ [58]). Значительныхъ основаній для этого предположенія—собственно говоря—не было никакихъ. О Каѣ, какъ мы уже сказали, нѣтъ извѣстій, чтобы онъ писалъ какія-нибудь другія сочиненія, кромѣ діалога съ Монтанистомъ Прокломъ [59]). Никто изъ древнихъ писателей не называетъ Кая въ числѣ значительныхъ ересеологовъ, писавшихъ сочиненія противъ всѣхъ ересей. Никто изъ древнихъ писателей не называетъ Кая епископомъ [60]). Кай едва ли и дожилъ до того времени, когда были писаны философумена: Кая древніе писатели называютъ современникомъ папъ Виктора и Зефирина, но чтобы онъ дожилъ до времени Каллиста и значительно пережилъ его, объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій [61]).

было остановиться еще на Тертулліанѣ. Но біографическія данныя представляющіяся въ философуменахъ и характеръ и содержаніе этого произведенія никакъ не мотли допустить того, чтобы авторомъ этого произведенія былъ признанъ Тертулліанъ. Тертулліанъ не былъ епископомъ; Тертулліанъ не писалъ своихъ сочиненій на греческомъ языкѣ; Тертулліанъ не владѣлъ такимъ обширнымъ знаніемъ греческой философіи и литературы, какое видно въ философуменахъ; Тертулліанъ—самъ монтанистъ—не могъ ставить монтанистовъ въ разрядъ сектантовъ (Философ. VIII, 19). Наконецъ о Тертулліанѣ, который былъ современникомъ папъ Елевѳерія, Виктора и Зефирина, нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы онъ дожилъ до времени Каллиста, имѣлъ личныя столкновенія съ этимъ папою, и даже пережилъ правленіе Каллиста.

[58]) Его статьи въ Theolog. Jahrbücher 1853, №№ I и IV и Liter. Centralblat 1854. S. 35; также Фесслера Tübing. Quartalschrift. 1852 г. S. 299. Мнѣніе о Каѣ, какъ авторѣ философуменовъ, высказывалось и въ англійской литературѣ (Bunsen. B. I., erste Nachschrift.). Разборъ основаній этого мнѣнія у Деллингера (стр. 2—6, 271 — 273) и Фолькмара (4 и 5 главы).

[59]) 5-й главы примѣч. 33, 36.

[60]) За исключеніемъ Фотія, какъ мы уже упоминали (глава V примѣчаніе 56). Но Фотій относительно Кая не близкій свидѣтель, и притомъ въ его извѣстіи о церковномъ положеніи Кая какая-то неопредѣленность и противорѣчіе.

[61]) Что Кай былъ современникомъ папы Зефирина, объ этомъ свидѣтельствуютъ и Евсевій (Histor. VI, 20), и Іеронимъ (De viris. LIX),—и за ними позднѣйшіе писатели—Фотій (Bibloth. Cod. XLVIII), Никифоръ Каллистъ (Hist. Eccles. Lib. IV cap. XX); но чтобы онъ дожилъ до времени Каллиста, объ этомъ никто не говоритъ, а авторъ философуменовъ несомнѣнно пережилъ Каллиста (4-я глава нашего изслѣдованія примѣч. 48).

Въ самомъ содержаніи Философуменовъ нѣтъ тѣхъ признаковъ, какихъ болѣе всего нужно было бы искать въ нихъ, предполагая Кая авторомъ этого сочиненія. Кай главнымъ образомъ извѣстенъ, какъ горячій противникъ монтанистовъ; конечно онъ обратилъ бы особенное вниманіе на эту секту въ Философуменахъ, еслибы писалъ ихъ. Но въ этомъ сочиненіи на монтанистовъ не обращается большаго вниманія; эта секта представляется не особенно значительною, и о ней говорится гораздо менѣе, чѣмъ о другихъ, распространявшихся въ то же время [62]). Кай извѣстенъ былъ своимъ рѣзкимъ мнѣніемъ объ Апокалипсисѣ; онъ считалъ эту книгу произведеніемъ еретика Керинѳа [63]). По всей вѣроятности онъ не преминулъ бы высказать это мнѣніе, описывая ересь Керинѳа — тѣмъ болѣе, что авторъ Философуменовъ вездѣ пользуется случаемъ говорить объ апокрифическихъ писаніяхъ еретиковъ. Но въ Философуменахъ мнѣніе объ Апокалипсисѣ, какъ апокрифѣ еретическомъ, нигдѣ не встрѣчается. При описаніи ереси Керинѳа, ничего не говорится о томъ, чтобы этотъ еретикъ составилъ какой-либо Апокалипсисъ [64]). Напротивъ, при описаніи секты Николаитовъ, авторъ ясно и безъ всякаго колебанія высказывается о томъ, что Апокалипсисъ, и именно извѣстный намъ Апокалипсисъ, въ которомъ обличаются заблужденія николаитскія, есть произведеніе богодухновенное, написанное Іоанномъ Богословомъ [65]). Судя по всему этому, кажется трудно было бы предполагать, чтобы какой-нибудь ученый сталъ считать авторомъ Философуменовъ Кая, тѣмъ болѣе такой авторитетный ученый, каковъ былъ Бауръ. Но съ одной стороны, какъ мы уже замѣтили въ предшествовавшей главѣ [66]), на Кая въ продолженіе нѣкотораго времени между учеными библіографами была какъ бы нѣкоторая мода:

---

[62]) Φιλοσοφούμενα кн. VIII гл. 19.
[63]) См. въ предшествовавшей главѣ о мнѣніяхъ Кая и Апокалипсисѣ.
[64]) Φιλοσοφούμενα кн. VII, гл. 33.
[65]) Φιλοσοφουμένα VII, 36, сравни Апокалипс. гл. II ст. 15, 20.
[66]) Примѣч. 36.

всякое почти вновь открываемое произведеніе конца II и начала III вѣка, котораго авторъ былъ неизвѣстенъ, приписывалось Каю. Въ этомъ для ученыхъ тѣмъ менѣе могло представляться затрудненій, чѣмъ менѣе о Каѣ въ исторіи находится опредѣленныхъ извѣстій: писателю, отъ котораго завѣдомо сохранилось лишь нѣсколько (менѣе двадцати) строкъ, повидимому можно приписать какія угодно новыя сочиненія, не опасаясь найдти имъ противорѣчія въ сочиненіяхъ этого писателя, бывшихъ прежде извѣстными. Затѣмъ на новыхъ ученыхъ, какъ мы также упоминали, въ этомъ отношеніи имѣлъ большое вліяніе авторитетъ стараго библіографа Фотія. Дѣлая въ своей Библіотекѣ замѣчанія о томъ манускриптѣ, въ которомъ находилось сочиненіе Περὶ παντὸς οὐσίας [67]), Фотій высказываетъ предположеніе, что это сочиненіе вѣроятно нужно приписать Каю, и вѣроятно тому же автору нужно приписать Λόγος κατὰ τῆς Ἀρτέμωνος αἱρέσεως (т.-е. такъ-называемый «Малый Лабиринтъ) и еще другое сочиненіе «Λαβυρινθος» (т.-е. наши философумены [68]), такъ какъ въ концѣ этого послѣдняго сочиненія есть ясное указаніе на то, что оно писано тѣмъ же авторомъ, какимъ и сочиненіе περὶ παντὸς οὐσίας [69]). Но самъ Фотій высказываетъ это предположеніе очень осторожно и нерѣшительно. Онъ говоритъ, что разсматриваемое имъ сочиненіе Περὶ παντὸς οὐσίας одни приписываютъ какому-то Іосифу, другіе—Іустину мученику, нѣкоторые—Иринею, равно какъ нѣкоторые и сочиненіе, называемое «Λαβύρινθος» приписываютъ Оригену [70]). Онъ говоритъ, что въ рукописи, въ которой онъ читалъ сочиненіе περὶ

---

[67]) Photii Bibliotheca cod. XLVIII.

[68]) См. 5-й главы примѣч. 37, 40, 46.

[69]) Αὐτὸς ἐν τῷ τέλει Λαβυρίνθου διεμαρτύρατο ἑαυτοῦ εἶναι τὸν περὶ τῆς τοῦ παντος οὐσιας Λόγον, Это свидѣтельство находится въ X книгѣ философуменовъ, 32 главѣ: εἰ φιλομαθησουσι καὶ τὰς τοὐτων οὐσίας καὶ τὰς αἰτίας τῆς κατὰ πάντα δημιουργίας Ἐπιζητήσουσιν, ἔισονται ἐντυχόντες ἡμῶν Βίβλῳ περιεχοὐσῃ Περὶ τῆς τοῦ παντος οὐσίας.

[70]) Ἀνεπιγράφου δὲ καταλειφθέντος τοῦ Λόγου φασὶ τοὺς μεν Ἰωσήπου ἐπιγράψαι, τοὺς δὲ Ἰουστίνου τοῦ μαρτύρος, ἄλλους δε Εἰρηναίου, ὡσπερ καὶ τον Λαβύρίνθον τίνες ἐπέγραψαν Ὠριγένους.

παντὸς стояло надписаніе какого-то Іосифа (Ἰωσήπου) [71]), но на поляхъ или въ примѣчаніяхъ онъ нашелъ приписку, что это сочиненіе принадлежитъ не Іосифу, а римскому пресвитеру Каю, который, говорятъ, составилъ и Лабиринтъ [72]). Фотій остановился на этомъ предположеніи потому, что никакого Іосифа между писателями конца II и начала III вѣка онъ не зналъ, а приписать названныя сочиненія Іустину, Иринею или Оригену, по ихъ содержанію и характеру, казалось ему несообразнымъ. Но въ настоящее время несомнѣнно признано, что сочиненіе περὶ αντὸς οὐσίας не принадлежитъ ни одному изъ тѣхъ писателей, которыхъ принималъ въ соображеніе Фотій, видимо затрудняясь, кому изъ нихъ приписать означенное сочиненіе, а принадлежитъ Ипполиту, котораго почему-то Фотій въ настоящемъ случаѣ опустилъ изъ вниманія. Заглавіе сочиненія περὶ παντὸς находится въ спискѣ сочиненій, надписанныхъ на памятникѣ Ипполита [73]). Мы имѣемъ отрывки изъ этого сочиненія, дошедшія до насъ въ древнихъ рукописяхъ съ именемъ Ипполита и помѣщаемые издателями между сочиненіями Ипполита [74]). Предполагать кромѣ этого Ипполитова сочиненія περὶ παντὸς другое подобное, написанное Каемъ, нѣтъ никакихъ основаній [75]). Такимъ образомъ какъ

---

[71]) Не ввела ли въ ошибку великаго библіографа неясность надписанія: не нужно ли было прочесть вмѣсто Ιωσηππου—Ιππολυτου?

[72]) Εὕρον δε ἐν παραγραφαῖς, ὅτι ουκ ἔστιν ὁ Λόγος Ἰωσήπου, ἀλλὰ Ταίου τινὸς πρεσβυτέρου ἐν Ρώμῃ διατρίβοντος, ὃν φασὶ συντάξαι καὶ τὸν Λαβύρινθον.

[73]) См. въ 1 примѣчаніи предшествовавшей главы надписаніе памятника: Χρόνικων πρὸς Ἕλληνας καὶ πρὸς Πλατώνα η περὶ του παντὸς. Въ объясненіе недоразумѣній Фотія нужно имѣть въ виду, что ему совершенно неизвѣстно было надписаніе памятника Ипполитова.

[74]) У Миня Patrol. Gr. T. X pag. 795—802.

[75]) Указываютъ на то, что въ самыхъ заглавіяхъ сочиненія читаннаго Фотіемъ и упоминаемаго въ надписаніи Ипполитова памятника, и дошедшаго до насъ въ отрывкѣ есть нѣкоторая разница: у Фотія это сочиненіе называется по преимуществу Περὶ τῆς τοῦ παντὸς οὐσίας, въ сохранившемся до насъ отрывкѣ Περὶ τῆς τοῦ παντος αἰτίας, а на памятникѣ просто—Περὶ παντὸς. Указываютъ затѣмъ на то, что самъ Фотій выражалъ сомнѣніе въ томъ, есть ли читанное имъ сочиненіе то самое, о которомъ упоминается ἐν τῷ τέλει Λαβυρίνθου, или иное (Εἰδ' ἕτερος Λογος καὶ οὗτος ἐστὶν, οὔπω μοι γέγονεν ἔυδηλον). Но все это не имѣетъ никакого значенія. Что касается до надписанія, то самъ же

Фотій, предположивъ Кая авторомъ сочиненія περὶ παντὸς οὐσίας сдѣлалъ заключеніе, что тому же автору должны принадлежать и сочиненіе противъ Артемонитовъ и такъ-называемый Лабиринтъ: такъ и мы, имѣя болѣе твердыя доказательства на то, что сочиненіе περὶ παντὸς написано Ипполитомъ, на основаніи одного этого можемъ заключить, что имъ же написаны и сочиненіе противъ Артемонитовъ т.-е. «Малый Лабиринтъ» и сочиненіе, называемое просто «Лабиринтъ» т.-е. Философумена. Такимъ образомъ разборъ самаго свидѣтельства Фотіева, при тѣхъ пособіяхъ, какія мы теперь имѣемъ, и какихъ не имѣлъ въ виду Фотій, самъ собою долженъ привести отъ предположенія Фотіева о Каѣ, какъ авторѣ «Лабиринта» къ признанію Ипполита авторомъ «Философуменовъ».

Это послѣднее предположеніе, что авторомъ Философуменовъ долженъ быть признанъ Ипполитъ, еще ранѣе Бауровыхъ предположеній о Каѣ, въ томъ же самомъ 1851 году, какъ

Фотій говоритъ, что читанное имъ сочиненіе Περὶ τοῦ παντος ἐν ἄλλοις ἐπιγραφόμενον Περὶ τῆς τοῦ παντος αἰτίας. ἐν ἄλλοις δὲ Περὶ τῆς τοῦ παντος οὐσίας. Что касается до содержанія означеннаго произведенія, какъ оно описывастся у Фотія, въ немъ представляются очень ясные признаки того, что это сочиненіе именно то самое, какое значится въ надписаніи памятника Ипполитова, о которомъ упоминается въ философуменахъ и которое мы знаемъ нѣсколько по дошедшему до насъ отрывку. Фотій говоритъ, что авторъ въ этомъ сочиненіи главнымъ образомъ полемизируетъ съ мнѣніями Платона (и въ надписаніи оно озаглавляется Πρὸς Πλατῶνα) и другихъ греческихъ мудрецовъ (и въ надписаніи πρὸς Ἕλληνας сравни Философ. X, 32),—что въ немъ между прочимъ доказывается древность іудейскаго народа сравнительно съ греческимъ (не поэтому ли и въ надписаніи сочиненіе называется между прочимъ Χρονικων? Сравни Философ. X, 30—31), что авторъ разсуждаетъ здѣсь о матеріи, о душѣ, и воскресеніи (не къ этой ли послѣдней части сочиненія относится дошедшій до насъ отрывокъ объ адѣ и загробной судьбѣ душъ?),—что авторъ, допуская вмѣстѣ съ греческими учителями строеніе человѣка изъ естественныхъ стихій—огня, земли и воды, указываетъ главную преимущественную часть его натуры въ душѣ или духѣ (πνεῦμα, ψυχὴ), дарованномъ отъ Бога (и это также совершенно согласно съ представленіями Ипполита, см. Философ. X, 32). Въ сохранившемся отрывкѣ, содержащемъ разсужденіе объ адѣ, представляется не только общій строй космогоническихъ разсужденій согласныхъ съ разсужденіями философуменовъ, но и встрѣчаются фразы буквально сходныя съ выраженіями философуменовъ. См. въ самой послѣдней главѣ *философуменовъ* мѣсто о Тартарѣ, отмѣченное у издателей по сходству съ отрывкомъ περὶ παντὸς.

только были напечатаны философумена, почти одновременно и совершенно независимо другъ отъ друга высказали — три извѣстные ученые—берлинскій профессоръ Якоби, геттингенскій Дункеръ и Бунзенъ [76]). Въ слѣдующіе годы мнѣніе объ Ипполитѣ, какъ авторѣ философуменовъ, подтверждено и раскрыто новыми изслѣдованіями Вордсворта, Гизелера, Деллингера, Фолькмара; и послѣ того это мнѣніе такъ твердо установилось, что уже никакихъ новыхъ попытокъ приписать философумена какому-либо другому автору не дѣлалось. Бунзенъ и Фолькмаръ, высказывая въ заключеніи своихъ изслѣдованій полнѣйшую увѣренность въ томъ, что вопросъ объ авторѣ философуменовъ не можетъ быть рѣшаемъ никакъ иначе, какъ въ смыслѣ признанія ихъ произведеніемъ Ипполита, высказали вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобы новое изданіе философуменовъ сдѣлано было прямо съ именемъ Ипполита [77]). Такое изданіе и было сдѣлано Дункеромъ въ 1859 г. [78]). Послѣ этого философумена почти у всѣхъ ученыхъ, во всѣхъ учебникахъ церковной исторіи и спеціальныхъ изслѣдованіяхъ называются обыкновенно произведеніемъ Ипполита, описываемыя въ нихъ событія личной жизни автора приписываются Ипполиту, и выдержки изъ этого сочиненія приводятся подъ именемъ Ипполита [79]).

---

[76]) Указаніе изслѣдованій этихъ ученыхъ и ниже именуемыхъ—Вордсворта, Гизелера, Деллингера, Фолькмара въ 1 примѣчаніи четвертой главы. Кромѣ того см. Гарнака Quellenkritik, стр. 170 и дал. и Овербека Quaestiones Hippoliteanae Iena 1864 г.

[77]) Bunsen B. I, Ss. 213, 242, Volkmar S. 101.

[78]) S. Hippolyti episcopi et martyris Refutationis omnium haeresium librorum decem, quae supersunt. Recensuerunt, latine verterunt, notas adjecerunt L. Duncker et F. G. Schneidewin, Gottingae 1859.

[79]) См. церковныя исторіи болѣе новыя: Курца § 126, 2; Шаффа В. 1 § 125, Альцога § 75, В. 3; Пресансé Т. III, s. 267, Герцога, стр. 127 и т. д. Изъ новыхъ изслѣдователей впрочемъ Липсіусъ продолжаетъ высказывать еще нѣкоторыя сомнѣнія въ принадлежности философуменовъ Ипполиту (см. Quellenkritik d. Epiphanios Ss. 26, 70; Chronologie der Romischen Bischoffe s. 41. Die Quellen d. aeltest. Ketzergeschichte Ss. 118—124); онъ большею частію и приводитъ этотъ памятникъ подъ именемъ философуменовъ псевдо-Оригена, а не Ипполита: впрочемъ возраженія Липсіуса противъ мнѣнія объ Ипполитѣ — авторѣ философуме-

жительнаго значенія трудовъ Епифаніевскихъ. Указанные недостатки касаются главнымъ образомъ внѣшней стороны дѣла—изложенія, связи, и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самой передачи и освѣщенія фактовъ; зависятъ они большею частію отъ неискусства, отъ поспѣшности, отъ того что у автора, при широкой любознательности и многосторонних частныхъ свѣдѣніяхъ, недоставало твердаго общаго образованія, широты и глубины взглядовъ и т. д. Но при всемъ томъ нельзя опускать изъ вниманія главнымъ образомъ того, что сочиненія Епифанія представляютъ наукѣ самый обильный и разнообразный матеріалъ, собранный изъ древнѣйшихъ источниковъ не только дошедшихъ до насъ, но и большею частію не дошедшихъ, и кромѣ того дополненный личными наблюденіями и разслѣдованіями автора [79]), относящимися притомъ къ такимъ эпохамъ и сторонамъ древней сектантской исторіи, до которыхъ показанія другихъ древнѣйшихъ ересеологовъ не доходятъ.. Вотъ это то большею частію и опускается изъ вниманія западными писателями, когда имъ приходится говорить объ Епифаніѣ. Самый серьезный, самый добросовѣстный и тщательнѣйшій изъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ сочиненій Епифанія, оцѣниваетъ въ нихъ лишь ту часть, въ которой Епифаній является передатчикомъ свѣдѣній заимствованныхъ изъ Иринея, Ипполита и др. [80]), не придавая почти никакого значенія тѣмъ свѣдѣніямъ, въ которыхъ Епифаній является наиболѣе самостоятельнымъ. За тѣмъ у большой части новыхъ писателей къ произведеніямъ Епифанія образовалось крайне небрежное отношеніе, передающееся отъ одного къ другому какъ бы по преданію и едва ли провѣряемое основательнымъ знакомствомъ съ этими произведеніями. Говоря

---

[79]) Въ такомъ смыслѣ и дѣлается отзывъ о трудѣ Епифанія въ Библіотекѣ Фотія. Πάντων δὲ τῶν πρὸ αὐτοῦ κατὰ αἱρέσεων καταβεβληκότων πόνους πλανύτερος τε καὶ χρησιμώτερος, ὅτι ἅπερ τε Ἐκείνοις Ἐρρήθη τὸ χρήσιμον ἔχοντα, οὗτος οὐ παραλέλοιπε, καὶ εἴ τι προσεεξυρεῖν ἠδυνήθη, προσέθηκε.

[80]) Липсіусъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе „объ источникахъ Епифанія“ на 57 ереси Панарія.

о произведеніяхъ Епифанія, новые писатели большею частію указываютъ одни ихъ недостатки, не обращая вниманія на ихъ положительное значеніе для науки, — и недостатки эти представляются въ крайнемъ утрированномъ видѣ. Легковѣріе Епифанія представляется въ такой степени, какъ будто у него въ самомъ дѣлѣ не было никакого разбора въ передачѣ всякихъ недостовѣрныхъ извѣстій о еретикахъ, и какъ будто его сочиненія представляютъ лишь собраніе всякихъ баснословныхъ, невѣроятныхъ, ни на чемъ не основанныхъ извѣстій о нихъ. Предубѣжденіе Епифанія противъ описываемыхъ ересей представляется также въ такомъ видѣ, какъ будто онъ готовъ былъ взводить на еретиковъ все дурное безъ всякаго основанія [81]). Не довольствуясь признаніемъ за его сочиненіями такихъ недостатковъ, которые зависѣли отъ неискусства, отъ поспѣшности, пожалуй отъ неглубокаго образованія, отъ узкости и односторонности мысли, обвиняютъ его еще въ такихъ, которые можно объяснить только злонамѣренностью. Такія то обвиненія, на основаніи всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ [82]) о нравственномъ характерѣ Епифанія, свидѣтельствъ исходившихъ отъ людей не только сочувствовавшихъ, но и не особенно сочувствовавшихъ ему, безпристрастная наука должна отвергнуть, какъ недостойныя и несправедливыя. Епифанія прямо называютъ выдумщикомъ не только небывалыхъ фактовъ, но и цѣлыхъ сектъ, будто бы никогда

---

[81]) Вотъ напр. отзывъ объ Епифаніѣ въ церковной исторіи Шаффа § 301 стр. 1169: Es fehlte ihm am Welt und Menschenkenntniss, gesundem Urtheil und kritischer Unterscheidungsgabe. Er hatte eine grenzenlose fast sprüchwortlich gewordene Leichtgläubigkeit, welche die Ursache unzähliger Irrthumer und Wiederspruche in seinem Schriften ist. Мы указываемъ на Шаффа потому, что онъ вообще обстоятельный и наиболѣе мягкій историкъ, и у него все таки болѣе, чѣмъ у другихъ, обращается вниманія на труды Епифанія. У другихъ менѣе обстоятельности и не менѣе рѣзкости въ отношеніи къ Епифанію... Отзывы древнихъ писателей Фотія въ Библіотекѣ и Іеронима въ Каталогѣ церковныхъ писателей, при всей краткости, представляются намъ болѣе обстоятельными; они указываютъ и на недостатки изложенія и на положительное значеніе содержанія Епифаніевскихъ трудовъ.

[82]) См. выше примѣч. 38.

папской каѳедрѣ, и лишь предъ смертію примирившимся съ нею [85]). Ни къ кому изъ современныхъ Ипполиту писателей не подходятъ такъ близко біографическія данныя философуменовъ, какъ къ нему именно.

Сравненіе философуменовъ съ другими сочиненіями, принадлежащими св. Ипполиту, даетъ еще нѣсколько данныхъ для подкрѣпленія того мнѣнія, что и это новооткрытое произведеніе должно быть признано произведеніемъ св. Ипполита:

1) Св. Ипполиту издавна приписывался обличительный трактатъ противъ ереси Ноэта. Въ новооткрытомъ сочиненіи есть мѣста, сходныя и по мыслямъ, и по выраженіямъ съ нѣкоторыми мѣстами изъ сочиненія противъ Ноэта, или имѣющія къ нимъ близкое отношеніе, служащія поясненіемъ къ нимъ [86]).

---

[85]) Объ этомъ также подробно въ 4-й главѣ.

[86]) Такое сходство представляется преимущественно въ заключительной части трактата противъ Ноэта (гл. IX—XVIII) и заключительной части *философуменовъ* (кн. X, сар. 32—33). Здѣсь прежде всего нельзя не обратить вниманія на совершенно одинаковый въ томъ и другомъ сочиненіи пріемъ: послѣ опроверженія ереси представлять положительное раскрытіе христіанскаго ученія, которое у автора въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ и одинаковое названіе ἀπόδειξις τῆς ἀληθείας. Самый переходъ отъ полемической части къ положительной въ томъ и другомъ сочиненіи дѣлается почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: Ἐπειδὴ οὖν ἤδη ὁ Νόητος ἀνατέτραπται, ἔλθωμεν ἐπὶ τὴν τῆς ἀληθείας ἀπόδειξιν (въ трактатѣ противъ Ноэта). Τὸν λαβύρινθον τῶν αἱρεσέων διαῤῥήξαντες, προσιμεν ἐπὶ τὴν τῆς ἀληθείας ἀπόδειξιν (въ философуменахъ). Далѣе въ раскрытіи самаго ученія въ томъ и другомъ сочиненіи представляются мѣста очень сходныя не только по мысли, но и по выраженіямъ. Не желая затруднять типографію наборомъ обширныхъ греческихъ выписокъ, мы можемъ ограничиться здѣсь ссылкою на сопоставленія представленныя у Бунзена (B. 1. Ss. 183—189; срав. Фолькмара 140—141). Затѣмъ есть характерныя совпаденія въ другихъ мѣстахъ. Въ 11 и 12 главѣ IX книги философуменовъ авторъ разсказываетъ, что патрипассіанская партія, сливавшая въ одно лице Бога Отца и Бога Слово, называла его послѣдователей, различавшихъ лица св. Троицы, двубожниками: ἀπεκάλει ἡμᾶς διθέους... ὀνειδίζων ἡμῖν· διθέοι ἐστε (ср. 4-й главы примѣч. 42)... И далѣе: καὶ τοῦτο ἓν ὂν πρόσωπον μὴ δύνασθαι εἶναι δύο... Какъ бы въ отвѣтъ на эти упреки, Ипполитъ въ трактатѣ противъ Ноэта, раскрывая свое ученіе объ отношеніи Слова къ Отцу, оговаривается: ἕτερον δε λέγων οὐ δύο Θεοὺς λέγω, ἀλλ' ὡς φῶς ἐκ φωτὸς, ἢ ὡς ἀκτῖνα ἀπό ἡλίου. Δύναμις γαρ μία ἡ ἐκ παντὸς τὸ δὲ πᾶν Πατὴρ, ἐξ οὗ δύναμις Λόγος (сар. XI).

2) Въ сочиненіи объ Антихристѣ, издавна и безспорно всѣми приписываемомъ св. Ипполиту, есть также мѣсто, сходное по мысли и выраженію съ однимъ мѣстомъ изъ послѣдней книги философуменовъ [87]).

3) Въ X книгѣ философуменовъ авторъ ссылается на другое свое сочиненіе, написанное имъ прежде, Περὶ παντος οὐσίας. О томъ, что эти два сочиненія издавна признавались принадлежащими одному и тому же автору, свидѣтельствуетъ также и Фотій, считавшій впрочемъ этимъ авторомъ Кая. Но нынѣ несомнѣнно признано, на основаніи надписи на памятникѣ Ипполитовомъ, что сочиненіе περὶ παντος οὐσιας писано Ипполитомъ, и другое предположеніе объ авторѣ этого сочиненія, которому далъ мѣсто Фотій, незнавшій свидѣтельства памятника Ипполитова, должно быть оставлено, какъ недоразумѣніе. Содержаніе сочиненія περὶ παντος οὐσίας, извѣстное намъ частью по описанію Фотія, частію по довольно значительному отрывку изъ этого сочиненія, сохранившемуся до насъ, какъ въ общемъ строѣ сужденій, такъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ представляетъ также близкое сходство съ философуменами [88]).

4) Фотій говоритъ, что авторомъ сочиненія περὶ παντός οὐσίας написано было еще особенное сочиненіе противъ ереси Артемона (Λόγος κατὰ της Ἀρτέμωνος αἱρέσεως), т.-е. то сочиненіе, изъ котораго нѣсколько отрывковъ приведено въ церковной исторіи Евсевія, и которое извѣстно было блаж. Θеодориту подъ именемъ Малаго Лабиринта. Самое названіе «Малый Лабиринтъ» данное сочиненію противъ Артемонитовъ, или тому, въ которое опроверженіе Артемонитовъ входило, какъ часть, по сравненію съ другимъ сочиненіемъ, извѣстнымъ

---

[87]) Сравни въ 33 главѣ X книги Философуменовъ и 2 главѣ Слова объ антихристѣ выраженія о Пророкахъ: Προφῆται κέκληνται διὰ προφάινειν τὰ μέλλοντα οὐκ μονον ἡνίκα τσῖς παροῦσιν ἀπεκρίναντο, ἀλλὰ καὶ διά πασῶν γενεῶν τὰ ἐσόμενα προεφήσαντο и дал. (философумена). Οἱ μακαριοι προφῆται οὐ μόνον τα παρῳχηκότα εἰπόντες, ἀλλὰ καὶ τά ἐνεστῶτα καὶ τα μέλλοντα ἀπαγγείλαντες, ἵνα μὴ μόνον πρόσκαιρος εἶναι ο προφήτης δειχθῇ, ἀλλὰ καὶ πάσαις γενεαῖς προλέγων τὰ μέλλοντα ὡς προφήτης εἶνα νομισθῇ.

[88]) Здѣсь мы только вкратцѣ повторяемъ то, что выше раскрыто болѣе подробно. См. въ особ. примѣч. 75.

подъ названіемъ Великаго Лабиринта или просто Лабиринта (а подъ такимъ названіемъ извѣстны были Философумена во времена Фотія), показываетъ, что эти два сочиненія также должны принадлежать одному автору. И они дѣйствительно издавна приписывались одному автору. Во времена блаж. Ѳеодорита авторомъ Малаго Лабиринта считали Оригена, хотя самъ Ѳеодоритъ и не соглашался съ этимъ. Есть сильныя основанія предполагать, что во времена блаж. Ѳеодорита и Философумена приписывались Оригену. Во времена Фотія эти сочиненія приписывались то Оригену (такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ Фотій о Большомъ Лабиринтѣ—философуменахъ), то какому то Іосифу, (Іосипу—можетъ быть Ипполиту). Самъ Фотій высказалъ предположеніе, что эти сочиненія написаны Каемъ. Но въ новѣйшее время на основаніяхъ гораздо болѣе твердыхъ. и притомъ независимо отъ Философуменовъ, Малый Лабиринтъ признано считать произведеніемъ Ипполита [89]). А отсюда также слѣдуетъ, что и Большой Лабиринтъ—философумены—нужно считать произведеніемъ Ипполита.

3) Авторъ философуменовъ, приступая къ этому сочиненію говоритъ, что имъ еще прежде предпринимаемаго подробнаго обличенія еретическихъ ученій, составлено было сжатое и краткое изложеніе ихъ. Ни объ одномъ изъ древнихъ писателей, обличавшихъ еретическія ученія первыхъ двухъ вѣковъ христіанства, неизвѣстно, чтобы имъ составлено было сначала краткое, а потомъ пространное обличеніе этихъ ученій. Но объ Ипполитѣ положительно извѣстно, что онъ, и несомнѣнно ранѣе написанія философуменовъ, составилъ краткое описаніе тридцати двухъ еретическихъ сектъ, начиная съ Досиѳеанъ и кончая Ноэтіанами. Это сочиненіе имѣлъ въ рукахъ Фотій, подъ именемъ несомнѣннаго Ипполитова произведенія, и латинскую передѣлку этого сочиненія новѣйшіе ученые видятъ въ Libellus pseudo-Tertulliani. Число ересей, описанныхъ въ краткомъ сочиненіи Ипполита, читанномъ Фотіемъ, и начало и конецъ описа-

[89]) См. о Маломъ Лабиринтѣ въ предшествующей главѣ и въ настоящей примѣч. 56. 70.

нія показались нѣкоторымъ ученымъ такъ близко подходящими къ описанію еретическихъ сектъ въ Философуменахъ, что они приняли даже это новооткрытое сочиненіе за то самое, о которомъ говорилъ Фотій. Это мнѣніе не оправдалось; но оно дало по крайней мѣрѣ новое доказательство въ пользу того, что Философумены писаны тѣмъ же авторомъ, какимъ написано было и сочиненіе (σύνταγμα-βιβλιδάριον) о тридцати двухъ ересяхъ, читанное Фотіемъ. Съ другой стороны, описаніе нѣкоторыхъ ересей in libello Pseudo-Tertulliani, которое считается передѣлкою Ипполитовой синтагмы, представляетъ такія характерно-сходныя съ описаніями Философуменовъ черты, что это также можетъ служить къ успленію того мнѣнія, что Философумены писаны тѣмъ именно авторомъ, какимъ писано другое краткое ересеологическое сочиненіе, передѣланное у псевдо-Тертулліана, т.-е. Ипполитомъ [90]).

Вотъ данныя [91]), на основаніи которыхъ новооткрытое большое сочиненіе о ересяхъ, съ увѣренностью можетъ быть приписано Ипполиту. Можно желать восполненія этихъ данныхъ новыми открытіями и разъясненіями: но едва ли уже вопросъ объ авторѣ Философуменовъ можетъ рѣшаться какъ-нибудь иначе, нежели какъ онъ рѣшается на основаніи и добытыхъ данныхъ. Можно находить доказательства принадлежности этого сочиненія св. Ипполиту, разсматриваемыя въ отдѣльности, не довольно твердыми: но навѣрное можно сказать, что ни для одного изъ древнихъ писателей не найдется столько и такихъ признаковъ относительно авторства Философуменовъ,

---

[90]) Здѣсь экстрактъ того, что выше сказано о βιβλιδάριον Ипполита. См. въ особенности примѣч. 2, 3, 10, 17, 18, 21.

[91]) Кромѣ ссылки на Περὶ τῆς τοῦ παντὸς οὐσίας авторъ Философуменовъ въ 39 главѣ VI книги упоминаетъ еще о написанномъ имъ сочиненіи противъ Маговъ (κατα μάγων βίβλος). Между сохранившимися сочиненіями Ипполита такого мы не имѣемъ. Но можетъ быть это то сочиненіе, которое въ надписаніи Ипполитова памятника озаглавлено Εἰς ἐγγαστρίμυθον, а можетъ быть въ указанномъ мѣстѣ авторъ ссылался не на особенное сочиненіе, а на описаніе дѣйствій маговъ въ недошедшей до насъ 2-й или 3-й книгѣ *Философуменовъ*.

какъ для св. Ипполита [92]),—такъ что остается одно изъ двухъ: или остановиться на признаніи этого сочиненія произведеніемъ Ипполитовымъ, или совсѣмъ отказаться отъ надежды болѣе твердо рѣшить этотъ вопросъ.

Для общихъ ересеологическихъ цѣлей во всякомъ случаѣ можно считать этотъ вопросъ достаточно разъясненнымъ. Попытаемся теперь ближе войти въ разсмотрѣніе того, какое

---

[92]) Сравни примѣч. 79. Строго относясь къ дѣлу, можно пожалуй сказать, что почти каждое изъ доказательствъ, преимущественно основанныхъ на сравненіи философуменовъ съ другими сочиненіями Ипполита, представляетъ своего рода petitio principii или circulus in demonstrando. Выводится заключеніе о принадлежности философуменовъ Ипполиту изъ сравненія ихъ съ трактатомъ противъ Ноэта, съ сочиненіемъ Περὶ παντὸς οὐσίας, съ Малымъ Лабиринтомъ: но и принадлежность Ипполиту трактата противъ Ноэта и сохранившагося отрывка изъ Περὶ παντὸς οὐσίας также требуетъ доказательствъ, а что Малый Лабиринтъ написанъ Ипполитомъ, въ этомъ иные сомнѣваются еще болѣе, чѣмъ въ принадлежности ему философуменовъ. Что касается до соотношенія біографическихъ данныхъ представляемыхъ философуменами съ преданіями о жизни Ипполита, то и эта сторона дѣла, при запутанности преданій объ Ипполитѣ, можетъ представиться не очень твердою. Со всѣмъ этимъ можно согласиться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно принять во вниманіе слѣдующее: 1) Заключеніе о принадлежности философуменовъ Ипполиту утверждается не на отдѣльныхъ признакахъ, которые порознь разсматриваемые могутъ представляться не довольно твердыми, но на совокупности многихъ данныхъ приводящихъ къ одному и тому же выводу. 2) Недовѣріе къ имѣющимся въ наличности основаніямъ въ настоящемъ случаѣ можетъ происходить не столько отъ того, что онѣ слабы сами по себѣ, сколько отъ того, что вопросъ объ Ипполитѣ и философуменахъ предварительно былъ такъ запутанъ разными недоразумѣніями, противорѣчіями, перетолкованіями. Не будь этого, приведенныя данныя можетъ быть не возбуждали бы никакого сомнѣнія: такъ какъ многія другія древнія сочиненія съ увѣренностью приписываются извѣстнымъ авторамъ на основаніяхъ гораздо менѣе твердыхъ, чѣмъ какія приводятся для доказательства принадлежности философуменовъ Ипполиту. 3) Особенная судьба Ипполита и его сочиненій, намѣренная и ненамѣренная запутанность историческихъ преданій о нихъ, служатъ въ настоящемъ случаѣ существенною причиною того, что вполнѣ ясныхъ и твердыхъ данныхъ при разсмотрѣніи настоящаго вопроса, можетъ быть и ожидать нельзя,— особенно въ такое время, когда только что открылась возможность поставить изслѣдованіе вопроса на сколько-нибудь твердую почву. Можно желать, чтобы найдена была хотя половина недошедшихъ до насъ сочиненій Ипполита и другихъ утраченныхъ памятниковъ относящихся къ тому времени. Но есть ли какія-нибудь основанія надѣяться на осуществленіе такихъ желаній?..

значеніе имѣютъ данныя представляющіяся въ философуменахъ для исторіи ересей, какая была причина тому, что эти данныя до послѣдняго времени оставались наукѣ почти чуждыми, да и въ настоящее время—можно сказать—ученые далеко еще не вполнѣ освоились съ ними, не привыкли пользоваться имп свободно и твердо.

Чтобы лучше оцѣнить историческое значеніе показаній, сообщаемыхъ сочиненіемъ Ипполитовымъ, мы должны еще разъ припомнить уже извѣстныя намъ данныя о личности автора, о времени и мѣстѣ его жизни, и объ особенности тѣхъ полемическихъ пріемовъ, съ какими онъ приступаетъ къ опроверженію ересей.

Авторъ былъ ученѣйшій человѣкъ своего времени, — человѣкъ владѣвшій не только богословскимъ, но и общимъ литературнымъ, философскимъ, математическимъ образованіемъ— и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ твердый и строгій въ своихъ православныхъ убѣжденіяхъ, ревностно слѣдившій за всѣми уклоненіями свободной мысли отъ правильнаго пониманія церковной истины, и поставлявшій своею особенною задачею и обязанностью изобличать и опровергать такія уклоненія, въ какихъ бы благовидныхъ формахъ они ни появлялись, и какими бы значительными авторитетами ни прикрывались. Какъ писатель, авторъ имѣлъ особенное призваніе и подготовку именно къ полемическому роду литературной дѣятельности. Авторъ жилъ и былъ однимъ изъ вліятельныхъ церковныхъ дѣятелей въ Римѣ—главномъ средоточіи христіанскаго міра, куда сходились представители христіанскихъ обществъ и проповѣдники различныхъ ученій со всѣхъ сторонъ [93]). И пре-

[93]) Извѣстно выраженіе св. Иринея: Ad hanc Ecclesiam *propter potiorem principalitatem* necesse est omnem convenire Ecclesiam, hoc est eos, qui sunt undique fideles, *in qua semper ab his, qui sunt undique, conservata est ea, quae est ab apostolis Traditio.* Католическіе богословы объясняютъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, будто еще во II вѣкѣ за римскою церковію былъ признаваемъ такой авторитетъ, что *къ ней* обращались (и должны были обращаться) представители всѣхъ другихъ церквей за повѣркою истиннаго апостольскаго преданія. Но болѣе со-

имущественно въ то время, когда здѣсь жилъ св. Ипполитъ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ втораго вѣка и въ началѣ третьяго, благодаря какъ особенному политическому значенію *вѣчнаго* города, такъ и можетъ быть нетвердости воззрѣній и неопредѣленности административныхъ принциповъ тогдашнихъ предстоятелей римской церкви — Виктора, Зефирина и Каллиста, Римъ, можно сказать, былъ наводняемъ послѣдователями самыхъ разнообразныхъ сектъ. Уже за нѣсколько лѣтъ прежде во времена св. Иринея здѣсь распространяли свое ученіе и имѣли большой успѣхъ послѣдователи гностическихъ системъ — Валентина, Карпократа, Маркіона, Марка. Въ концѣ втораго столѣтія и началѣ третьяго, какъ видно изъ сочиненій самаго Ипполита и современнаго ему Тертулліана, разнообразныя отрасли гностицизма еще продолжали держаться здѣсь и составлять новыя сектантскія сочетанія. Затѣмъ при папахъ Елевѳеріи и Викторѣ распространился здѣсь монтанизмъ, и

гласно со смысломъ дѣла понимать это такъ, что *въ римской церкви* всего удобнѣе было повѣрять истинное апостольское преданіе, хранящееся во всѣхъ церквахъ, при стеченіи сюда (conveniге ad hanc) представителей со всего христіанскаго міра (undique), вслѣдствіе политическаго и торговаго значенія города Рима. (А слова *propter potiorem principalitatem* едвали не составляютъ прибавку латинскаго переводчика или еще позднѣйшаго переписчика къ греческому тексту этого мѣста къ сожалѣнію утраченному). По той же причинѣ сюда сходились со всего христіанскаго міра не только представители православныхъ церквей, но и проповѣдники всевозможныхъ сектантскихъ ученій. Католическіе писатели и это обстоятельство стараются объяснять въ пользу главенства папы: будто еретическіе учители, осуждаемые и отлучаемые въ другихъ церквахъ, приходили въ Римъ искать себѣ новаго суда и оправданія предъ высшимъ церковнымъ трибуналомъ. Но это не имѣетъ никакого основанія. Ни представители православныхъ церквей, ни еретики во II вѣкѣ, никакого верховнаго трибунала въ римской церкви (въ католическомъ смыслѣ) не признавали, а сходились въ Римъ потому, что это было самое удобное мѣсто для распространенія всякихъ мнѣній, для взаимныхъ совѣщаній и т. д. Въ описываемое же время (во второй половинѣ II и въ началѣ III вѣка) появленіе и распространеніе сектантскихъ ученій въ Римѣ скорѣе можно объяснить не непогрѣшимостью папскаго трибунала и верховнымъ авторитетомъ римской церкви, а напротивъ шаткостью мнѣній и колебаніями на самомъ папскомъ престолѣ, при начинающихся впрочемъ уже притязаніяхъ со стороны папъ на распространеніе вліянія и въ другихъ церквахъ.

въ связи съ нимъ, благодаря, можетъ быть, неумѣстнымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ папы Виктора, образовался особенный расколъ четырёдесятниковъ. Далѣе при папахъ Викторѣ и Зефиринѣ явились проповѣдники новыхъ ученій монархіанскихъ—два Θеодота и Артемонъ съ послѣдователями—представители одного направленія монархіанства, и ученики Ноэта—Епигонъ, Клеоменъ, Савеллій, представители другаго монархіанскаго направленія. Въ спорахъ этихъ сектантовъ съ православною церковію, въ средѣ самыхъ церковныхъ богослововъ явились разныя недоумѣнія и разногласія и образовалась особая раціоналистическая школа алоговъ. Еще далѣе явились изъ Малой Азіи проповѣдники новой отрасли сектанства, давно существовавшей на востокѣ, но доселѣ неизвѣстной на западѣ—Элкезаиты [94]). Всѣ эти секты разбились на разныя мелкія развѣтвленія, и при соприкосновеніи однихъ съ другими образовались новыя сектантскія сочетанія. Все это происходило на глазахъ у св. Ипполита, и быть можетъ со всѣми этими сектами горячему и строгому ревнителю церковныхъ вѣрованій приходилось имѣть личныя столкновенія. Сектанты въ то время не только словесно распространяли свои ученія, но имѣли у себя цѣлыя книги съ изложеніемъ этихъ ученій, и многія изъ этихъ книгъ, неизвѣстныя прежнимъ учителямъ церковнымъ и скоро изчезнувшія послѣ того, читалъ любознательный Ипполитъ, и о многихъ изъ нихъ только одинъ онъ сохранилъ извѣстія [95]). Понятно изъ этого, какое важное историческое значеніе должно имѣть новооткрытое сочиненіе Ипполита.

Нужно при этомъ принять во вниманіе и тѣ особенные полемическіе пріемы, какіе употребляетъ св. Ипполитъ при описаніи и опроверженіи еретическихъ ученій въ Философуменахъ. Авторъ старается разсматривать здѣсь еретическія ученія не только сами въ себѣ—въ ихъ опредѣленномъ видѣ и собствен-

[94]) Все это отчасти видно изъ сказаннаго выше, и подробнѣе будетъ раскрыто при изложеніи самой исторіи сектъ.

[95]) См. выше примѣч. 41.

но сектантскихъ положеніяхъ, но и въ связи съ самыми источниками, изъ которыхъ они зародились—въ связи съ мнѣніями древнихъ философовъ и съ преданіями языческой миѳологіи, астрологіи и магіи, подъ вліяніемъ которыхъ, по убѣжденію автора, сложились разныя сектантскія ученія. Это именно тотъ пріемъ, который новѣйшею наукой признанъ за самый серьезный и твердый въ изслѣдованіи древнихъ ересей. И нужно сказать, что этимъ пріемомъ, до признанія котораго дошла наука только въ новое время, изъ всѣхъ древнихъ ересеологовъ пользуется одинъ св. Ипполитъ. Есть еще нѣкоторыя попытки на сближеніе еретическихъ ученій съ древними философскими системами у Епифанія. Но Епифаній имѣлъ очень мало данныхъ для того, чтобы удачно пользоваться такимъ ересеологическимъ пріемомъ.

Что же? не должно ли при этомъ сочиненіе Ипполита, какъ составленное по болѣе серьезному научному методу, и преимущественно излагающее ученія сектантовъ на основаніи ихъ собственныхъ писаній, быть поставлено на самомъ первомъ мѣстѣ между древними ересеологическими памятниками? И не представляется ли цѣлесообразнымъ, по руководству взглядовъ и сообщеній этого сочиненія, оцѣнивать значеніе всѣхъ другихъ ересеологическихъ памятниковъ древности? Этотъ вопросъ въ изслѣдованіи исторіи ересей представляется весьма важнымъ потому въ особенности, что свѣдѣнія, сообщаемыя Ипполитомъ о многихъ ересяхъ, какъ мы уже видѣли выше [96]) и какъ еще увидимъ изъ самаго изложенія сектантскихъ ученій въ своемъ мѣстѣ, много разнятся отъ показаній другихъ ересеологовъ, такъ что въ иныхъ случаяхъ какъ будто представляется необходимымъ остановиться на чемъ-нибудь одномъ: или принимая показанія Ипполита объ извѣстныхъ сектахъ отвергать другія, несогласныя съ ними, заимствованныя у другихъ ересеологовъ и уже давно утвердившіяся въ наукѣ представленія, или удерживая свѣдѣнія другихъ ересе-

[96]) Примѣч. 43.

ологовъ игнорировать данныя новооткрытаго сочиненія; или ставить рядомъ два несходныя между собою описанія извѣстной секты по философуменамъ и по другимъ памятникамъ, не вдаваясь въ объясненіе того, какъ одни данныя могутъ относиться къ другимъ. Мы не будемъ слишкомъ строги, если скажемъ, что даже до настоящаго времени ученые, занимавшіеся исторіею ересей, и имѣвшіе въ виду это несходство данныхъ Ипполитова сочиненія съ показаніями другихъ ересеологовъ, большею частію оставались при какой-нибудь одной изъ указанныхъ односторонностей, и вопросъ объ отношеніяхъ новооткрытаго сочиненія Ипполита къ другимъ ересеологическимъ памятникамъ древности остается доселѣ недостаточно разъясненнымъ [97]).

Съ этимъ вопросомъ находится въ связи еще другой: почему сочиненіемъ Ипполита не пользовался почти никто изъ древнихъ ересеологовъ и церковныхъ историковъ, писавшихъ послѣ него, между тѣмъ, какъ напр. сочиненіемъ Иринея всѣ они пользовались? Если новые ученые до послѣдняго времени не пользовались сочиненіемъ Ипполита потому, что не знали его, это понятно. Но въ древности не могло же оно совершенно изчезнуть заразъ. Съ содержаніемъ его по всей вѣроятности могъ ознакомиться любознательный и ученый Евсевій; но онъ не пользуется изъ него ни однимъ извѣстіемъ, между тѣмъ какъ изъ сочиненія Иринеева пользуется очень многими [98]).

---

[97]) Мы не отрицаемъ того, что сдѣлано Бунзеномъ, Якоби, Фолькмаромъ, Липсіусомъ и Гильгенфельдомъ какъ для разъясненія отношеній Ипполитова сочиненія къ другимъ ересеологическимъ памятникамъ вообще, такъ и для частнаго примѣненія тѣхъ или другихъ данныхъ Ипполитова сочиненія къ исторіи отдѣльныхъ сектъ. Но всего этого недостаточно. Что же касается до общихъ церковныхъ историковъ, издававшихъ свои труды послѣ открытія философуменовъ, изъ нихъ ни одинъ еще въ значительной мѣрѣ не пользовался богатыми данными новооткрытаго сочиненія,—въ такой мѣрѣ какъ пользуются они напр. сочиненіями Иринея, Епифанія, Θеодорита и т. д.

[98]) Неизвѣстно, какое изъ общихъ сочиненій Ипполита—Βιβλιδάριον или Φιλοσοφούμενα—разумѣли Евсевій подъ названіемъ πρὸς ἅπασας τὰς αἱρέσεις и Іеронимъ подъ названіемъ—adversus omnes haereses, и имѣли ли они какое-нибудь опредѣленное представленіе о содержаніи этого

Трудно предположить, чтобы и Епифаній, этотъ тщательнѣйшій собиратель всякихъ стоющихъ и неособенно стоющихъ вниманія извѣстій о древнихъ еретикахъ, не имѣлъ никакихъ средствъ узнать про это сочиненіе [99]). Далѣе съ содержаніемъ философуменовъ несомнѣнно знакомъ былъ Θеодоритъ: онъ въ своемъ Обличеніи еретическихъ басней болѣе всѣхъ другихъ древнихъ ересеологовъ и историковъ пользуется сообщеніями Ипполита, но все-таки не такъ много сравнительно, какъ напр. показаніями Иринея [100]). По истинѣ еще болѣе представляется

произведенія. Но что Евсевій имѣлъ возможность тщательнѣе ознакомиться съ содержаніемъ сочиненій Ипполитовыхъ, объ этомъ можно догадываться изъ словъ его: πλεῖστά τε ἄλλα καὶ παρὰ πολλοῖς ἂν εὕροις σωζόμενα.

[99]) Епифаній отзывается съ особенною похвалою объ обличеніи Ипполита на Валентиніанъ (Haeres. XXXI cap. 33). Неизвѣстно, чтобы Ипполитъ писалъ особенное сочиненіе противъ этой секты. Трудно также предположить, чтобы Епифаній въ своемъ отзывѣ имѣлъ въ виду краткое описаніе Валентиновой секты въ βιβλιδάριον Ипполита. Вѣроятнѣе предположеніе, что Епифаній имѣлъ въ виду болѣе подробное обличеніе валентиніанства съ его отраслями въ VI книгѣ *философуменовъ:* но твердыхъ доказательствъ на то, что Епифанію извѣстно было это сочиненіе Ипполита, нельзя представить: по крайней мѣрѣ не видно, чтобы Епифаній пользовался имъ. Съ большею увѣренностью можно предположить, что Епифаній пользовался, и вѣроятно не зная автора, другимъ сочиненіемъ Ипполита противъ римскихъ ересей конца II и начала III вѣка, въ которомъ находилось обличеніе алоговъ, и къ которому принадлежалъ трактатъ противъ Ноэта. Это сочиненіе могло начинаться съ обличеніемъ маркіонитства. (См. выше примѣч. 32), но обличеніе валентиніанства въ немъ все-таки едвали было.

[100]) Вопросъ объ отношеніяхъ блаж. Θеодорита къ философуменамъ— сложный, и о немъ не мало писали Деллингеръ, Бауръ и Фолькмаръ (въ особенности послѣдній въ двухъ первыхъ главахъ своего изслѣдованія объ Ипполитѣ). Что блаж. Θеодоритъ пользовался философуменами; это видно не только изъ того, что онъ въ „Обличеніи еретическихъ басней упоминаетъ о такихъ древнихъ еретикахъ, о которыхъ ни изъ какого другаго источника, кромѣ философуменовъ, нельзя получить свѣдѣній (напр. о Мононмѣ, Препонѣ, Каллистѣ, Ператахъ, Элкезантахъ), но и при описаніи другихъ еретическихъ ученій, о которыхъ позднѣйшіе ересеологи большею частію заимствовали свѣдѣнія отъ Иринея, Θеодоритъ видимо пользовался, кромѣ сообщеній Иринея, и показаніями философуменовъ (напр. при описаніи ересей Симона волхва, Менандра, Сатурнина, Валентина и т. д. Подробнѣе о семъ у Фолькмара стр. 22 — 23). Но вопросъ въ томъ, всѣ ли философумены имѣлъ подъ руками блаж. Θеодоритъ, или только послѣднюю часть ихъ (Summarium), которая отдѣльно отъ другихъ частей могла находиться

удивительнымъ то, почему знаменитѣйшій библіографъ древности Фотій, отъ любознательности котораго едвали могло укрыться сколько-нибудь цѣнное изъ древнихъ сочиненій, не сдѣлалъ никакого отзыва и сообщенія о содержаніи этого со-

---

въ обращеніи, какъ самостоятельное произведеніе. Первое мнѣніе поддерживалъ Бауръ, второе Деллингеръ и Фолькмаръ. Мы въ этомъ вопросѣ болѣе согласны съ мнѣніемъ Баура, хотя противъ частныхъ его положеній Деллингеромъ и Фолькмаромъ представлено не мало вѣскихъ возраженій. Далѣе въ ереселогическомъ трудѣ блаж. Θеодорита по отношенію къ философуменамъ обращаетъ на себя вниманіе еще одно обстоятельство. Въ большей части случаевъ, гдѣ Θеодоритъ пользуется философуменами, онъ или совсѣмъ не называетъ источника своихъ свѣдѣній (напр. въ 1-й кн. 1-й глав. о Симонѣ, въ 17-й оЕратахъ въ 18-й о Монотмѣ, въ 3-й главѣ III книги о Ноэтѣ и Каллистѣ) или указываетъ въ числѣ своихъ источниковъ Оригена (напр въ 1-й кн. 2-й главѣ о Менандрѣ, въ 4-й о Василидѣ, 19-й о Гермогенѣ; во 2-й кн. 2-й гл. о Назореяхъ, 7 гл. объ Элкезаитахъ. Въ предисловіи къ своему сочиненію въ числѣ ереселоговъ, трудами которыхъ ему предстоитъ пользоваться, Θеодоритъ также не называетъ Ипполита, но называетъ Оригена). Это обстоятельство естественно наводитъ на мысль, что Философумены во времена блаж. Θеодорита были извѣстны подъ именемъ Оригена. Такое предположеніе тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что и Малый Лабиринтъ, какъ мы видѣли, во времена Θеодорита приписывался Оригену. Или возможно еще другое предположеніе: можетъ быть, первыя книги философуменовъ, въ которыхъ представляется подробное изложеніе еретическихъ ученій, и къ которымъ относится второй рядъ указанныхъ выше заимствованій Θеодорита, извѣстенъ былъ подъ именемъ Оригена. (И при этомъ мы не можемъ сказать, всѣ ли девять книгъ имѣлъ подъ руками Θеодоритъ, или только нѣкоторыя изъ нихъ въ разрозненномъ видѣ, въ особенности VI, VII и VIII книги). Десятая же книга — Summarium, — къ которой собственно и относятся тѣ мѣста заимствованныя Θеодоритомъ изъ философуменовъ, которыя у него приводятся безъ имени автора, можетъ быть дѣйствительно находилась въ обращеніи, какъ особое сочиненіе, какъ составленное *неизвѣстнымъ* авторомъ сокращеніе большаго сочиненія противъ ересей, приписаннаго Оригену. Деллингеръ и Фолькмаръ пытались доказать, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Θеодоритъ ссылается на Оригена, онъ на самомъ дѣлѣ заимствовалъ свои свѣдѣнія не изъ философуменовъ, а изъ разныхъ мѣстъ Оригеновыхъ сочиненій: но эти доказательства большею частію натянуты. Наконецъ въ двухъ мѣстахъ „Обличенія“ Θеодоритъ называетъ вмѣстѣ и Оригена и Ипполита: Это 24 гл. 1-й книги о Маркіонѣ и 1 гл. 2-й книги о Николаитахъ. Въ этихъ мѣстахъ, надобно полагать, Ипполитъ имѣлъ въ виду и философумены подъ именемъ Оригена и какое-нибудь другое сочиненіе Ипполита, дошедшее до него подъ настоящимъ именемъ автора—βιβλιδάριον или то сочиненіе, которымъ пользовался Епифаній во 2-й книгѣ Панарія).

чиненія въ 380 главахъ своей обширной Библіотеки; между тѣмъ какъ есть твердое основаніе думать, что онъ зналъ это сочиненіе подъ названіемъ Лабиринта, хотя и приписывалъ его другому автору [101]). Вообще, если это сочиненіе несомнѣнно существовало въ древнихъ манускриптахъ и читалось и переписывалось любознательными греками до XIV вѣка (такъ какъ полагаютъ, что рукописный кодексъ, открытый Миноидой Миной, принадлежитъ XIV вѣку), быть же не можетъ, чтобы самое содержаніе этого сочиненія никому не было извѣстно [102]). Почему же древніе ученые, знавшіе это сочиненіе, не пользовались имъ?

Потому вѣроятно, что затруднялись пользоваться.

Первое затрудненіе могло представляться въ самомъ церковномъ положеніи Ипполита. Это оппозиціонное положеніе, такъ

---

[101]) Biblioth. Cod. XLVIII. То предположеніе, что Фотій подъ названіемъ „Лабиринтъ“ разумѣлъ не Философумена, а Малый Лабиринтъ, какъ мы говорили (5-й глав. примѣч. 37), не имѣетъ твердыхъ основаній. Но и тѣ писатели, которые подъ „Лабиринтомъ“ Фотіевымъ разумѣютъ *философумена,* задаются опять вопросомъ, всѣ ли философумена имѣлъ въ виду Фотій, или только 10 книгу ихъ — Summarium. (Фолькмаръ стр. 57—60). Только данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ никакихъ: такъ какъ Фотій, кромѣ ссылки на περὶ παντὸς οὐσίας, не сообщаетъ никакихъ извѣстій о содержаніи Лабиринта. Да и вопросъ этотъ представляется совершенно излишнимъ.

[102]) Ни одинъ изъ западныхъ ученыхъ, писавшихъ о философуменахъ, не обратилъ вниманія на это простое соображеніе, которое однакожъ никакъ нельзя упускать изъ виду. Такіе писатели, какъ Деллингеръ и Фолькмаръ, какъ бы затѣмъ, чтобы болѣе возвеличить значеніе открытія философуменовъ въ новѣйшее время, усиленно стараются доказать, что изъ древнихъ это сочиненіе, особенно въ цѣломъ его видѣ, почти никому не было извѣстно, что и Θеодоритъ и Фотій знали только X книгу философуменовъ—Summarium. Но опять повторяемъ: если это сочиненіе переписывалось любознательными Греками до XIV вѣка, можно ли предположить, чтобы содержаніе его никому не было извѣстно? Иной вопросъ, отчего не пользовались этимъ содержаніемъ: на него-то мы и желаемъ обратить вниманіе. Есть основаніе предполагать, что въ XIV вѣкѣ философумена были не безъизвѣстны между прочимъ Никифору Каллисту: онъ въ своей исторіи (Lib. IV, cap. 31), между другими сочиненіями Ипполита, называя πρὸς πάσας τὰς αἱρέσεις придаетъ ему эпитетъ—βιωφελέστατον (какъ человѣкъ желающій показать знакомство съ этимъ сочиненіемъ). Конечно, это основаніе очень слабое и его можно отнести къ другому сочиненію Ипполита—βιβλιδάριον: но все-таки и этого указанія не нужно совсѣмъ терять изъ виду.

рѣзко высказывающееся въ самыхъ философуменахъ, съ точки зрѣнія позднѣе утвердившихся іерархическихъ понятій, не могло представляться нормальнымъ. Строго-церковная мысль позднѣйшихъ писателей могла смущаться такимъ положеніемъ.... И это, можетъ быть, было первою причиною того, почему и самыя преданія о жизни Ипполита и мѣстѣ его церковнаго служенія затмились въ ближайшихъ поколѣніяхъ, и самыя сочиненія его до такой степени оставлены въ небреженіи, что одни изъ нихъ совсѣмъ затерялись, другія остались въ употребленіи, но безъ имени автора, иныя наконецъ продолжали существовать и съ именемъ автора, но на нихъ не обращалось вниманія. Въ Римѣ, какъ извѣстно, по преимуществу нашла себѣ развитіе та библіографическая практика, по которой большая часть сочиненій неблагопріятныхъ для высшаго церковнаго авторитета должна была или совершенно изчезать или оставаться въ небреженіи, приписываться другимъ писателямъ и т. д. Конечно эта практика вполнѣ выработалась въ позднѣйшіе вѣка; но кто можетъ поручиться, чтобы нѣкоторое начало ей не было положено уже и въ то время, когда римскіе папы въ первый разъ стали называть себя episcopi episcoporum [103]). Въ Римѣ и въ мѣстахъ ближайшихъ къ Риму прежде всего могла затмиться память объ обстоятельствахъ жизни и сочиненіяхъ Ипполита, и затѣмъ въ этомъ затуманенномъ видѣ извѣстія объ Ипполитѣ могли перейдти и на востокъ, гдѣ хотя и болѣе всегда сохранялось истинныхъ преданій о лицѣ св. Ипполита и уваженія къ его сочиненіямъ, однакоже во всей чистотѣ эти преданія все-такц не могли сохраниться. Во времена ближайшія къ жизни Ипполита затменіе его памяти и забвеніе или игнорированіе его сочиненій

---

[103]) Этотъ титулъ стали уже присвоивать себѣ папы во времена Ипполита, какъ видно изъ Тертулліанова (*ироническаго* впрочемъ) отзыва объ этомъ (De pudicitia cap. I.). А въ половинѣ III вѣка противъ этого титула уже нашла нужнымъ протестовать сѣверо-африканская церковь (см. переписку св. Кипріана съ папою Стефаномъ по вопросу о крещеніи еретиковъ—въ твореніяхъ Кипріана).

могло поддерживаться сознательно и намѣренно, а въ дальнѣйшіе вѣка небрежное отношеніе къ нимъ перешло какъ бы въ преданіе. Понятное дѣло, что къ сочиненіямъ учителя церковнаго, котораго авторитетъ и церковное положеніе не представлялись вполнѣ ясными, не могло быть и того вниманія и уваженія, какимъ пользовались писанія общепризнанныхъ учителей церковныхъ.

Другая причина загадочной судьбы сочиненій Ипполитовыхъ заключалась, можетъ быть, и въ самыхъ особенностяхъ ихъ. Ипполитъ былъ писатель очень оригинальный. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ является, по существу дѣла и по современному ему развитію христіанскаго богословія, несомнѣнно православнымъ: но едвали не въ каждомъ изъ его сочиненій можно указать такія мѣста, которыя могли смущать позднѣйшую богословскую мысль. Въ самомъ извѣстномъ и наиболѣе вошедшемъ въ церковное употребленіе сочиненіи Ипполита объ антихристѣ Фотій справедливо могъ найдти тотъ поводъ къ упреку, что авторъ слишкомъ смѣло берется здѣсь разсчислять время пришествія антихристова [104]). Въ краткомъ описаніи 32 ересей мысль Фотія также смущена была сомнѣніями автора въ подлинности посланія апостола Павла къ евреямъ [105]). Въ превосходныхъ по своему времени богословскихъ разсужденіяхъ о Св. Троицѣ въ трактатѣ противъ Ноэта есть также такія формулы и выраженія, которыя могутъ представляться не совсѣмъ удачными и точными послѣ богословскихъ разсужденій отцевъ IV вѣка [106]). Точно также, и можетъ быть всего болѣе могла найдти позднѣйшая богословская мысль смущающаго для себя и въ большомъ ересеологическомъ трудѣ Ипполита—Философуменахъ. Самое рѣзкое и горячее отношеніе къ папѣ Каллисту—лицу оставившему по себѣ такъ или иначе добрую память въ римской церкви и причтеннаго къ лику святыхъ, могло смущать церковно-мыслящихъ писателей

[104]) Biblioth. Cod. CCII.
[105]) Biblioth. Cod. CXXI.
[106]) См. Деллингера 206—220. Ср. Бунзена I, 221—222, 143.

и склонять ихъ къ сомнѣнію относительно справедливости и безпристрастія показаній Ипполитовыхъ. Затѣмъ то самое, что Ипполитъ слишкомъ много занимается въ своемъ сочиненіи мнѣніями языческихъ философовъ и поэтовъ, преданіями древней магіи и астрологіи, могло также расположить къ несочувствію этому сочиненію въ тѣ времена, когда занятіе языческими древностями, въ какихъ бы то ни было видахъ—хотя бы и съ цѣлью полемическою, стало считаться подозрительнымъ. Наконецъ не могло не смущать древнихъ изслѣдователей и самое несогласіе показаній Ипполитовыхъ относительно многихъ ересей съ показаніями другихъ ересеологовъ. Древнимъ писателямъ также, какъ и новѣйшимъ, приходилось здѣсь выбирать одно: или принимать показанія Ипполита и отвергать другія, или, удерживая другія, игнорировать Ипполитовы. Простая безъискусственная, не глубоко вдававшаяся въ научную критику, мысль древности естественно должна была рѣшить для себя этотъ вопросъ такъ, что свидѣтельство многихъ нужно предпочесть показанію одного, и притомъ свидѣтельство авторитетовъ общепризнанныхъ твердыхъ и ясныхъ показанію авторитета не совсѣмъ яснаго.

Но въ какое же отношеніе должна стать къ этому вопросу новѣйшая наука? Должно ли и для нея новооткрытое сочиненіе быть, какъ было оно для древнихъ ересеологовъ, мертвымъ капиталомъ оставляемымъ безъ употребленія, чтобы его показаніями не поколебать авторитета другихъ древнихъ ересеологическихъ памятниковъ и издавна сложившихся на основаніи ихъ представленій о древнихъ ересяхъ? Или напротивъ новая наука должна болѣе довѣряться сочиненію Ипполиту, какъ написанному въ болѣе соотвѣтствующемъ современнымъ научнымъ требованіямъ духѣ, и ради него оставить прежнія представленія о ересяхъ, составленныя на основаніи другихъ памятниковъ и представляющіяся не согласными съ Ипполитовыми показаніями? То и другое было бы конечно крайностью, и новѣйшая ересеологія не далеко ушла бы отъ древней, еслибы она не нашла способа съ большимъ умѣньемъ и безпристрастіемъ поль-

зоваться тѣми историческими памятниками, которые на первый взглядъ представляются трудно совмѣстимыми.

Дѣло въ томъ, что многія изъ показаній Ипполитовыхъ, представляющихся несогласными съ показаніями другихъ ересеологовъ, при ближайшемъ вниканіи въ тѣ и другія, оказываются далеко не такими противорѣчащими послѣднимъ, чтобы ихъ нельзя было примирить и совмѣстить въ правильномъ и цѣльномъ представленіи о древнихъ ересяхъ. Не вдаваясь здѣсь въ подробное сопоставленіе и разъясненіе всѣхъ этихъ видимыхъ противорѣчій, которому должно быть мѣсто въ самомъ изложеніи еретическихъ ученій, мы укажемъ лишь нѣкоторыя общія точки зрѣнія, которыя необходимо имѣть въ виду при сравненіи показаній сочиненія Ипполитова съ показаніями другихъ древнихъ ересеологовъ, въ особенности Иринея.

1) Ученія древнихъ сектантовъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ всѣ сохранившіеся памятники о нихъ, отличались сложнымъ и запутаннымъ характеромъ, возникали изъ разнообразныхъ источниковъ, развивались подъ разнообразными вліяніями. Обнять каждое ученіе во всей его полнотѣ со всѣхъ сторонъ было трудно, и ни одинъ изъ древнихъ ересеологовъ не задавался этою задачею. Каждый старался брать и описывать въ извѣстной сектѣ то, что ему представлялось наиболѣе важнымъ, наиболѣе нужнымъ для его полемическихъ цѣлей. При этомъ одинъ писатель могъ обращать вниманіе на одну сторону извѣстнаго ученія, другой на другую; такимъ образомъ представленія объ одной и той же сектѣ у различныхъ писателей могли выходить различныя. Но подобныя различія, если они не доходятъ до прямаго противорѣчія, не только не мѣшаютъ, но напротивъ могутъ помогать составленію наиболѣе правильныхъ и цѣльныхъ понятій о древнихъ ересяхъ, восполняя извѣстія однихъ источниковъ показаніями другихъ [107]).

2) Иногда разнорѣчія въ показаніяхъ древнихъ писателей о

[107]) Объ этомъ мы уже говорили въ 3-й главѣ, приступая къ обозрѣнію церковныхъ памятниковъ древней сектантской исторіи, и яснѣе это будетъ видно при самомъ изложеніи исторіи ересей.

сущности того или другаго сектанскаго ученія зависѣли отъ личныхъ условій показателей—отъ большей или меньшей способности ихъ входить въ смыслъ разсматриваемаго ученія, или отъ большей или меньшей цѣнности самыхъ источниковъ, изъ которыхъ они заимствовали свои свѣдѣнія о сектахъ, напр. составляли ли они свои понятія объ извѣстной сектѣ только по слухамъ, или по показаніямъ лицъ, обратившихся отъ ереси къ церкви, или на основаніи собственныхъ писаній самихъ еретиковъ. Но иногда подобныя разнорѣчія могли происходить и отъ характера самыхъ описываемыхъ ученій. — У многихъ древнихъ сектантовъ было различіе между такъ называемымъ эзотерическимъ и экзотерическимъ ученіемъ, между высшими тайнами, сообщаемыми лишь избраннымъ совершеннѣйшимъ членамъ секты, и болѣе общими мнѣніями доступными всѣмъ послѣдователямъ ея [108]). Въ иныхъ сектахъ ученіе было составляемо и формулируемо такъ, что въ немъ одни и тѣже положенія и формулы могли представлять двоякій смыслъ—вульгарный, легендарный, миѳологическій для простыхъ членовъ секты и высшій философскій, раціоналистическій для болѣе разумѣющихъ (Γνώστικοι). Могло случаться, что одинъ писатель при описаніи извѣстнаго ученія обращалъ вниманіе преимущественно на вульгарную, а другой на философскую сторону его, одинъ на экзотерическое, а другой на эзотерическое ученіе секты. Представленія секты опять должны были выходить различныя; но эти различія также не исклю-

---

[108]) Этотъ принципъ раздѣленія между совершеннѣйшими и простыми членами секты, и соотвѣтственно съ этимъ между высшими тайнами и общими истинами ученія съ особенною послѣдовательностью былъ проведенъ въ Манихействѣ, и развившихся подъ вліяніемъ его средневѣковыхъ ученіяхъ, напр. Богомильствѣ: но онъ уже сильно былъ развитъ и въ древнѣйшихъ гностическихъ сектахъ, сообразно съ ихъ дѣленіемъ людей на плотскихъ, душевныхъ и духовныхъ. Объ этомъ у самаго Ипполита въ *предисловіи* къ философуменамъ, гдѣ онъ говоритъ о неизреченныхъ таинствахъ (ἄῤῥητα μυστήρια), о полнотѣ таинствъ (τελεια μυστήρια), которыя у еретиковъ передаются только посвященнымъ (μυουμένοις), выдержавшимъ извѣстный искусъ, и то съ клятвеннымъ обязательствомъ никому не открывать сообщаемыхъ тайнъ.

чаютъ другъ друга, а взаимно пополняютъ. Съ этой стороны изслѣдователи древней сектантской исторіи могутъ жаловаться не столько на разности показаній о сектахъ въ писаніяхъ древнихъ ересеологовъ, сколько напротивъ на то, что такихъ разностей не особенно много, такъ какъ одни изъ ересеологовъ находились въ большой зависимости отъ другихъ, и позднѣйшіе нерѣдко списывали и только распространяли или переиначивали сказанное болѣе ранними. Сочиненіе Ипполита въ этомъ отношеніи имѣетъ особенное значеніе въ наукѣ; онъ самый самостоятельный и самый оригинальный изъ древнихъ ересеологовъ. Онъ (*въ философуменахъ*) менѣе всѣхъ древнихъ ересеологовъ заимствовалъ у своего предшественника Иринея, показанія котораго имѣли преимущественное вліяніе на всѣ позднѣйшія представленія о древнихъ ересяхъ: у самаго же Ипполита еще менѣе заимствовали позднѣйшіе ересеологи. Поэтому показанія Ипполита объ иныхъ сектахъ и отличаются такъ отъ показаній другихъ ересеологовъ; и тѣмъ большую цѣнность они должны имѣть для науки. Когда въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ при описаніи какой-нибудь ереси встрѣчаются ссылки на Иринея, Евсевія, Епифанія, Ѳеодорита, Августина, можно бываетъ иногда сказать, что это ссылки почти на одинъ и тотъ же источникъ,—такъ какъ всѣ помянутые древніе писатели (преимущественно въ описаніи гностическихъ ересей) находились подъ сильнымъ вліяніемъ Иринея. Но когда при описаніи какой нибудь ереси представляются данныя изъ Ипполита и Иринея вмѣстѣ,—можно принимать эти данныя, какъ совершенно самостоятельныя и независимыя одно отъ другаго. Показанія Ипполита составляютъ существеннѣйшее дополненіе къ показаніямъ другихъ ересеологическихъ памятниковъ именно въ томъ отношеніи, что онъ въ большей части сектантскихъ ученій старается обращать преимущественное вниманіе не на внѣшнюю вульгарную миѳологическую сторону, а на внутреннюю философскую и что онъ свои свѣдѣнія о различныхъ сектахъ большею частію основываетъ не на слухахъ, не на свидѣтельстахъ лицъ, обратившихся отъ ереси къ церкви, а главнымъ образомъ на сочиненіяхъ самихъ еретиковъ.

3) Показанія древнихъ ересеологическихъ памятниковъ относительно сектантскихъ ученій представляются иногда разногласными потому, что различные памятники разсматриваютъ одну и туже секту не въ одномъ моментѣ ея развитія. Древнія секты не отличались неподвижностью и устойчивостью воззрѣній, но подвергались большимъ и разнообразнымъ измѣненіямъ въ своемъ развитіи. Иногда одинъ и тотъ же ересеучитель подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ мѣнялъ свои воззрѣнія [109]). Еще болѣе позднѣйшіе руководители и послѣдователи еретическихъ сектъ измѣняли ученія своихъ первыхъ учителей [110]). Секты, возникшія въ извѣстной средѣ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, сильно измѣняли свой характеръ, перешедши въ другую среду, ставши въ другія условія [111]). Нерѣдко воззрѣнія сектъ мѣнялись при сближеніи од-

---

[109]) Напр. о Василидѣ полагаютъ, что ученіе его болѣе имѣло дуалистическій характеръ и ближе было къ народнымъ вѣрованіямъ, когда онъ проповѣдывалъ его въ Сиріи, а по переселеніи въ Египетъ его система болѣе получила философской обработки и приняла въ себя пантеистическіе элементы (См. статью Липсіуса о гностицизмѣ у Ерша и Грубера Т. 71 стр. 271). О Вардесановомъ ученіи извѣстно напротивъ, что, первоначально сложившись подъ вліяніемъ Валентиновой ереси, оно болѣе отражало въ себѣ систему александрійской эманаціи, а потомъ въ Сиріи и Арменіи оно распространялось болѣе въ дуалистическомъ духѣ (Φιλοσοφ. VI, 35; Παναρ. LVI, 2). Объ Апеллесѣ мы уже говорили, что онъ нѣсколько разъ мѣнялъ свои воззрѣнія (Примѣч. 21).

[110]) Такъ ученіе Василида прежде всего было преобразовано его сыномъ Исидоромъ; дальнѣйшіе послѣдователи еще болѣе измѣнили его систему, и этимъ объясняютъ то значительное различіе, которое представляется въ изложеніи его системы у Ипполита сравнительно съ Иринеемъ и Климентомъ Александрійскимъ (Volkmar 153, 163; Allzog Kirchengeschichte § 72; Kurtz § 68, Schaff. стр. 213). Разницу въ показаніяхъ Ипполитовыхъ съ Иринеевыми объ ученіи Симона волхва также объясняютъ тѣмъ, что Ипполитъ имѣлъ въ виду это ученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было развито у позднѣйшихъ послѣдователей Симона (Липсіусъ у Эрша и Грубера Т. 71, стр. 288, Фолькмаръ 153) На какія отрасли развѣтвились и какимъ преобразованіямъ подверглись ученія Валентина и Маркіона у ихъ учениковъ и дальнѣйшихъ послѣдователей, объ этомъ говорится во всѣхъ ересеологическихъ памятникахъ древности и во всѣхъ новыхъ церковныхъ исторіяхъ.

[111]) См. въ примѣч. 109 замѣчанія о Василидѣ и Вардесанѣ. О Валентиновой школѣ въ философуменахъ прямо говорится, что она послѣ основателя раздѣлилась на двѣ отрасли—восточную и италійскую, и у восточныхъ послѣдователей Валентиніанства это ученіе развивалось иначе, чѣмъ у западныхъ (Φιλοσοφ. VI, 35.).

нихъ съ другими: одна секта заимствовала у другой воззрѣнія прежде чуждыя ей; изъ двухъ сектъ, повидимому мало имѣющихъ общаго между собою, образовывалась третья, представлявшая соединительное звено между ними [112]). Все это въ особенности нужно имѣть въ виду занимающимся исторіею древнихъ ересей. Если при изслѣдованіи какой нибудь секты у различныхъ писателей древности приходится ветрѣчать несогласныя извѣстія: историческая критика не должна спѣшить рѣшительными приговорами, отвергая одни извѣстія на основаніи другихъ, или заподозривая ихъ всѣ на основаніи ихъ видимаго противорѣчія между собою. Нужно напротивъ внимательно всмотрѣться, нѣтъ ли справедливости, нѣтъ ли своего цѣннаго научнаго значенія и въ тѣхъ и въ другихъ повидимому взаимно противорѣчащихъ извѣстіяхъ—съ точки зрѣнія извѣстнаго времени, мѣста, момента развитія и другихъ условій, въ какихъ разсматриваетъ извѣстную секту тотъ или другой изъ древнихъ памятниковъ. Въ частности, что касается до противорѣчія показаній Ипполитовыхъ въ Философуменахъ съ показаніями Иринея и другихъ слѣдовавшихъ преимущественно за Иринеемъ ересеологовъ, нужно принять во вниманіе, что эти два писателя разсматривали состоянія различныхъ сектъ именно въ различныхъ моментахъ ихъ развитія. Правда, различіе это по времени состояло въ какихъ нибудь двухъ-трехъ десятилѣтіяхъ. Ириней преимущественно имѣлъ въ виду состояніе сектъ въ третьей четверти II столѣтія, а Ипполитъ зналъ ихъ въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ находились подъ самый

---

[112]) Такъ повидимому не могло представляться ничего сроднаго между раціоналистическими началами монархіанства и обскурантными началами монтанизма. И первоначально монархіанство и монтанизмъ дѣйствительно встрѣтились въ Римѣ враждебно (Tertull. adv. Praxeam). Но потомъ, подъ вліяніемъ той и другой секты, въ Римѣ же образовалась особая сектантская отрасль Эсхина, совмѣщавшая въ себѣ монархіанскія и монтанистическія мнѣнія (Psendo-Tertull. cap. LIII). Или что общаго могло быть между гностическою системою Валентина и спорнымъ обрядовымъ вопросомъ 2-го вѣка о времени празднованія пасхи? а между тѣмъ въ ученіи Флорина отразились совмѣстно вліянія Валентинова гностицизма и раскола Четыредесятниковъ. (Евсев. V, 15, 20).

конецъ II и въ началѣ III вѣка. Но нѣсколько десятилѣтій здѣсь имѣли очень большое значеніе. Конецъ II столѣтія въ исторіи древнихъ сектъ представлялъ именно ту критическую эпоху, когда большая часть старыхъ сектъ гностическихъ стала терять свою первоначальную цѣльность и самостоятельный характеръ, разбиваться на мелкія отрасли, быстро возникающія одна за другою и быстро переживающія свое значеніе, образовывать разныя посредствующія сочетанія и т. д., и когда рядомъ со старыми гностическими сектами стали возникать новыя сектантскія отрасли монархіанскаго и монтанистическаго характера. Оттого въ сочиненіи Ипполита не только представляются извѣстія о нѣсколькихъ новыхъ сектахъ, не бывшихъ извѣстными Иринею, но и нѣкоторыя прежнія секты, описанныя Иринеемъ, представляются въ иномъ свѣтѣ, съ иными чертами, чѣмъ у Иринея [113]).

4) Наконецъ, чтобы объяснить себѣ отношеніе показаній Ипполитовыхъ къ показаніямъ другихъ ересеологовъ въ большей части тѣхъ случаевъ, гдѣ они представляются разногдасящими, нужно обратить вниманіе на ту цѣль, которую имѣлъ Ипполитъ при написаніи Философуменовъ, и опять на тѣ особенные полемическіе пріемы, которые онъ прилагалъ здѣсь къ разсмотрѣнію еретическихъ ученій. Ипполитъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи противъ ересей не имѣлъ въ виду вновь описывать тѣ извѣстныя стороны еретическихъ ученій, которыя уже описаны были Иринеемъ, и о которыхъ самъ онъ писалъ ранѣе въ краткомъ сочиненіи противъ ересей (βιβλιδάριον) и въ частныхъ полемическихъ сочиненіяхъ перваго періода его литературной дѣятельности. Философумена должны были быть именно дополненіемъ какъ къ писаніямъ Иринея, такъ и къ прежнимъ полемическимъ писаніямъ самаго Ипполита [114]). Въ этомъ сочиненіи онъ имѣлъ въ виду обратить вниманіе не

---

[113]) Срав. выше примѣч. 43.

[114]) Срав. предшествовавшей главы примѣч. 76 и настоящей примѣч. 17, 21.

столько на частные пункты еретическихъ ученій извѣстные изъ прежнихъ описаній, а на ихъ основные принципы — на ихъ внутреннюю философскую сторону мало извѣстную не только православнымъ, но и самымъ послѣдователямъ этихъ сектъ, непосвященнымъ въ высшія таинства, и разсмотрѣть каждое ученіе не только само по себѣ въ его наличномъ состояніи, но главнымъ образомъ въ связи съ самыми источниками его происхожденія — съ мнѣніями древней философіи и преданіями древней языческой магіи и астрологіи. Въ этомъ смыслѣ онъ самъ смотрѣлъ на предпринимаемый имъ трудъ, какъ на дѣло новое, требующее не только великихъ изслѣдованій и особеннаго вниманія, но и высшаго содѣйствія благодати св. Духа [115]).

Этими соображеніями достаточно можетъ опредѣляться то, какое мѣсто и значеніе долженъ имѣть этотъ памятникъ при

---

[115]) См. слова *Предисловія*. „Я и прежде изложилъ ученія сихъ еретиковъ вкратцѣ, не пускаясь въ подробности, но сжато обличая ихъ, чтобы они побоявшись, какъ бы я не высказалъ ихъ тайнъ, отстали отъ нелѣпаго ученія... Но такъ какъ они пренебрегли нашею скромностію, и упорствуютъ въ своихъ мысляхъ: то я принужденъ идти далѣе и обнаружить ихъ неизреченныя таинства, которыя съ великимъ довѣріемъ они передаютъ и открываютъ только посвященнымъ. Разумъ побуждаетъ насъ войти въ самую глубину изслѣдованія... Чтобы представить ихъ безбожниками и показать, что они заимствовали свои ученія не изъ Священнаго Писанія, а изъ положеній философскихъ системъ, изъ преданій и обрядовъ мистерій и изъ гаданій астрологовъ, я полагаю прежде изложить ученія эллинскихъ философовъ, и сличивъ каждую ересь съ ученіемъ того или другаго философа, показать, какимъ образомъ основатель ереси пользовался тѣми системами, заимствуя въ нихъ начала, и изъ нихъ увлекаясь къ худшему составлялъ свое ученіе... Предпріятіе наше трудное и требуетъ великаго изслѣдованія: но у насъ нѣтъ недостатка въ усердіи къ дѣлу; ибо впослѣдствіи это будетъ источникомъ радости, какъ радуется атлетъ, съ великимъ трудомъ получившій вѣнецъ. Такихъ заблужденій не обличитъ никто, кромѣ завѣщаннаго церкви Святаго Духа, котораго первые получили апостолы и передали правовѣрующимъ, и мы будучи ихъ преемниками, и участниками той же благодати первосвященства, не небрежемъ относительно ввѣреннаго намъ, но исполняя то, что слѣдуетъ по нашему особенному положенію, всѣмъ сообщаемъ независтно все, что даруетъ св. Духъ, не только посредствомъ обличенія выводя на свѣтъ чуждыя ученія, но и словесно и письменно свидѣтельствуя и возвѣщая то, что Истина пріявъ отъ Отца благодати преподала людямъ (русск. переводъ, стр. 2—4).

изслѣдованіи древнихъ ересей, въ какомъ отношеніи его показанія должны быть поставляемы къ показаніямъ другихъ доселѣ бывшихъ извѣстными ересеологическихъ памятниковъ, и въ какихъ случаяхъ нужно обращаться преимущественно къ показаніямъ этого новооткрытаго памятника, въ какихъ напротивъ болѣе нужно руководствоваться сообщеніями другихъ ересеологическихъ источниковъ.

Вопервыхъ показанія философуменовъ должны имѣть особенную цѣну при изслѣдованіи той эпохи древняго сектантства, когда гностицизмъ вступилъ въ новую фазу своего развитія (или пожалуй разложенія), при Иринеѣ только еще начинавшуюся, но главнымъ образомъ обнаружившуюся подъ конецъ II вѣка, и когда наряду съ гностическими ученіями, „преимущественно бывшими въ виду у Иринея, выступили новыя сектантскія группы иного характера, т.-е. группы ересей монархіанскихъ и различныя развѣтвленія монтанизма [116]). Этимъ мы не то хочемъ сказать, чтобы показанія Ипполита во всѣхъ другихъ случаяхъ, напр. по отношенію къ болѣе ранней эпохѣ развитія гностицизма, преимущественно описанной Иринеемъ, не имѣли никакого значенія. Нѣтъ, и тамъ сочиненіе Ипполита представляетъ многія весьма цѣнныя дополненія къ показаніямъ Иринея, и даже въ первый разъ знакомитъ насъ съ нѣсколькими сектами, несомнѣнно существовавшими издавна, но оставшимися неизвѣстными Иринею [117]). Но по отношенію къ той болѣе ранней эпохѣ сектантства сочиненіе Ипполита представляетъ только именно *дополненіе* къ труду Иринея, который тамъ и послѣ открытія философуменовъ долженъ остаться основнымъ первостепеннымъ источникомъ. По отношенію же къ указанной позднѣйшей эпохѣ—къ развитію сектантства подъ конецъ II вѣка *философумена* Ипполита имѣютъ такое же основное первостепенное и самостоятельное значеніе, какъ и сочиненіе Иринея.

[116]) Ср. Фолькмара, стр. 166—167.
[117]) См. выше примѣч. 17, 43.

Вовторыхъ показанія философуменовъ имѣютъ особенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда при изслѣдованіи древняго сектантства нужно обратить преимущественное вниманіе не столько на частные пункты того или другаго ученія и на его внѣшнюю, такъ-сказать, вульгарную миѳологическую сторону (для изслѣдованія этой стороны болѣе дадутъ матеріала показанія Иринея и другихъ ересеологовъ), сколько на самые принципы — на внутреннюю философскую сторону ученія, и когда при изслѣдованіи извѣстной секты имѣется въ виду не только то, чему учила эта секта, но и то, изъ какихъ источниковъ произошло, подъ какими вліяніями развилось, и въ какой связи съ ученіями древней философіи и преданіями языческой миѳологіи находилось ученіе христіанскихъ сектантовъ.

Это второе положеніе относительно значенія *философуменовъ* требуетъ впрочемъ еще большаго ограниченія, чѣмъ первое. Нельзя сказать безусловно, чтобы показанія Ипполита и относительно частныхъ пунктовъ сектантскаго ученія совсѣмъ не имѣли значенія, и чтобы напротивъ во всемъ, что касается разъясненія самыхъ принциповъ еретическихъ ученій и ихъ отношенія къ древнимъ миѳологическимъ и философскимъ ученіямъ можно было во всемъ полагаться на Ипполита. Многія и изъ частныхъ показаній Ипполитовыхъ имѣютъ несомнѣнную историческую цѣну; въ особенности, напр., указанія его на собственныя сектантскія сочиненія, которыя онъ самъ читалъ, и свѣдѣнія непосредственно заимствованныя имъ изъ этихъ сочиненій [118]). Съ другой стороны далеко нельзя сказать того, чтобы всѣмъ тѣмъ, что представляетъ Ипполитъ относительно оцѣнки самыхъ принциповъ еретическихъ ученій и сближенія ихъ съ древними миѳологическими и философскими ученіями, новѣйшая наука вполнѣ могла удовлетвориться. Ипполиту нужно отдать честь за то, что онъ первый указалъ правильный методъ для изслѣдованія древнихъ еретиче-

[118]) Примѣч. 41.

скихъ ученій — тотъ методъ, серьезность котораго болѣе и болѣе прилагается въ новѣйшей исторической наукѣ. Ипполитъ первый твердо поставилъ и раскрылъ то положеніе, что еретическія ученія могутъ быть правильно понимаемы при сближеніи ихъ съ древними языческими религіозными и философскими ученіями, съ преданіями древней магіи, астрологіи и т. д. [119]). И за это одно Ипполиту должно быть отведено въ наукѣ почетное мѣсто. Но ожидать отъ сочиненія Ипполитова полнѣйшаго примѣненія указаннаго имъ метода и безукоризненнаго раскрытія поставленной задачи невозможно, принимая во вниманіе общее состояніе науки въ то время и личныя научныя средства писателя. Чтобы вполнѣ успѣшно выполнить поставленную задачу, автору нужно было отлично знать религіозныя преданія древняго язычества и греческія философскія ученія. Ипполитъ и зналъ ихъ можетъ быть лучше, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, но зналъ вообще какъ образованный христіанинъ II или III вѣка, конечно съ большимъ предубѣжденіемъ смотрѣвшій на всѣ преданія древняго язычества, и притомъ какъ человѣкъ проживавшій въ Римѣ, куда доходили лишь обрывки религіозныхъ преданій Египта и Востока, и гдѣ во II и III вѣкахъ образованные люди, если и читали произведенія древнихъ философовъ, то сами были не сильными философами. Самыя еретическія ученія Ипполитъ зналъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ они распространялись въ Римѣ—не въ первоначальную эпоху ихъ развитія, и вдали отъ тѣхъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ они первоначально слагались на Востокѣ. Все это должно было отразиться въ сочиненіи Ипполита. Ипполитъ желаетъ

---

[119]) Правда, уже св. Ириней (кн. 11, гл. XIV) высказалъ то положеніе, что еретическія ученія, какъ затѣйливое платье, сшитое изъ старыхъ и плохихъ лоскутьевъ, составлены изъ старыхъ философскихъ ученій, отличавшихся невѣжествомъ и безбожіемъ. Иринеи представилъ и нѣсколько примѣровъ сближенія еретическихъ ученій съ древними философскими мнѣніями. Но въ полемикѣ Иринея это положеніе не главное и высказывается лишь между прочимъ, а у Ипполита оно проводится по всему сочиненію.

сближать еретическія представленія съ астрологическими преданіями древнихъ Халдеевъ и Египтянъ; но эти преданія извѣстны ему главнымъ образомъ по изложенію греческаго писателя современнаго ему Секста Эмпирика [120]); потому и сближенія могли быть односторонними. Ипполитъ старается сближать еретическія ученія съ древними философскими ученіями; но онъ недостаточно ясно различаетъ, какія изъ ересей по преимуществу отражаютъ на себя философское вліяніе и какія просто миѳологическое. Онъ старается каждую секту сблизить съ какою-нибудь философскою системою [121]), и нерѣдко основываетъ сближеніе на пунктахъ частныхъ, имѣющихъ случайное значеніе въ разсматриваемой сектѣ или системѣ. При этомъ болѣе какъ мыслитель, желающій во что бы то ни стало доказать любимое общее положеніе, нежели какъ историкъ, заботящійся о фактической точности показаній, Ипполитъ иногда старается сближать такія ученія, которыя и внутренняго сродства не представляютъ и внѣшнихъ историческихъ соприкосновеній не имѣли. Оттого иныя сближенія у него выходятъ произвольны и натянуты. Такъ напр. для науки едва ли могутъ имѣть серьезное значеніе представляемыя имъ сближенія ереси Маркіона съ ученіемъ Эмпедокла [122]), ереси Ноэта съ ученіемъ Гераклита [123]), или обширныя разсужденія объ аристотелевскомъ различеніи понятій рода, вида и индивидуума въ примѣненіи къ изложенію Василидовой системы [124]). Наконецъ было бы гораздо важнѣе для науки, если бы вмѣсто сближенія еретическихъ ученій съ греческими философскими системами, авторъ постарался бы указать историческое сход-

---

[120]) Это давно было замѣчено издателями философуменовъ *см. примѣчанія къ 4-й книгѣ.* Самый текстъ этой книги философуменовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ въ найденной рукописи оказались неясности и пропуски, возстановляется по сличенію съ сочиненіемъ Секста Эмпирика *противъ математиковъ и астрологовъ.*

[121]) Какъ и обѣщаетъ въ предисловіи: συμβαλεῖν ἑκάστην αἵρεσιν ἑκάστῳ φιλοσόφῳ.

[122]) Философоуμενα VII, 29, 31.

[123]) Философ. IX, 7—10.

[124]) Философ. VII, 13—19.

ство большей части сектъ съ религіозными преданіями Малой Азіи и Египта [125]). Но этого у него мало; съ греческою философіею и пожалуй миѳологіею онъ, какъ видно, знакомъ былъ гораздо болѣе, чѣмъ съ религіозными преданіями Египта и Востока. И въ этомъ, намъ кажется, заключается главный недостатокъ сочиненія при выполненіи задачи, поставленной самимъ авторомъ, и поставленной весьма серьезно и твердо.

Вотъ тѣ соображенія, которыми, по нашему мнѣнію, можетъ опредѣляться научное значеніе новооткрытаго сочиненія Ипполитова и отношеніе его къ другимъ ересеологическимъ памятникамъ древности. Затѣмъ и о сочиненіи Ипполита мы должны высказать еще то замѣчаніе, которое высказывали по поводу Иринея, и которое имѣетъ отношеніе ко всѣмъ ересеологическимъ памятникамъ древности. Ипполитъ лучше знаетъ и лучше описываетъ тѣ секты, съ которыми ему приходилось ближе знакомиться въ Римѣ; о сектахъ древнѣйшихъ и о сектахъ восточныхъ, мало или совсѣмъ не распространявшихъ своего вліянія на Западъ, свѣдѣнія сообщаемыя имъ коротки и смутны. Таково напр. въ первый разъ представляемое имъ, но весьма неопредѣленное извѣстіе о ереси Вардесана [126]). О замѣчательной сектѣ Элкезаитской онъ также первый сообщаетъ свѣдѣнія, но только потому, что эта секта въ первый разъ появилась при немъ въ Римѣ, между тѣмъ какъ вся предшествовавшая, по его же словамъ, столѣтняя исторія этой секты остается и у него темною [127]).

Нужно сказать еще нѣсколько словъ о внѣшнихъ особенностяхъ—объ изложеніи философуменовъ. Сочиненіе это, столь богатое содержаніемъ, съ внѣшней стороны представляетъ весьма существенные недостатки, которые также были можетъ быть одною изъ причинъ того, почему сочиненіе это оставлялось въ небреженіи въ древніе вѣка; почему и доселѣ

---

[125]) Ср. статью Липсіуса о гностицизмѣ, у Эрша и Грубера Т. 71, стр. 269—284.

[126]) Философ. VI, 35.

[127]) Философ. IX, 13—17.

имъ еще мало пользуются ученые. Философуменамъ совершенно не достаетъ хорошей отдѣлки. Это какъ будто не обработанное сочиненіе, а домашнія записки, черновые наброски матеріала для будущаго замѣчательнаго сочиненія. Языкъ въ философуменахъ тяжелый и темный. Мысли въ иныхъ мѣстахъ изложены слишкомъ сжато и отрывочно, какъ будто набросаны одна подлѣ другой общими положеніями безъ связи и раскрытія. Обширныя выдержки изъ сочиненій сектантскихъ также не вездѣ связаны съ собственнымъ изложеніемъ автора, и въ иныхъ мѣстахъ достаточно разъяснены, а въ другихъ почти оставлены безъ разъясненія. Въ самомъ расположеніи приготовленнаго матеріала у автора не выработалось яснаго и опредѣленнаго плана. Ему видимо хотѣлось отступить отъ простаго хронологическаго порядка въ описаніи ересей и представить сектантскія ученія въ системѣ по внутреннему ихъ смыслу: но и отъ систематическаго порядка онъ опять мѣстами сбивался на хронологическій. Онъ видимо самъ не доволенъ былъ расположеніемъ сектъ особенно въ VI—VIII книгахъ сочиненія, вслѣдствіе чего въ X-й заключительной книгѣ, гдѣ коротко повторяется изложенное въ предыдущихъ книгахъ, являются значительныя измѣненія въ расположеніи ересей [128]).

При всемъ томъ *Философумена*, по богатству содержанія, по серьезности мысли, по значенію очень многихъ и чрезвычайно любопытныхъ историческихъ данныхъ, представляемыхъ ими въ первый разъ, принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ христіанской древности, и въ полемической церковной литературѣ, рядомъ съ сочиненіемъ св. Иринея, они занимаютъ первостепенное мѣсто—гораздо выше всѣхъ другихъ ересеологическихъ памятниковъ, о которыхъ намъ придется говорить въ слѣдующихъ главахъ.

---

[128]) См. выше примѣч. 38; ср. Бунзена I, 169—177, Фолькмара 157—160.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЧАСТНЫЯ ЕРЕСЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСАНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ III ВѢКА: ТЕРТУЛЛІАНА, КИПРІАНА, НОВАЦІАНА, КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО, ОРИГЕНА, ДІОНИСІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО, АРХЕЛАЯ КАСХАРСКАГО.

Св. Ириней и Ипполитъ оставили намъ два большія сочиненія, представляющія обозрѣнія еретическихъ сектъ перваго и втораго вѣка, на основаніи тщательнаго и самостоятельнаго изученія мнѣній этихъ сектъ. Эти два сочиненія представляютъ самый важный источникъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ и полагаются въ основаніе ихъ изученія. Далѣе до самаго конца 4 и первой половины 5 вѣка другихъ общихъ обозрѣній древнѣйшаго сектантства мы не встрѣчаемъ, да и тѣ сочиненія, которыя являются съ такимъ характеромъ въ концѣ 4 и въ 5 вѣкахъ, по своему историческому значенію далеко не могутъ равняться съ сочиненіями Иринея и Ипполита. Отъ другихъ же писателей 3 и первой половины 4 столѣтія мы имѣемъ только частныя полемическія сочиненія, направленныя противъ тѣхъ или другихъ еретическихъ сектъ или мнѣній. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣютъ впрочемъ важное значеніе для науки, частію представляя попол-

неніе свѣдѣній о сектахъ уже извѣстныхъ изъ Иринея и Ипполита, частію сообщая новыя свѣдѣнія о сектахъ возникшихъ въ церкви послѣ Иринея и Ипполита.

Современникъ Ипполита Карѳагенскій писатель Тертулліанъ [1])

---

[1]) О жизни Тертулліана у древнихъ писателей извѣстій очень мало. Самыя опредѣленныя изъ нихъ, но очень краткія, у Іеронима—De viris illustribus, cap. LIII. Эти извѣстія дополняются біографическими данными, находящимися въ самыхъ сочиненіяхъ Тертулліана. Причиною отпаденія отъ церкви для Тертулліана были по Іерониму—invidia et contumeliae clericorum Romanae Ecclesiae. Ближайшимъ поводомъ къ отпаденію полагаютъ (на основаніи сочиненія advers Praxeam) распространеніе въ Римѣ монархіанскихъ мнѣній и снисходительное отношеніе къ нимъ со стороны оффиціальныхъ представителей римской церкви. Предположеніе позднѣйшихъ католическихъ писателей, будто Тертулліанъ въ послѣдніе годы жизни опять обратился къ церкви, не имѣетъ основаній. Болѣе вѣроятно другое извѣстіе, будто Тертулліанъ въ послѣдніе годы отпалъ и отъ монтанизма, и основалъ свою особую секту Тертуллианистовъ (Augustin. De haeresibus cap. LXXXVI). Хронологія жизни и сочиненій Тертулліана представляетъ много неясностей и затрудненій. Время рожденія его полагаютъ между 150 и 160 гг., время обращенія къ христіанству—между 185 и 196 гг., время отпаденія отъ церкви—между 199 и 202 гг., время смерти—между 210, 220 и даже 240 гг. Сочиненія Тертулліана, при всѣхъ его антикатолическихъ мнѣніяхъ, высоко цѣнились западными писателями (Кипріаномъ, Іеронимомъ, Лактанціемъ, Августиномъ), но совершенно почти оставались неизвѣстны восточнымъ (Евсевій упоминаетъ лишь мимоходомъ объ одной *апологіи* Тертулліана, переведенной на греческій языкъ кн. II гл. 2. Фотій вовсе не упоминаетъ о сочиненіяхъ Тертулліана; болѣе подробно говоритъ о нихъ и о самомъ Тертулліанѣ изъ греческихъ писателей уже Никифоръ Каллистъ. Histor. Eccles. Lib. IV, cap. 12 и 34). Большая часть сочиненій Тертулліана сохранилась въ цѣлости во многихъ древнихъ манускриптахъ (отъ 9 вѣка и далѣе), и онѣ были много разъ издаваемы еще съ XV вѣка. Замѣчательнѣйшія изъ старыхъ изданій: Beati Rhenani Basel 1521 г., Pamelii Antwerpen 1579 г., Rigaltii Paris 1634 г., Semleri Halle 1770—73 гг. Новые издатели: Leopold in Gersdorf's „Bibliotheca Patrum Eccles. Latinae T. IV—VII. Leipzig 1839—41 гг. и Oehler" Tertulliani quae supersunt opera omnia (самое полное)" Lips. 1853 г. У Миня творенія Тертулліана въ I и II томахъ Patrologiae Latinae—съ нѣкоторыми дополненіями въ III томѣ. Изслѣдованій о Тертулліанѣ и комментаріевъ къ его сочиненіямъ—также много. Кромѣ старыхъ, перепечатанныхъ въ изданіяхъ Миня и Элера, (Памелія, Нурри, Лумпера, Нэссельта, Мосгейма и др.), изъ новыхъ болѣе замѣчательны: Неандера Antignosticus—Geist d. Tertullians—Berlin 1825, 2 изд. 1849 г., Гессельберга Tertullians Leben und Schriften—Dorpat 1848 г., Гефеле Tertullians als Apologet—Tübing. Quartalschrift 1838, Энгельгардта Tertullians schriftsteller. Character—Histor—theolog. Zeitschrift 1852, Ульгорна—Fundamenta chronologiae Tertulliani—Gotting. 1852 г., Гротемейера—Ueber—

сначала ученый язычникъ юристъ, потомъ уважаемый христіанскій пресвитеръ—ревностнѣйшій церковный апологетъ и полемистъ, и наконецъ отщепенецъ отъ церкви и рѣзкій обличитель ея, приверженецъ монтанизма—оставилъ намъ нѣсколько сочиненій противъ еретическихъ сектъ и мнѣній, имѣвшихъ особенное значеніе въ его время. Значительнѣйшее изъ полемическихъ сочиненій Тертулліана—5 книгъ противъ Маркіона [2]). Это самое обширное и обстоятельнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ обличеній Маркіонитства [3]). Въ немъ важно для исторіи особенно то, что авторъ въ первыхъ трехъ книгахъ представляетъ подробный разборъ собственнаго сочиненія Маркіона «Antitheses» опровергаетъ множество возраженій противъ христіанскаго ученія, заимствованныхъ изъ этого сочиненія, а въ двухъ послѣднихъ также обстоятельно передаетъ содержаніе искаженнаго евангелія Маркіонова и принимаемыхъ

Tertullians Leben und Schriften—Kempten 1863. Хороши также характеристики Тертулліана въ общихъ церковно-историческихъ сочиненіяхъ — у Неандера, Пресансе, Шаффа (его же статья о Тертулліанѣ въ энциклопедіи Герцога Т. XV), Бернигера (Die Kirche Christi in Biographien. B. I., Zürich 1842 г.), Мелера (Patrologie. Regensburg. 1839 г.), Губера Philosophie der Kirchenväter, Эберта Geschichte der Christlich—lateinischen Literatur - Leipzig 1874 (его же Tertullians Verhältniss zu Minucius Felix—въ изданіи историко-филологическаго отдѣленія королев. Саксонскаго общества наукъ. B. V. 1868) На русскомъ языкѣ творенія Тертулліана—въ переводѣ Карпеева (С. П. Б. 1847 и 1850 гг. четыре части въ двухъ книгахъ), но не всѣ, не въ цѣльномъ видѣ, и переводъ довольно выразительный, но мѣстами весьма неточный. Кромѣ того нѣкоторыя сочиненія переведены въ Христ. Чтеніи и Трудахъ Кіевской Дух. Академіи. Статьи о Тертулліанѣ и его сочиненіяхъ въ Христ. Чтеніи 1842 г., въ Историч. ученіи объ отцахъ церкви преосв. Филарета Черниг. ч. I § 78—83, и въ „Философіи Отцовъ Церкви". Проф. Скворцова. Кіевъ.

[2]) Adversus Marcionem libri quinque — Migne Patrolog Latina T. II pag. 239—524.

[3]) Свои обличенія противъ маркіонитства авторъ, по его собственнымъ словамъ (Lib. I cap. I), передѣлывалъ и дополнялъ до трехъ разъ. Подлежитъ изслѣдованію вопросъ, на сколько онъ пользовался трудами предшествовавшихъ обличителей маркіонитства (срав. глав. 3 прим. 18), и между прочимъ имѣлъ ли онъ въ виду Ипполитово сочиненіе противъ Маркіона (5 главы стран. 172—173).

Маркіономъ 10 посланій апостольскихъ [4]). Важно также сочиненіе Тертулліана противъ Гермогена [5]) лжеучителя ему современнаго, котораго Иринеи еще не могъ знать, и о которомъ въ сочиненіи Ипполита сообщаются лишь краткія свѣдѣнія [6]); Тертулліанъ опровергаетъ этого еретика съ бо́льшею подробностью, чѣмъ Ипполитъ. Такое же значеніе обличенія ереси современной и близко-извѣстной обличителю имѣетъ сочиненіе Тертулліала противъ Праксея [7]); хотя въ этомъ сочиненіи довольно сильно сказывается пристрастное отношеніе личности и партіи, тѣмъ не менѣе оно важно для исторіи, какъ опроверженіе патрипассіанскихъ мнѣній въ первомъ періодѣ распространенія ихъ въ западной церкви, и какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ богословскаго раскрытія православнаго ученія о Троицѣ [8]). Менѣе имѣетъ значенія Тертулліаново сочиненіе

---

[4]) Въ русскомъ переводѣ Карнеева (ч. 4 стр. 1—28) содержаніе обширнаго сочиненія противъ Маркіона передается лишь въ краткомъ извлеченіи, и при этомъ обращается вниманіе почти только на первыя двѣ книги Тертулліанова сочиненія, изъ третьей и четвертой представляются малыя выдержки, а изъ пятой совсѣмъ ничего. Между тѣмъ содержаніе послѣднихъ книгъ сочиненія противъ Маркіона въ настоящее время представляется особенно важнымъ въ виду возбужденнаго вопроса о первоначальномъ канонѣ священныхъ новозавѣтныхъ книгъ.

[5]) Advers. Hermogenem.—Migne T. II pag. 195—238; у Карнеева ч. 4 стр. 67—126.

[6]) Срав. Φιλοσοφούμενα Lib. VIII cap. 17, Lib. X, cap. 28.

[7]) Adv. Praxeam—Migne T. II pag. 153—196; у Карнеева ч. 4 стр. 127—199.

[8]) Тертулліаново сочиненіе противъ Праксея какъ въ изложеніи патрипассіанскаго ученія, такъ и въ опроверженіи его (въ приведеніи одинаковыхъ аргументовъ, въ разборѣ однихъ и тѣхъ же мѣстъ свящ. писанія) представляется много сходнымъ съ Ипполитовымъ сочиненіемъ противъ Ноэта. Естественно при этомъ является вопросъ, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти два писателя. Рѣшеніе этого вопроса находится въ зависимости отъ точныхъ хронологическихъ разъясненій (когда Тертулліанъ и Ипполитъ писали свои сочиненія), для которыхъ пока данныхъ очень мало. Тертулліаново сочиненіе противъ Праксея считалось прежде древнѣйшимъ опроверженіемъ монархіанства. Но, имѣя основаніе думать, что Ипполитово сочиненіе противъ Ноэта принадлежитъ къ раннему періоду его литературной дѣятельности, и къ тому раннему же періоду развитія монархіанства, когда оно не переходило еще въ Савелліанизмъ,—принимая во вниманіе съ другой стороны, что сочиненіе противъ Праксея писано Тертулліаномъ несомнѣнно послѣ

противъ Валентиніанъ [9]); послѣ тѣхъ обстоятельныхъ свѣдѣній, какія сообщаются объ ученіи этой секты въ сочиненіяхъ Иринея и Ипполита, полемика Тертулліана мало представляетъ значительнаго; свои свѣдѣнія объ ученіи Валентина Тертулліанъ большею частію заимствуетъ у Иринея [10]), новыми пред-

---

отпаденія его въ монтанизмъ, едва ли не вѣрнѣе будетъ Ипполитово сочиненіе признать древнѣйшимъ Тертулліанова: слѣдов. если здѣсь нужно признать заимствованіе, то Тертулліаномъ у Ипполита, а не на оборотъ. Можетъ быть впрочемъ, Ипполитъ и Тертулліанъ опровергали монархіанизмъ независимо другъ отъ друга; сходство аргументаціи и полемики могла вызываться одинаковостью предмета опроверженія. Такое предположеніе тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что и вообще вопросъ о томъ, на сколько Тертулліанъ могъ пользоваться греческими писателями—вопросъ неясный; Иринеемъ онъ пользовался (adv Valentinianos) въ латинскомъ переводѣ, а чтобы Ипполитово опроверженіе Ноэта было скоро послѣ написанія переведено на латинскій языкъ, это ниоткуда неизвѣстно.—Другой вопросъ: какъ относится опровергаемый Тертулліаномъ Праксей къ обличаемымъ Ипполитомъ представителямъ монархіанства—Ноэту, Епигону, Клеомену, Савеллію? Писатели прежніе, писавшіе о монархіанствѣ до открытія Философуменовъ, ученія Праксея, Ноэта и Савеллія, представляли обыкновенно тремя совершенно независимыми другъ отъ друга отраслями этого еретическаго направленія, и относили одну отрасль къ Малой Азіи, другую къ Риму, третью къ Египту. Но съ открытіемъ Философуменовъ сдѣлалось яснымъ, что эти сектантскія ученія находятся въ непосредственной связи, принадлежатъ къ одной и той же сектантской отрасли, которая первоначально проявилась въ Малой Азіи, затѣмъ въ концѣ 2 или началѣ 3 вѣка нашла главное мѣсто для своего распространенія въ Римѣ, и наконецъ уже къ половинѣ 3 вѣка (ко временамъ Діонисія александрійскаго) распространилась преимущественно въ Египтѣ. Ипполитъ послѣдовательно перечисляетъ главныхъ представителей этой секты отъ Ноэта до Савеллія. (Φιλοσοφ. IX, 7—12). Но странное дѣло, между этими представителями нѣтъ имени Праксея; а между тѣмъ, по извѣстію Тертулліана, Праксей также дѣйствовалъ въ Римѣ, гдѣ жилъ и Ипполитъ, и былъ здѣсь даже главнымъ распространителемъ монархіанства. Не можетъ ли это привести къ тому предположенію, что названіе Праксей, употребляемое Тертулліаномъ, есть только другое имя какого либо изъ представителей монархіанства обозначенныхъ въ философуменахъ,—если не самаго Ноэта, какъ предполагалъ Землеръ, то напр. Епигона? Срав. 6 главы примѣч. 21.

[9]) Adv. Valentinianos—Migne T. II pag. 525—596; у Карнеева ч. 4 стр. 29—67.

[10]) Изъ писателей, писавшихъ противъ Валентиніанства прежде, кромѣ Св. Иринея, Тертулліанъ называетъ еще Іустина философа, Мильтіада и Прокула (cap. V). О послѣднемъ отзывается онъ съ особенною пріязнію: Proculus noster christiane eloquentiae dignitas. Это очевидно тотъ

ставляются у него нѣсколько извѣстій о развѣтвленіи Валентиновой секты на различныя отрасли въ позднѣйшее время [11]).

Кромѣ сочиненій направленныхъ противъ цѣлыхъ сектъ, есть у Тертулліана еще нѣсколько сочиненій противъ отдѣльныхъ еретическихъ мнѣній. Между ними прежде всего обращаетъ на себя вниманіе сочиненіе озаглавляемое «Противоядіе противъ гностиковъ» [12]), представляющее опроверженіе очень любопытныхъ и ни откуда, кромѣ этого сочиненія, неизвѣстныхъ возраженій, высказыванныхъ нѣкоторыми сектантами противъ христіанскаго мученичества, имѣвшаго въ то время такое важное значеніе. Въ сочиненіи о Крещеніи Тертулліанъ раскрываетъ спасительное дѣйствіе христіанскаго таинства также вопреки ученію нѣкоторыхъ сектантовъ, отвергавшихъ значеніе видимаго крещенія водою [13]). Въ сочи-

---

Прокулъ, глава римскихъ монтанистовъ, котораго опровергалъ Кай. О Мильтіадѣ же, какъ писателѣ также опровергавшемъ монтанистовъ, Тертулліанъ отзывается съ нѣкоторою иронією—Miltiades Ecclesiarum Sophista—Мильтіадъ — церковный софистъ (а не поборникъ церквей какъ перевелъ г. Карнеевъ). Ипполита между предшествовавшими обличителями Валентиніанства Тертулліанъ не упоминаетъ, да и Ипполитово обличеніе валентиніанства въ философуменахъ вѣроятно позднѣе Тертулліанова.

[11]) См. въ особ. сар. IV, XXXIII—XXXIX. Между учениками Валентина и представителями отдѣльныхъ отраслей Валентиніанства Тертулліанъ называетъ Теотима, о которомъ, сколько намъ извѣстно, кромѣ него никто изъ древнихъ ересеологовъ не упоминаетъ. Названіе другаго Валентиніанина Аксіоника, о которомъ нѣтъ упоминанія у Иринея, но есть у Ипполита (Φιλοσ. VI, 35), и котораго согласно съ Ипполитомъ Тертулліанъ относитъ къ восточной отрасли Валентиніанства, показываетъ, что Тертулліанъ имѣлъ въ виду не ту болѣе раннюю эпоху развитія этой секты которую описывалъ Иринеи, но ту позднѣйшую, которая представляется въ философуменахъ.

[12]) Advers. Gnosticos Scorpiace—Migne T. II pag. 121—154; у Карнеева ч. 4 стр. 199—241.

[13]) De Baptismo—Migne T. I. pag. 1197—1224; у Карнеева 2 ч. стр. 3—30. Это сочиненіе написано Тертулліаномъ противъ какой то Квинтиллы—его близкой современницы (nuper conversata istic Cap. I), которая находила несообразнымъ, чтобы такое простое дѣйствіе, какъ погруженіе въ воду, производило такія великія послѣдствія, какія христіане приписываютъ таинству крещенія (Nihil est, quod tam obduret mentes hominum, quam. simplicitas divinorum operum, quae in actu vi-

ненiи о Плоти Христовой раскрывается христiанское ученiе о принятiи Сыномъ Божiимъ дѣйствительной человѣческой плоти вопреки ученiю гностиковъ Маркiона, Апеллеса, Валентина и Александра, считавшихъ плоть Iисуса Христа призрачною, или какою-то особенною, взятою изъ мiра духовнаго, изъ мiра

---

detur, et magnificentia, quae in effectu repromittitur. Cap. II) Эту Квинтиллу Тертулліанъ называетъ принадлежащею къ ереси Кайянъ (de Caiana haeresi vipera venatissima). Позднѣйшіе комментаторы и историки, которымъ приходилось обращать вниманіе на это извѣстіе Тертулліана, большею частію принимали эту Квинтиллу за послѣдовательницу той секты Каинитовъ, которая составляла отрасль Офитскаго гностицизма, и о которой говорятъ Ириней Lib. I. cap. 35. Климентъ Александрійскій Stromata lib. VII cap. 17, Оригенъ contra Celsum lib. III cap. 13, Епифаній Haeres XXXVIII и т. д.). Но едва ли не вѣрнѣе будетъ — эту Квинтиллу считать послѣдовательницею не Каинитовъ, которые, распространяясь преимущественно въ Египтѣ, въ западныхъ церквахъ — въ Римѣ и Карѳагенѣ—едва ли могли имѣть вліяніе, а Кайянъ, т.-е, того особеннаго раціоналистическаго направленія, которое подъ руководствомъ ученаго римскаго пресвитера Кая начинало развиваться въ римской церкви именно въ то время, когда дѣйствовалъ Тертулліанъ, и которое болѣе извѣстно подъ названіемъ алоговъ (см. 5 главу нашего изслѣдованія примѣч. 70). Мнѣніе Квинтиллы о таинствѣ крещенія, опровергаемое Тертулліаномъ, во всякомъ случаѣ скорѣе можетъ быть объяснено изъ общаго раціоналистическаго строя воззрѣній алогизма, чѣмъ изъ сложной полуязыческой теогоніи и космогоніи Офитства и сродныхъ съ нимъ сектъ. Самое названіе секты—Cajani—скорѣе можетъ быть произведено отъ собственнаго имени Cajus, чѣмъ отъ Cain; отъ послѣдняго имени сектанты скорѣе могли быть названы Cainiani или Cajnistae, (хотя впрочемъ эти названія—Cajani, Cainiani, Cainistae, Caini у древнихъ ересеологовъ, по крайней мѣрѣ въ сохранившихся манускриптахъ ихъ произведеній, ставятся одно на мѣсто другаго). Далѣе о какой-то ереси начальницѣ Квинтиллѣ есть извѣстіе у Епифанія писателя позднѣйшаго, но конечно составлявшаго свои свѣдѣнія о старыхъ сектахъ на основаніи источниковъ древнѣйшихъ (Срав. 5-й главы примѣч. 64, 76, 6-й главы примѣч. 32). Онъ называетъ эту Квинтиллу начальницею одной изъ отраслей Монтанизма, не ясно впрочемъ отличаемой имъ отъ главнаго направленія этой секты (Панар. ерес. XLIX). Уже нѣкоторыхъ прежнихъ изслѣдователей занималъ вопросъ, одна ли и таже эта Квинтилла съ упоминаемою Тертулліаномъ, или другая (Walch Ketzergeschichte B. I, s. 606). Твердыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса конечно нѣтъ, но нѣтъ основаній и различать Епифаніевскую Квинтиллу отъ Тертулліановской. Воззрѣнія Тертулліановской Квинтиллы, отличающіяся раціоналистическимъ характеромъ, повидимому не подходятъ подъ общій строй монтанистическаго ученія. Но ничего не могло быть удивительнаго въ томъ, если увлекавшаяся энтузіастка Квинтилла во время бывшей тогда въ Римѣ борьбы раціоналистическаго алогизма съ

звѣзднаго и т. д. [14]). Въ сочиненіи о Воскресеніи плоти Тертулліанъ, защищая дорогую для христіанства истину воскресенія главныхъ образомъ противъ языческихъ философовъ, не знавшихъ этой истины, касается и неправильныхъ представленій объ этомъ предметѣ нѣкоторыхъ еретиковъ—Менандра, Маркіона, Лукана, Марка [15]). Отчасти касается также Тертулліанъ еретическихъ представленій и въ сочиненіи о душѣ, въ

мистическимъ монтанизмомъ сначала поддалась вліянію раціоналистическихъ взглядовъ ученаго Кая, а потомъ увлеклась мистическою проповѣдью его противника Прокула или какой нибудь монтанистической пророчицы Прискиллы, (которой Епифаній приписываетъ также какое-то важное значеніе въ образованіи секты Квинтиліанистовъ). Можетъ быть и въ самомъ ученіи секты, образовавшейся подъ вліяніемъ Квинтиллы, отразились черты и того и другаго изъ ученій, какими увлекалась Квинтилла т.-е. и Кайянскаго раціонализма и монтанистическаго мистицизма. На это можно найти и нѣкоторое указаніе у Епифанія. Какъ отличительную отъ ученія фритійскихъ монтанистовъ черту въ ученіи квинтиліанъ Епифаній указываетъ между прочимъ ту, что они не только хвалились вдохновеніями и прорицаніями, но высоко ставили и начало *разумѣнія*—начало болѣе сродное Кайянскому, чѣмъ монтанистическому направленію. Они, сообщаетъ Епифаній (2 гл. XLIX ерес.), воздавали особенную благодарность праматери Евѣ за то, что она первая вкусила отъ *древа разумѣнія*. На этомъ основаніи между прочимъ у нихъ женщинамъ предоставлялось самое широкое право учительства, пророчества, занятія всѣхъ іерархическихъ должностей — не только пресвитерской, но и епископской. Эта секта можно предполагать, представляла такую же средину между кайянствомъ и монтанизмомъ, какъ секта Эсхина—между монтанизмомъ и патрипассіанствомъ (такимъ образомъ въ ней новый примѣръ посредствующаго сочетанія противоположныхъ повидимому ученій. (Сравн. 6-й главы примѣч 112). Только Тертулліанъ, писавшій сочиненіе De Baptismo еще въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности—до отпаденія отъ церкви, вѣроятно имѣлъ въ виду эту секту въ первомъ періодѣ ея развитія — когда въ ней преобладало раціоналистическое кайянское направленіе,—а другой писатель, изъ котораго Епифаній заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этой сектѣ (т.-е. по всей вѣроятности Ипполитъ in Memoria haeresium Сравн. 6-й главы примѣч. 32), описывалъ ее въ томъ періодѣ, когда она преимущественно проникласъ мистическими началами монтанизма.

[14]) De Carne Christi—Migne T. II, pag. 751—792); у Карнеева ч. 3-я стр. 1—54.

[15]) De resurrectione carnis—Migne T. II, pag. 791—886; у Карнеева ч. 3-я стр. 54—171. Это—одно изъ лучшихъ сочиненій Тертулліана, и вообще—одинъ изъ лучшихъ богословскихъ трактатовъ, раскрывающихъ истину воскресенія на основаніяхъ чисто христіанскихъ.

которомъ неосторожно высказываются и его собственныя не очень высокія представленія о природѣ души [16]).

Нужно замѣтить, что почти всѣ помянутыя сочиненія Тертулліана относятся къ тому періоду его литературной дѣятельности, когда онъ отдѣлился отъ церкви и сдѣлался приверженцемъ монтанизма [17]). Поэтому въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій вмѣстѣ съ опроверженіемъ еретическихъ ученій встрѣчаются и рѣзкія выходки противъ церкви по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ монтанизмъ расходился съ церковью. Но это не мѣшаетъ означеннымъ сочиненіямъ имѣть большое значеніе не только въ исторіи ересей, но и въ православной противусектантской полемикѣ. Тѣ лжеученія, которыя опровергалъ Тер-

---

[16]) De Anima—Migne T. II, pag. 641—752; у Карнеева это сочиненіе оставлено совсѣмъ безъ перевода, вѣроятно по причинѣ рѣзкихъ мнѣній, находящихся въ немъ. Источникомъ грубыхъ представленій о душѣ у Тертулліана было то, что онъ вообще не допускалъ ничего безтѣлеснаго—нематеріальнаго: Corpus — ipsa substantia rei cujusque (Adv. Hermogen. cap. 35); nihil est, si non corpus (De Anima cap. 7); omne, quod est, corpus est sui generis; nihil est incorporale, nisi quod non est (De Carne Christi cap. 2). На этомъ основаніи Тертулліанъ даже для Бога предполагалъ Corpus sui generis (Adv. Praxeam cap. 7), признавая впрочемъ maximam diversitatem divini corporis et humani (Adv. Marcion, Lib. II). Тѣмъ болѣе душу человѣческую онъ признавалъ Substantiam corpoream (De Anima cap. V, VI, VII, XXII и въ другихъ мѣстахъ). Правда, выраженіемъ—тѣлесное бытіе или тѣлесная сущность—Тертулліанъ какъ будто только старался обозначить то, что называется *реальнымъ дѣйствительнымъ бытіемъ* въ противоположность абстрактному: тѣмъ не менѣе однакожъ его неосторожныя выраженія дали поводъ нѣкоторымъ его послѣдователямъ къ самымъ грубымъ матеріалистическимъ представленіямъ о Богѣ и душѣ (Срав. Augustin, de haeres 85). Есть также въ сочиненіи De anima и другія мнѣнія, не принимаемыя церковію. См. Paradoxa Tertulliani cum antidito Pamelii—Migne. T. II, pag. 179—209); но авторъ весьма рѣшительно и подробно опровергаетъ ученіе древнихъ философовъ Пиѳагора и Емпедокла—и нѣкоторыхъ еретиковъ о переселеніи душъ (cap. 28—35).

[17]) Изъ всѣхъ упомянутыхъ выше сочиненій лишь одно—De Baptismo признается принадлежащимъ къ православному періоду литературной дѣятельности Тертулліана. Остальныя всѣ писаны имъ послѣ отпаденія отъ церкви. См. Лумпера и Нессельта—Dissertatio de vera aetate ac doctrina Scriptorum Q. S. Tertulliani—у Миня T. I, art V. Срав. Ультгорна—Fundamenta chronologiae Tertulliani—и статью Шаффа о Тертулліанѣ въ энциклопедіи Герцога T. XV.

тулліанъ въ сочиненіяхъ противъ Маркіона, Валентина, Гермогена, Праксея, не имѣли отношенія къ пунктамъ разногласія раздѣлявшимъ монтанистическія воззрѣнія Тертулліана отъ церковнаго ученія. Въ истинахъ вѣры, которыя Тертулліану приходилось защищать провивъ гностическихъ лжеучителей, Монтанисты были согласны съ церковью, По этому Тертулліанъ монтанистъ писалъ свое сочиненіе противъ еретиковъ также, какъ писалъ бы ихъ православный писатель. Даже можно сказать—болѣе: монтанисты къ ересямъ гностическимъ и патрипассіанскимъ относились съ большею горячностью и строгостью, чѣмъ православные. И это весьма выразительно сказывается въ сочиненіяхъ Тертулліана. Если ихъ можно упрекнуть, то скорѣе въ излишней горячности и рѣзкости противъ еретиковъ, чѣмъ въ недостаткѣ ревности къ защищенію христіанской истины. Правда, среди обличеній еретикамъ находятся въ помянутыхъ сочиненіяхъ и рѣзкія выходки противъ церкви; но эти выходки, какъ мы уже сказали, не имѣютъ прямаго отношенія къ тѣмъ пунктамъ православія, которыя Тертулліану нужно было защищать противъ гностиковъ и патрипассіанъ. Эти выходки касаются другихъ пунктовъ, въ которыхъ монтанизмъ расходился съ церковью. Но съ этой стороны сочиненія Тертулліана получаютъ еще особенное значеніе въ исторіи древняго сектантства. Представляя опроверженіе заблужденій гностицизма и патрипассіанства, помянутыя сочиненія Тертулліана вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочиненіями нравственнаго содержанія, (de pudicitia, de monogamia, de virginibus velandis, de jejuniis, de fuga in persecutione, de corona militis, de pallio) [18]) представляютъ съ по-

---

[18]) Всѣ эти сочиненія у Миня T. II, Series secunda; въ русскомъ переводѣ у Карнеева ихъ нѣтъ. Близкія къ нимъ по характеру—но въ которыхъ монтанистическое направленіе высказывается не такъ рѣзко (если онѣ и писаны въ монтанистическій періодъ Тертуллiановой дѣятельности, что также не считается рѣшеннымъ): De cohortatione castitatis, De habitu mulieBri: De cultu foeminarum; эти находится у Карнеева во 2-й части стр. 102—193.

ложительной стороны живое выраженіе воззрѣній монтанистическихъ. И это тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что другихъ памятниковъ монтанистическаго ученія мы не имѣемъ, и самыя сочиненія православныхъ писателей, писавшихъ противъ монтанизма, не дошли до насъ [19]). Для изученія монтанизма, имѣвшаго, какъ увидимъ, очень большое значеніе въ исторіи христіанства первыхъ вѣковъ, главный источникъ—это именно помянутыя сочиненія Тертулліана.

Кромѣ частныхъ полемическихъ сочиненій, есть у Тертулліана и одно общее сочиненіе противъ еретиковъ, писанное имъ въ то время, когда онъ былъ еще приверженцемъ Церкви. Это сочиненіе извѣстное подъ заглавіемъ: «De praescriptionibus adversus haereticos или De praescriptionibus haereticorum [20]). Оно впрочемъ не представляетъ исторіи еретическихъ сектъ и изложенія ихъ доктринъ, а общее философско-богословское разсужденіе о происхожденіи ересей, отношеніяхъ ихъ къ Церкви и значеніи въ христіанскомъ мірѣ. Новыхъ собственно фактическихъ данныхъ для исторіи ересей это сочиненіе не представляетъ: но оно имѣетъ важное значеніе для разъясне-

---

[19]) Мы разумѣемъ здѣсь сочиненія писателей древнѣйшихъ, современныхъ развитію монтанизма—Апполинарія, Серапіона, Мильтіада, Аполлонія, Кая (См. 3-й главы примѣч. 20). Но отъ позднѣйшихъ писателей—Евсевія, Епифанія, Ѳеодорита, мы имѣемъ довольно извѣстій о монтанистахъ и ихъ ученіи заимствованныхъ конечно изъ болѣе древнихъ источниковъ, хотя и недовольно ясныхъ. Сохранившіяся отъ Ипполита свѣдѣнія объ ученіи монтанистическомъ въ философуменахъ и въ Libellus Pseudo-Tertulliani—очень коротки.

[20]) Migne T. II pag. 11—60; у Карнеева ч. I стр. 149—191. Заглавіе сочиненія: „De praescriptionibus adv. haereticos“ толкуется различно. На русскій языкъ нѣкоторые переводятъ его словами „о прещеніяхъ противъ еретиковъ“ (Карнеевъ), другіе „о правахъ давности противъ еретиковъ“. (Филаретъ Черниг.). Въ послѣднемъ смыслѣ, понимаемомъ примѣнительно къ римской юридической терминологіи (какъ и самое изложеніе сочиненія имѣетъ юридическій характеръ), заглавіе это выражаетъ ту мысль, что здѣсь доказывается право давности Церкви на владѣніе христіанскою истиною, на пользованіе свящ. писаніемъ, и оспаривается это право у еретиковъ, — такъ какъ Церковь основана Христомъ, и въ ней отъ апостоловъ преемственно поддерживается единое преданіе истины, а еретическія ученія суть новыя измышленія разнорѣчащія и съ апостольскимъ преданіемъ и между собою.

нія общихъ ересеологическихъ вопросовъ, напр. въ виду той превратной постановки вопросовъ о происхожденіи и значеніи ересей, какая встрѣчается у новыхъ историковъ церковныхъ отрицательной школы. И вообще въ этомъ сочиненіи весьма много здравыхъ и глубокихъ соображеній не только о значеніи ересей, но и о положеніи христіанской Церкви.

Къ этому сочиненію, состоящему изъ XLV небольшихъ главъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ Тертулліановыхъ сочиненій прибавляется еще восемь главъ (XLVI—LIII), въ которыхъ содержится краткое обозрѣніе еретическихъ ученій первыхъ двухъ вѣковъ, начиная отъ самарянской секты досиѳеянъ до первыхъ патрипассіанъ появившихся въ Римѣ къ концу втораго или въ началѣ третьяго столѣтія [21]). Это обозрѣніе не можетъ быть признано подлиннымъ произведеніемъ Тертулліанъ. Не говоря объ особенностяхъ изложенія не похожаго на Тертулліановское [22]), и о томъ, что этого обозрѣнія нѣтъ во многихъ древнихъ спискахъ Тертулліановскихъ сочиненій [23]), доказательства неподлинности его находятся въ самомъ содержаніи. Тертулліанъ въ XLV заключительной главѣ несомнѣнно подлиннаго сочиненія, «de praescriptionibus» прямо говоритъ, что здѣсь предлагается только общее разсужденіе о всѣхъ ересяхъ, а спеціальное разсмотрѣніе частныхъ еретическихъ сектъ предоставляется будущему: въ главахъ же XLVI—LIII, какъ бы вопреки словамъ автора только что передъ тѣмъ высказаннымъ, представляется именно обозрѣніе частныхъ еретическихъ ученій [24]). Далѣе Тертулліанъ не могъ

---

[21]) Migne T. II pag. 61—74; въ русскомъ переводѣ у Карнеева этихъ главъ нѣтъ.

[22]) Въ этихъ главахъ нѣтъ обычныхъ свойствъ Тертулліановскаго изложенія—горячности, живости, рѣзкости, ироніи, намековъ, широковѣщаній и т. д.; здѣсь краткое, простое, точное и сухое изложеніе ученія каждой ереси.

[23]) Напр. въ древнѣйшемъ кодексѣ Агобаровомъ, а въ нѣкоторыхъ спискахъ это описаніе ересей предшествуетъ Тертулліановскому „De praescriptionibus“. См. у Миня pag. 61 въ примѣчаніяхъ.

[24]) Cap. XLV. Nunc generaliter actum est a nobis adversus haereses omnes. De reliquo specialiter quibusdam respondebimus. И затѣмъ обыч-

бы такъ строго отзываться о монтанистахъ, какъ это дѣлается въ LII главѣ означеннаго обозрѣнія; онъ не могъ называть главою еретиковъ Прокула, о которомъ въ сочиненіи противъ валентиніанъ отзывается съ большимъ уваженіемъ [25]). Если предположить, что это сочиненіе писано еще въ то время, когда Тертулліанъ былъ православнымъ, и тогда по свойствамъ своихъ воззрѣній и характера онъ не могъ непріязненно относиться къ монтанизму, сочувственному ему по самой сущности своей. Но это обозрѣніе не могло быть писано Тертулліаномъ, когда онъ находился въ союзѣ съ Церковью. Въ немъ между прочимъ обличается такая ересь, распространеніе которой въ Римѣ и было однимъ изъ поводовъ къ его разрыву съ Церковью — ученіе Праксея [26]). Тѣмъ менѣе можно предположить, чтобы Тертулліанъ, отдѣлившійся отъ Церкви, могъ поставлять монтантистовъ, къ которымъ онъ самъ тогда принадлежалъ, въ разрядъ сектантовъ. Но хотя это сочиненіе не принадлежитъ Тертулліану, оно не теряетъ своего значенія для исторіи древнихъ ересей. Во всякомъ случаѣ это одно изъ древнѣйшихъ обозрѣній еретическихъ сектъ 1-го и 2-го вѣковъ. Кому оно принадлежитъ, и есть ли оно самостоятельное произведеніе или переводъ или передѣлка какого-нибудь другаго древняго сочиненія, объ этомъ до послѣдняго времени не было установившихся опредѣленныхъ мнѣній. Ученые пользовались данными этого сочиненія подъ неопредѣленнымъ названіемъ: «Libellus Pseudo-Tertulliani. Въ новѣйшее время, какъ мы уже говорили въ VI главѣ, высказано предположеніе, что Libellus Pseudo-Tertulliani—должно

ное заключеніе сочиненія: legentibus pax et gratia Domini nostri Jesu Christi in aeternum. Нѣкоторые предполагали, что краткое описаніе ересей могло быть составлено Тертулліаномъ послѣ„De praescriptionibus,“ и приложено къ этому сочиненію, какъ дополненіе. Но противъ этого предположенія другіе ниже излагаемые признаки неподлинности XLVI—LIII главъ.

[25]) Срав. примѣч. 10-е.

[26]) Сравн. конецъ Псевдо-Тертулліанова описанія и первую главу противъ Праксея.

имѣть ближайшее отношеніе къ тому описанію тридцати двухъ ересей, составленному Ипполитомъ (Βιβλίδάριον Ἱππολυτου), о которомъ говоритъ Фотій въ 121 главѣ своей Библіотеки. Число ересей, обозрѣваемыхъ въ Libellus Pseudo-Tertulliani, и начало и конецъ обозрѣнія подходятъ къ описанію Фотія: многія частныя черты псевдо-тертулліановскаго описанія представляются также характеристически сходными съ тѣми чертами, какими изображаются нѣкоторыя ереси въ большомъ сочиненіи Ипполита — Философуменахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Libellus Pseudo-Tertulliani недостаетъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ признаковъ, какіе указываетъ Фотій въ Βιβλιδάριον Ипполита, и это заставляетъ остановиться на томъ предположеніи, что псевдо-тертулліаново описаніе есть не переводъ, а передѣлка и сокращеніе сочиненія Ипполитова. Этотъ выводъ въ настоящее время можно признать твердымъ пріобрѣтеніемъ новѣйшей ересеологіи [27]). Возникаютъ далѣе вопросы: кѣмъ и когда сдѣлана эта передѣлка Ипполитова сочиненія на латинскій языкъ; и почему она присоединена была къ сочиненію Тертулліана «De praescriptionibus» и распространилась на Западѣ подъ его именемъ. На первый вопросъ вполнѣ твердаго отвѣта дать еще нельзя. Но изъ всѣхъ писателей 3-го и 4-го вѣка наиболѣе вѣроятнымъ представляется, по нашему мнѣнію, признать авторомъ этой передѣлки Викторина Петавскаго, писателя 3-й четверти III вѣка [28]). Что касается до

---

[27]) См. предшествовавшей главы сего изслѣдованія стр. 178—186.

[28]) Victorinus Petavionsis episcopus (Petavia in Styria, in Pannona Superiori. Hieron. de viris illustrib. LXXIV. Сравни ejusdem epistol. ad Vigilantium, ad Magnum, ad Pammachium, ad Oceanum, praefatio in Mattheum, apologia adv. Rufin). Изъ сообщаемыхъ Іеронимомъ свѣдѣній объ этомъ писателѣ обращаютъ на себя вниманіе въ особенности три обстоятельства: 1) Викторинъ хотя писалъ свои сочиненія по-латыни, но онъ лучше зналъ по-гречески, чѣмъ по-латыни (non aeque Latine, ac Graece noverat—de viris. illustr, — изъ чего и выведено заключеніе что онъ, подобно Иринею и Ипполиту былъ родомъ грекъ, но только дѣйствовавшій на Западѣ; 2) Викторинъ матеріалъ для своихъ сочиненій, (можетъ быть—только передѣлокъ) бралъ изъ греческихъ писателей, между прочимъ изъ Оригена (ad Vigilantium); 3) Викторину приписываются въ De viris illustribus сочиненія совершенно подъ тѣми же

того, почему латинская передѣлка Ипполитова описанія ересей могла быть присоединена къ сочиненію De praescriptionibus и распространиться по Западѣ подъ именемъ Тертулліана, это можно объяснить легче. Тертулліанъ изъ латинскихъ цер-

---

заглавіями, какъ Ипполиту: Commentarium in Genesim, in Exodum, in Leviticum, in Isaiam, in Eclesiastem, in Cantica Canticorum, in Apocalypsim Ioannis, adversus omnes haereses et multa alia. Къ сожалѣнію и отъ этого писателя до нашего времени не сохранилось почти ничего, кромѣ незначительныхъ отрывковъ, (Migne Patrolog. Latina T. V), по которымъ нельзя рѣшительно судить, былъ ли это писатель самостоятельный, или только передѣлыватель сочиненій Ипполита и Оригена на латинскій языкъ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что о приписываемомъ Іеронимомъ Викторину сочиненіи contra omnes haereses не встрѣчается упоминанія ни укого ихъ позднѣйшихъ писателей, (Оптатъ Милевитскій въ концѣ IV вѣка—De Schisma Donatistarum Migne T. XI—глухо называетъ Викторина защитникомъ Церкви отъ ересей, но далѣе о его ересеологическихъ сочиненіяхъ никто не говоритъ), а о перешедшемъ въ позднѣйшіе вѣка и распространившемся подъ именемъ Псевдо-Тертулліана краткомъ описаніи ересей нѣтъ извѣстій ни у кого изъ древнихъ. Замѣчательно также и то, что въ позднѣйшихъ преданіяхъ римской Церкви имя Викторина поставляется въ какой-то связи съ именемъ Ипполита. Въ приводимомъ у Деллингера (Hippolytus s. 246—250) опредѣленіи собора, бывшаго въ Римѣ будто бы при папѣ Сильвестрѣ (опредѣленіи подложномъ, пущенномъ въ ходъ уже къ VI вѣку, но имѣющемъ въ основѣ какія-то историческія данныя) полагается отлученіе на Ипполита (будто бы за Валентиніанство), на Каллиста (за Савелліанство), и вмѣстѣ съ ними на епископа Викторина за то, что онъ распространялъ ложный пасхальный Циклъ (cyclos paschae pronunciabat fallaces). Какой это былъ Викторинъ? Можетъ быть тотъ послѣдователь патрипассіанства, современникъ Ипполита, о которомъ упоминается въ LIII cap. Libell. pseudo-Tertull. Но вѣроятнѣе это тотъ Викторинъ *епископъ*, который въ своихъ произведеніяхъ былъ или подражателемъ сочиненій Ипполита или передѣлывателемъ ихъ на латинскій языкъ, и который, можетъ быть, по подражанію Ипполиту, составлялъ свой особенный пасхальный циклъ, или только отстаивалъ—распространялъ (pronunciabat) Ипполитовъ циклъ въ то время, когда онъ признанъ былъ уже неудовлетворительнымъ. Замѣчательно наконецъ то, что преданія о епископствѣ, времени жизни и мученичествѣ Викторина представляются въ позднѣйшихъ вѣкахъ также почти искаженными, какъ и преданія объ Ипполитѣ. Изъ епископства Петавійскаго въ Панноніи впослѣдствіи сдѣлано было епископство Пиктавійское въ Галліи; мѣсто и время мученичества Викторина обозначаются весьма разнорѣчиво. (См. vita Victorini — у Миня); и одинъ изъ дней памяти мученика Викторина (этого или другаго) приходится какъ разъ рядомъ съ однимъ изъ дней памяти мученика Ипполита (См. Мѣсяцесловъ архим. Сергія 30-е и 31-е января и сравни 4-й главы нашего изслѣдованія примѣч. 99.

ковныхъ полемистовъ самый извѣстный. Обѣщаніе, высказанное имъ въ заключеніи De praescriptionibus, обозрѣть въ послѣдствіи различныя еретическія секты, могло предрасполагать къ пополненію этого общаго сочиненія о ересяхъ, частнымъ описаніемъ ересей. Опубликованію же на Западѣ передѣланнаго Ипполитова сочиненія о ересяхъ подъ собственнымъ именемъ автора или передѣлывателя могло препятствовать между прочимъ и сильное предубѣжденіе распространившееся тамъ какъ противъ Ипполита, такъ и противъ Викторина Петавскаго.

Между подложными сочиненіями Тертулліана считаются еще пять книгъ противъ Маркіона изложенныя въ стихахъ [29]). Это сочиненіе представляетъ подражаніе пяти подлиннымъ книгамъ Тертулліана противъ Маркіона: но оно какъ по силѣ и серьезности опроверженія маркіонитства не можетъ быть поставлено рядомъ съ подлиннымъ сочиненіемъ Тертулліана, такъ и по слогу не представляетъ сходства съ нимъ. Это сочиненіе приписываютъ также Викторину Петавскому — писателю конца 3-го вѣка или Виктору Африканцу (Victorinus Afer-Rhetor) писателю первой половины 4-го вѣка [30]). Такимъ образомъ онъ принадлежитъ также къ числу древнихъ сочиненій противъ маркіонитства; но особенно замѣчательныхъ свѣдѣній объ этой сектѣ, кромѣ извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ, оно не представляетъ [31]),

---

[29]) Migne T. II pag. 1051—1090; въ русскомъ переводѣ этого произведенія нѣтъ.

[30]) См. Hückstädt—Ueber das Pseudo-Tertullianische Gedicht adv. Marcionem. 1875 г., рецензія въ Zeitschrift für wissenschaft I. Theologie 1876 г. 1 Heff.

[31]) Кромѣ сохранившихся до насъ, нѣкоторыя изъ сочиненій Тертулліана, важныя для исторіи сектантства, потеряны или уничтожены. См. Миня T. II pag. 1121—1136. Operum Tertulliani, quae desiderantur, fragmenta et notulae. Таковы: Adversus Apelletianos libellus, о которой упоминаетъ Тертулліанъ въ 8 гл. сочиненія о плоти Христовой; сочиненіе De censu animae adv. Hermogenem, о которомъ упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочиненія De Anima (cap. 1, 3, 22, 24), и которое представляется отличнымъ отъ извѣстнаго намъ сочиненія противъ Гермогена о вѣчности матеріи. Самое важное для ереосологіи изъ утратившихся сочиненій Тертулліана — Libri sex de exstasi, et septimus

За Тертулліаномъ изъ западныхъ писателей слѣдуютъ въ значительной степени воспитавшіеся подъ его вліяніемъ — св. Кипріанъ знаменитый пастырь Карѳагенскій второй половины 3-го вѣка, и современный ему Новаціанъ сначала уважаемый православный пресвитеръ въ Римѣ, потомъ епископъ Новаціанскій. Изъ сочиненій Кипріана для исторіи сектантства имѣютъ значеніе письма, писанныя имъ и писанныя къ нему по поводу раскола новаціанскаго. Отчасти также имѣетъ отношеніе къ исторіи сектантства и знаменитое Кипріаново сочиненіе о единствѣ Церкви (Tractatus de unitate Ecclesae); оно въ особенности показываетъ, какъ подъ вліяніемъ возникавшихъ сектантскихъ волненій развивалась въ Церкви особенно западной ко второй половинѣ 3-го вѣка мысль о необходимости не только внутренняго, но и внѣшняго іерархическаго объединенія[32]). Изъ сочиненій Новаціана сохранилось до нашего времени и имѣетъ значеніе какъ для богословія православнаго, такъ и для исторіи ересей его разсужденіе о Троицѣ (De Trinitate), представляющее самый полный разборъ монархіанскихъ возраженій противъ церковнаго догмета о Троицѣ[33]).

Иринеи, Ипполитъ и Тертулліанъ—три главнѣйшіе руководители въ изслѣдованіи древнихъ ересей по мѣсту дѣятельности своей принадлежатъ западной церкви и западной церковной литературѣ, хотя первые два и по характеру образованія и по самому языку, на которомъ писали,—греки. Это

---

adversus Apollonium, о которыхъ упоминаютъ Іеронимъ (de viris car. XXIV, XL, LIII), Предестинатъ (Lib. 1 haeres. 26; объ этомъ ересеологическомъ памятникѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ) и Никифоръ Калистъ (Histor. Eccles. Lib. IV car. 22, 34 вѣроятно со словъ Іеронима). Въ этомъ сочиненіи Тертулліанъ по преимуществу выразилъ свои монтанистическія воззрѣнія и рѣзкое отношеніе къ Церкви (можетъ быть по этой причинѣ сочиненіе и утратилось), въ частности направляя свою полемику противъ Аполлонія одного изъ сильнѣйшихъ обличителей монтанизма (Іерон. XL, Евсев. V, 18).

[33]) Творенія Кипріана у Миня —Patrolog. Latin. T. IV; русскій переводъ съ біографіею Кипріана изд. редакц. трудовъ кіевской академіи.

[33]) Оставшіяся произведенія Новаціана съ историческими замѣчаніями о немъ самомъ у Миня Patrolog. Latina T. III.

обстоятельство имѣетъ то важное значеніе для исторіи древнихъ сектъ, что слѣдов. первыя и важнѣйшія свѣдѣнія объ этихъ сектахъ мы имѣемъ отъ людей, стоявшихъ довольно далеко отъ источника ихъ первоначальнаго образованія. Всѣ древнія секты зараждались на востокѣ (кромѣ одного раскола новаціанскаго, который притомъ не имѣлъ большаго самостоятельнаго значенія); на востокѣ слѣдовательно находились корни, изъ которыхъ эти ученія выростали; тамъ были условія, подъ вліяніемъ которыхъ они слагались. На Западъ эти ученія проникали уже потомъ во второй стадіи своего развитія, и тамъ многія изъ нихъ измѣняли свой первоначальный характеръ. Такимъ образомъ писатели западные, передающіе свѣдѣнія объ этихъ сектахъ, знакомятъ насъ съ ними не въ самомъ ихъ образованіи, а большею частію во второй—такъ сказать—стадіи ихъ развитія. Правда, они основываютъ свои извѣстія на сообщеніяхъ болѣе древнихъ писателей, на собственныхъ писаніяхъ еретиковъ, на показаніяхъ лицъ, переходившихъ отъ ереси къ Церкви [34]. Но это все не то, что наблюдать развитіе каждаго ученія на самомъ мѣстѣ его первоначальнаго образованія; знать непосредственно тѣ условія, среди которыхъ оно сложилось. Этими удобствами не пользовались западные ересеологи, и это вѣроятно было одною изъ главныхъ причинъ тому, что ихъ извѣстія о происхожденіи и смыслѣ древнихъ ересей представляются не совсѣмъ ясными. Это обстоятельство въ значительной степени должно умѣрять и самоувѣренность новыхъ изслѣдователей въ сужденіяхъ о древнихъ ересяхъ; серьезный изслѣдователь не можетъ здѣсь ни на минуту терять изъ виду нѣкоторой шаткости и неглубокой обслѣдованности самой почвы, на которой приходится производить работы и строить заключенія. Это къ сожалѣнію забываютъ многіе новые изслѣдователи. Но это же обстоятельство съ другой стороны оправдываетъ то стремленіе, высказывающееся въ новѣйшей ересеологіи, въ

---

[34]) См. 3-ей главы примѣч. 34—45 6-й главы примѣч. 4, 41.

силу котораго изслѣдователи, не довольствуясь прямыми показаніями древнихъ ересеологовъ, ищутъ пособій для разъясненія древней сектантской исторіи побочныхъ — въ изученіи религіозныхъ преданій и быта восточныхъ народовъ приблизительно къ тому времени, какъ зарождались между ними эти религіозныя движенія. Къ сожалѣнію, и эта почва представляется еще очень скудною, малоизслѣдованною, и по новости дѣла любители поспѣшныхъ сужденій и заключеній также впадаютъ здѣсь въ увлеченія и преувеличенія [35]): По поводу какого-нибудь вновь открытаго и еще недостаточно уясненнаго факта готовы бываютъ пренебрегать рядомъ извѣстій, уже прежде получившихъ извѣстное значеніе въ наукѣ, перестроиваютъ заново исторію, требующую лишь пополненія пробѣловъ, а не разрушеній и новыхъ воздушныхъ построеній, вдаются въ гипотезы, отличающіяся болѣе смѣлостью и оригинальностью, чѣмъ внимательностью и обстоятельностью изученія, и т. д.

Во всякомъ случаѣ для исторіи ересей было бы очень важно, если бы рядомъ съ замѣчательнѣйшими изъ древнихъ ересеологическихъ сочиненій западныхъ до насъ дошли столько же значительные въ томъ же родѣ сочиненія отъ восточныхъ церковныхъ учителей, ближе стоявшихъ къ самымъ источникамъ происхожденія древнихъ сектъ, и по самому характеру своего образованія и умственнаго строя лучше имѣвшихъ возможность понимать тѣ духовныя настроенія, изъ которыхъ сектантскія ученія зараждались. Но отъ восточныхъ церковныхъ учителей

---

[35]) Въ этомъ случаѣ между прочимъ ученые, занимающіеся исторіею древнихъ сектъ, нерѣдко дѣлаютъ кругъ: о древнихъ языческихъ религіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ образовывались различныя секты, составляютъ заключенія на основаніи извѣстій сохранившихся о сектахъ, а потомъ изъ построенныхъ такимъ образомъ заключеній выводятъ дальнѣйшія для разъясненія внутренняго смысла этихъ же самыхъ сектъ. На это жаловался еще въ прошломъ столѣтіи Вальхъ въ своей исторіи ересей (B. 1 s. 224). Конечно, съ этого времени изученіе древней миѳологіи сдѣлало большіе успѣхи. Но нельзя не сказать, что и до настоящаго времени изслѣдователи этой научной области по преимуществу отличаются смѣлыми научными пріемами и заключеніями.

2-го и 3-го вѣка мы не только не имѣемъ такихъ значительныхъ полемическихъ сочиненій, которыя могли бы равняться съ произведеніями Иринея и Ипполита, но въ цѣльномъ видѣ почти никакихъ. Во второмъ вѣкѣ—до Иринея, какъ мы уже знаемъ, на востокѣ нѣкоторые писатели писали полемическія сочиненія противъ сектантовъ, преимущественно противъ Маркіона и монтанистовъ [36]). Но со временъ Иринея въ продолженіе третьяго вѣка полемическая литература дѣлается почти исключительнымъ достояніемъ западной церкви. Восточная богословская письменность, преимущественно подъ вліяніемъ извѣстной александрійской школы, получаетъ главнымъ образомъ положительное направленіе. Восточные учители обращали вниманіе не столько на опроверженіе заблужденій противныхъ Церкви, сколько на выясненіе и утвержденіе самаго церковнаго ученія—на построеніе церковнаго богословія, церковной экзегетики, церковнаго проповѣдничества и т. д. Вотъ почему отъ восточныхъ писателей этого времени мы имѣемъ мало данныхъ для исторіи ересей,[37]) (несмотря на то, что восточная литература этого времени представляется гораздо обширнѣе и значительнѣе западной). Нельзя сказать, чтобы восточные писатели совсѣмъ не занимались изученіемъ ересей, и не считали нужнымъ опровергать ихъ. Напротивъ, изъ сохранившихся произведеній этихъ учителей видно, что нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо знали распространенныя въ то время еретическія заблужденія, и считали нужнымъ опровергать ихъ: но большею частію они дѣлали это не прямо, не въ спеціально предназначенныхъ для того сочиненіяхъ, а отрывочно мимоходомъ при раскрытіи самаго христіанскаго ученія, при изъясненіи свящ. писанія, въ проповѣдяхъ церковныхъ и т. д. Для высшихъ цѣлей христіанскаго наученія и

---

[36]) См. 3-ей главы примѣчанія 18—20.

[37]) Отчасти это могло зависѣть и отъ того, что секты, зародившіяся на востокѣ и сильныя преимущественно во 2-мъ вѣкѣ, въ 3-мъ при наибольшемъ развитіи христіанской мысли и жизни въ восточной церкви стали тамъ ослабѣвать и терять значеніе.

самой церковной полемики этотъ способъ опроверженія ересей можетъ быть и есть самый лучшій; положительно богословскому направленію восточной церковной письменности во всякомъ случаѣ нужно ожидать предпочтеніе предъ практико-полемическимъ направленіемъ западнымъ. Но собственно для цѣлей ересеологіи, для изученія исторіи ересей въ этомъ направленіи менѣе могло выработаться научнаго матеріала, чѣмъ въ западномъ. Ересеологическія показанія восточной церковной письменности, въ отличіе отъ цѣльныхъ полемическихъ произведеній западныхъ, имѣютъ большею частію отрывочный характеръ.

Такой отрывочный характеръ прежде всего имѣютъ ересеологическія показанія перваго замѣчательнаго изъ писателей александрійскихъ—Климента [38]). По своему умственному и нравственному характеру, по образованію и по самому мѣсту литературной дѣятельности Климентъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой изъ древнихъ учителей церковныхъ, могъ сообщить цѣнныя свѣдѣнія о ересяхъ. Климентъ былъ отличный знатокъ древней миѳологіи и философіи, самъ не мало пережившій внутреннихъ бореній прежде чѣмъ перешелъ къ христіанству, неутомимый въ продолженіе всей жизни изслѣдователь истины, человѣкъ много путешествовавшій, много видѣвшій, много читавшій, и притомъ едвали не изъ всѣхъ древнихъ писателей христіанскихъ самый терпимый, готовый безпристрастно относиться ко всякому ученію хотя бы и несогласному съ его убѣжденіями, и въ массѣ заблужденія искать крупицы истины. Самое мѣсто литературной дѣятельности Климента въ наиболѣе зрѣлый періодъ его развитія

---

[38]) Творенія Климента александрійскаго съ превосходными изслѣдованіями о нихъ (ле-Нурри) у Миня — Patrolog. graec. T. VIII—IX; на русскомъ языкѣ обстоятельное изслѣдованіе о Климентѣ г. Ливанова въ „Прав. Обозрѣніи“ 1867 г.,—также у Скворцова въ „Философіи Отцовъ Церкви“ и у Филарета Черниговскаго въ 1-й части „Объ Отцахъ Церкви“ §§ 84—88. Изъ самыхъ сочиненій Климента на русскій языкъ были переводимы только отрывки въ разныхъ духовныхъ журналахъ.

давало ему особенныя удобства для изслѣдованія всякихъ соприкасающихся съ христіанствомъ ученій. Это — Египетъ, Александрія—главный центръ, въ которомъ выработывались замѣчательнѣйшія умственныя и религіозныя движенія того времени, гдѣ главнымъ образомъ христіанство сталкивалось съ религіозными и философскими воззрѣніями древняго міра, и гдѣ большая часть ересей въ особенности гностическихъ или вновь зараждалась или находила главное мѣсто для своего распространенія. Климентъ, какъ видно преимущественно изъ его сочиненія «Стромата», и на самомъ дѣлѣ имѣлъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о ересяхъ предшествовавшихъ и современныхъ ему. Въ «Строматахъ» находятся извѣстія о симоніанахъ, николаитахъ, докетахъ, о Василидѣ и Исидорѣ, Карпократѣ и Епифанѣ, Продикѣ, Валентинѣ и его послѣдователяхъ Гераклеонѣ, Маркіонѣ и его послѣдователяхъ, Татіанѣ и енкратитахъ, монтанистахъ, офитахъ, каинитахъ, ператахъ—такимъ образомъ о всѣхъ почти замѣчательныхъ сектантахъ 1-го и 2-го вѣка [39]). Еще важнѣе—въ «Строматахъ» приводится не мало отрывковъ изъ собственныхъ сочиненій сектантскихъ, которыя Климентъ читалъ, и изъ которыхъ иныя были бы неизвѣстны намъ помимо сообщеній Климента. Такъ во второй книгѣ «Строматъ» Климентъ приводитъ отрывокъ изъ сочиненія Исидора—сына и послѣдователя Василидова — о душѣ (περὶ προσφυοῦς ψυαῆς); въ 3-ей книгѣ еще большее извлеченіе изъ его сочиненія о нравственности (Ἠθικά),—въ 6-ой изъ составленныхъ тѣмъ же Исидоромъ пророчествъ апокрифическаго василидіанскаго пророка Пархора. Изъ писемъ и рѣчей (ὁμιλίαι) замѣчательнѣйшаго гностика Валентина есть нѣсколько извлеченій во 2-й, 3-ей и 4-й книгахъ «Строматъ»,

---

[39]) Подробныя указанія вѣхъ извѣстій о еретикахъ находящихся у Климента см. въ диссертаціи Нурри De libris Stromatum cap. XIII—Migne T. IX pag. 1235—1246. Особеннаго вниманія заслуживаютъ между прочимъ извѣстія о еретикѣ Кассіанѣ, о которомъ, кромѣ Климента, никто изъ древнѣйшихъ ересеологовъ не говоритъ. Stromata Lib. III cap. 13—Migne T. VIII p. 1191—1194.

въ 4-й книгѣ мѣсто изъ комментарія на Евангеліе Луки, составленнаго Гераклеопомъ [40]). Въ «Строматахъ» находятся также замѣчательныя извѣстія объ апокрифахъ, находившихся въ обращеніи у сектантовъ: о евангеліяхъ евреевъ и египтянъ, подложныхъ проповѣдяхъ Петра, тайныхъ преданіяхъ Матѳія и т. д.[41]). Но все это разсѣяно отрывочно по разнымъ мѣстамъ обширнаго сочиненія Климента, что́ отчасти условливалось и самымъ характеромъ этого сочиненія, не представлявшаго ничего цѣльнаго и систематическаго, представлявшаго лишь разнообразнѣйшій безъ опредѣленнаго плана и связи матеріалъ для построенія христіанской научной системы. При всемъ томъ ересеологическія показанія Климента имѣютъ очень важное значеніе: съ одной стороны, они представляютъ по живымъ александрійскимъ преданіямъ и подлиннымъ сектантскимъ источникамъ подтвержденіе тѣхъ описаній гностическихъ системъ, какія оставилъ Ириней, съ другой они не мало и пополняютъ описанія Иринея новыми извѣстіями [42]).

Оригенъ—знаменитый ученикъ Климента, владѣвшій всѣми свѣдѣніями, какія только въ то время могъ пріобрѣсть и вмѣстить геніальный умъ, безъ сомнѣнія не могъ не знать еретическихъ сектъ, изъ которыхъ многія еще продолжали существовать въ Египтѣ въ его время. Между самими его слушателями бывали еретики, изъ которыхъ многихъ онъ обратилъ къ Церкви [43]). При всемъ томъ въ обширныхъ сочиненіяхъ Оригена еще

---

[40]) Всѣ эти отрывки—у Миня T. VII (при твореніяхъ Иринея) Appendix—Fragmenta Gnostica.

[41]) Объ этомъ также у Нурри De libris Stromatum cap. IV и V — Migne T. IX p. 1087—1108.

[42]) Между сочиненіями Климента помѣщаются еще отрывки изъ полемическаго сочиненія противъ валентиніанъ подъ заглавіемъ: Excerpta ex scriptis Theodoti ad Valentini tempora spectantia; (Migne T. IX pag. 651—698), но эти отрывки не считаются принадлежащими Клименту. Впрочемъ и ихъ нельзя оставлять безъ вниманія при изслѣдованіи валентиніанства. Кому принадлежатъ эти отрывки, неизвѣстно.

[43]) Евсев. кн. VI, гл. XVIII. Таковъ былъ между прочимъ Амвросій, обращенный Оригеномъ отъ валентиніанства, и послѣ доставлявшій ему щедрыя пособія для ученыхъ трудовъ.

менѣе, чѣмъ у Климента, можно найти цѣльныхъ и связныхъ сообщеній о еретическихъ ученіяхъ [44]). Различныхъ мнѣній еретическихъ онъ касается не мало въ своей книгѣ о началахъ, въ сочиненіи противъ Цельса, въ различныхъ толкованіяхъ на книги свящ. писанія, въ проповѣдяхъ и т. д. Особенно цѣнными считаются его показанія о сектахъ іудействующихъ, о которыхъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія болѣе подробныя и ясныя, чѣмъ какія у другихъ древнихъ писателей; у него между прочимъ особенно замѣчательныя извѣстія о евангеліи евреевъ, которымъ пользовались эти сектанты. Изъ гностическихъ сектъ Оригенъ особенно много говоритъ объ ученіи Василида, Маркіона, Валентина, Гераклеона; изъ послѣдняго приводятся обширныя выдержки толкованій на евангеліе Іоанна; не мало также сообщается свѣдѣній о другихъ апокрифахъ еретическихъ. Мнѣнія монархіанскія Оригенъ имѣетъ въ виду при раскрытіи собственнаго ученія о Троицѣ и при объясненіи тѣхъ мѣстъ писанія, какими пользовались монархіане въ подтвержденіе своихъ мнѣній. Но все это разсѣяно у Оригена во множествѣ разныхъ мѣстъ его обширнѣйшихъ твореній [45]).

---

[44]) Opera Origenis — у Миня Patr. Gr. T. XI—XVII. На русскомъ языкѣ изъ обширнѣйшихъ сочиненій Оригена почти нѣтъ ничего. О богословскихъ воззрѣніяхъ Оригена есть замѣчательное изслѣдованіе свящ. Малеванскаго въ трудахъ кіевск. духов. академіи 1870 г.; но здѣсь имѣется въ виду одна внутренняя философско-богословская сторона твореній Оригеновыхъ. Хорошаго библіографическаго обзора ихъ (за исключеніемъ находящагося у Филарета Черниговскаго въ 1-й части „Объ Отцахъ Церкви“ §§ 91—95) у насъ доселѣ нѣтъ.

[45]) Подробное обозначеніе всѣхъ мѣстъ у Оригена, относящихся къ сектантскимъ ученіямъ, составило бы длинные ряды цифръ, содержащихъ только одни указанія на различныя страницы Оригеновыхъ сочиненій безъ всякихъ объясненій. Выписывать здѣсь эти ряды мы не видимъ надобности; въ своихъ мѣстахъ, при изложеніи самыхъ ученій еретическихъ, будетъ обращаемо вниманіе на то, что замѣчательнаго сообщаетъ о нихъ Оригенъ. Желающимъ въ обширнѣйшихъ сочиненіяхъ Оригена отыскивать мѣста относящіяся къ изслѣдуемому предмету могутъ помочь превосходные indices analyticae преимущественно къ первымъ четыремъ томамъ сочиненій Оригеновыхъ въ изданіи De la Rue, перепечатанномъ у Миня.

Между сочиненіями Оригена издавна помѣщалось одно полемическое сочиненіе, спеціально направленное противъ еретиковъ—маркіонитовъ и вардесанистовъ, довольно обширное, раздѣленное на пять отдѣленій. Это «Разговоръ о правой вѣрѣ въ Бога» [46]) между православнымъ богословомъ Адаманціемъ и еретиками Мегеѳіемъ и Маркомъ маркіонитами, Мариномъ вардесанистомъ, Дрозеріемъ валентиніанномъ и Валентомъ главою особенной сектантской отрасли, въ присутствіи языческаго философа Евтропія, который споривщими избранъ былъ въ посредника, и подъ конецъ убѣдившись доводами православнаго богослова объ истинѣ христіанства, вмѣстѣ съ учениками своими и еретиками обратился къ Церкви. Но это сочиненіе не можетъ быть признано за принадлежащее Оригену. Въ немъ есть признаки, что оно писано не раньше Константина великаго. Въ немъ говорится между прочимъ о благочестивомъ государѣ, низпровергающемъ языческіе кумиры и капища, которые прежніе императоры почитали, и возстановляющемъ христіанскіе храмы, которые прежніе императоры разрушали [47]). Въ немъ высказывается ученіе о св. Троицѣ въ такой формулѣ, которая не подходитъ къ формуламъ оригеновскимъ, и болѣе подходитъ къ богословскимъ формуламъ, утвердившимся въ церкви послѣ Никейскаго собора, гдѣ между прочимъ о Сынѣ Божіемъ употребляется выраженіе ὁμοούσιος [48]). Оригену это сочиненіе могло быть приписано потому, что представитель праваго христіанскаго ученія въ немъ носитъ имя

---

[46]) Ἀδαμαντίου Διάλογος περὶ τῆς εἰς Θεὸν πίστεως. Adamantii-Dialogus de recta in Deum fide. Migne T. XI pag. 1711—1884.

[47]) См. Dialogi sectio 1. по Миню pag. 1748 слова Адаманція къ Мегеѳію: νῦν δὲ, τοῦ βασιλέως ὄντος θεοσεβοῦς, τί φῄς; Κρεῖττον γαρ καὶ τοὐναντίον τῶν βασιλέων ἐκείνων αὐτὸς βασιλεύει. Ἃ γαρ ἐκσῖνοι καθεῖλον, αὐτὸς ἀνῳκοδόμησεν. οὓς ἐκεῖνοι ἐμίσησαν, οὗτος ἠγάπησεν. ους ἐκεῖνοι ἐτίμων ναέυς τε καὶ ἔιδωλα, αὐτὸς καθεῖλε.

[48]) См. исповѣданіе Адаманція, излагаемое почти въ началѣ діалога:— Migne pag. 1717: Ἕνα Θεὸν κτίστην καὶ δημιουργὸν τῶν ἁπάντων εἶναι πεπίστευκα, καὶ τὸν ἐξ αὐτοῦ Θεὸν Λόγον ὁμοούσιον, ἀεὶ ὄντα, καὶ ἐπ' ἐσχάτων καιρῶν ἄνθρωπον ἐκ Μαρίᾳ ἀναλαβόντα καὶ τοῦτον σταυρωθέντα καὶ ἀναστάντα ἐκ νεκρῶν. Πιστεύω δὲ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι, τῷ ἀεὶ ὄντι. См. также исповѣданіе св. Троицы подъ конецъ V отдѣленія; pag. 1882—1884.

Адаманція; Оригена, какъ извѣстно, за его необыкновенное ученое трудолюбіе и твердое христіанское убѣжденіе, называли адамантовымъ (adamantius). Можетъ быть кто-нибудь изъ позднѣйшихъ почитателей Оригена первой половины IV вѣка, задумавши написать полемическое сочиненіе противъ еретиковъ, рѣшился украсить его именемъ знаменитаго александрійскаго учителя. А можетъ быть—Адаманцій—такъ и на самомъ дѣлѣ назывался составитель этого полемическаго діалога, безъ всякаго отношенія къ Оригену [49]). Кто такой былъ этотъ писатель, и гдѣ онъ жилъ, неизвѣстно. Полемическій пріемъ раскрытія христіанской истины въ формѣ діалогической болѣе свойственъ сирскимъ, чѣмъ александрійскимъ писателямъ [50]), и ереси, опровергаемыя въ этомъ діалогѣ, болѣе имѣли значенія въ Сиріи, чѣмъ въ Египтѣ. Но во всякомъ случаѣ, хотя это сочиненіе и не принадлежитъ Оригену, и неизвѣстно, кому принадлежитъ,—оно—одно изъ древнихъ и очень значительныхъ ересеологическихъ сочиненій. Такъ смотрѣлъ на него еще блаж. Θеодоритъ, который поставлялъ Адаманція рядомъ съ замѣчательнѣйшими изъ древнихъ ересеологовъ Иринеемъ, Ипполитомъ, Климентомъ александрійскимъ, Родономъ и т. д. [51]). Въ особенности это сочиненіе значительно потому, что оно представляетъ довольно полное раскрытіе Вардесанова ученія, о которомъ болѣе ранніе ересеологи почти не оставили никакихъ опредѣленныхъ извѣстій [52]); о маркіонитствѣ также сообщаются здѣсь обстотельныя свѣдѣнія; а Валентиніанинъ Дрозерій между прочимъ

---

[49]) Писатели болѣе древніе, имѣвшіе въ виду это сочиненіе, различали составителя его Адаманція (въ смыслѣ собственнаго имени) отъ Оригена Адамантоваго См. Theodoreth. Fabul. haereticar. Lib. I praefatio et cap. 25. Срав. Phothii Bibliotheca Cod. CCXXXI.

[50]) Въ такой формѣ напр. изложены Вардесаново сочиненіе περὶ εἱμαρμένης, Acta disputationis Archelai cum Manete, позднѣйшія сочиненія блаж. Θеодорита противъ монофизитовъ и т. д.

[51]) Fabular. Haereticar. мѣста указанныя въ 49 примѣчаніи.

[52]) Ипполитъ упоминаетъ о Вардесанѣ весьма коротко, притомъ имѣя въ виду только первый періодъ развитія его ученія подъ вліяніемъ валентиніанства. Φιλοσοφ. VI, 35.

приводитъ въ своей рѣчи довольно большое извлеченіе изъ потеряннаго сочиненія Валентинова о началѣ зла [53]).

Ученикъ Оригена—св. Діонисій александрійскій, какъ главный представитель александрійской богословской школы во второй половинѣ III вѣка, и какъ старшій епископъ Египта, имѣлъ непосредственныя столкновенія съ распространенными въ то время въ Египтѣ сектами хиліастовъ и савелліанъ, и писалъ сочиненія противъ хиліаста Непота арсинойскаго объ обѣтованіяхъ (περὶ ἐπαγγελιῶν), и противъ Савеллія; кромѣ того для выясненія своихъ собственныхъ мыслей о Троицѣ во время споровъ савеллiанскихъ онъ долженъ былъ писать еще особое сочиненіе ἔλεγχος καὶ ἀπολογία. Но изъ всѣхъ этихъ сочиненій до насъ дошли только отрывки [54]).

Отъ послѣднихъ десятилѣтій III вѣка идетъ по преданію замѣчательный ересеологическій памятникъ, сообщающій свѣдѣнія о первоначальномъ распространеніи манихейскаго ученія, имѣвшаго не только очень большое значеніе въ древности, но и сильное вліяніе на позднѣйшія средневѣковыя секты восточныя и западныя. Это приписываемые Архелаю епископу Касхарскому (въ Месопотаміи) акты его спора его съ ересіархомъ Манесомъ [55]). Это самый древній источникъ свѣдѣній о Манихействѣ, послужившій основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ ересеологовъ, писавшихъ о началѣ этой секты. Съ XVIII

---

[53]) Dialogus—sectio IV—pag. 1807—1810—по Миню.

[54]) Отрывки изъ сочиненій объ Обѣтованіяхъ и противъ Савеллія (взятые у Евсевія) у Миня въ патрологіи греческой Т. X, а отрывки изъ сочиненія Ἔλεγχος καὶ ἀπολογία (изъ Аѳанасія великаго) въ патрологіи латинской Т. V—съ писаніями Діонисія римскаго. Что касается до приписаннаго Діонисію посланія къ Павлу самосатскому, извѣстнаго и въ русскомъ переводѣ (Христ. Чтеніе 1840 г.): признано, что оно не принадлежитъ св. Діонисію; въ немъ есть выраженія свойственныя не только аріанской, но даже несторіанской эпохѣ развитія богословія. Филарета черниг. „Объ отцахъ церкви“ ч. I § 65.

[55]) Acta disputationis S. Archelai Cascharorum in Mesopotamia episcopi cum Manete Heresiarcha. Migne Patrol. graec. T. X, pag. 1405—1528 (перепечатано съ изданія Галланди Biblioth. Patrum. T. III съ предисловіемъ Laurentii Zacagnii объ авторѣ этихъ актовъ и самыхъ актахъ, и съ свидѣтельствами о нихъ древнихъ писателей).

вѣка—со времени замѣчательнаго изслѣдованія о Манихействѣ французскаго ученаго Бособра [56])—между учеными подорвано довѣріе къ этому памятнику. Въ немъ находятъ легендарный характеръ, противорѣчіе съ открытыми въ новыя времена извѣстіями арабскихъ ученыхъ о началѣ Манихейства (ученыхъ впрочемъ гораздо позднѣйшихъ). Сомнѣваются въ томъ, чтобы епископъ Архелай дѣйствительно могъ имѣть религіозное состязаніе съ Манесомъ; предполагаютъ, что акты состязанія не болѣе какъ литературная форма употребленная для болѣе выразительнаго опроверженія манихейскихъ мнѣній. Сомнѣваются въ принадлежности этихъ актовъ Архелаю епископу III вѣка [57]). Но никто не можетъ отрицать того, что эти акты самый древній источникъ свѣдѣній о началѣ Манихейства. Источникомъ этимъ пользовались уже въ IV и V вѣкахъ такіе писатели, какъ Кириллъ Іерусалимскій, Епифаній Кипрскій, блаж. Іеронимъ, церковный историкъ Сократъ [58]). Источникомъ этимъ пользовался въ IX вѣкѣ такой опытный библіографъ, какъ патріархъ Фотій, самъ спеціально занимавшійся изученіемъ Манихейства [59]). Правда, памятникъ этотъ дошелъ

---

[56]) Beausobre-Histoire critique de Manichée et du Manicheisme. 2 Vol. Amsterdam. 1733 и 1739 г. Это замѣчательное изслѣдованіе, пролившее много свѣта не только на исторію Манихейства, но и на исторію другихъ древнихъ сектъ, проложило вмѣстѣ съ тѣмъ путь слишкомъ свободному отношенію къ древнимъ ереесологическимъ памятникамъ. Слишкомъ смѣлые выводы Бособра уже въ прошломъ столѣтіи были ограничиваемы другими серьезнѣйшими изслѣдователями древней ереесологіи. Mosheim Commentar. de rebus christian. ante Consantin. Magn. pag. 728 и дал. Walch Ketzergeschiche B. I. Abtheil. III.

[57]) См. подробное изложеніе возраженій противъ разсматриваемаго памятника и разборъ ихъ у Вальха B. I. Ss. 700—704.

[58]) См. у Миня Veterum testimonia de S. Archelai disputatione pag. 1421—1426.

[59]) Photii adv. Manicheos Lib. I, pag. 356, 358, ed. Montfanc. Но въ своей Библіотекѣ Cod. LXXXV Фотій приводитъ свидѣтельство изъ Геракліана епископа халкидонскаго, писавшаго противъ Манихеевъ (полагаютъ въ VI вѣкѣ); будто акты спора Архелая съ Манесомъ составлены какимъ-то Гегемоніемъ. Это впрочемъ единственное свидѣтельство древности, указывающее для актовъ другаго составителя, а не Архелая. Но и это свидѣтельство довольно легко примиряется съ другими древнѣйшими извѣстіями тѣмъ предположеніемъ, что Гегемоній только перевелъ съ сирскаго языка на греческій акты составленные первона-

до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально составленъ, и въ какомъ пользовались имъ древніе писатели. Этотъ памятникъ написанъ былъ, по свидѣтельству блаж. Іеронима, на сирскомъ языкѣ [60]). Кириллъ Іерусалимскій, Епифаній и Сократъ пользовались имъ въ греческомъ переводѣ. Мы же въ настоящее время имѣемъ только латинскій переводъ съ греческаго неисправный и значительно уклоняющійся отъ того текста, какой приводили писатели IV вѣка [61]). Но это частности, главнымъ образомъ имѣющія значеніе для библіографовъ и не измѣняющія положенія главныхъ фактовъ, которые можетъ заимствовать отсюда историкъ. Находятъ основаніе сомнѣваться въ достовѣрности фактовъ находящихся въ этомъ памятникѣ потому, что они не совсѣмъ согласны съ открытыми въ новое время у арабскихъ ученыхъ преданіями о жизни Манеса [62]). Но не говоря уже о томъ, что эти несогласія не представляютъ непримиримаго противорѣчія въ самой основѣ дѣла, едва ли справедливо ради показанія писателей XI, XII и дал. вѣковъ отвергать свѣдѣнія, которыми пользовались еще писатели IV вѣка. Отрывки изъ арабскихъ ученыхъ, не унижая значенія древняго памятника, приписываемаго Архелаю, могутъ только служить къ пополненію и пожалуй въ иныхъ пунктахъ къ исправленію въ частностяхъ сообщаемыхъ въ этомъ памятникѣ свѣдѣній о началѣ секты Манихейской [63]).

чально Архелаемъ, можетъ быть дополнивъ ихъ предисловіемъ и нѣкоторыми вставками въ срединѣ.

[60]) De viris illustribus cap. LXXII. Что первоначальный текстъ этого памятника былъ не греческій, на это находятъ указанія и въ самомъ памятникѣ. См. Zacagnii у Миня cap. I. Латинскій переводъ памятника во время блаж. Іеронима очевидно еще не существовалъ: Іеронимъ говоритъ: Liber, Syro sermone compositus, in graecum translatus, habetur a multis.

[61]) Доказательства на это у Zacagnii cap. 2.

[62]) Эти извѣстія у Abulfarai Histor. dynastiar. p. 82, Herbelot Biblioth. oriental. p. 548, Gyde Histor. religion. vet. Persar. cap. 21, Renaudot Histor patriarch. Alexandr. p. 42, Pocok Specimen histor. Arab. p. 149. См. Вальха В. I. S. 699.

[63]) Въ новѣйшее время нѣмецкіе ученые начинаютъ опять болѣе цѣнить значеніе этого памятника. См. статью Циттвица in Zeitschrift für histor. Theologie 1873 г. № 4.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ИЗВѢСТІЯ О ДРЕВНѢЙШИХЪ СЕКТАХЪ И ЦѢЛЬНЫЯ ЕРЕСЕОЛОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ У ПИСАТЕЛЕЙ IV, V И ДАЛЬНѢЙШИХЪ ВѢКОВЪ: ЕВСЕВІЙ, ПСЕВДО-АѲАНАСІЙ, ПРОТИВО-МАНИХЕЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ, ЕПИФАНІЙ, ѲЕОДОРИТЪ, ФИЛАСТРІЙ, АВГУСТИНЪ, ПРЕДЕСТИНАТЪ И ДАЛ.

Переходимъ къ ересеогическимъ извѣстіямъ и памятникамъ IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ христіанства. Показанія церковныхъ писателей, начиная съ IV вѣка, относительно ересей первыхъ вѣковъ конечно не могутъ имѣть такого значенія, какъ показанія писателей современныхъ описываемымъ ересямъ; въ IV и V вѣкахъ многія изъ сектъ первыхъ вѣковъ уже изчезли. Но такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ еще продолжали существовать въ болѣе или менѣе значительныхъ остаткахъ, въ болѣе или менѣе измѣненныхъ формахъ, то изъ писателей IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ для насъ имѣютъ еще значеніе показанія тѣхъ писателей, которые имѣли личное соприкосновеніе съ остатками древнихъ сектъ, а также и тѣхъ, которые хотя заимствовали свои свѣдѣнія о древнихъ сектахъ изъ второстепенныхъ источниковъ—т. е. изъ писаній 2-го и 3-го вѣка, но писаній до насъ не дошедшихъ.

Первое мѣсто между историческими сочиненіями четвертаго вѣка занимаетъ безъ сомнѣнія церковная исторія Евсевія Кесарійскаго [1]). Эта необходимѣйшая настольная книга для всѣхъ занимающихся исторіею первыхъ вѣковъ христіанства имѣетъ не маловажное значеніе и для исторіи древнихъ ересей [2]). Нужно замѣтить впрочемъ, что ереселогическая часть едва ли не самая слабая въ Евсевіевой исторіи. По самымъ свойствамъ историческаго таланта Евсевія, эта часть должна была выйти у него слабѣе другихъ. Евсевія можно назвать любознательнымъ изслѣдователемъ, хорошимъ разскащикомъ, но едвали особенно глубокимъ богословомъ и вообще глубокимъ мыслителемъ. По этому Евсевію всего лучше могли удаваться описанія тѣхъ внѣшнихъ практическихъ сторонъ христіанской жизни, для изображенія которыхъ главнымъ образомъ требовался талантъ внимательнаго собирателя извѣстій и хорошаго разскащика; изображеніе мученическаго героизма христіанъ первыхъ вѣковъ, какъ извѣстно, лучшая часть Евсевіевой исторіи. Но тѣ стороны древней христіанской жизни, для пониманія которыхъ требовались большее углубленіе и самостоятельность мысли, менѣе могли поддаваться описаніямъ Евсевія. Оттого изложеніе еретическихъ ученій и развитія самаго христіанскаго богословія въ соприкосновеніи съ ними въ исторіи Евсевія самая слабая часть. Въ свѣдѣніяхъ сообщаемыхъ Евсевіемъ о древнихъ еретикахъ мало оригинальнаго. Онъ мало входитъ въ изложеніе самыхъ доктринъ сектантскихъ и въ разъясненіе ихъ внутренней связи между собою. Онъ довольствуется большею частью краткими свѣдѣніями о появленіи сектъ, приводя ихъ лишь въ хронологическую связь съ другими историческими событіями, да и это послѣднее не всегда ему удается. Хронологическія показанія Евсевія относи-

---

[1]) Исторія Евсевія у Миня Gr. Ser. T. XX; русскій переводъ изд. С. П Б· Дух. Академіи. 1848 г.

[2]) Вотъ главы у Евсевія относящіяся къ исторіи ересей: кн. II, 23; кн. III, 26—29, кн. IV, 7, 11, 22, 24—30; кн. V, 4, 5, 15—20, 22—25, 28: кн. VI. 13, 17, 33, 38, 43; кн. VII, 6, 9. 24—31.

тельно появленія иныхъ сектъ весьма неопредѣленны, напр. относительно Монтанизма [3]); а относительно иныхъ представляются даже сомнительными. Напр. сомнительно, чтобы противъ Гермогена Африканскаго еретика временъ Тертуліана еще въ семидесятыхъ годахъ втораго столѣтія писалъ опроверженіе Ѳеофилъ Антіохійскій [4]). Ересь Вардесана, по мнѣнію новыхъ изслѣдователей, также должна относиться къ нѣсколько позднѣйшему времени, чѣмъ какъ полагаетъ Евсевій [5]). О самой сущности еретическихъ ученій Евсевій отъ себя не сообщаетъ ничего новаго, а передаетъ краткія извѣстія на основаніи болѣе древнихъ писателей. Тамъ, гдѣ показанія древнихъ писателей не могли дать опредѣленнаго представленія Евсевію объ извѣстной ереси, и его извѣстія объ этой ереси отличаются неопредѣленностію напр. объ ученіи Вардесана, или о сектѣ Манихейской, которая къ тому времени еще не довольно получила извѣстности въ Римской Имперіи [6]). Но въ показаніяхъ Евсевія особенную цѣну для насъ имѣетъ то, что нѣкоторыя изъ нихъ составлены на основаніи древнихъ писаній не дошедшихъ до насъ. Таковы передаваемыя имъ извлеченія изъ древней исторіи Егезиппа [7]); таково перечисленіе сочиненій писанныхъ во 2-мъ вѣкѣ противъ Маркіонитовъ и Монтанистовъ, и отрывки нѣкоторыхъ изъ нихъ [8]); таковъ отрывокъ изъ приводимаго Евсевіемъ сочиненія не извѣстнаго автора противъ Артемонитовъ [9]); таково изложеніе

---

[3]) Кн. IV, 27; кн. V, 3, 16.

[4]) Кн. IV, 24. Іеронимъ (De viris illustr. XXV) и Ѳеодоритъ (Fabul. haeretic. Lib. I. cap. 19) говорятъ объ этомъ же сочиненіи Ѳеофила вѣроятно со словъ Евсевія. Впрочемъ о Гермогенѣ еще подлежитъ изслѣдованію, одинъ ли еретикъ этого имени былъ въ древности или не одинъ; и очень вѣроятно, что Гермогена восточнаго, противъ котораго могъ писать Ѳеофилъ, нужно отличать отъ Гермогена африканскаго, котораго опровергалъ Тертулліанъ.

[5]) Евсев. кн. IV 30; сравни Merkx Bardesanes von Edessa ss. 13—21, Гильгенфельда Bardesanes der letzte Gnostiker ss. 9—19.

[6]) Кн. IV, 30; кн. VII, 31.

[7]) Кн. IV, 22.

[8]) Кн. IV, 24—26, V, 13, 16—19.

[9]) Кн. V, 28.

обстоятельствъ жизни и осужденія Павла Самосатскаго, сказаніе о преніяхъ съ хиліастами Діонисія Александрійскаго и т. д. [10]).

Изъ писаній восточныхъ церковныхъ учителей IV вѣка, имѣвшихъ непосредственное соприкосновеніе съ остатками древнихъ сектъ, имѣютъ значеніе бесѣды и гимны Ефрема Сирина. Около Низибіи и Эдессы, гдѣ жилъ св. Ефремъ, весьма были распространены въ его время остатки Маркіонитовъ, Вардесанистовъ, Манихеевъ. Маркіонитскія и Манихейскія мысли, Вардесановы гимны сильно смущали и православныхъ христіанъ. По этому св. Ефремъ находилъ нужнымъ рѣдко въ строгой полемической формѣ, а болѣе въ видѣ поэтическихъ размышленій, касаться ученій этихъ сектантовъ въ своихъ поученіяхъ и гимнахъ [11]). Свѣдѣнія сообщаемыя здѣсь объ ученіи Вардесана принимаются, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ при изложеніи этого ученія.

Блаж. Іерониму во время его путешествій по востоку пришлось также открыть нѣсколько новыхъ свѣдѣній о древнихъ сектахъ, издавна распространявшихся здѣсь, видѣть остатки употреблявшихся между ними апокрифическихъ сочиненій, и также древнія писанія церковныхъ полемистовъ противъ нихъ. Свѣдѣнія объ этомъ, не представляющія чего-либо цѣльнаго, но разсѣянныя въ разныхъ сочиненіяхъ Іеронима, въ его письмахъ, каталогѣ церковныхъ писателей, толкованіяхъ на книги свящ. писанія, принимаются также какъ цѣнное пособіе для разъясненія исторіи малоизвѣстныхъ восточныхъ сектъ іудействующихъ ([12]).

---

[10]) Кн. VII, 24—30.

[11]) Ephraemi Syri opera omnia ed. Assemani. T. I—VI. Romae 1732—1746. Въ патрологіи Миня сочиненій Ефрема нѣтъ: Сирскіе писатели оставлены издателемъ для особой серіи изданія. Русскій переводъ: Творенія св. Ефрема Сирина. Изд. Москов. Дух. Академіи. Ч. 1—8. 1848—1854 г. Ересеологическій матеріалъ находится собственно въ 56 поученіяхъ Ефрема противъ еретиковъ (adv. haereticos), и 80 словахъ противъ испытателей (adv. Scrutatores).

[12]) Ересеологическія показанія Іеронима, по ихъ дробности, перечислять здѣсь также было бы неудобно, какъ и у Оригена (срав. VII главы примѣч. 45). При сочиненіяхъ Іеронима у Миня также хорошій

Сюда же принадлежатъ сочиненія тѣхъ учителей церкви 4-го и 5-го вѣка, которыя писали противъ секты Манихейской — Александра Ликопольскаго, Тита Бострійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Дидима Александрійскаго, въ особенности Блаж. Августина [13]). Секта Манихейская образовалась во второй половинѣ 3-го вѣка, но въ Римской Имперіи собственно она распространилась и сдѣлалась болѣе извѣстною въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ. Этимъ объясняется то множество сочиненій, которое направлено было противъ Манихейства греческими и латинскими писателями 4-го и 5-го вѣка. Писать противъ Манихейства для учителей церкви въ это время была почти такая же настоятельная потребность, какъ во 2-мъ вѣкѣ писать противъ Маркіонитства. Нѣкоторыя изъ помянутыхъ сочиненій тѣмъ большее имѣютъ значеніе, что авторы ихъ (напр. Александръ Ликопольскій, Титъ Бострійскій и Блаж. Августинъ) въ продолженіи значительнаго времени сами были послѣдователями манихейскаго ученія, и вообще знали его по первымъ источникамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ приводятся весьма значительные отрывки изъ собственныхъ писаній Манеса и его учениковъ [14])

---

index rerum, по которому въ своемъ мѣстѣ можно пріискивать, что окажется нужнымъ.

[13]) Писанія Александра Ликополитанскаго Tractatus de placitis Manicheorum и Тита Бострійскаго Libri tres adv. Manicheos у Миня Patr. Gr. T. XVIII. Писанія Кирилла Іерусал. Мин. Т. XXXIII; русскій переводъ изд. Москов. Дух. Академіи. Дидима Александрійскаго писанія какія сохранились,—Миня Patr Gr. T. Всего болѣе противо—манихейскихъ сочиненій у Блаж. Августина. Они занимаютъ почти весь восьмой томъ его твореній—XLII T. Patrologiae Latinae Миня. Сюда принадлежатъ De utilitate credendi ad Honoratum, De duabus animabus contra Manicheos, De natura boni contra Manicheos, De moribus Manicheorum, de libero arbitrio, Contra Faustum Manicheum, contra Fortunatam Manicheum, contra Adimantum Manichei discipulum, contra Secundinum Manicheum, contra adversarium legis et Prophetarum, de actis cum Felice Manicheo, contra epistolam Manichei, quam vocant fundamenti liber. Правда, фактовъ для внѣшней исторіи Манихейской, особенно первоначальной, въ этихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ не особенно много; но внутреннія стороны ученія Манихеевъ и ихъ нравственные принципы раскрываются весьма полно.

[14]) Напр. у Тита Бострійскаго разбираются мнѣнія изъ книги Манеса Βίβλος τῶν μυστηρίων, у Кирилла Іерусалимскаго (Catech, VI) изъ

Наконецъ, кромѣ частныхъ полемическихъ сочиненій противъ еретиковъ во второй половинѣ 4-го вѣка и въ первой 5-го въ греческой и латинской богословской литературѣ опять встрѣчаются цѣльныя ересеологическія сочиненія, подобно описаніямъ Иринея и Ипполита, представляющія полныя обозрѣнія всѣхъ еретическихъ сектъ вѣковъ предшествующихъ. Это сочиненія Епифанія Кипрскаго, Блаж. Θеодорита, Филастрія, Блаж. Августина и неизвѣстнаго писателя сочиненіе подъ заглавіемъ—Praedestinatus.[15]). Сочиненія эти далеко не равны между собою по своей обстоятельности и оригинальности, по смыслуи направленію, и ни одно изъ нихъ по научному значенію

книги ζῶον εὐαγγελιον, у Блаж. Августина приводятся и разбираются нѣсколько писемъ Манеса, и между прочимъ подробно разсматривается посланіе ересеарха, служившее какъ бы основою вѣры для его послѣдователей—epistola fundamenti,—также подробно разсматриваются сочиненія позднѣйшихъ и вліятельныхъ представителей Манихейской секты —Фавста бывшаго Манихейскимъ епископомъ въ Карѳагенѣ, письмо Секуидина Манихея писанное къ Августину, передаются собесѣдованія Августина съ Пресвитерами Манихейскими Фортунатомъ, Феликсомъ и т. д.

[15]) Есть еще небольшое сочиненіе противъ ересей — Λόγος κατὰ πασῶν τῶν αἱρεσέων —, приписываемое Аѳанасію великому. См. Opera Athanasii у Миня Patr. Gr. T. XXXVIII pag. 501—524. Но во всѣхъ почти древнихъ кодексахъ, въ которыхъ это сочиненіе находится, и у новыхъ издателей твореній Аѳанасія оно не признается принадлежащимъ Аѳанасію: изложеніе его представляется весьма отличнымъ отъ Аѳанасіева (см. у Миня Admonitio in hoc opusculum p. 501). Впрочемъ по содержанію своему это сочиненіе имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ сочиненіямъ Аѳанасія. Именно въ немъ опровергаются тѣ ереси, которыхъ касается св. Аѳанасій въ разныхъ мѣстахъ своихъ полемическихъ противо-аріанскихъ сочиненій, и опровергаются большею частію аргументами заимствованными изъ сочиненій св. Аѳанасія (срав. Prolegomena къ твореніямъ Аѳанасія - Миня т. 25 pag. LXXXII и слѣд). Главный предметъ опроверженія—современныя Аѳанасію ереси: аріанъ, духоборцевъ (послѣдніе называются здѣсь Τροπικοὶ) и аполлинаристовъ, Но затѣмъ и изъ ученія древнѣйшихъ сектантовъ Василида, Валентина. Маркіона, Манеса, Гіерака, Монтана, Новата, Павла Самосатскаго — берутся преимущественно такіе пункты, которые представляются имѣющими отношеніе къ Аріанству: такъ какъ Аѳанасій великій, подобно другимъ полемистамъ, старался при опроверженіи современныхъ ересей указывать имъ прецеденты въ предшествовавшихъ древнѣйшихъ ересяхъ. Но вообще существеннаго историческаго значенія по отношенію къ древнимъ христіанскимъ сектамъ это сочиненіе не имѣетъ.

не можетъ сравняться съ сочиненіями Иринея и Ипполита: тѣмъ не менѣе этихъ сочиненій никакъ нельзя оставлять безъ вниманія при изученіи древнѣйшихъ христіанскихъ сектъ: во первыхъ потому, что они представляютъ значительныя дополненія къ исторіи тѣхъ сектъ, о которыхъ говорили Иринеи и Ипполитъ, и во вторыхъ потому, что они сообщаютъ свѣдѣнія о новыхъ сектахъ, до которыхъ не дошло описаніе Иринея и Ипполита.

Епифаній Кипрскій самый ревностный и самый плодовитый изъ всѣхъ древнихъ ересеологовъ. Ни одинъ изъ древнихъ писателей не оставилъ такихъ обширныхъ ересеологическихъ сочиненій, какъ Епифаній [16]). Палестинецъ по происхожденію, воспи-

---

[16]) S. Epiphanii opera—первое полное и наиболѣе исправное изданіе греческаго текста съ латинскимъ переводомъ, древнимъ жизнеописаніемъ Епифанія и необходимыми примѣчаніями и поясненіями—Діонисія Петавія, Paris 1622 г. и Colon (полагаютъ — Lipsiae) 1682 г. Это изданіе перепечатано у Миня Patrolog. graec T. XLI—XLIII. Кромѣ того важнѣйшія ересеологическія писанія Епифанія — Πανάριον, Ανακεφαλαίωσις перепечатаны въ „Corpus haereseologicum“ Элера. T. II и III. Berolini 1859—1869 г. На русскомъ языкѣ переводъ Панарія при Московской Духовной Академіи начатъ въ 1863 г. и на половину сдѣланъ (при чемъ учеными переводчиками приняты во вниманіе не только печатныя изданія Панарія, но и древняя греч. рукопись Московской синодальной Библіотеки № 443, представляющая въ иныхъ мѣстахъ текстъ болѣе исправный и ясный сравнительно съ западными изданіями. (См. примѣчаніе къ русскому переводу 2-й книги Панарія). Но къ сожалѣнію, съ пріостановкою изданія Академіи въ 1873 году, и печатаніе этого перевода, доведенное до половины, также пріостановилось (впрочемъ та часть Панарія, которая относится собственно къ ересямъ первыхъ трехъ вѣковъ, почти вся переведена и напечатана). Серьезныхъ изслѣдованій о ересеологическихъ писаніяхъ Епифанія, вполнѣ удовлетворяющихъ научнымъ требованіямъ, можно сказать почти не было до послѣдняго времени. Писаніями Епифанія церковные историки много пользовались, еще болѣе о нихъ говорили, и не мало иные даже глумились надъ ними: но серьезно и полно разобрать ихъ—по ихъ содержанію, составу, источникамъ — не давали себѣ труда. Новое изслѣдованіе Липсіуса, о которомъ мы уже не разъ говорили, Zur Quellenkritik des Epiphanios—представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательное исключеніе. Но и Липсіусъ подвергъ разсмотрѣнію только половину Панарія, и не столько ради самаго этого ересеологическаго произведенія, сколько для того, чтобы чрезъ сравненіе его съ другими ересеологическими памятниками выяснить вопросъ о болѣе древнихъ ересеологическихъ памятникахъ, преимущественно о синтагмѣ Ипполитовой (см.

танный въ іудейскомъ законѣ, и за тѣмъ въ молодости перешедшій къ христіанству [17]), онъ какъ будто перенесъ въ новую религію всю ту горячую и суровую ревность противъ ученій, не согласныхъ съ исповѣдуемою религіею, какою въ особенности отличалось ветхозавѣтное іудейство. По переходѣ въ христіанство, его ревность противъ еретическихъ лжеученій еще болѣе усилена была тѣмъ, что вслѣдъ за этихъ переходомъ одна изъ египетскихъ гностическихъ сектъ чуть не привлекла его къ себѣ [18]). Далѣе воззрѣнія и жизнь Епифанія слагались подъ строгими аскетическими вліяніями подвижниковъ Египта и Палестины [19]), и притомъ въ такое время, которое—можно сказать—преисполнено было интересами горячей борьбы православія съ ересью (въ эпоху аріанизма). Самъ Епифаній, занимавшій видное положеніе въ церкви, принималъ живое участіе въ этой борьбѣ, и его искренніе и неискренніе почитатели особенно старались возбуждать его полемическую ревность, и вовлекать его въ роль человѣка считающаго своимъ главнымъ призваніемъ обличеніе и искорененіе всякихъ ученій про-

---

изслѣдованія Липсіуса вступительныя главы и заключеніе). Къ самому Епифанію, къ достоинству его самостоятельныхъ ересеологическихъ показаній Липсіусъ также, какъ мы говорили, (глава III, примѣч. 9) и какъ разъяснимъ еще ниже, относится не со всѣмъ безъ предубѣжденія и пристрастія. На русскомъ языкѣ о св. Епифаніѣ у Филарета Черниг. во 2-й части „Объ отцахъ церкви“ §§ 165 и 166: біографическая часть составлена довольно исправно, но библіографическою далеко нельзя удовлетвориться.

[17]) См. S. Epiphanii vita (описанная будто со словъ одного изъ его учениковъ, но это не признается справедливымъ; во всякомъ случаѣ это жизнеописаніе древнее) у Миня T. XLI p. 23—31 и дал. Срав. тамъ же Epiphanii acta Bollandiana p. 115 и дал. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ указанномъ жизнеописаніи Епифаній называется палестинцемъ по происхожденію, но не евреемъ по племени, какъ считаютъ его многіе новые историки, а финикійцемъ, только воспитаннымъ въ еврейскомъ законѣ.

[18]) Объ этомъ разсказываетъ самъ Епифаній въ Панаріѣ ер. XXVI гл. 17—18. Обольщеніе было сильное для молодаго человѣка—черезъ женщинъ, красотою и сладострастіемъ старавшихся привлекать неопытныхъ молодыхъ юношей въ свою секту. Но Епифаній не поддался соблазну, и разузнавъ о членахъ секты разсказалъ о нихъ мѣстному епископу и содѣйствовалъ изгнанію сектантовъ изъ той области.

[19]) Созомена церк. истор. кн. VI гл. 32, Vita Epiphanii pag. 34—35.

тивныхъ православію [20]). При такомъ складѣ натуры и жизни, у Епифанія естественно могла образоваться особенная ревность къ изслѣдованію и обличенію ересей. Такое изслѣдованіе и обличеніе сдѣлалось для него какъ бы главнымъ призваніемъ жизни, главною задачею церковнаго служенія. И Епифаній имѣлъ много средствъ къ выполненію этого призванія. Въ продолженіе своей многолѣтней жизни онъ многое могъ увидѣть и узнать: онъ не мало путешествовалъ по различнымъ христіанскимъ странамъ, онъ долго проживалъ въ такихъ именно странахъ, которыя были въ первые вѣка христіанства главнымъ скопищемъ всевозможныхъ сектъ [21]). Онъ обладалъ рѣдкимъ для своего времени знаніемъ языковъ, преимущественно восточныхъ [22]). Онъ имѣлъ непосредственныя столкновенія съ нѣсколькими еретическими сектами [23]). Онъ могъ пользоваться богатымъ собраніемъ древнѣйшихъ ересеологическихъ памятни-

---

[20]) Всѣ полемическія сочиненія Епифанія, какъ увидимъ ниже, писаны по просьбамъ его различныхъ учениковъ и почитателей. Извѣстно, какъ подъ конецъ жизни Епифанія не искренніе почитатели его вовлекли его въ несчастные споры изъ за мнѣній Оригена и въ столкновенія съ Іоанномъ епископомъ Іерусалимскимъ и Іоанномъ Златоустымъ Константинопольскимъ. См. Сократа церк. истор. кн. VI, гл. 7, 10, 12, 14; Созомена VIII, 14, 15.

[21]) Епифаній прожилъ около девяноста пяти лѣтъ. До шестидесяти лѣтъ онъ проживалъ съ пустынниками въ различныхъ мѣстахъ Египта, Палестины, Кипра. Въ 367 году избранный епископомъ Кипрскимъ, онъ жилъ главнымъ образомъ въ Констанціи—главномъ городѣ острова, но отсюда вновь имѣлъ случай путешествовать и въ Египетъ, и въ Палестину, и въ Константинополь и даже въ Римъ.

[22]) Епифаній, по свидѣтельству Іеронима (Advers. Rufinum Apologia II, cap. 22) зналъ пять языковъ — греческій, сирскій, еврейскій, египетскій и отчасти латинскій: Graecam, Syram, Hebraeam, Aegyptiacam, et parte et Latinam linguam noverat. Сравн. Apolog, III, 23. Іеронимъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, вообще отзывался съ великимъ уваженіемъ какъ о нравственныхъ качествахъ, такъ и объ образованіи Епифанія, см. Epitaph. Paulae, Vitam Hilarionis, epistol. contra Ioannem Hierofolym, de viris illustribus 114 et caet. Знаніе восточныхъ языковъ—еврейскаго, сирскаго и египетскаго, т. е. коптскаго—могло дать Епифанію такія преимущества въ изслѣдованіи древнихъ ересей, какими не пользовался ни одинъ изъ древнѣйшихъ ересеологовъ —ни Иринеи, ни Ипполитъ, ни тѣмъ менѣе Тертулліанъ.

[23]) Это видно изъ многихъ мѣстъ *Панарія*, преимущественно изъ описанія ересей XXVI, XXX, XXXIX, XL, LXI...

ковъ—полемическими сочиненіями древнѣйшихъ церковныхъ учителей, дошедшими и не дошедшими до насъ, и многими сектантскими произведеніями еще существовавшими въ то время, и скоро затѣмъ утратившимися [24]). При этомъ Епифаній вообще отличался широкою любознательностью, и тѣмъ болѣе не оставлялъ безъ вниманія ничего относящагося къ изслѣдованію особенно занимающаго его предмета [25]).

Но при этомъ и въ умственномъ строѣ и въ нравственномъ характерѣ Епифанія были и такія стороны, которыя не давали ему возможности сдѣлаться вполнѣ владѣющимъ своимъ дѣломъ первостепеннымъ ересеологомъ. При широкой любознательности и рѣдкомъ по тому времени многознаніи, Епифаній не имѣлъ правильнаго систематическаго образованія, и вообще глубины и широты мысли. Философское образованіе его было до того недостаточно, что онъ при всемъ желаніи судитъ о достоинствѣ греческихъ философскихъ системъ, не только не понималъ внутренняго ихъ смысла, но и внѣшнюю исторію ихъ зналъ такъ слабо, что смѣшивалъ напр. систему Пиѳагорейскую съ Перипатетическою и Зенона Стонка съ Зенономъ элеатскимъ [26]). Богословское образованіе Епифанія было твердо и во всякомъ случаѣ православно: но при слабости общаго образованія и неглубокомъ развитіи мысли, въ самыхъ богословскихъ его сужденіяхъ наряду съ понятіями твердыми и истинно православными высказывались иногда понятія не глубокія, не твердыя, и оригинальныя и произвольныя можно сказать до стран-

---

[24]) См. 2-й главы примѣч. 39 и 3-й главы стр. 62—64 съ примѣчаніями.

[25]) Фотій (Библіотека Cod. CXXIV) говоритъ, что Епифаній при составленіи своего обличенія противъ ересей не опустилъ ничего изъ сообщеннаго древнѣйшими писателями о еретикахъ, и самъ что могъ вновь изслѣдовать, прибавилъ къ ихъ сообщеніямъ. Преосвящ. Филаретъ Черниговскій (объ отцахъ церкви т. II 253) безъ основанія, приводя этотъ отзывъ Фотія, распространяетъ его прямымъ указаніемъ на тѣхъ писателей, которыми могъ пользоваться Епифаній. Вообще ссылки и выдержки, находящіяся у преосвящ. Филарета какъ въ главѣ объ Епифаніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ требуютъ внимательной провѣрки.

[26]) См. Панар. ереси 6—8.

ности и наивности [27]). Естественно, что у такого писателя нерѣдко могло недоставать какъ пониманія внутренняго смысла излѣдуемыхъ имъ ученій, такъ и критической осторожности въ принятіи и повѣркѣ всякихъ представлявшихся ему фактовъ и свѣдѣній относительно внѣшней жизни еретиковъ; у такого писателя не могло быть и надлежащаго безпристрастія въ сужденіяхъ о еретикахъ и оцѣнкѣ ихъ ученія. Епифанія ни въ какомъ случаѣ нельзя причислить къ разряду такихъ писателей, которые способны намѣренно чернить людей несогласныхъ съ ними въ убѣжденіяхъ, взводить на нихъ небывалыя преступленія, и сознательно представлять убѣжденія ихъ въ искаженномъ и крайнемъ видѣ. Епифаній былъ человѣкъ въ высокой степени прямой, правдивый и честный; къ нравственнымъ качествамъ его не могли не относиться съ уваженіемъ люди и не раздѣлявшіе его мнѣній [28]). Но при горячности натуры, при крайней предубѣжденности противъ еретиковъ, и при недостаткѣ широкой способности безпристрастно входить въ смыслъ мнѣній противныхъ личнымъ убѣжденіямъ, онъ естественно могъ иногда самымъ искреннимъ образомъ не намѣренно искажать, представлять въ преувеличенно-темномъ и грубомъ видѣ смыслъ обличаемыхъ ученій, и придавать значеніе всякимъ преувеличеннымъ, иногда можетъ быть и совсѣмъ недостовѣрнымъ, извѣстіямъ о недостаткахъ нравственной жизни еретиковъ. Горячая ревность къ обличенію ученій противныхъ православію, при недостаточно глубокомъ въ иныхъ случаяхъ пониманіи самаго православія и мнѣній

---

[27]) Извѣстно, что Епифанія и его учениковъ современники упрекали даже въ антропоморфическихъ представленіяхъ о существѣ Божіемъ (См Сократа церковн. истор. VI, 7, 10, Созомена VIII, II, 14; сравни Іеронима contra Ioannem Hierosolym.—у Миня Т. XXIII). Нѣкоторые примѣры странныхъ сужденій Епифанія будутъ приведены ниже.

[28]) Какое высокое понятіе имѣли современники и ближайшіе потомки о нравственныхъ качествахъ Епифанія, объ этомъ преимущественно въ церковной исторіи Созомена кн. VIII, гл. 27. Созоменъ—историкъ ближайшій къ Епифанію и по времени и по мѣсту рожденія и воспитанія. См. также у Сократа кн. VI гл. 10—11. На отзывы Блаж. Іеронима о Епифаніи мы уже указывали въ примѣчаніи 22.

представляющихся несогласными съ нимъ, естественно могла увлекать иногда въ излишнюю строгость сужденій и подозрительность, при которой и всякое не особенно значительное уклоненіе мысли отъ общепризнаннаго мнѣнія представлялось. злою и упорною ересью, подрывомъ всѣхъ основъ христіанства. Епифаній знаменитаго Оригена, къ которому при всѣхъ его увлеченіяхъ съ уваженіемъ относились замѣчательнѣйшіе и православнѣйшіе изъ церковныхъ богослововъ того времени, считалъ великимъ еретикомъ, и сочиненія его, изъ которыхъ черпали много полезнаго такіе знаменитые учители перкви, какъ Василій великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Дидимъ Александрійскій, признавалъ источниковъ всевозможныхъ ересей [29]). Епифанію образъ мыслей и дѣйствій даже и такого замѣчательнаго современнаго ему дѣятеля церковнаго, каковъ былъ Іоаннъ Златоустый, могъ представляться сомнительнымъ [30]). Понятно, что сужденія и приговоры такого черезчуръ строгаго ревнителя православія о людяхъ, которые были настоящими еретиками, о которыхъ дѣйствительно можно было сказать много дурнаго, не всегда могли быть достаточно спокойны и безпристрастны.

Что касается до источниковъ, изъ которыхъ Епифаній заим-

---

[29]). Непріязнь къ Оригену и худое мнѣніе о немъ высказались у Епифанія въ Панаріѣ при описаніи LXIV ереси, но еще не особенно въ сильной степени. До крайней степени непріязнь къ Оригену и его мнѣніямъ дошли у Епифанія подъ конецъ жизни—въ время преслѣдованія Александрійскимъ епископомъ Ѳеофиломъ такъ называемыхъ длинныхъ братьевъ—монаховъ почитателей Оригеновыхъ. Сократа церк. истор. кн. VI, 10, 12, 14. Созомена VIII, 14, 15. По ироническому отзыву Руфина—почитателя Оригенова—Епифаній перечиталъ 6000 Оригеновыхъ сочиненій за тѣмъ только, чтобы изыскать въ нихъ еретическія мнѣнія, и своимъ знаніемъ пяти языковъ пользовался для того, чтобы между всѣми народами распространять дурную славу про Оригена Hieronym contra Rufinum Lib. II cap. 23). Нужно принять во вниманіе, что были тогда и особенныя причины, возстановлявшія многихъ ревнителей православія противъ Оригена. Аріане въ подтвержденіе своихъ мнѣній о св. Троицѣ нерѣдко ссылались на ученіе Оригена, хотя это послѣднее (*теорія субординаціонизма*) и далеко еще было отъ смысла аріанскаго.

[30]). Указанныя мѣста Сократа VI, 12, 14; Созомена VIII, 14, 15.

ствовалъ свои свѣдѣнія о ересяхъ,—источники эти были многочисленны и разнообразны, но не всѣ одинаково чисты и достовѣрны. Самъ Епифаній въ началѣ своего большаго сочиненія противъ ересей (Панарія), раздѣляетъ эти источники на три разряда: «о ересяхъ, о которыхъ мы намѣрены сообщить свѣдѣнія, говоритъ онъ, о нѣкоторыхъ древнѣйшихъ мы узнали изъ науки, о другихъ слышали по слуху, а о нѣкоторыхъ имѣли случай узнать собственными глазами и ушами [31])». Такимъ образомъ первымъ источникомъ свѣдѣній о ересяхъ было для Епифанія изученіе письменныхъ памятниковъ. Епифаній безъ сомнѣнія пользовался всѣми полемическими сочиненіями древнѣйшихъ учителей церкви, какія только могли до него дойти [32]). Въ основу его сообщеній о ересяхъ древнѣйшихъ легли главнымъ образомъ показанія св. Иринея. Онъ буквально во многихъ мѣстахъ передаетъ свѣдѣнія о древнихъ ересяхъ словами св. Иринея, и приводитъ изъ его книги цѣлыя большія выдержки, такъ что ему по преимуществу мы обязаны сохраненіемъ большой части первой книги Иренеева сочиненія о ересяхъ въ подлинномъ греческомъ текстѣ [33]). Знакомство съ произведеніями св. Ипполита, вновь возстановляющееся въ новѣйшей наукѣ, уже привело серьезныхъ ученыхъ къ тому убѣжденію, что Епифаній много пользовался и сочиненіями св. Ипполита [34]). Въ описаніи ере-

---

[31]) Τῶν ὑφ' ἡμῶν μελλόντων εἰς γνῶσιν τῶν ἐντυχανόντων ἥκειν αἱρεσεῶν τε καὶ τῶν ἀνωτάτω τὰ μεν ἐκ φιλομαθείας ἴσμεν, τὰ δε ἐξ ἀκοῆς κατειλήθαμεν, τοῖς δε τίσιν ἰδιοις ὡσί καὶ ὀφθαλμοῖς παρετυχομεν, Панар Т. 1, § 2; сравн. ерес. XXVI § 18.

[32]). См. въ 25 примѣчаніи отзывъ Фотія объ отношеніяхъ Епифанія къ предшествовавшимъ писателямъ.

[33]). Срав. 3-й главы примѣч. 24 и 47. Особенно значительныя выдержки изъ Иринея у Епифанія въ описаніяхъ 31, 32, 33, 34 и 35 ересей.

[34]). Это съ особенною тщательностію раскрыто Липсіусомъ въ Quellenkritik des Epiphanios. Но вопросъ можетъ быть только о томъ, какими изъ сочиненій Ипполита пользовался Епифаній при составленіи своего труда. Липсіусъ полагаетъ, что Епифаній во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ пользовался Ипполитомъ, имѣлъ въ виду его краткое сочиненіе о 32 ересяхъ Βιβλιδάριον. Намъ же кажется вѣроятнѣйшимъ, что Епифаній въ тѣхъ частяхъ Панарія, гдѣ онъ по преимуществу слѣдовалъ Ипполиту, имѣлъ въ виду болѣе обширное сочиненіе его, изъ котораго отрывокъ мы имѣемъ въ сохранившемся Ипполитовомъ трактатѣ противъ Ноэта (см.

сей, распространившихся въ христіанствѣ послѣ времени Иринея и Ипполита, Епифаній пользовался частными полемическими сочиненіями церковныхъ учителей III вѣка—Климента Александрійскаго, Діонисія Александрійскаго, Архелая Касхарскаго, Меѳодія Патарскаго и дальнѣйшихъ учителей IV вѣка [35]). Вопросъ о томъ, могъ ли Епифаній пользоваться сочиненіями древнѣйшихъ христіанскихъ полемистовъ до Иринеевскаго времени—напр. Іустина мученика, Егезиппа, Родона и др.—менѣе представляетъ данныхъ для разъясненія [36]). Но, кромѣ полемическихъ сочиненій учителей церковныхъ, Епифаній свои свѣдѣнія о ересяхъ могъ въ значительной степени почерпать изъ апокрифическихъ писаній самихъ еретиковъ. Что такихъ сочиненій сохранилось еще очень много до временъ Епифанія, и что онъ могъ пользоваться ими, на это мы имѣемъ ясныя указанія въ его сочиненіяхъ. Въ Панаріи приводится даже цѣликомъ такія еретическія писанія, о которыхъ до Епифанія не говорилъ ни одинъ изъ древнихъ ересеологовъ [37]). О другихъ сектантскихъ апокрифахъ у него сообщаются свѣдѣнія также болѣе подробныя и опредѣленныя, чѣмъ у прежнихъ

6-й главы примѣч. 32). Зналъ ли Ипполитъ Φιλοσοφούμενα—этотъ вопросъ еще труднѣе рѣшить, хотя есть нѣкоторое основаніе предположить, что ему извѣстны были по крайне мѣрѣ нѣкоторыя части этого большаго Ипполитова сочиненія (6-й главы примѣч. 99).

[35]) Сочиненіями Діонисія александрійскаго Епифаній пользовался въ особенности при описаніи 62 ереси, Меѳодія Патарскаго въ 64 ереси, Архелая касхарскаго въ 67 ереси. Извѣстіями Климента александрійскаго онъ во многихъ мѣстахъ дополнялъ описанія древнѣйшихъ ересей до иринеевскаго времени, какъ на это есть не мало указаній у Липсіуса.

[36]) Здѣсь первый вопросъ въ томъ, сохранились ли эти сочиненія до времени Епифанія, или нѣтъ. Но если онѣ существовали во времена Евсевія, и есть основаніе (хотя, какъ увидимъ, и оспариваемое) думать, что онѣ сохранились и до временъ Ѳеодорита: то конечно, онѣ существовали и во времена Епифанія. Съ наибольшею вѣроятностью можно предполагать, что Епифаній пользовался ересеологическими показаніями Егезиппа. Сличи описаніе іудейскихъ и самаританскихъ ересей въ I-мъ томѣ Панарія съ извѣстіями о содержаніи егезипповой ересеологіи у Евсевія кн. IV гл. 22.

[37]) Таково приводимое въ описаніи 33 ереси гл. 3—8 посланіе Птоломея къ Флорѣ.

ересеологовъ [38]). Наконецъ множество апокрифовъ онъ перечисляетъ по названіямъ, не входя въ разборъ ихъ содержанія, но давая однакожъ знать читателю, что эти апокрифы еще существовали въ его время [39]). Но при множествѣ письменныхъ источниковъ, на основаніи которыхъ могли составляться ересеологическія писанія Епифанія, показанія эти имѣютъ тотъ недостатокъ, представляютъ то существенное затрудненіе для изслѣдователей, что Епифаній весьма рѣдко указываетъ опредѣленно источники, изъ которыхъ онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія. Это недостатокъ болѣе или менѣе общій почти всѣмъ древнимъ писателямъ; но у Епифанія онъ сказывается въ особенно сильной степени. Нужно имѣть очень много сообразительности и обширное знакомство съ древними памятниками христіанской литературы, чтобы въ большей части ересеологическихъ показаній Епифанія умѣть различить, изъ какого источника онъ заимствуетъ то или другое показаніе, изъ одного ли источника или изъ нѣсколькихъ, передаетъ ли онъ эти показанія буквально словами источника или своими словами (и на сколько точно или неточно), руководствуется ли онъ въ извѣстной части преимущественно письменными источниками или присоединяетъ къ нимъ свѣдѣнія составленныя по личнымъ наблюденіямъ и слухамъ и т. д. И при утратѣ значительной части памятниковъ древней церковной и сектаторской письменности,—нельзя даже и надѣяться вполнѣ

---

[38]) Напр. о евангеліи евіонитовъ въ описаніи 30 ереси, гл. 13, о маркіоновомъ канонѣ, изъ котораго обширнѣйшія извлеченія въ 42 ереси; въ 31-й ереси (гл. 5—6) также очень значительное извлеченіе изъ неизвѣстнаго доселѣ сочиненія Валентиніанъ.

[39]) См. ерес. XXVI, 8, 12, ерес. XXX, 15, 23; ерес. XXXIX, 5; ерес. XL, 2; ерес. LXVI, 2. Замѣчательно между прочимъ то, что Епифаній; возставая противъ апокрифовъ еретическихъ, самъ въ иныхъ мѣстахъ пользуется апокрифическими сказаніями. Напр. въ описаніи XXXIX ереси (гл. 5—6) онъ противополагаетъ апокрифическимъ преданіямъ Сѳеитовъ сказанія заимствованныя изъ извѣстнаго апокрифа *книги Юбилеевъ*. Въ описаніи XXVI ерес. (гл. 1) онъ серьезно споритъ противъ гностиковъ о томъ, что жену Ноя звали не Норія и не Пирра, а Варѳеносъ.

указать всѣ источники, на основаніи которыхъ составлены ересеологическія показанія Епифанія.

Другимъ источникомъ свѣдѣній о ересяхъ были для Епифанія, какъ сказано, его личныя наблюденія, о чемъ узналъ онъ «собственными глазами и ушами». Этотъ источникъ свѣдѣній для Епифанія также могъ быть очень значителенъ. При особенныхъ обстоятельствахъ воспитанія и жизни, при значительномъ положеніи, какое имѣлъ Епифаній въ Церкви въ послѣдніе годы, при неоднократныхъ путешествіяхъ по различнымъ странамъ христіанскаго востока, при многолѣтней жизни въ такихъ именно странахъ, которыя были главнымъ притономъ разнообразныхъ ересей (въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ), при богатомъ знаніи восточныхъ языковъ, при рѣдкой любознательности и при особенной ревности къ собиранію всякихъ извѣстій о еретическихъ сектахъ, Епифанію можно было открыть много новаго въ исторіи и ученіи еретическихъ сектъ—тѣмъ болѣе, что со временъ Иринея и Ипполита до его времени спеціально общими обозрѣніями еретическихъ сектъ, какъ мы видѣли, никто не занимался, а между тѣмъ въ это время могло конечно возникнуть не мало новыхъ сектъ, и остатки старыхъ описанныхъ Иринеемъ и Ипполитомъ, какіе удержались до этого времени, много могли измѣниться въ своемъ характерѣ. Епифанію въ христіанской ересеологіи принадлежитъ именно та заслуга, что онъ съ одной стороны сообщилъ не мало новаго о томъ состояніи, въ какомъ находились къ его времени сохранившіеся остатки древнихъ іудействующихъ и гностическихъ сектъ, а съ другой описалъ нѣкоторыя новыя отрасли и компликаціи этихъ сектъ, образовавшіяся послѣ временъ Иринея и Ипполита [40]). Въ этомъ существенная особенность епифаніевскихъ ересеологическихъ показаній сравнительно съ но-

[40]) Какія именно секты Епифаній описываетъ совершенно заново, или представляетъ въ новомъ сравнительно съ древнѣйшими писателями видѣ, объ этомъ подробнѣе ниже — при частномъ разборѣ содержанія Панарія.

казаніями Иринея и Ипполита, и существенное значеніе ихъ для науки, доселѣ можно сказать недостаточно признанное новыми церковными историками и ересеологами [41]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не сказать, что въ тѣхъ частяхъ епифаніевской полемики, гдѣ ересеологическія показанія Епифанія имѣютъ особенное самостоятельное значеніе — именно при описаніи позднѣйшаго современнаго состоянія древнихъ еретическихъ сектъ и новыхъ отраслей ихъ, описанія эти далеко не представляютъ той отчетливости, какую представляли въ свое время описанія Иринея и Ипполита. Эта неотчетливость съ одной стороны могла зависѣть и отъ самаго состоянія сектъ въ тотъ моментъ, въ какой могъ наблюдать ихъ Епифаній, состоянія упадка, разложенія, смѣшенія, утраты самостоятельности, отступленія отъ основныхъ принциповъ и т. дал. Но съ другой эта неотчетливость безъ сомнѣнія не мало зависѣла и отъ того, что у Епифанія при изученіи этихъ сектъ не было той обстоятельности, зоркости, той широты и твердости взгляда, той научной подготовки, какая была у Иринея и Ипполита. Епифаній какъ будто и не особенно заботился о томъ, чтобы проникать во внутренній смыслъ описываемыхъ ученій, и брать въ нихъ наиболѣе существенныя черты, да едвали онъ и имѣлъ на то достаточную способность и подготовку. Черты существенныя и несущественныя, внутреннія и внѣшнія мѣшаются въ его описаніи безъ строгаго разбора. При описаніи иныхъ сектъ онъ исключительно оста-

---

[41]) Новые историки и критики обращаютъ вниманіе почти исключительно на ту часть епифаніевскихъ показаній, въ которой Епифаній является передатчикомъ свѣдѣній заимствованныхъ у Иринея и другихъ древнѣйшихъ писателей, а на ту часть показаній, въ которой Епифаній наиболѣе самостоятеленъ, или не обращаютъ вниманіе, или даже смотрятъ какъ на вымыслъ автора, на личную прибавку къ показаніямъ древнѣйшихъ писателей. Съ болѣе серьезнымъ изученіемъ епифаніевскихъ произведеній сравнительно съ другими памятниками древней христіанской литературы такое предубѣжденіе начинаетъ ослабѣвать. Но до какой степени оно и теперь еще сильно, доказательства на это, какъ увидимъ ниже, находятся даже въ книгѣ Липсіуса, тщательнѣйшаго изслѣдователя епифаніевскихъ произведеній, и вообще отличнаго знатока древне-христіанской письменности.

навливается на одной внѣшней сторонѣ—на какихъ-нибудь частныхъ чертахъ ихъ жизни, не вдаваясь въ объясненія того, имѣютъ ли эти черты какую-нибудь связь съ внутренними началами самаго сектантскаго ученія, или нѣтъ [42]). Есть у него и такія описанія, въ которыхъ онъ сообщаетъ извѣстія о сектахъ лично имъ видѣнныхъ, но когда и гдѣ видѣнныхъ, онъ не помнитъ [43]). Есть и такія описанія, въ которыхъ кромѣ названія секты никакихъ другихъ извѣстій о ней не сообщается [44]). Есть наконецъ основанія предполагать, что Епифаній въ иныхъ мѣстахъ безъ нужды раздѣляетъ или смѣшиваетъ различныя сектантскія отрасли: встрѣчая одну и ту же секту въ различныхъ мѣстахъ подъ различными названіями, принимаетъ эти частныя развѣтвленія ея за особенныя самостоятельныя секты [45]), или обратно въ ученіе одной извѣстной секты по забывчивости и неясности представленія вноситъ черты изъ различныхъ сектантскихъ ученій [46]). Наконецъ существенный недостатокъ епифаніевскихъ описаній состоитъ опять въ томъ, что онъ смѣшиваетъ извѣстія о еретикахъ добытыя личнымъ наблюденіемъ съ извѣстіями заимствованными изъ древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ,

---

[42]) См. напр. ереси LII, LVIII, LXI.
[43]) См. ерес. XXXIX гл. 1.
[44]) Ересь LX.
[45]) Напр. секта архонтиковъ (40 ерес.) представляется какъ будто только особою, распространившеюся въ Палестинѣ, отраслью египетской секты гностиковъ (ер. 26), секта апостоликовъ (ер. 61) по принципамъ своимъ представляется очень сходною съ сектою енкратитовъ (ер. 47), квинтилліанисты и пепузіане въ епифаніевскомъ описаніи весьма мало отличаются отъ фригійскихъ монтанистовъ (48 и 49 ереси); ученія енкратитовъ (ерес. 47) какъ будто не представлялось надобности отдѣлять отъ послѣдователей Татіана (ер. 46).
[46]) Такъ въ особенности у Епифанія встрѣчаются смѣшанныя черты, переносимыя изъ одной секты въ другую, при описаніи ересей симоніанъ (21), николаитовъ (25), гностиковъ (26), карпократіанъ (27), офитовъ (37), архонтиковъ (40). Есть также смѣшенія при описаніи іудейской секты осеиновъ (19) и христіанскихъ сектъ сампсеевъ (53) и евіонеевъ (30). Впрочемъ подобныя смѣшенія, какъ мы объяснимъ далѣе, могли зависѣть не отъ одной спутанности представленій въ авторѣ, а и отъ особеннаго въ позднѣйшія времена (ближайшія къ епифаніевскимъ) состоянія древнихъ іудействующихъ и гностическихъ сектъ.

черты относящіяся къ позднѣйшему состоянію лично имъ видѣнныхъ сектъ съ характеристиками ихъ первоначальнаго состоянія, какую онъ могъ находить у Иринея, Ипполита и другихъ древнѣйшихъ писателей [47]).

Третьимъ источникомъ свѣдѣній о еретикахъ былй для Епифанія, какъ онъ сознается, простые слухи. Нельзя опредѣленно сказать, на сколько давалось мѣста этому источнику при составленіи епифаніевскихъ сообщеній, но само-собою разумѣется, что этотъ источникъ былъ самый ненадежный. Епифаній говоритъ, что онъ въ этомъ случаѣ принималъ только показанія отъ людей наиболѣе заслуживающихъ довѣрія [48]). Но если мы знаемъ, что прямой и искренній Епифаній могъ иногда поддаваться вліянію злонамѣренныхъ или предубѣжденныхъ людей въ столкновеніяхъ съ живыми и самыми почтенными своими современниками, каковы были Іоаннъ Іерусалимскій и Іоаннъ Златоустый [49]), то тѣмъ болѣе довѣріе его могло быть злоупотребляемо въ такихъ случаяхъ, когда ему по слухамъ приходилось составлять свѣдѣнія о темныхъ малоизвѣстныхъ сектантскихъ партіяхъ, о которыхъ притомъ самъ онъ по искреннему убѣжденію готовъ былъ думать все дурное. Одно уже сознаніе автора, что онъ свои сообщенія объ иныхъ сектахъ основывалъ на слухахъ, должно внушать осторожность въ пользованіи его показаніями—тѣмъ болѣе, что онъ опять весьма рѣдко отдѣляетъ передаваемое по слухамъ

---

[47]) Вотъ эти то смѣшенія и были можетъ быть, одною изъ главныхъ причинъ того, почему многіе позднѣйшіе изслѣдователи древней ереселогіи не обращаютъ серьезнаго вниманія на особенную самостоятельную часть иринеевскихъ описаній и даже считаютъ ее лишнимъ вымысломъ, лишнею прибавкой, даже искаженіемъ древнѣйшихъ напр. иринеевскихъ описаній.

[48]) Δι'ἀκοῆς ἀνθρώπων ἀκριβῶς πιστοσαμένων τὴν ἡμῶν Ἐννόιαν Ἔγνωμεν. Παναρ. § 2. Тоже и въ описаніи XXVI ерес. § 18.

[49]) Церковный историкъ Сократъ кн. VI гл. 10 говоритъ, что Θεοφιλъ александрійскій, желая сдѣлать Епифанія орудіемъ своихъ интригъ противъ Іоанна Златоустаго, разсчитывалъ именно на его простодушіе и довѣрчивость—на то, что этотъ мужъ „при чрезвычайномъ благочестіи имѣлъ простоту нрава".

отъ того, что получено изъ другихъ болѣе надежныхъ источниковъ.

Много теряютъ епифаніевскія описанія также отъ того, что онъ, какъ видно, составлялъ ихъ поспѣшно; и не писалъ самъ, а диктовалъ переписчикамъ [50]); а послѣ можетъ быть и не перевѣрялъ, не сравнивалъ съ источниками, по которымъ составлялись описанія, и не исправлялъ тѣхъ ошибокъ и неточностей, которыя могли вкрадываться въ его труды, при поспѣшности писанія, при забвеніи иныхъ фактовъ, при недостаточной ясности представленія объ иныхъ предметахъ и т. д. [51]). Оттого и при передачѣ такихъ фактовъ, свѣдѣнія о которыхъ Епифаній заимствовалъ, изъ древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ, у него встрѣчаются иногда неточности, ошибки, переиначиванія дѣла, на первый взглядъ какъ будто и несущественныя, но въ историческомъ отношеніи довольно важныя. Напр. при описаніи первыхъ христіанскихъ сектъ Епифаній у Иринея могъ встрѣтить извѣстіе о томъ, что еретикъ Менандръ былъ *преемникъ* Симона волхва. При передачѣ этого извѣстія ему легко было перемѣнить *преемника* въ *ученика*, а между тѣмъ отъ этого получился уже другой историческій смыслъ [52]). Точно также у Иринея еретики Сатурнинъ и Василидъ называются учениками Симона и Менандра — но конечно, учениками по духу и смыслу, а не какъ непосредственные слушатели — современники Симона и Менандра: ибо Симонъ, какъ извѣстно былъ современникъ апостоловъ, а Сатурнинъ и Василидъ распространяли свое ученіе уже въ царствованіе Адріана — т. е. въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ II сто-

---

[50]) Это видно изъ заключительныхъ словъ обоихъ полемическихъ сочиненій Епифанія, Анкората и Панарія, гдѣ ученикъ его, писавшій эти сочиненія, — прямо называетъ себя. См. у Миня T. XLII стр. 832 и T. XLIII стр. 236.

[51]) Нужно при этомъ принять во вниманіе также и то, что Епифаній составлялъ свои полемическія произведенія въ очень преклонныхъ лѣтахъ между 65 и 70 годами жизни; характерно въ этомъ отношеніи выраженіе Іеронима объ Епифаніѣ въ De viris illustrib. (cap. 114): superest usque hodie, et in extrema jam senectute varia cudit opera.

[52]) Срав. Иринея кн. 1, гл. XXIII, 5 и Панарія ересь 22.

лѣтія. Епифаній же, буквально понявши слова Иринея, представляетъ, что Василидъ и Сатурнинъ были непосредственные ученики Симона и Менандра, и на этомъ основаніи относитъ образованіе сектъ сатурниліанъ и василидіанъ вмѣстѣ съ симоніанами и менандріанами къ древнѣйшимъ временамъ христіанства[53]). У Иринея ересь Керинѳа описывается послѣ Карпократа, хотя Керинѳъ, современникъ Іоанна Богослова, былъ конечно старше Карпократа современника Сатурнинова и Василидова: у Епифанія же изъ этого вышло, что Керинѳъ между прочимъ заимствовалъ свое ученіе о лицѣ Іисуса Христа у Карпократа [54]). При описаніи отраслей валентиніанства Епифаній рядомъ съ Секундомъ ставитъ въ число учениковъ валентиновыхъ Исидора и Епифана: между тѣмъ Исидоръ былъ ученикъ своего отца Василида, Епифанъ былъ сынъ Карпократа, Василидъ же и Карпократъ были еретиками древнѣйшими Валентина, и Епифанъ умеръ ранѣе отца своего Карпократа [55]). Есть и другія неточности менѣе значительныя. Напр. у Иринея есть разсказъ о встрѣчѣ Іоанна Богослова съ еретикомъ Керинѳомъ въ банѣ: у Епифанія этотъ разсказъ переносится съ Керинѳа на Евіона, Иринею совершенно неизвѣстнаго [56]). У Ипполита мѣстомъ проповѣди Ноэта, перваго основателя патрипассіанства, представляется Смирна: у Епифанія названіе одного малоазійскаго города замѣняется другимъ, на мѣсто Смирны является Ефесъ [57]). Конечно, всѣ эти неточности опытными изслѣдователями исторіи древнихъ ересей легко могутъ быть замѣчаемы и исправляемы чрезъ сравненіе епифаніевскихъ показаній съ тѣми древнѣйшими источниками, на основаніи которыхъ они составлялись. Но такъ

---

[53]) Сравни Иринея кн. 1, гл. XXIV, 1; Евсевія кн. IV гл. 7 и Панарія ереси 23 и 24.

[54]) Срав. Иринея кн. 1 гл. XXV—XXVI и Панарія ересь XXVIII, 1.

[55]) Срав Панарія ерес. 32 и Стромата Lib. II p. 409, L. III p. 427, Lib. VI p. 641.

[56]) Ирин. кн. 10, гл. III, 4: Панар. XXX гл. 24.

[57]) Трактатъ прот. Ноэта § 1; Φιλοσοφούμενα IX, 7; Панарія ерес. LVII, 1.

какъ не всѣ изъ этихъ источниковъ сохранились, и такъ какъ не всѣ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей даютъ себѣ трудъ свѣрять позднѣйшія ересеологическія показанія съ древнѣйшими; такъ какъ многое въ епифаніевскихъ показаніяхъ основывалось и не на письменныхъ источникахъ, а на личныхъ воспоминаніяхъ и слухахъ, въ которыхъ Епифаній также могъ быть не всегда точенъ, и которыя провѣрять позднѣйшимъ изслѣдователямъ нѣтъ уже никакой возможности: то понятно отсюда, что неточности подобныя вышеприведеннымъ не мало могли произвести путаницы и неправильности въ позднѣйшихъ ересеологическихъ представленіяхъ [58]).

Особенно осторожнаго вниманія требуютъ хронологическія показанія Епифанія. Здѣсь также вслѣдствіе поспѣшности и недоразумѣній Епифаній допускаетъ такія неточности, которыя опытному изслѣдователю не трудно замѣтить, но которыя неопытнаго читателя совершенно могутъ спутать. По описанію Епифанія напр. выходитъ, что не только ереси сатурніліанъ и василидіанъ, но и начало манихейства относится чуть ли не ко времени апостоловъ. Въ одномъ мѣстѣ при описаніи манихейской секты Епифаній говоритъ, что Скиѳіанъ, предшественникъ Манеса и первый составитель того ученія, которое потомъ сталъ проповѣдывать Манесъ, жившій раньше Манеса однимъ или не болѣе двумя поколѣніями, путешествовалъ въ Іерусалимъ около времени апостольскаго [59]); между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ того же описанія говорится, что до времени Манеса отъ Вознесенія Христова прошло 276 или 246(?) лѣтъ [60]). Описывая ересь ноэтіанскую, Епифаній, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что эта ересь появилась лѣтъ за сто тридцать до его времени, т. е. значитъ

---

[58]) Многія изъ неточностей Епифанія повторились у позднѣйшихъ ересеологовъ, въ своихъ трудахъ слѣдовавшихъ Епифанію: у Блаж. Августина, Предестината, Іоанна Дамаскина, Никиты Хоніата.

[59]) Панар. ерес. LXVI, гл. 3.

[60]) Тамъ же глава 20 въ концѣ

около половины III вѣка [61]). Между тѣмъ изъ сочиненій Ипполита ясно можно видѣть, что ноэтіанство возникло ранѣе конца II столѣтія, и уже распространялось въ Римѣ при папѣ Зефиринѣ [62]). Особенно поразительные примѣры небрежнаго отношенія къ хронологіи представляются у Епифанія при описаніи ереси аріанской, не относящейся къ предмету настоящаго нашего изслѣдованія: смерть Арія представляется ранѣе Никейскаго собора [63]); архіепископъ Ахиллъ, предшественникъ Александра, является преемникомъ ему [64]), Евсевій епископъ никомидійскій и потомъ константинопольскій, умершій при императорѣ Констанціѣ, является современникомъ императора Валента [65]). Эти лица и событія были такъ близки ко времени Епифанія, и память о нихъ такъ жива была между его современниками, что если Епифаній относительно такихъ близкихъ къ нему и важныхъ лицъ и событій могъ допустить ошибки противорѣчащія всѣмъ историческимъ даннымъ: то понятное дѣло, какой осторожности требуютъ хронологическія и другія показанія Епифанія, относящіяся ко временамъ древнѣйшимъ, къ сектамъ менѣе значительнымъ и менѣе извѣстнымъ.

Скажемъ также нѣсколько словъ о полемико-догматической части трудовъ Епифаніевыхъ, о тѣхъ разсужденіяхъ, опроверженіяхъ и доводахъ, которыя противополагаются у него ученію описываемыхъ ересей. Полемико-догматическая часть—разсужденія и опроверженія—въ ересеологическихъ трудахъ Епифанія весьма обширна, — гораздо обширнѣе собственно исторической части, представляющей описаніе сектантскихъ ученій. Общее сужденіе о достоинствѣ богословскихъ разсужденій и опроверженій Епифанія нужно высказать такое же, какъ и о его описаніяхъ: онѣ весьма не равны. Смотря потому,

---

[61]) Ересь LVII гл. 1.
[62]) Φιλοσοφούμενα кн. IX, 7, 11.
[63]) Панар. ерес. LXVIII, гл. 6—7, 10—11.
[64]) Тамъ же глав. 11.
[65]) Тамъ же гл. 13.

заимствовалъ ли Епифаній разсужденія и опроверженія противъ ересей у другихъ писателей древнѣйшихъ или составлялъ ихъ самъ, составлялъ болѣе или менѣе внимательно, приходилось ли ему разсуждать въ области предметовъ и идей наиболѣе ему доступныхъ или мало доступныхъ, его разсужденія и опроверженія являются въ иныхъ мѣстахъ весьма обстоятельными и твердыми, въ иныхъ же недостаточными и нетвердыми можно сказать до наивности. Намъ нѣтъ надобности разбирать въ подробности разсужденія и опроверженія Епифанія: но необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя общія идеи высказывающіяся въ его трудахъ и имѣвшія вліяніе на самый строй его историческихъ представленій.

Прежде всего у Епифанія представляются очень неопредѣленными самыя понятія православія и ереси. Какъ и слѣдуетъ быть, Епифаній въ Панаріѣ прежде описанія ересей старается установить и разъяснить понятія о православіи. Православіе представляется у него единою истинною вѣрою, данною роду человѣческому чрезъ Божественное откровеніе. Но при этомъ какъ бы опускается изъ вниманія, что Божественное откровеніе въ его распространеніи между людьми имѣло различные моменты и ступени, что откровеніе въ ветхомъ завѣтѣ было постепенное и неполное, что въ полнотѣ оно возвѣщено роду человѣческому съ пришествіемъ на землю Сына Божія (Евр. 1, 1); и затѣмъ въ Церкви Христовой при живомъ непрестанномъ присутствіи Духа Божія постепенно раскрывается и уясняется ученіемъ церковныхъ учителей и вѣроопредѣленіями церковныхъ соборовъ. У Епифанія вѣра, отъ начала данная роду человѣческому, какъ будто представляется не только въ той же самой полнотѣ, но и съ тѣми же опредѣленіями, въ какихъ онъ могъ знать ее въ свое время—подъ конецъ IV вѣка. Въ древнѣйшія времена исторіи рода человѣческаго не было между людьми ни іудейскаго обрѣзанія, ни языческаго поклоненія кумирамъ, слѣдовательно люди тогда были христіанами. «Вѣра первыхъ людей имѣла образъ христіанства, была такою же, какъ открылась впослѣдствіи». «Первозданный Адамъ былъ пророкъ,

зналъ Бога Отца и Сына и св. Духа, *и обнаруживалъ въ себѣ черты христіанства*... Тоже должно разумѣть и объ Авелѣ Сиѳѣ, Еносѣ, Энохѣ, Маѳусалѣ, Ноѣ, Эверѣ... и до Авраама... Разницы въ религіозныхъ мнѣніяхъ между людьми первоначально не было; религіозныя мнѣнія противныя истинной вѣрѣ явились уже послѣ столпотворенія Вавилонскаго. Въ древнѣйшія времена религіозная разница между людьми выражалась только въ томъ, что одни были люди благочестивые, а другія нечестивые и грубые [66]). Отсюда выводится у Епифанія весьма странное примѣненіе къ тому, какъ нужно опредѣлять область христіанской ересеологіи. Область эта является самою широкою и неопредѣленною. Все, что противно истинной вѣрѣ не только въ отношеніи теоретическомъ (разница религіозныхъ мнѣній), но и практическомъ (нечестивый образъ жизни, грубость нравовъ) — есть ересь. Такимъ образомъ исторія ересей начинается у него отъ Адама, и рядомъ съ ересями собственно христіанскими разсматриваются въ томъ же смыслѣ, въ томъ же отношеніи къ православію, и опровергаются съ точки зрѣнія христіанскаго богословія IV вѣка не только древнія дохристіанскія религіи, не только древнія философскія системы, но и то практическое нечестіе въ жизни и грубость нравовъ, какими отличались грѣшные люди въ древнѣйшія времена отъ Адама до потопа и отъ потопа до столпотворенія Вавилонскаго. Разсмотрѣнію собственно христіанскихъ ересей предшествуетъ обозрѣніе двадцати ересей до христіанскихъ [67]). При этомъ пожалуй можно было

---

[66]) Всѣ эти понятія раскрываются у Епифанія въ первыхъ вступительныхъ §§ Панарія.

[67]) Такое неточное представленіе Епифанія о православіи и ереси имѣло вліяніе и на многихъ позднѣйшихъ ересеологовъ—подражателей его. Установился обычай при обозрѣніи еретическихъ сектъ говорить сначала о такъ называемыхъ не-христіанскихъ ересяхъ, а потомъ о собственно христіанскихъ. Мы видѣли, что еще св. Иринеи, и въ особенности Ипполитъ находили нужнымъ при обличеніи ересей, разсматривать древнія философскія системы и религіозныя ученія языческія. Но эти ученія и системы трактовались у нихъ не какъ самостоятельныя ереси по отношенію къ христіанству, а какъ такія ученія и системы,

бы подивиться какимъ образомъ Епифанію удалось все разнообразіе религіозныхъ мнѣній и самыхъ нравовъ различныхъ эпохъ и національностей уложить лишь въ двадцать рубрикъ. Но это объясняется съ одной стороны тѣмъ, что у Епифанія, когда онъ приступалъ къ этому обозрѣнію, свѣдѣнія объ этомъ разнообразіи древнихъ религіозныхъ и философскихъ мнѣній были, кажется, весьма скудны и смутны; а затѣмъ, чтобы не пускаться въ нескончаемыя подробности при обозрѣніи ересей до-христіанскихъ, ему удалось найти новую идею, по которой оказалось возможнымъ все это безконечное множество ересей подвести подъ нѣсколько общихъ группъ или разрядовъ. Идея эта также весьма наивная и произвольная: тѣмъ не менѣе Епифаній твердо держался ея и неоднократно повторялъ ее въ своихъ ересеологическихъ трудахъ [68]). Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Колоссянамъ (III, II) говоритъ, что *во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни Варвара, ни Скиѳа.* Отсюда, по заключенію Епифанія, можно вывести, что до Христа все религіозно-нравственное состояніе человѣчества подраздѣлялось на четыре группы: варварстве и скиѳство, еллинство и іудейство; къ варварству относится религіозно-нравственное состояніе худшей части рода человѣческаго отъ сотворенія міра до потопа, къ скиѳству отъ потопа до столпотворенія Вавилонскаго, къ еллинству все язычество послѣ разсѣянія народовъ и главнымъ образомъ греческія философскія системы, къ четвертой группѣ іудейство съ примыкающимъ къ нему самаританствомъ, подраздѣлившіяся передъ Рождествомъ Христовымъ на нѣсколько частныхъ отраслей: изъ всего этого и выходитъ двадцать еретическихъ сектъ...

Далѣе, при переходѣ къ обозрѣнію собственно христіанскихъ сектъ, Епифанію также хотѣлось найти какой-нибудь руководи-

---

которыя имѣли вліяніе на образованіе христіанскихъ ересей. У Епифанія же и его подражателей эти системы и ученія стали трактоваться на ряду съ христіанскими ересями.

[68]) См. посланіе къ Акакію и Павлу при Панаріѣ; и въ самомъ Панаріѣ I Т., гдѣ авторъ начинаетъ говорить объ іудействѣ.

тельный принципъ, какую нибудь общую точку зрѣнія, привести все разнообразіе обозрѣваемыхъ сектъ къ какому-нибудь символическому числу. И здѣсь явилось измышленіе также странное и искуственное [69]). Въ книгѣ «Пѣснь Пѣсней», которая издавна учителями церковными принималась за символическое подъ образомъ естественныхъ отношеній жениха и невѣсты предъизображеніе духовнаго союза Христа съ церковью, женихъ Царь говоритъ о себѣ: «Есть у меня шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безъ числа: но единственная—она, голубица моя, чистая моя (гл. VI ст. 8—9)». Если подъ единственною голубицею—чистою невѣстою Христовою разумѣется Церковь, то слѣдовательно, по толкованію Епифанія, подъ восемьюдесятью наложницами нужно разумѣть нечистыя еретическія ученія [70]). Такимъ образомъ число ересей должно быть не болѣе, какъ восемьдесятъ: и такъ какъ двадцать ересей уже отнесено къ древнему до-христіанскому міру, то слѣдовательно для христіанской исторіи остается шестьдесятъ ересей [71]). Эта идея также не осталась безъ вліянія на самое историческое представленіе Епифаніевской ереселогіи. Можетъ быть подъ вліяніемъ ея, для наполненія предположеннаго числа *восьмидесяти*, Епифанію приходилось по мѣстамъ безъ нужды раздѣлять одну и туже секту на различныя самостоятельныя отрасли, или заносить въ число

---

[69]) См. Ἀγκυρώτος cap. 12, 13; Παναρ. ep. XXXV, 3; LX, 10; съ особенною же полнотою Епифаній раскрываетъ эту свою идею въ слѣдующемъ за Панаріемъ Expositio fidei.

[70]) А подъ дѣвицами „имъ же нѣтъ числа", по изъясненію Епифанія, нужно разумѣть разныя философскія мнѣнія, подъ шестьюдесятью же царицами разумѣются не какія-либо религіозныя и философскія ученія, а число родовъ или поколѣній, живших отъ Адама до Христа (?). См. Expositio fidei. cap. 5 и 9.

[71]) Нѣтъ надобности конечно говорить о странности такого объясненія вообще. Въ историческомъ же отношеніи оно представляло уже то неудобство, что какъ бы лишало позднѣйшихъ ереселоговъ права говорить о дальнѣйшихъ ересяхъ послѣ Епифаніевскаго времени. Такъ какъ число ересей никакъ не можетъ быть болѣе восьмидесяти: то слѣдовательно числомъ сектъ описанныхъ Епифаніемъ и должна навсегда завершиться христіанская ереселогія.

обозрѣваемыхъ сектъ такія, о которыхъ, кромѣ названія, сообщить ничего нельзя было [72]). А потомъ подъ конецъ описанія, когда предположенное число уже стало близиться къ исполненію, можетъ быть оказалось необходимымъ соединять подъ одну главу такія сектантскія отрасли, которыя для пользы дѣла заслуживали бы раздѣльнаго и самостоятельнаго разсмотрѣнія [73]).

Изъ этихъ примѣровъ можно уже видѣть, что Епифаній, при не особенно сильной способности и не богатой подготовкѣ къ отвлеченнымъ умствованіямъ и разсужденіямъ, былъ до нихъ большой охотникъ. Въ этомъ также одна изъ слабыхъ сторонъ его полемическихъ сочиненій. Въ длинныхъ и утомительныхъ разглагольствіяхъ, въ наивныхъ и искусственныхъ разсужденіяхъ и опроверженіяхъ, какими наполняются полемическія произведенія Епифанія, часто теряется тотъ цѣнный историческій матеріалъ, какой въ нихъ содержится; вниманіе читателя ослабляется и отъ всего произведенія остается впечатлѣніе болѣе невыгодное, чѣмъ какого оно заслуживаетъ по заключающимся въ немъ важнымъ историческимъ даннымъ. Къ счастію еще отвлеченныя искусственныя соображенія, какими задается Епифаній при описаніи ересей, въ большей части случаевъ остаются при самыхъ описаніяхъ въ такомъ чисто внѣшнимъ отношеніи, что для фактической части описанія все равно, были ль бы здѣсь эти разсужденія или ихъ не было бы. За исключеніемъ указанныхъ выше предзанятыхъ идей (о православіи, какъ первобытной Адамовой религіи, о варварствѣ и скиѳствѣ, и восьмидесяти наложницахъ при единой голубицѣ церкви), имѣвшихъ вліяніе на самое общее построеніе ересеологіи Епифанія, другія умство-

---

[72]) См. выше примѣч. 63, 64.

[73]) Такъ напр. Епифаній не удѣляетъ особеннаго мѣста въ своей ересеологіи бывшей уже весьма значительною въ его время сектѣ Донатистовъ, а упоминаетъ о ней лишь вскользь въ заключеніе описанія новаціанской секты (ср. LIX гл. 13). Впрочемъ это могло зависѣть и отъ того, что Епифанію изъ современныхъ сектъ западныя вообще были извѣстны гораздо менѣе, чѣмъ восточныя.

ванія его не имѣютъ такого вліянія на освѣщеніе частныхъ ересеологическихъ фактовъ. Благопріятное послѣдствіе для исторіи имѣло между прочимъ то обстоятельство, что Епифаній нашедши въ словахъ Апостола Павла и книгѣ Пѣснь Пѣсней лишь общій принципъ для счисленія ересей и раздѣленія ихъ на главныя группы, не подставилъ никакихъ новыхъ искусственныхъ принциповъ для раздѣленія собственно христіанскихъ сектъ на частнѣйшія группы. Планъ обозрѣнія христіанскихъ сектъ у него естественный и простой; онъ желаетъ при описаніи ихъ держаться главнымъ образомъ хронологическаго порядка, слѣдуя въ частномъ размѣщеніи сектъ одной за другою примѣру тѣхъ древнѣйшихъ полемистовъ, трудами которыхъ ему приходилось главнымъ образомъ пользоваться въ той или другой части описанія. Этотъ порядокъ прерывается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ число сектъ описываемыхъ по показанію древнѣйшаго источника Епифанію оказывается нужнымъ вставить новую секту, имѣющую какую нибудь связь съ этими же сектами, но не находящуюся у древняго источника, узнанную Епифаніемъ или по личнымъ наблюденіемъ или изъ какихъ нибудь-другихъ частныхъ позднѣйшихъ источниковъ [74]). Это впрочемъ не производитъ большой путаницы въ общемъ порядкѣ описанія. Но если общій порядокъ обозрѣнія сектъ представляется у Епифанія довольно естественнымъ и правильнымъ: то переходы въ описаніяхъ одной секты вслѣдъ за другою опять вызываютъ противъ себя особенное замѣчаніе. У Епифанія всякая почти секта вновь описываемая представляетъ отрасль той секты, какая только что передъ нею была описана. Но эту часто встрѣчающуюся у него фразу, что «извѣстная секта есть отрасль такой то» или «за такою то слѣдуетъ такая то ересь» изслѣдователь въ большой части случаевъ можетъ принимать не какъ серьезное историческое указаніе на то, что извѣ-

---

[74]) Таковы напр. ереси 26 и 29 во II томѣ Панарія, ересь 40 въ III томѣ, ереси 58—63 въ IV томѣ и т. д.

стная секта дѣйствительно произошла отъ другой указываемой здѣсь, а какъ простой лишь риторическій оборотъ, употребляемый для внѣшней связи одного описанія съ другимъ. Иногда у Епифанія извѣстная секта представляется отраслью другой такой, съ которою она ни внутренней связи ни внѣшняго соприкосновенія не имѣла [75]). Иногда даже секта болѣе ранняя по времени представляется отраслью позднѣйшей [76]).

Наконецъ къ неудобствамъ пользованія Епифаніевскими сочиненіями нужно также отнести и языкъ ихъ тяжелый, неправильный, часто неясный и трудный для перевода—такой, какой, по выраженію Фотія, и долженъ быть у человѣка не заботившагося объ аттическомъ образованіи [77]). При этомъ нужно принять во вниманіе, что и списки Епифаніевскихъ сочиненій, по которымъ дѣлаются печатныя изданія ихъ, не представляютъ полной исправности: въ нихъ есть пропуски и неясности, доселѣ дающія поводъ къ недоумѣніямъ и разногласіямъ комментаторовъ [78]).

Вотъ общая характеристика полемическихъ трудовъ св. Епифанія. Указывая ихъ значеніе въ древней ересеологіи, мы довольно подробно указали и ихъ главные недостатки, въ особенности тѣ, которые по преимуществу нужно имѣть въ виду новому изслѣдователю, чтобы не вдаться въ неточныя и ошибочныя представленія. Мы представили эти недостатки болѣе подробно и раздѣльно, чѣмъ гдѣ либо доселѣ представлялось. Но эти недостатки во всякомъ случаѣ не должны закрывать отъ безпристрастнаго изслѣдователя поло-

---

[75]) Напр. секта Офитовъ (37) представляется произшедшею отъ Николая Антіохійскаго (25), секта Катаровъ (59) представлятся слѣдующею за Ноэтіанами (57) и т. д.

[76]) Такъ Керинѳъ (ер. 28) представляется ученикомъ Карпократа (ер. 27) жившаго послѣ него. Кердонъ учитель Маркіона (41) ученикомъ Гераклеона ученика Валентинова (36), Северъ ученикъ Маркіона (45) послѣдователемъ Апеллеса (44) также Маркіонова ученика и т. д.

[77]) Photii Bibliotheca cod. CXXII. Τὴν δὲ φράσιν ταπεινός τε καὶ οἷα εἰκὸς Ἀττικῆς παιδείας ἀμελέτητον τυγχάνειν.

[78]) Объ этомъ не мало примѣчаній въ изданіяхъ Миня, Элера и въ русскомъ переводѣ Панарія.

жительнаго значенія трудовъ Епифаніевскихъ. Указанные недостатки касаются главнымъ образомъ внѣшней стороны дѣла—изложенія, связи, и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самой передачи и освѣщенія фактовъ; зависятъ они большею частію отъ неискусства, отъ поспѣшности, отъ того что у автора, при широкой любознательности и многостороннихъ частныхъ свѣдѣніяхъ, недоставало твердаго общаго образованія, широты и глубины взглядовъ и т. д. Но при всемъ томъ нельзя опускать изъ вниманія главнымъ образомъ того, что сочиненія Епифанія представляютъ наукѣ самый обильный и разнообразный матеріалъ, собранный изъ древнѣйшихъ источниковъ не только дошедшихъ до насъ, но и большею частію не дошедшихъ, и кромѣ того дополненный личными наблюденіями и разслѣдованіями автора [79]), относящимися притомъ къ такимъ эпохамъ и сторонамъ древней сектантской исторіи, до которыхъ показанія другихъ древнѣйшихъ ересеологовъ не доходятъ.. Вотъ это то большею частію и опускается изъ вниманія западными писателями, когда имъ приходится говорить объ Епифаніѣ. Самый серьезный, самый добросовѣстный и тщательнѣйшій изъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ сочиненій Епифанія, оцѣниваетъ въ нихъ лишь ту часть, въ которой Епифаній является передатчикомъ свѣдѣній заимствованныхъ изъ Иринея, Ипполита и др. [80]), не придавая почти никакого значенія тѣмъ свѣдѣніямъ, въ которыхъ Епифаній является наиболѣе самостоятельнымъ. За тѣмъ у большой части новыхъ писателей къ произведеніямъ Епифанія образовалось крайне небрежное отношеніе, передающееся отъ одного къ другому какъ бы по преданію и едва ли провѣряемое основательнымъ знакомствомъ съ этими произведеніями. Говоря

---

[79]) Въ такомъ смыслѣ и дѣлается отзывъ о трудѣ Епифанія въ Библіотекѣ Фотія. Πάντων δὲ τῶν πρὸ αὐτοῦ κατὰ αἱρέσεων καταβεβληκότων πόνους πλανύτερος τε καὶ χρησιμώτερος, ὅτι ἅπερ τε Ἐκείνοις Ἐρρήθη τὸ χρήσιμον ἔχοντα, οὗτος οὐ παραλέλοιπε, καὶ εἴ τι προσεεξευρεῖν ἠδυνήθη, προσέθηκε.

[80]) Липсіусъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе „объ источникахъ Епифанія“ на 57 ереси Панарія.

о произведеніяхъ Епифанія, новые писатели большею частію указываютъ одни ихъ недостатки, не обращая вниманія на ихъ положительное значеніе для науки, — и недостатки эти представляются въ крайнемъ утрированномъ видѣ. Легковѣріе Епифанія представляется въ такой степени, какъ будто у него въ самомъ дѣлѣ не было никакого разбора въ передачѣ всякихъ недостовѣрныхъ извѣстій о еретикахъ, и какъ будто его сочиненія представляютъ лишь собраніе всякихъ баснословныхъ, невѣроятныхъ, ни на чемъ не основанныхъ извѣстій о нихъ. Предубѣжденіе Епифанія противъ описываемыхъ ересей представляется также въ такомъ видѣ, какъ будто онъ готовъ былъ взводить на еретиковъ все дурное безъ всякаго основанія [81]). Не довольствуясь признаніемъ за его сочиненіями такихъ недостатковъ, которые зависѣли отъ неискусства, отъ поспѣшности, пожалуй отъ неглубокаго образованія, отъ узкости и односторонности мысли, обвиняютъ его еще въ такихъ, которые можно объяснить только злонамѣренностью. Такія то обвиненія, на основаніи всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ [82]) о нравственномъ характерѣ Епифанія, свидѣтельствъ исходившихъ отъ людей не только сочувствовавшихъ, но и не особенно сочувствовавшихъ ему, безпристрастная наука должна отвергнуть, какъ недостойныя и несправедливыя. Епифанія прямо называютъ выдумщикомъ не только небывалыхъ фактовъ, но и цѣлыхъ сектъ, будто бы никогда

---

[81]) Вотъ напр. отзывъ объ Епифаніѣ въ церковной исторіи Шаффа § 301 стр. 1169: Es fehlte ihm am Welt und Menschenkenntniss, gesundem Urtheil und kritischer Unterscheidungsgabe. Er hatte eine grenzenlose fast sprüchwortlich gewordene Leichtgläubigkeit, welche die Ursache unzähliger Irrthumer und Wiederspruche in seinem Schriften ist. Мы указываемъ на Шаффа потому, что онъ вообще обстоятельный и наиболѣе мягкій историкъ, и у него все таки болѣе, чѣмъ у другихъ, обращается вниманія на труды Епифанія. У другихъ менѣе обстоятельности и не менѣе рѣзкости въ отношеніи къ Епифанію... Отзывы древнихъ писателей Фотія въ Библіотекѣ и Іеронима въ Каталогѣ церковныхъ писателей, при всей краткости, представляются намъ болѣе обстоятельными; они указываютъ и на недостатки изложенія и на положительное значеніе содержанія Епифаніевскихъ трудовъ.

[82]) См. выше примѣч. 38.

не существовавшихъ. Съ именемъ его, какъ ересеолога, соединяютъ укорительное названіе Ketzermacher; его ересеологическія описанія представляютъ, какъ Ketzermacherei. Мы говорили выше, что Епифаній могъ иногда различныя развѣтвленія одной и той же секты въ различныхъ странахъ и подъ различными именами принимать за различныя самостоятельныя секты. Но это совсѣмъ не то, что выдумывать секты ни когда не существовавшія. Къ числу такихъ сектъ будто бы выдуманныхъ Епифаніемъ поспѣшные критики относили обыкновенно тѣ, о которыхъ при недостаточномъ знаніи древнехристіанскихъ историческихъ памятниковъ, они не могли навести справки, откуда бы Епифаній могъ получить свѣдѣнія о нихъ [83]). Но нынѣ уже, съ открытіемъ нѣкоторыхъ памятниковъ, доселѣ бывшихъ неизвѣстными (каковы Философумены) и съ лучшимъ изслѣдованіемъ прежде извѣстныхъ (напр. сочиненій Псевдо—Тертулліана, Филастрія), оказалось въ нѣсколькихъ такихъ случаяхъ, что виноватъ не Епифаній обвиняемый въ сочиненіи небывалыхъ сектъ, а его критики взводившіе на него такое тяжкое обвиненіе, и что Епифанію напротивъ наука должна быть благодарна за сохраненіе извѣстій о такихъ сектахъ, память о которыхъ, при ихъ несомнѣнномъ теперь существованіи, безъ Епифанія совершенно утратилась бы [84]). Если хоть относительно одной половины такихъ извѣстій Епифаніевскихъ, которыя прежде казались сомнительными, найдено подтвержденіе во вновь открытыхъ или вновь изслѣдованныхъ источникахъ, то критика на будущее время должна быть болѣе осторожна въ приговорахъ и о другой половинѣ такихъ извѣстій, которую все еще нечѣмъ провѣрить. Наше знаніе древнѣйшихъ памятниковъ христіан-

---

[83]) Такими въ особенности считались секты алоговъ (51), архонтиковъ (40), описанныя Епифаніемъ, но см. что теперь говорится о нихъ у Липсіуса стр. 23—28, 192, 194, 233—235.

[84]) Это относительно нѣкоторыхъ частей Епифаніевскаго описанія вполнѣ обстоятельно выяснено изслѣдованіемъ Липсіуса, но къ другимъ частямъ, какъ увидимъ, и Липсіусъ подобно прежнимъ критикамъ и историкамъ относится еще съ легкостію и предубѣжденіемъ

ской исторіи доселѣ не можетъ считаться полнымъ и удовлетворительнымъ. Другое обвиненіе на Епифанія не менѣе тяжкое состоитъ въ томъ, будто онъ приписываетъ еретикамъ пороки и преступленія небывалые и невѣроятные, и такъ какъ эти преступленія представляются до крайности грязными, то отсюда выводится невыгодное заключеніе относительно чистоты воображенія и литературныхъ вкусовъ самаго автора, какъ будто ради собственнаго удовольствія изобрѣтавшаго и описывавшаго такую грязь. Мы не будемъ подробно разбирать это обвиненіе. Мы не будемъ оспаривать того, что еретическимъ сектамъ, особенно тайнымъ, приписывались иногда преступленія небывалыя, ни того, что Епифаній, основывая иногда свои свѣдѣнія о еретикахъ на слухахъ, могъ довѣряться слухамъ и не заслуживающимъ довѣрія. Но называть прямо извѣстія, исходящія отъ лица отличавшагося несомнѣнно высокимъ нравственнымъ характеромъ, грязною выдумкою — нужно также весьма осторожно. Намъ также весьма еще недостаточно ясны своеобразные принципы иныхъ религіозныхъ ученій, отзывавшіеся иногда въ практической жизни самыми чудовищными и мало вѣроятными послѣдствіями; и потому оправдывать иныя темныя секты отъ приписываемыхъ имъ преступленій въ иныхъ случаяхъ было бы также несправедливо и не научно, какъ и приписывать имъ такія преступленія безъ достаточныхъ основаній. Открытое и внимательное изученіе доселѣ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о жизни древняго сектантства, подтверждаетъ иногда самыя невѣроятныя извѣстія о нихъ, находящіяся у древнихъ ересеологовъ [85]).

---

[85]) Особенно грязные пороки приписываетъ Епифаній египетской сектѣ гностиковъ—фивіонитовъ или варвеліотовъ (нѣкоторыя изъ этихъ описаній по этому и опущены въ русскомъ переводѣ Панарія см. стр. 158, 161, 162... Переводчики при этомъ конечно имѣли въ виду не научныя, а назидательныя цѣли. Но въ цѣляхъ назиданія можетъ быть лучше бы и совсѣмъ не предпринимать переводъ Панарія? Или по крайней мѣрѣ, выпуская въ переводѣ извѣстныя мѣста, нужно было бы хоть подъ чертою приводить ихъ въ греческомъ подлинникѣ). Но что

Представленная нами общая характеристика относится болѣе или менѣе ко всѣмъ полемическимъ сочиненіямъ Епифанія, преимущественно же къ главному изъ нихъ—Панарію, которое представляетъ важнѣйшій источникъ для исторіи древнихъ ересей. Но кромѣ Панарія у Епифанія есть еще другія полемическія сочиненія. Всѣхъ ихъ три. Всѣ они писаны Епифаніемъ или съ его словъ учениками—по просьбамъ палестинскихъ монаховъ, пресвитеровъ, христіанскихъ сановниковъ—почитателей св. Епифанія Послѣ общей характеристики, представимъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній о времени, обстоятельствахъ написанія, составѣ и значеніи каждаго сочиненія въ отдѣльности.

Первое по времени полемическое сочиненіе Епифанія извѣстно подъ названіемъ Анкората [86]). — Епифаній такъ назвалъ его, желая выразить, что въ этомъ сочиненіи дается надежный якорь для утвержденія въ истинѣ плавающимъ по морю житейскому и ищущимъ спасенія отъ прельщеній бѣсовскихъ и еретическихъ [87]). Это сочиненіе было составлено въ X годъ царствованія Валентиніана и Валента и VI г. Граціана т.-е. въ 373 [88]) по просьбѣ Матидія, Тарсина и Нумерія пресвитеровъ изъ города Памфилійскаго Сведры, и Палладія и Северина начальниковъ того же города [89]). Писалъ это сочиненіе со словъ св. Епифанія ученикъ его Анатолій [90]). Для исторіи древнихъ ересей Анкоратъ представляетъ еще немного матеріала. Онъ имѣетъ полемико-догматическій харак-

---

такіе пороки дѣйствительно бывали въ нѣкоторыхъ сектахъ при нравственномъ разложеніи гностицизма, на это можно найти указаніе въ ново-открытомъ гностическомъ же памятникѣ Pistis Sophia. См. латинскій переводъ стр. 241.

[86]) Ἀγκυρώτος—Ancoratus –въ изданіи Миня Gr. Ser. T. XLIII pag. 11—236.

[87]) Ἀγκυρώτος δὲ κεκληται ὁ λόγος, ὅτι ἀγκύρας δίκην τῶν περὶ τῆς ζωῆς καὶ σωτηρίας ἐρευνώντα νοῦν ἄγει. См. Synopsis Ancorati у Миня стр. 12 и срав. далѣе epistolam Palladii ad Epiphanium.

[88]) См. Ancorat. cap. CXX.

[89]) Письма ихъ передъ самымъ сочиненіемъ у Миня стр. 13—16.

[90]) См. заключеніе Анкората Ἐγω ὁ Ἀνατόλιος, ὁ γραψας τοῦτο το βιβλίον τοῦ Ἀγκυρώτου Ἐπωνομασθέντος λόγου.

теръ, представляетъ раскрытіе православнаго ученія о Троицѣ, воплощеніи, воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни—преимущественно противъ ученія современныхъ Епифанію еретиковъ—аріанъ, полуаріанъ, духоборцевъ и аполлинаристовъ. Но мѣстами авторъ касается здѣсь и ученія древнѣйшихъ еретиковъ: савелліанъ, манихеевъ, маркіонитовъ, также заблужденій іудейскихъ и языческихъ. И здѣсь уже высказывается идея автора составить обличеніе всѣхъ еретическихъ сектъ отъ сотворенія міра до своего времени, и представляется перечисленіе этихъ сектъ въ числѣ 80, примѣнительно къ указанному выше мѣсту изъ книги «Пѣснь пѣсней» [91]).

Года черезъ полтора послѣ написанія Анкората—въ XI годъ Валентиніана и Валента и VIII г. Граціана—т.-е. вѣроятно въ началѣ 375 года Епифаній приступилъ къ составленію другаго полемическаго сочиненія противъ ересей названнаго имъ Πανάριον или Κιβώτιον [92]). Это самое большое и самое значительнѣйшее изъ сочиненій Епифанія [93]). Названіемъ даннымъ этому сочиненію Епифаній желалъ выразить, что здѣсь онъ даетъ цѣлую аптеку (Πανάριον) или ковчежецъ (Κιβώτιον) съ полезными врачевствами отъ угрызенія ядовитыхъ животныхъ и пресмыкающихся, подъ которыми разумѣются ереси [94]). Это сочиненіе

---

[91]) См. глав. 12, 13.

[92]) Панар. Т. I § 2. А когда составлялся V томъ Панарія былъ уже 13 годъ Валента и 1 Валентиніана младшаго см. ерес. LXVI, 20). Отсюда можно заключить, что писаніе Панарія продолжалось не менѣе, можетъ быть и болѣе двухъ лѣтъ.

[93]) Въ большомъ изданіи Миня Панарій занимаетъ около полутора тома: T. XLI pag. 155—1200 и T. XLII pag. 9—832.

[94]) Πανάριον εἴτ οὖν κιβώτιον ἰατρικόν καί θηριωδηκτικόν. ὅπερ ἐστὶ διά βιβλίων τριῶν ὀγδοήκοντα, ἅτινες εἰσι θηρίων ἐιτ οὖν ἑρπετῶν ἀνιγματα. Такъ самъ Епифаній объясняетъ заглавіе своего сочиненія въ посланіи къ Акакію и Павлу и въ началѣ Анакефалеосиса. Видно, что Епифаній, при составленіи Панарія, находился подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ зоологическихъ сочиненій, о которыхъ и говоритъ въ 3 § Панарія. Поэтому онъ и старается большую часть ересей сравнивать съ разными хищными животными и ядовитыми пресмыкающимися, а свои православныя опроверженія противъ нихъ съ цѣльбоносными врачевствами и благовонными куреніями. Эти сравненія также занимаютъ слишкомъ много мѣста въ Панаріѣ, и ослабляютъ серьезное впечатлѣніе произведенія.

предпринято Епифаніемъ также по просьбѣ его почитателей и бывшихъ учениковъ пресвитеровъ Акакія и Павла, архимандритовъ изъ Халкиды и Веріи—изъ Келесиріи [95]). Поэтому оно и предваряется, вмѣсто предисловія, отвѣтнымъ письмомъ Епифанія къ сопресвитерамъ Акакію и Павлу [96]) въ которомъ раскрывается весь планъ предпринимаемаго сочиненія и перечисляются ереси подлежащія обличенію. Епифаній раздѣляетъ свое сочиненіе на три книги (Βίβλος) въ которыхъ предполагается семь отдѣленій (Τόμος [97]).

Приступая къ самому сочиненію, авторъ первое отдѣленіе его посвящаетъ описанію двадцати такъ называемыхъ имъ до-христіанскихъ ересей [98]). Въ началѣ описывается состояніе рода человѣческаго отъ сотворенія міра до потопа (первая ересь—варварство), и отъ потопа до столпотворенія Вавилонскаго (вторая ересь—скиѳство)—въ самыхъ общихъ конечно чертахъ на основаніи сказанія библейскаго, но съ присоединеніемъ по мѣстамъ и собственныхъ оригинальныхъ соображеній и сообщеній такого напр. рода, что въ первыя времена исторіи человѣчества сынъ никогда не умиралъ прежде отца [99]),—что библейскій Ассуръ та же самая личность, которая называется у Грековъ Зороастромъ, былъ первымъ изобрѣтателемъ магіи и астрологіи [100]), — что Нинъ и Семирамида были современники Авраамовы [101]) и т. п.

---

[95]) См. ихъ письма къ Епифанію и отвѣтъ Епифанія у Миня Т. XLI p. 55—158; и въ русскомъ переводѣ при первомъ томѣ Панарія стр. 1—3. Въ написаніи этого сочиненія также, какъ и Анкората, Епифанію помогали его ученики Анатолій и діаконъ Ипатій. См. заключительныя слова въ Expositio Fidei—послѣ Панарія.

[96]) У Миня стр. 158—172; въ русскомъ переводѣ стр. 3—20.

[97]) Преосвящ. же Филаретъ (стр. 252) говоритъ, что каждая изъ трехъ книгъ Панарія въ семи отдѣленіяхъ,—неправильно.

[98]) У Миня Т. XLI pp. 173 280; русск. переводъ ч. I. стр. 21—101.

[99]) Панар. § 6—русск. перевод. стр. 32. Основаніемъ для такого соображенія для Епифанія были слова Бытія гл. XI, ст. 28: „и умеръ Аранъ передъ Ѳаррою отцемъ своимъ въ землѣ рожденія его“. Епифаній думаетъ, что Богъ этимъ несчастіемъ наказалъ Ѳарру перваго изъ отцовъ за то, что онъ сталъ дѣлать идоловъ.

[100]) См. тотъ же 6 § Панарія—нѣсколько раньше.

[101]) Тамъ же § 7.

Въ изображеніи состоянія язычества послѣ столпотворенія Вавилонскаго (третья ересь — еллинство) авторъ, представивши также лишь нѣсколько краткихъ и не особенно точныхъ свѣдѣній изъ еллинской исторіи (которая производится отъ баснословнаго Еллина—перваго поселенца Еллады или отъ оливы (Ἐλαία) росшей въ Аѳинахъ [102]), ограничивается далѣе самымъ тощимъ описаніемъ четырехъ философскихъ школъ—Стоической, Платоновой, Пиѳагорейской и Эпикурейской: въ описаніи этомъ высказывается весьма смутное пониманіе не только внутренняго смысла, но и внѣшней исторіи философскихъ ученій [103]). Болѣе имѣютъ значенія въ Панаріѣ описанія разныхъ отраслей самарянства (10—13 ереси) и іудейства (14—20 ереси) передъ временемъ появленія христіанства: автору, воспитанному въ молодости въ еврейскомъ законѣ, этотъ предметъ могъ быть ближе извѣстенъ, чѣмъ другому христіанскому писателю. Но и здѣсь представленія автора очень неотчетливы. Самарянскія секты — ессины, севуеи и гороѳины [104]) весьма слабо различаются между собою. Въ описаніи іудейскихъ сектъ ессины смѣшиваются съ христіанскими сектами евіонитовъ и самсеевъ [105]); назореи и книжники едва ли на какомъ-нибудь основаніи заносятся въ особыя секты [106]); объ иродіанахъ сообщается мало вѣроятное извѣстіе, будто сущность ихъ ученія состояла въ томъ, что они Ирода считали Мес-

---

[102]) См. посланіе къ Акакію и Павлу русск. перев. стр. 15; срав. Панарія стр. 37.

[103]) См. выше текстъ при примѣчаніи 26. Развитіе философскихъ школъ между греками Епифаній полагаетъ между временемъ Навуходоносора, Ксеркса, Дарія и Александра Македонскаго (§ 9).

[104]) XI, XII и XIII ереси.

[105]) Срав. ереси XIX, XXX и LIII. Между прочимъ Епифаній и Оссинамъ и Самсеямъ приписываетъ почитаніе такихъ-то двухъ сестеръ Марѳы и Марѳаны, изъ которыхъ одна была еще жива въ его время, и всемъ тремъ помянутымъ сектамъ пользованіе книгою лжепророка Илксая.

[106]) Ереси XV, XVIII. Замѣтимъ мимоходомъ, что и фарисеевъ и саддукеевъ не совсѣмъ точно называютъ сектами въ принятомъ смыслѣ этомъ слова. Это скорѣе направленія въ іудейскомъ обществѣ извѣстнаго времени.

сіею, примѣняя къ нему пророчество Іакова объ оскудѣніи князя отъ Іуды. Быт. XLIX, 10 [107]).

Со втораго отдѣленія Панарія начинается описаніе сектъ христіанскихъ. Во второмъ и третьемъ отдѣленіи описываются древнѣйшія секты 1 и 2 вѣка—тѣ, которыя были описаны уже Иринеемъ—числомъ 26. Въ основѣ описанія полагаются здѣсь главнымъ образомъ сообщенія Иринеевскія: авторъ во многихъ мѣстахъ излагаетъ свои описанія буквально словами Иринея, а въ иныхъ приводитъ изъ него цѣлыя большія выдержки [108]). Но во многомъ авторъ и уклоняется отъ Иринея какъ относительно порядка въ обозрѣніи сектъ, такъ и относительно представленія самыхъ ученій ихъ. Многіе критики прежняго времени въ такихъ отступленіяхъ расположены были видѣть произвольное распространеніе и измѣненіе сообщеній Иринеевскихъ. Но чѣмъ болѣе развивается въ наукѣ изученіе памятниковъ древней христіанской письменности, и чѣмъ болѣе внимательнымъ становится изслѣдованіе самаго Панарія: тѣмъ болѣе устанавливается тотъ взглядъ, что Епифаніевскія дополненія къ Иринею имѣли не произвольный характеръ, но большею частію были основаны или на сообщеніяхъ другихъ древнихъ ересеологическихъ памятниковъ, большею частію не дошедшихъ до насъ, или на основаніи еще сохранявшихся во время Епифанія сочиненій сектантскихъ, или на основаніи личныхъ наблюденій и дознаній самаго автора [109]). Такъ въ особенности въ описаніяхъ сектъ Валентиніанской, Маркіонитской и Офитской группы, авторъ приводя многое изъ Иринея, сообщаетъ очень не мало и другихъ свѣдѣній, основанныхъ большею частію на источникахъ не дошедшихъ до насъ, между прочимъ на писаніяхъ самихъ сектантовъ, изъ которыхъ

---

[107]) Ерес. XX.

[108]) См. выше примѣч. 33.

[109]) Липсіусъ, при разборѣ каждой ереси описываемой Епифаніемъ, подробно (и можетъ быть даже слишкомъ подробно и самоувѣренно въ иныхъ мѣстахъ—при утратѣ многихъ древнѣйшихъ ересеологическихъ памятниковъ) разбираетъ, что Епифаніемъ берется изъ Иринея, и что изъ другихъ источниковъ и какихъ именно.

нѣкоторыя излагаются очень подробно, другіе называются только по именамъ [110]), а иные и не называются, но очевидно имѣются въ виду при составленіи описанія [111]).

Болѣе представляются сомнительными у Епифанія тѣ дополненія къ Иринеевскимъ сообщеніямъ, которыя относятся къ сектамъ самымъ древнимъ до Валентиніанской эпохи—симоніанамъ, николаитамъ, валилидіанамъ и т. д. Существенныя черты, которыми въ этой части Панарія описанія Епифанія отличаются отъ Иринеевскихъ (и также Ипполитовскихъ) заключаются въ слѣдующемъ: 1) у Иринея и Ипполита главнымъ образомъ обращается вниманіе на теоретическую часть—на ученіе сектъ, у Епифанія — на нравственную на образъ жизни сектантовъ; 2) образъ жизни сектантовъ у Епифанія представляется въ весьма темномъ свѣтѣ—въ самомъ грязномъ видѣ [112]); 3) теоретическое ученіе сектантовъ представляется въ такомъ спутанномъ видѣ, что одни и тѣ же черты—одни

---

[110]) См. Примѣч. 37—39. Липсіусъ указываетъ на то, что вслѣдствіе не довольно осмысленнаго соединенія свѣдѣній, взятыхъ изъ разнородныхъ источниковъ у Епифанія въ особенности при описаніи Валентиніанскихъ сектъ встрѣчаются противорѣчія (Quellenkritik стр. 151—164): тѣмъ не менѣе главамъ Панарія о сектахъ валентиніанскихъ и еще болѣе маркіонитскихъ онъ придаетъ важное значеніе, такъ какъ здѣсь сообщаются многія свѣдѣнія, которыя безъ Епифанія намъ не были бы извѣстны.

[111]) Напр. при опроверженіи мнѣній Апеллеса (ер. 44) видно, что Епифаній имѣлъ въ виду какое-то сочиненіе, принадлежавшее этой партіи, хотя оно и не называется здѣсь.

[112]) Особенно въ темныхъ чертахъ изображается у Епифанія нравственная жизнь Симоніанъ, Николаитовъ, египетскихъ гностиковъ—Варвеліотовъ, Карпократіанъ. Объ этихъ еретикахъ впрочемъ и древнѣйшіе ересеологи—Иріней, Ипполитъ, Климентъ александрійскій отзывались дурно. Но напр. о нравственности Василидіанъ, Климентъ александрійскій, знавшій ихъ ближе другихъ, отзывается довольно хорошо см. Стромата Lib. III cap. I, Lib. IV c. 24 (Иріней впрочемъ дурно Lib. I cap. XXIV, 5). Епифаній же и Василидіанъ на ряду съ другими гностическими сектами представляетъ въ темномъ свѣтѣ ер. XXIV, 3, 4, 5 (также и другіе позднѣйшіе ересеологи—Ѳеодоритъ L. I c. 4, Филастрій ер. 32, Августинъ ер. 4,—также Кириллъ Іерусалимскій Catech. VI, 13; Іеронимъ Contra Jovinian. L. II Cap. 16, contra Vigilantium cap. 2; epistol. ad Theodoram 29).

и тѣ же идеи приписываются различнымъ сектамъ [113]), и эти идеи у извѣстныхъ сектъ въ описаніяхъ Епифаніевскихъ получаютъ смыслъ болѣе грубый, чѣмъ въ описаніяхъ Иринеевскихъ и Ипполитовыхъ. Эти особенности Епифаніевскихъ описаній конечно могутъ быть объяснены и тѣмъ, что Епифаній не могъ достаточно ясно понимать сложныя сектантскія доктрины, и не особенно старался о тщательномъ изображеніи ихъ: поэтому и перепутывалъ въ иныхъ мѣстахъ сектантскія идеи, стараясь по преимуществу выставлять предъ читателями то, что можно было сказать дурнаго о нравственной жизни еретиковъ. Но есть основанія думать, что указанныя выше особенности Епифаніевскихъ описаній условливались въ значительной степени и самымъ состояніемъ описываемыхъ сектъ ближайшимъ къ тому времени въ которое могъ знать ихъ Епифаній (подобно тому, какъ и разность Иринеевскихъ и Ипполитовскихъ описаній относительно нѣкоторыхъ сектъ объясняется, какъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, разностью эпохъ взятыхъ для описанія). Нѣкоторые сохранившіеся до нашего времени остатки самыхъ сектантскихъ писаній, сложившихся въ своихъ окончательныхъ редакціяхъ не въ первоначальную эпоху развитія сектъ, а въ позднѣйшія времена ближайшія

---

[113]) Срав. опять описанія Симоніанъ, Николаитовъ, Гностиковъ—Варвеліотовъ, Архонтиковъ, Офитовъ. Чтобы не пускаться въ объясненія слишкомъ пространныя, мы представимъ примѣры лишь изъ описанія Николаитовъ (ер. XXV). Сектѣ этой всѣ древніе ересеологи, слѣдуя указаніямъ еще Іоанна Богослова (апокал. гл. II ст. 6, 14—15) приписывали безнравственные практическіе принципы (см. Ирин. кн. I, гл. XXVI, 3; Φιλοσοφουμ. Lib. VII, 36; Климентъ Александр. Стром. Lib. II cap. 20; L. III c. 4 Pseudo-Tertul. cap. XLVI). Но чтобы у этой секты была сложная теогонія и космогонія, объ этомъ ни одинъ изъ древнѣйшихъ ересеологовъ не говоритъ. Епифаній же въ описаніе XXV ереси вноситъ теогоническія черты повидимому изъ различныхъ сектъ: напр. обожаніе таинственнаго имени Кавлакавъ изъ ученія Василидіанъ по Иринею XXIV, 5, или отъ Наассеновъ по Философуменамъ V, 8), Варвелосъ отъ Варвеліотовъ Ирин. XXIX, I, Пруникосъ отъ нихъ же Ирин. XXIX, 4; Ялдабаоѳъ отъ Офитовъ Ирин, XXX, 5; Φιλοσοφ. V, 7, Митра можетъ быть извѣстное языческое божество и т. д. Что означали у Гностиковъ эти таинственныя теогоническія названія, объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

къ Епифаніевскимъ, представляютъ намъ въ состояніи этихъ сектъ такія именно черты, какія мы находимъ и въ описаніяхъ Епифаніевскихъ: запутанность теоретической части ученія, искаженіе и смѣшеніе первоначальныхъ сектантскихъ идей, переходъ идей изъ однихъ сектъ въ другія [114]), обращеніе отъ отвлеченныхъ метафизикокосмогоническихъ вопросовъ къ вопросамъ преимущественно характера нравственнаго [115]), и въ образѣ жизни сектантовъ крайній упадокъ зависѣвшій частію отъ послѣдовательнаго развитія безнравственныхъ принциповъ иныхъ сектъ, частію отъ ненормальнаго изолированнаго положенія даже и такихъ сектъ, у которыхъ первоначальные принципы не были безнравственны [116]). Сопоставляя такимъ образомъ Епифаніевскія показанія съ показаніями самыхъ сек-

---

[114]) Доказательства на это относительно различныхъ отраслей іудействующихъ сектъ представляются въ сохранившейся до насъ редакціи Климентинъ, гдѣ идеи евіонитскія, ессейскія, элкезаитскія и др. представляются въ такомъ смѣшеніи, что самые тщательные изслѣдователи этого памятника (какъ мы уже говорили глав. II примѣч. 8) затрудняются рѣшить, какой собственно сектѣ онъ принадлежалъ. Относительно гностическихъ сектъ доказательства еще болѣе ясныя можно найти (какъ увидимъ послѣ) при подробномъ анализѣ сочиненія—Pistis Sophia. Здѣсь не только смѣшиваются символическія имена и идеи различныхъ сектъ Валентиніанской и Офитской отраслей, но и присоединяются къ нимъ чисто миѳологическія представленія древнихъ языческихъ религій. Поэтому-то и относительно Pistis Sophia колебаніе, какой сектѣ принадлежитъ этотъ памятникъ (см. также глав. II примѣч. 15). Значитъ — Епифаній въ заключеніи описанія XXV секты (§ 7) не безъ основанія сравниваетъ еретическія секты съ кустами лѣсной травы или дикаго терновника, переплетающимися между собою.

[115]) Этотъ признакъ Липсіусомъ считается за одинъ изъ самыхъ существенныхъ въ позднѣйшихъ періодахъ развитія гностическихъ сектъ. См. его статью о гностицизмѣ у Ерша и Грубера T. LXXI стр. 296, 299, 303.

[116]) Поэтому-то вѣроятно о василидіанахъ, сектѣ по первовачальнымъ принципамъ не безнравственной, мы встрѣчаемъ дурные отзывы не у одного Епифанія, но и у всѣхъ другихъ писателей (ересеологовъ и не ересеологовъ) говорившихъ о нихъ въ позднѣйшія времена (какъ указано въ примѣчаніи 112). Нельзя думать, чтобы всѣ эти писатели составляли свои отзывы со словъ Иринея и Епифанія,—тѣмъ болѣе что остатки василидіанъ во времена Кирилла Іерусалимскаго, Филастрія, Іеронима и Августина еще существовали, и слѣдов. отзывы о нихъ у этихъ писателей могли составляться по ближайшимъ извѣстіямъ.

тантскихъ памятниковъ позднѣйшей эпохи мы находимъ въ нихъ важныя данныя для изученія этой позднѣйшей эпохи развитія сектантства, для уясненія вообще внутренняго процесса сектантскаго развитія, и слѣдов. въ этихъ позднѣйшихъ прибавкахъ Епифанія къ показаніямъ прежнихъ ересеологовъ (по крайней мѣрѣ во многихъ изъ нихъ) представляется намъ не лишняя прибавка, не искаженіе показаній древнѣйшихъ ересеологовъ, а существенное дополненіе къ нимъ [117]). Недостатокъ Епифаніевскихъ описаній въ этомъ случаѣ состоитъ только въ томъ что у Епифанія, какъ мы уже выше сказали, безразборчиво смѣшиваютъ черты заимствованныя у древнѣйшихъ писателй и относящіяся къ древнѣйшему состоянію сектъ съ чертами имъ самимъ прибавляемыми и относящимися къ позднѣйшему состоянію сектъ.

Но самое важное дополненіе къ древнѣйшимъ ересеологическимъ писаніямъ въ первой книгѣ Панарія представляютъ несомнѣнно тѣ главы, въ которыхъ говорится о сектахъ новыхъ, совсѣмъ не упоминаемыхъ древними ересеологами или почти не упоминаемыхъ, — о сектахъ образовавшихся во времена позднѣйшія или и существовавшихъ издавна, но почему либо остававшихся неизвѣстными древнимъ ересеологамъ. Такъ изъ сектъ іудействующихъ, которыя древнимъ ересеологамъ писавшимъ на западѣ были мало извѣстны [118]), и которыя Епифаній, при своей жизни въ Палестинѣ и знаніи еврейскаго языка могъ изучить съ большею обстоятельностью, онъ не только подробно описываетъ секту евіонитовъ, о которой Иринеи и Ипполитъ оставили лишь очень краткія упоминанія, — но рядомъ съ нею представляетъ еще другую секту назореевъ, о которой древнѣйшіе ересеологи совсѣмъ не говорили [119]).

---

[117]) Мы коснулись въ трехъ предшествующихъ примѣчаніяхъ существенныхъ признаковъ позднѣйшаго состоянія древнихъ сектъ—лишь коротко, насколько это нужно здѣсь для уясненія значенія Епифаніевскихъ ересеологическихъ показаній. Подробнѣе и яснѣе намъ нужно будетъ говорить объ этомъ въ самой исторіи сектъ.

[118]) См. выше, стр. 68, 231, 250.

[119]) Панар. ерес. XXIX и XXX. Срав. Липсіуса Quellenkritik, стр. 121—151.

Между сектами гностическими рядомъ съ древнѣйшими ересями сатурниліанъ, василидіанъ, николаитовъ, Епифаній также съ особенною подробностью и на основаніи непосредственнаго личнаго знакомства описалъ секту египетскихъ гностиковъ, иначе называвшихся стратіотиками, фивіонитами и варвеліотами, о которой Ириней оставилъ лишь мало опредѣленныя

Липсіусъ признаетъ особенное значеніе за тѣмъ отдѣленіемъ Панарія, гдѣ Епифаній говоритъ о сектахъ іудействующихъ, но старается заподозрить правильность многихъ сообщеній, представляемыхъ здѣсь Епифаніемъ. Онъ высказываетъ сомнѣніе и въ томъ, что во время Епифанія дѣйствительно существовали двѣ указанныя отрасли іудействующихъ сектъ подъ тѣми названіями, какія приписываетъ имъ Епифаній, и въ томъ, что Епифаній свои свѣдѣнія объ этихъ сектахъ заимствовалъ изъ личнаго знакомства съ тою и другою сектою, въ томъ между прочимъ, что Епифаній имѣлъ подъ руками евангелія Евіонитовъ и Назореевъ и т. д. Но намъ кажется, что сомнѣнія Липсіуса переходятъ въ этомъ случаѣ въ излишнюю привязчивость. Хотя несомнѣнно то, что Епифаній первый назвалъ два главныя направленія іудействующихъ сектъ опредѣленными названіями: но что эти два направленія— крайнее и умѣренное — существовали въ іудействующемъ сектантствѣ уже издавна, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельства Оригена (c. Celsum L. V. c. 61, 68) и Евсевія (Lib. III, cap. 27), хотя у этихъ писателей умѣренная іудействующая секта и не называется еще Назорействомъ. А что къ концу IV вѣка двѣ указанныя секты стали извѣстны подъ тѣми именно названіями, какія приписываетъ имъ Епифаній, объ этомъ свидѣтельствуетъ, кромѣ Епифанія, и современникъ его Іеронимъ, также долгое время жившій въ Палестинѣ, и имѣвшій личныя соприкосновенія съ тамошними сектами. (См. Schliemann „Clementinen“, стр. 481 и дал. Ср. Lipsius, стр. 127—128). Липсіусъ старается распространить свои сомнѣнія и на свидѣтельства Іеронима, но также безъ достаточныхъ основаній. Не особенно значительныя противорѣчія въ характеристикахъ той и другой секты у Епифанія и Іеронима, при согласіи однакожъ этихъ характеристикъ въ существенныхъ чертахъ, показываютъ только независимость этихъ писателей другъ отъ друга, и тѣмъ болѣе внушаютъ довѣріе къ ихъ сообщеніямъ. Кромѣ Епифанія и Іеронима о двухъ іудействующихъ сектахъ подъ именами Евіонитовъ и Назореевъ говорятъ также близкіе къ нихъ времени: Августинъ (ерес. 9, 10), и Θеодоритъ (Lib. II, cap. I, 2). Первый изъ этихъ писателей конечно слѣдовалъ Епифанію: но Θеодоритъ, какъ увидимъ, если и имѣлъ въ виду при составленіи своего труда описанія Епифанія, во всякомъ случаѣ не желалъ быть и не былъ несамостоятельнымъ послѣдователемъ ихъ, и его представленія объ іудействующихъ сектахъ въ нѣкоторыхъ чертахъ уклоняются отъ Епифаніевскихъ. Въ частности что касается до апокрифовъ сектантскихъ (евангелій Евіонитовъ и Назореевъ), если эти апокрифы были извѣстны Іерониму и Θеодориту, нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что они могли быть извѣстны и Епифанію.

свѣдѣнія, а другіе древніе ересеологи совсѣмъ не упоминали [120]). Кромѣ того въ 3-мъ отдѣленіи Панарія описывается еще особенная, и также доселѣ никѣмъ не упоминавшаяся отрасль гностиковъ Палестинскихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ архонтиковъ [121]). Такія новыя сообщенія Епифанія составляютъ во всякомъ случаѣ цѣнный вкладъ въ исторію.

Во второй книгѣ Панарія, раздѣляющейся на два отдѣленія, описываются 23 секты времени послѣ—Иринеевскаго [122]). Въ

---

[120]) У Иринея въ XXIX главѣ описываются мнѣнія этой секты, подъ названіемъ гностическихъ, но только съ теоретической стороны и такъ неопредѣленно, что трудно даже сказать, имѣется ли здѣсь въ виду ученіе извѣстной особенной секты или представляются заблужденія изъ различныхъ еретическихъ лжеученій. Вообще же у Иринея названіе „гностики“ употребляется болѣе въ смыслѣ общемъ для всѣхъ сектъ извѣстнаго характера, „надмевавшихся лжеименнымъ знаніемъ“. Въ Философуменахъ и у псевдо-Тертулліана о сектѣ гностиковъ, какъ особенной, ничего нѣтъ. Епифаній также можетъ быть не совсѣмъ удачно за этою сектою (или за этими сектами, ибо ихъ было нѣсколько отраслей) по преимуществу утвердилъ названіе гностиковъ; такъ какъ и у него въ другихъ мѣстахъ это названіе имѣетъ общій смыслъ и примѣняется къ инымъ различнымъ сектантскимъ отраслямъ. (См. напр. ерес. XXV, 2, I; XXXI, I; XXIII, 2). Но Епифанію во всякомъ случаѣ мы должны быть благодарны за то, что онъ описалъ эту секту съ особенною подробностью, обративъ преимущественное вниманіе на ея нравственный характеръ (теоретическая же сторона—ученіе ея у Епифанія представляется въ такомъ же смѣшанномъ видѣ, какъ и ученіе предшествовавшей секты — Николаитовъ). У дальнѣйшихъ ересеологовъ эта секта также описывается уже какъ особенная: у Августина подобно Епифанію подъ общимъ именемъ гностиковъ (haeres. 6),—у Ѳеодорита и Филастрія подъ болѣе опредѣленнымъ названіемъ варвеліотовъ или ворворіанъ (Theodor. Lib. I, cap. 13; Philastr. haeres 73).

[121]) Панар. ер. XL; срав. Липсіуса стр. 192—194). Сходство ученія этихъ сектантовъ съ ученіемъ другихъ еретиковъ—египетскихъ гностиковъ, офитовъ, сеѳитовъ, и апокрифическія книги употреблявшіяся у нихъ (тѣ же, что у египетскихъ гностиковъ и сеѳитовъ) приводятъ къ той мысли, что это была не самостоятельная сектантская отрасль. Но что эта секта во всякомъ случаѣ не изобрѣтеніе Епифанія, это показываетъ самая живость подробностей, въ какихъ описываетъ ее Епифаній; онъ опредѣленно указываетъ и мѣсто и время ея распространенія, и нѣкоторыхъ изъ учителей ея, и книги употреблявшіяся у сектантовъ. Кромѣ Епифанія объ этой сектѣ, какъ особенной, говоритъ и Ѳеодоритъ (Lib. I, cap. XI),—и трудно сказать, по извѣстіямъ ли Епифанія или самостоятельно.

[122]) Панарій ереси XLVII—LXIX. Понятно, что здѣсь мы употребляемъ это выраженіе *приблизительно*—для того, чтобы показать глав-

первой части этой книги до ереси ноэтіанъ включительно описываются главнымъ образомъ такія секты, которыя обличалъ Ипполитъ въ своихъ частныхъ и общихъ ересеологическихъ писаніяхъ — секты преимущественно распространявшіяся въ западной церкви въ концѣ 2-го и началѣ 3-го столѣтія [123]). По всей вѣроятности главнымъ источникомъ для этой части Панарія и служили Епифанію (какъ для первой книги сочиненіе Иринея) ересеологическія писанія Ипполита, хотя трудно сказать съ рѣшительностью, какія именно и однимъ ли исключительно сочиненіемъ Ипполита Епифаній руководствовался, или нѣсколькими [124]). Во всякомъ случаѣ въ этой части Панарія мы имѣемъ незамѣнимый остатокъ древнѣйшихъ ересеологическихъ извѣстій, заимствованныхъ изъ источниковъ не дошедшихъ до насъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь, какъ мы уже упоминали, большая глава объ алогахъ, партіи можетъ быть не долго существовавшей и нешироко распространенной, которую можетъ быть и не нужно было называть въ собственномъ смыслѣ сектою, но представлявшей во всякомъ случаѣ весьма характерное проявленіе богословскаго раціонализма въ христіанской церкви конца 2-го столѣтія [125]). Описанія другихъ сектъ—четыренадесятниковъ, ѳеодотіанъ, мелхиседекіанъ, ноэтіанъ, елкезаитовъ—представляющіяся здѣсь, до открытія Философуменовъ и до разъясненія вопроса о происхожденіи и значеніи ересеологическихъ показаній находящихся въ Libellus pseudo-Tertulliani, были также главнымъ

ное отличіе второй книги Панарія отъ первой — по *основному источнику*. Конечно, о сектѣ энкратитовъ уже есть нѣкоторыя свѣдѣнія у Иринея (гл. 28); и секты монтанистовъ, четыренадесятниковъ, алоговъ уже начали распространяться во время Иринея. Но главнымъ образомъ распространеніе этихъ сектъ принадлежитъ уже времени послѣ-иринеевскому, и Епифаній при описаніи этихъ сектъ и другихъ разсматриваемыхъ вмѣстѣ съ ними пользовался уже не Иринеемъ, а другими источниками.

[123]) Срав. 5-й главы стр. 158, 170 съ находящимися тамъ примѣчаніями.

[124]) Срав. выше примѣч. 34.

[125]) Срав. 5-й главы примѣч. 70.

источникомъ историческихъ свѣдѣній объ этихъ сектахъ, да и теперь не потеряли своего значенія для науки [126]).

Вторая часть второй книги Панарія, начинающаяся описаніемъ секты валезіанъ и оканчивающаяся іеракитами и мелетіанами, содержитъ уже описаніе ересей послѣ-Ипполитовскаго времени— 3-го столѣтія. Для этой части Епифаній по всей вѣроятности не имѣлъ главнаго и твердаго общаго источника, подобнаго сочиненіямъ Иринея и Ипполита, на основаніи которыхъ составлялись предшествовавшія части Панарія. Ереси 3-го вѣка описывались Епифаніемъ частію на основаніи частныхъ полемическихъ сочиненій, частію на основаніи личныхъ соображеній автора, воспоминаній, слуховъ и т. д. Поэтому можетъ быть эта часть Панарія и представляется болѣе слабою, сравнительно съ другими. Наибольшаго вниманія здѣсь заслуживаютъ двѣ названныя секты валезіане и гіеракиты [127]). Это также секты новыя, изъ древнѣйшихъ источниковъ неизвѣстныя, о которыхъ Панарій представляетъ первыя свѣдѣнія. О валезіанахъ сообщаются свѣдѣнія краткія — безъ опредѣленнаго указанія на то, изъ какихъ источниковъ эта секта зародилась, и гдѣ преимущественно распространялась; но свѣдѣнія эти важны въ томъ отношеніи, что они представляютъ древнѣйшее проявленіе скопчества, какъ сектанства, въ христіанскомъ мірѣ. Объ іеракитахъ свѣдѣнія болѣе подробныя, какъ о сектѣ ближе извѣстной автору, возникшей въ не очень далекое отъ него время. Но и въ описаніи этой секты довольно неясности какъ относительно внутренняго смысла ея, такъ и относительно источниковъ, изъ которыхъ она зародилась, и связи ея съ другими сектами. Что касается до другихъ описаній этой части Панарія: то въ этихъ описаніяхъ или представляются свѣдѣнія весьма неопредѣленныя, или такія, которыя могли бы быть извѣстны и помимо Панарія. Описаніе

---

[126]) Епифаніевскія показанія объ этихъ сектахъ въ иныхъ мѣстахъ подробнѣе сообщаемыхъ въ Философуменахъ и у псевдо-Тертулліана.

[127]) Ереси LVII и LXVII.

секты καθαρῶν (вслѣдъ за валезіанами) имѣетъ лишь то значеніе, что это первое описаніе секты западной у ересеолога восточнаго,—хотя по сохранившимся до насъ западнымъ источникамъ мы имѣемъ возможность представить возникновеніе и смыслъ этой секты гораздо яснѣе, чѣмъ по описанію Епифанія и другихъ греческихъ писателей [128]). Слѣдующія далѣе секты ангеликовъ и апостоликовъ возбуждаютъ вниманіе изслѣдователя, какъ секты новыя, доселѣ неизвѣстныя въ христіанской ересеологіи [129]). Но относительно секты ангеликовъ Епифаній откровенно сознается, что ему пришлось узнать лишь одно названіе этой секты и ничего болѣе. Объ апостоликахъ хотя сообщаются извѣстія болѣе опредѣленныя, и указывается самое мѣсто распространенія ихъ: но по сообщаемымъ свѣдѣніямъ нельзя уяснить себѣ, была ли это секта самостоятельная, или только особенная отрасль енкратитовъ или монтанистовъ. Двѣ секты называемыя Епифаніемъ оригенистами (Ὠριγενιάνοι αἱσχροί и Ὠριγενιάνοι τοῦ Ἀδαμαντίου), и опровергаемые имъ съ особеннымъ усердіемъ [130]) являются въ Панаріѣ можетъ быть главнымъ образомъ вслѣдствіе сильнаго предубѣжденія автора противъ памяти Оригена. Что касается до оригенистовъ перваго разряда, Епифаній самъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы эта противоестественная и гнусная секта (если она и существовала, какъ особая секта) на самомъ дѣлѣ происходила отъ Оригена, или имѣла къ нему какое-нибудь отношеніе [131]). Въ оригенистахъ же втораго рода Епифаній хочетъ имѣть въ виду дѣйствительныхъ почитателей Оригена, раздѣ-

---

[128]) Ересь LIX. Замѣчательно, что у Епифанія, какъ и у Евсевія, исторія этой секты начинается только съ римскаго Новаціана (который у того и другаго называется Новатомъ), а о карѳагенскихъ Новаціанскихъ волненіяхъ, извѣстныхъ намъ по письмамъ св. Киприана, восточные писатели ничего не знаютъ. Вообще историческая часть этой главы у Епифанія очень бѣдна

[129]) Ереси LX, LXI.

[130]) Ереси LXIII, LXIV.

[131]) „Отъ чего они называются Оригенистами, не совсѣмъ ясно мы знаемъ: отъ Оригена ли Адамантоваго или отъ кого другаго, не знаю. Только это названіе принято у насъ“.

лявшихъ нѣкоторыя его богословскія заблужденія, между прочимъ неточныя представленія о св. Троицѣ. Такая партія богослововъ несомнѣнно существовала, и Епифанію приходилось имѣть съ нею непосредственныя столкновенія: но едва ли можно было эту богословскую партію, къ которой по временамъ примыкали и уважаемые іерархи и учители церковные, поставлять въ разрядъ еретическихъ сектъ. И тѣ изъ почитателей Оригена, которые держались наиболѣе крайнихъ его мнѣній, имѣли эти мнѣнія про себя, какъ личныя богословскія мнѣнія, не думая изъ-за нихъ составлять отдѣльныя отъ Церкви секты [132]). О ересяхъ Савеллія, Павла Самосатскаго и расколѣ Мелетія Ѳивскаго у Епифанія представляются такія извѣстія, которыя мало прибавляютъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ объ этихъ сектахъ, которыя мы имѣемъ изъ другихъ ближайшихъ къ нимъ источниковъ. Собственно историческая часть, касающаяся возникновенія и распространенія названныхъ ересей у Епифанія слабѣе даже, чѣмъ у Евсевія [133]). О манихеяхъ въ Панаріѣ довольно пространныя описанія и опроверженія [134]). Но эти описанія также мало представляютъ существенныхъ дополненій къ свѣдѣніямъ тѣхъ писателей, которые имѣли ближайшее отношеніе къ сектѣ манихейской; историческая часть свѣдѣній Панарія о манихеяхъ основывается на показаніяхъ Архелая Касхарскаго. Ересью іеракитовъ и расколомъ мелетіанскимъ оканчивается у Епифанія описаніе сектъ пер-

---

[132]) Здѣсь, какъ мы уже упоминали, Епифаній еще не доходитъ до того крайняго предубѣжденія противъ Оригена, до какого дошелъ впослѣдствіи. Онъ говоритъ много хорошаго о его учености и нравственныхъ качествахъ, хотя и приводитъ нѣкоторые сомнительные факты не въ пользу его, напр. будто Оригенъ вынужденъ былъ, хотя и противъ воли, принести языческую жертву, — за что будто бы онъ и изгнанъ былъ изъ Александріи (ер. LXIV, § 2). Но ученіе Оригена Епифанію и здѣсь уже представляется въ крайнемъ видѣ, и о послѣдователяхъ Оригена Епифаній выражается, что „эта ересь ужасная и худшая всѣхъ ересей,—потому что она, хотя и не располагаетъ своихъ послѣдователей совершать срамныя дѣла, но внушаетъ страшное по своей гнусности сомнѣніе относительно Божества (§ 4).

[133]) Панар. ереси LXII, LXV, LXVIII. Срав. Евсев. кн. VII.

[134]) Ерес. LXVI.

ваго до-Константиновскаго періода христіанской исторіи. Далѣе въ заключеніе второй книги *Панарія* представляется обширное опроверженіе аріанства, и затѣмъ въ 3-й книгѣ, раздѣляющейся также на двѣ части, опровергаются уже еретическія секты IV вѣка, не подлежащія настоящему нашему изслѣдованію [135]). Въ заключеніе Панарія Епифаній, подобно другимъ древнѣйшимъ ересеологамъ, представляетъ изложеніе православной вѣры: въ немъ, кромѣ изъясненія православныхъ догматовъ, вновь перечисляются мнѣнія древнихъ философовъ и обряды нѣкоторыхъ языческихъ религій, какъ бы въ дополненіе къ тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ о древней миѳологіи и философіи, какія представлены были въ первой части Панарія [136]).

Дабы лучше утвердить въ пониманіи своихъ читателей главныя черты, какими каждая изъ описываемыхъ ересей отличается отъ другихъ, Епифаній въ началѣ каждаго отдѣленія Панарія представлялъ перечень обличаемыхъ въ этомъ отдѣленіи ересей — съ краткою характеристикою, съ указаніемъ главныхъ чертъ каждой ереси. Но, не довольствуясь этимъ, по написаніи Панарія Епифаній нашелъ нужнымъ — въ особомъ сочиненіи сокращенно изложить содержаніе всего Панарія въ томъ самомъ порядкѣ описанія ересей — въ трехъ книгахъ и семи отдѣленіяхъ, какъ представляется оно въ самомъ Панаріѣ. Это новое сочиненіе Епифанія, написанное для тѣхъ же иноковъ Алипія и Павла, по просьбѣ которыхъ составленъ и Панарій, такъ и извѣстно подъ названіемъ *Сокращенія* Панарія — Ἀνακεφαλαίωσις [137]). Оно также относится къ Панарію,

---

[135]) Именно въ третьей книгѣ Панарія обличаются слѣдующія ереси: Авдіанъ, Фотиніанъ, Марцелліанъ, Полу-аріанъ, Духоборцевъ, Аэрія и Аномеевъ — въ первомъ отдѣленіи; Димеритовъ, Антидикомаріонитовъ, Коллиридіанъ и Массаліанъ—во второмъ отдѣленіи.

[136]) Ἀληθὴς λόγος περὶ πίστεως καθολικῆς. Миня T. XLII pag. 773—832.

[137]) Anacephaleosis sive eorum, quae in Panario dicta sunt, summa comprehensio. Миня T. XLII, pag. 833—886. Число ересей и общій порядокъ описанія ихъ въ анакефалеосисѣ тѣ же, что и въ Панаріѣ, но въ расположеніи ересей одной за другою есть нѣкоторыя, незначительныя впрочемъ, измѣненія противъ Панарія. См. у Миня T. XLI,

какъ X книга *Философуменовъ* къ предшествовавшимъ девяти. Новаго для исторіи ересей въ этомъ сочиненіи нѣтъ ничего: но такъ какъ въ немъ излагается все существенное изъ содержанія Панарія, то оно часто и служило для позднѣйшихъ историковъ и полемистовъ замѣною самаго Панарія, и переводилось оно на другіе языки ради удобства прежде Панарія [138]).

Послѣднее изъ греческихъ ересеологическихъ писаній, показанія котораго имѣютъ еще нѣкоторое самостоятельное значеніе для исторіи древнѣйшихъ христіанскихъ сектъ, есть сочиненіе блаж. Θеодорита Кирскаго, извѣстное подъ названіемъ «Краткаго обзора еретическихъ басней или Сокращенія еретическаго баснословія [139]). Это сочиненіе написано было по просьбѣ знатнаго и образованнаго вельможи Споракія [140]).

---

pag. 151—154 предисловіе къ Панарію Діонисія Петавія. Срав. Шаффа Kirchengeschichte, стр. 1170. Фотій въ Библіотекѣ Cod. CXXIII называетъ *Анкоратъ* сокращеніемъ Панарія—очевидно ошибочно вмѣсто Анакефалеосиса.

[138]) Этому собственно сочиненію Епифанія слѣдовали въ своихъ трудахъ позднѣйшіе ересеологи, подражатели Епифанія—Августинъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Никита Хоніатъ.

[139]) Αἱρετικῆς κακομυθίας ἐπιτομή. Haereticarum fabularum Compendium Подъ этимъ заглавіемъ сочиненіе Θеодорита печатается у всѣхъ его издателей (См. изданіе Миня Gr. Ser. T. LXXXIII), и цитуется у всѣхъ новыхъ писателей. Но собственно это названіе относится къ первой только части—къ первымъ четыремъ книгамъ сочиненія Θеодоритова, представляющимъ изложеніе ученій еретическихъ. За этою частію слѣдуетъ другая—изложеніе православныхъ догматовъ вѣры, которому Θеодоритъ далъ названіе „Θείων δογμάτων ἐπιτομή"; а всему сочиненію названіе у Θеодорита—„Ψεύδους καὶ ἀληθείας διάγνωσις". Распознаваніе лжи и истины (см. посланіе Θеодорита къ Споракію, о которомъ въ слѣдующемъ примѣчаніи). Подъ такимъ заглавіемъ сочиненіе Θеодорита и извѣстно было старымъ греческимъ писателямъ (См. Церков. исторію Никифора Каллиста Lib. XIV, cap. 54). Но новые западные издатели названіе части перенесли на цѣлое сочиненіе.

[140]) Письмо Θеодорита къ Споракію въ видѣ предисловія помѣщается обыкновенно предъ самымъ сочиненіемъ Θеодорита (См. у Миня, T. LXXXIII pag. 335—340). Въ концѣ письма Θеодоритъ ясно обозначаетъ и придворное званіе Споракія и его любовь къ изученію Божественныхъ истинъ: Χλανίδι καὶ ζώνῃ κεχρημένος, καὶ στρατηγίαν πεπιστευμένος καὶ βασιλείοις προσεδρεύειν διὰ ταύτην ἠναγκασμένος, πάντων ὁμοῦ προτιμᾷ τῶν θείων τὴν γνῶσιν καὶ τῆς ἀληθείας τὴν μάθησιν. Этотъ Споракій въ 451 году былъ

въ пятидесятыхъ годахъ V столѣтія [141]). Блаж. Θеодоритъ, вообще одинъ изъ весьма замѣчательныхъ писателей церковныхъ [142]). Онъ лучшій представитель греческой богословской

уполномоченнымъ императора Маркіана на Халкидонскомъ соборѣ, а въ слѣдующемъ 452 году сдѣлался консуломъ (См. Garnerii, Dissertatio de libris Theodorethi Cap. VI § II, 9).

[141]) Въ письмѣ къ Споракію есть довольно ясное указаніе на то, что сочиненіе Θеодорита о ересяхъ писано скоро послѣ осужденія ереси Евтихія на Халкидонскомъ соборѣ. Θеодоритъ пишетъ, что онъ въ своемъ сочиненіи представляетъ изложеніе ересей до сей послѣдней, которую Господь внезапно съ корнемъ истребилъ „μέχρι ταύτης ἐσχάτης, ἣν ἀθρόον ὁ Δεσπότης ἀνέσπασε πρόῤῥιζον. По всей вѣроятности присутствіе Споракія при преніяхъ Халкидонскаго собора и привело его къ мысли просить ученѣйшаго изъ тогдашнихъ учителей церковныхъ—ближе познакомить его съ сущностью ученій еретическихъ и ихъ отличіями отъ истинной вѣры. Но Θеодоритъ въ письмѣ своемъ не называетъ Споракія консуломъ; отсюда заключаютъ, что сочиненіе о ересяхъ писано или вслѣдъ за окончаніемъ собора—еще прежде, чѣмъ Споракію дано консульское достоинство, или уже послѣ того, какъ онъ сложилъ съ себя это достоинство, т.-е. не ранѣе 453 года. Что сочиненіе это вообще принадлежитъ къ послѣднему самому зрѣлому періоду литературной дѣятельности Θеодорита, и написано послѣ многихъ другихъ его сочиненій, на это есть нѣкоторыя указанія въ немъ самомъ. Напр. изъ 1 главы IV книги сочиненія о ересяхъ видно, что оно писано послѣ „Церковной исторіи,“на которую здѣсь есть прямая ссылка; а извѣстно, что „церковную исторію“ Θеодоритъ писалъ незадолго передъ Халкидонскимъ соборомъ, полагаютъ—въ 450 году. Въ 23 главѣ V книги авторъ упоминаетъ о составленныхъ имъ прежде Толкованіяхъ на пророка Даніила и Апостолъ.

[142]) Гарньеръ, писатель мало расположенный къ Блаж. Θеодориту, называетъ его послѣ Златоуста и Кирилла Александрійскаго плодовитѣйшимъ изъ древнихъ греческихъ писателей (Dissertatio de libris Theodoreti—Praefatio). Сочиненія Θеодорита въ греческомъ текстѣ и латинскомъ переводѣ въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) Сирмонда съ прибавленіями Гарньера. Paris. 1642—1684 гг. 2) Евгенія Булгара. Halae Magdeburg. 1768—1775 гг. 3) Шульце. Halae. 1769—1774 гг. 4) Миня—по изданію Шульца съ прибавленіями Гарньера, словаремъ и указателями. Gr. Ser. T. LXXX—LXXXIV. На русскій языкъ, кромѣ старыхъ славянскихъ переводовъ преимущественно толковательныхъ произведеній Θеодорита, многое въ отрывкахъ было переводимо въ „Воскресномъ Чтеніи и Христіанскомъ Чтеніи. Редакціею Христ. Чтенія въ 1852 изданъ переводъ „Церковной исторіи“ Θеодорита, а въ 1853 году его „исторія Боголюбцевъ“. Московская Академія въ 1855 году предприняла цѣльный переводъ твореній Блаж. Θеодорита. Но къ сожалѣнію этотъ переводъ (7 частей) вышелъ неполный. Между прочимъ изъ сочиненія о ересяхъ (какъ и прежде въ Христ. Чтеніи 1844 года) переведена одна пятая часть (въ VI кн. рус. изд.). Недоумѣваемъ, почему не-

образованности въ ту эпоху, которая слѣдуетъ за самою блестящею эпохою христіанскаго образованія—за вѣкомъ великихъ вселенскихъ церковныхъ учителей Василія, Григорія и Іоанна Златоустаго. Въ V вѣкѣ, когда жилъ Θеодоритъ, блескъ классической эпохи христіанскаго образованія началъ нѣсколько омрачаться; греческая богословская мысль уже не отличалась тою широтою, глубиною, свѣтлостью и живостью, какою отличалась она въ вѣкъ Василія Великаго и Златоустаго: но въ даровитѣйшихъ людяхъ этого вѣка, между которыми едва ли не первое мѣсто занималъ Θеодоритъ, сохранялись еще лучшія преданія греческой богословской образованности. Блаж. Θеодоритъ, послѣ св. Іоанна Златоустаго, замѣчательнѣйшій представитель извѣстнаго антіохійскаго училища, имѣвшаго особенное значеніе въ христіанствѣ во второй половинѣ IV и въ началѣ V вѣка. Какъ писатель церковный,—Блаж. Θеодоритъ извѣстенъ преимущественно своими трудами экзегетическими, историческими, и полемико-богословскими направленными про-

---

реводчики оставили безъ перевода первыя четыре части. Ни цензурныхъ, ни другихъ какихъ затрудненій, кажется, здѣсь не могло быть. Θеодоритово сочиненіе о ересяхъ во всякомъ случаѣ могло быть для перевода удобнѣе, чѣмъ Панарій Епифанія.—Изслѣдованія о жизни и писаніяхъ Θеодорита въ упомянутыхъ изданіяхъ его сочиненій—у Гарньера, Шульце, Евгенія Булгара, также въ общихъ историческихъ и патрологическихъ сочиненіяхъ. Дюпеня, Удина, Каве, Сейльи, Тилльмона, Фабриція. Новыхъ замѣчательныхъ изслѣдованій о Θеодоритѣ нѣтъ. Изъ старыхъ самыя замѣчательныя—изслѣдованія Гарньера (V Dissertationes de historia, de libris, de fide Theodoreti, de quinta Synodo generali, de Theodoreti et orientalium causa—занимаютъ почти цѣлый 84 томъ въ изданіи Миня): но эти изслѣдованія съ большими предубѣжденіями противъ Θеодорита, которому по многимъ причинамъ не могутъ сочувствовать римско-католическіе писатели. Русскія изслѣдованія о Θеодоритѣ въ Воскресномъ чтеніи Т. XI, въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ 1855 года—А. В. Горскаго, въ патристикѣ преосв. Филарета Т. III §§ 218—223. Лучшее между ними безъ сомнѣнія—второе; но и оно не вполнѣ разрѣшаетъ многіе запутанные пункты Θеодоритовой исторіи. Вообще личность Θеодорита, весьма выдающаяся личность эпохи бурной и смутной, — и подвергавшаяся многимъ несправедливымъ нареканіямъ и отъ ближайшихъ потомковъ и отъ позднѣйшихъ писателей,—и доселѣ, можно сказать, требуетъ безпристрастнаго историческаго оправданія и разъясненія.

тивъ современной ему евтихіанской ереси. Изученіе и опроверженіе древнѣйшихъ ересей въ кругу обширной и многосторонней дѣятельности Θеодорита не имѣло того значенія, какъ у его предшественника на этомъ поприщѣ Епифанія, т.-е. оно не было для Θеодорита, какъ для Епифанія, главною задачею жизни, спеціальнымъ призваніемъ дѣятельности. Но Θеодоритъ никакъ не менѣе Епифанія владѣлъ качествами потребными для этого дѣла: знаніемъ древней полемической и вообще древней христіанской литературы [143]) и непосредственными живыми соприкосновеніями съ остатками древнихъ еретическихъ сектъ [144]). При этомъ Θеодоритъ несравненно превосходилъ Епифанія, а можетъ быть и всѣхъ другихъ предшествовавшихъ ему полемистовъ, писавшихъ о древнихъ сектахъ, правильнымъ систематическимъ образованіемъ, и вообще яснымъ и точнымъ умомъ, отличнымъ знаніемъ свящ. писанія и церковной исторіи, а также необходимою для ересеолога способностью входить въ смыслъ разсматриваемыхъ ученій, понимать различныя системы. Оттого представленія Θеодорита о еретическихъ системахъ, описываемыхъ имъ, отличаются особенною ясностью и опредѣленностью. Можно сказать, ни у одного изъ древнихъ ересеологовъ нѣтъ такого умѣнья въ чертахъ несложныхъ ха-

---

[143]) Отличное знаніе древнѣйшей богословской литературы видно какъ въ другихъ богословскихъ произведеніяхъ Θеодорита (напр. въ его діалогахъ противъ Монофизитовъ), такъ и въ самомъ сочиненіи о ересяхъ.

[144]) Паства, которою пришлось управлять Θеодориту, была наполнена множествомъ сектантовъ. Въ 145 письмѣ къ константинопольскимъ монахамъ онъ говоритъ, что имъ обращено ко Христу до десяти тысячъ Маркіонитовъ. Въ 81 письмѣ къ консулу Нону подробнѣе говорится: „восемь селеній маркіонитскихъ съ прилежащими къ нимъ мѣстами я привелъ къ истинѣ; одно селеніе евноміанское и другое аріанское обратилъ къ свѣту Богопознанія; и, по благости Божіей, не осталось у меня ни одного еретическаго плевела". Здѣсь коротко упоминается и о томъ, какихъ трудовъ и опасностей это стоило Θеодориту. „Часто проливалась кровь моя, часто въ меня бросали каменьями и я былъ у вратъ смерти. Ἄφρων ἐγενόμην καυχώμενος. τῆς δὲ ἀνάγκης, οὐ τῆς γνώμης τὰ εἰρημένα". О томъ же упоминается въ 113 письмѣ къ Папѣ Льву. См. письма Θеодорита въ томъ же LXXXIII томѣ изданія Миня, гдѣ и сочиненіе о ересяхъ.

рактеризовать сущность еретическихъ ученій, какъ у Θеодорита. Другое преимущество, которымъ ересеологическія представленія Θеодорита отличаются особенно отъ представленій Епифанія, есть болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ разсматриваемымъ ученіямъ. Θеодоритъ жилъ въ такое время, которое не отличалось религіозною терпимостью, во время гораздо болѣе нетерпимое сравнительно и съ тѣмъ, когда жилъ Епифаній. Θеодоритъ принималъ живѣйшее участіе въ религіозныхъ спорахъ своего времени, имѣлъ непосредственныя столкновенія съ еретическими сектами старыми и новыми, много терпѣлъ отъ еретиковъ, много подвизался въ обращеніи еретиковъ къ церкви [145]). Но при всемъ этомъ Θеодоритъ болѣе другихъ своихъ современниковъ и болѣе другихъ церковныхъ полемистовъ сохранилъ спокойное и безпристрастное отношеніе къ заблуждавшимся [146]). Твердый самъ въ истинахъ православія, ревностный въ распространеніи и защищеніи православной вѣры, далекій по своимъ убѣжденіямъ отъ какихъ нибудь сдѣлокъ съ заблужденіемъ и ересью, Θеодоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ далекъ былъ и отъ рѣзкаго, пристрастнаго, запальчиваго отношенія къ заблуждавшимся. По спокойствію историко-полемическаго тона, по сдержанности и безпристрастію въ обличеніи еретиковъ, Θеодоритъ изъ древнихъ писателей болѣе всѣхъ напоминаетъ перваго учителя христіанской ересеологіи св. Иринея. Указанныя качества производятъ особенно благопріятное впечатлѣніе при чтеніи ересеологическаго сочиненія Θеодоритова. Этому впечатлѣнію помогаютъ также и внѣшнія качества Θеодоритова изложенія. Хотя греческій языкъ Θеодорита не совсѣмъ чистъ и имѣетъ нѣкоторыя особенности

---

145) См. указанія предшествовавшаго примѣчанія.

146) За эту терпимость и безпристрастіе Θеодоритъ, какъ извѣстно, самъ подвергался подозрѣніямъ въ еретичествѣ или сочувствіи къ ереси. Его оскорбляли и преслѣдовали при жизни; память его тревожили болѣе ста лѣтъ послѣ смерти; и затѣмъ въ позднѣйшее время пристрастный ученый (Гарньеръ) выставилъ цѣлый арсеналъ эрудиціи и софистики, чтобы очернить память Θеодорита несправедливыми нареканіями, которыя однакожь доселѣ остаются недостаточно разобраны и опровергнуты.

въ словахъ и оборотахъ [147]), при всемъ томъ ни у одного изъ древнихъ ересеологовъ и вообще у немногихъ греческихъ церковныхъ писателей также хорошее изложеніе, какъ у Θеодорита. Простота, опредѣленность, сжатость, точность, послѣдовательность въ развитіи и выраженіи мысли—лучшія качества историческаго, философскаго и богословскаго изложенія вообще, отличаютъ произведенія Θеодорита и даютъ имъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ ряду другихъ произведеній греческой богословской письменности [148]).

Но при всемъ томъ Θеодоритово сочиненіе о ересяхъ, какъ историческій источникъ, не имѣетъ уже не только того значенія, какое принадлежитъ сочиненіямъ Иринея и Ипполита, но даже и того, какое дается Панарію Епифанія. Θеодоритъ писалъ свое сочиненіе о древнѣйшихъ ересяхъ въ такое время, когда большая часть ихъ уничтожилась [149]). Непосредственное знакомство онъ могъ имѣть лишь съ остатками немногихъ сектъ уцѣлѣвшихъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства; большую же часть древнихъ сектъ онъ могъ знать только по писаніямъ древнѣйшихъ христіанскихъ учителей и по нѣкоторымъ остаткамъ самой сектантской письменности [150]). При этомъ, какъ мы уже сказали, изслѣдованіе древнѣйшихъ ересей не было для Θеодорита главнымъ предметомъ литературной дѣятель-

---

[147]) См. Glossarium Theodoreteum въ LXXXIV томѣ изданія Миня. Особенности греческаго языка Θеодоритова происходили отъ того, что онъ былъ Сирскій уроженецъ и писатель.

[148]) На эти качества изложенія Θеодоритова обращалъ особенное вниманіе опытнѣйшій цѣнитель греческой словесности Фотій, когда ему приходилось говорить о какомъ нибудь сочиненіи Θеодоритовомъ. См. Bibliotheca Cod. 31, 46, 56, 66, 203, 204, 205, 277.

[149]) На это, кромѣ другихъ историческихъ свѣдѣній, есть указанія въ самомъ сочиненіи Θеодорита. Въ письмѣ къ Спораклю онъ говоритъ: „Εἰδέναι δε χρὴ, ὡς τῶν παλαιῶν αἱρέσεων αἱ πλείους διὰ τὴν θείαν χάριν ἀπέσβησαν καὶ ἐγένοντο, προφητικῶς εἰπεῖν „ὡσεὶ χόρτος δομάτων, ὃς πρό τοῦ ἐξανθῆσαι, ἐξηράνθη“. Пс. CXXVIII, 6.

[150]) Θеодоритъ высказывалъ даже опасеніе, что его будутъ упрекать за то, что онъ вновь выводитъ изъ тмы забвенія на свѣтъ Божій ереси уже потерявшія значеніе въ исторіи. Καὶ ἴσως ἄν τις ἡμῖν ἐπισκήψαι, τὰς τῷ ζόφῳ τῆς λήθης παραδοθείσας πάλιν εἰς τὸ τῆς μνήμης ἐξάγουσι φῶς. Въ томъ же письмѣ къ Спораклю.

ности; онъ не задавался цѣлью писать обширное самостоятельное сочиненіе о ересяхъ; онъ имѣлъ въ виду въ сочиненіи не обширнаго объема, предназначаемомъ для читателя не занимающагося спеціально изученіемъ древнихъ историческихъ памятниковъ, собрать во едино и осмысленно изложить древнѣйшія извѣстія о ересяхъ, лишь по мѣстамъ присоединяя къ нимъ новыя свѣдѣнія, добытыя личнымъ наблюденіемъ. Такимъ образомъ это уже не первоначальный источникъ для исторіи ересей, а извлеченіе составленное на основаніи древнѣйшихъ источниковъ. Въ сочиненіяхъ подобнаго рода новыхъ значительныхъ матеріаловъ для исторіи искать нельзя; въ нихъ главнымъ образомъ цѣнится то, на сколько точно и осмысленно передаютъ они извѣстія заимствуемыя изъ древнѣйшихъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Θеодорита можно сказать лучшее во всей древней ересеологической письменности. Θеодоритъ при составленіи его имѣлъ въ виду всѣ извѣстныя въ то время древнѣйшія ересеологическія произведенія [151]), и

---

[151]) Τοὺς τῶν παλαιῶν αἱρέσεων μύθους ἐκ τῶν παλαιῶν τῆς Ἐκκλήσιας διδασκάλων συνέλεξα (Письмо къ Спораклю). При этомъ Θеодоритъ перечисляетъ предшествовавшихъ ему церковныхъ полемистовъ, писавшихъ противъ древнихъ ересей — Іустина философа, Иринея просвѣтителя кельтовъ, Климента александрійскаго, Оригена, Евсевія палестинскаго и финикійскаго, Адаманція, Родона, Тита бострійскаго, Діодора тарсійскаго и Георгія лаодикійскаго (противо-манихейскихъ писателей) καὶ τῶν ἄλλων, οἱ κατὰ τοῦ ψεύδους τὰς γλώττας καθώπλισαν. Ипполита авторъ не называетъ здѣсь: но несомнѣнно, что Θеодоритъ зналъ его сочиненія и пользовался ими, по мѣстамъ онъ и называетъ его при опроверженіи отдѣльныхъ ересей. — (См. также Epistolam ad Constantinopolitanos Monachos),—хотя какъ мы уже говорили, довольно трудно сказать, какими именно сочиненіями Ипполита Θеодоритъ пользовался при составленіи своего сочиненія о ересяхъ (См. VI главу объ Ипполитѣ примѣч. 100 и V гл. примѣч. 31). Кромѣ упомянутыхъ въ предисловіи писателей, Θеодоритъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненія называетъ и еще нѣкоторыхъ другихъ: напр. Θеофила антіохійскаго въ описаніи 19 и 25 ереси первой книги, Аполинарія іерапольскаго—въ 21 ереси, Ефрема Сирина въ 22, Модеста и Евсевія емесскаго въ 25, Діонисія александрійскаго въ 9 ереси второй книги, Мильтіада, Аполлонія и Каія во 2 ереси третьей книги и т. д. Но замѣчательно, что Θеодоритъ ни въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія не упоминаетъ объ Епифаніи, хотя конечно онъ зналъ сочиненія Епифанія о ересяхъ и въ нѣкоторой степени пользовался ими (напр. свѣдѣнія объ архонтикахъ въ II главѣ первой книги онъ по всей вѣроят-

пользовался ими съ замѣчательнымъ пониманіемъ дѣла и искусствомъ. Θеодоритъ не слѣдовалъ своимъ первоисточникамъ рабски, механически, не переписывалъ буквально изъ перваго попавшагося памятника характеристику той или другой секты, и не связывалъ наскоро механически свѣдѣнія заимствуемыя изъ разнородныхъ источниковъ, и несогласующіяся между собою, но обдуманно выбиралъ то изъ того, то изъ другаго источника черты, представляющіяся ему наиболѣе существенными для характеристики тѣхъ или другихъ сектъ [152]), и старался

ности передаетъ по описанію Епифанія). Уже Гарнъеръ обратилъ вниманіе на это умолчаніе Θеодорита и объяснилъ его тѣмъ, что Θеодориту непріятно было называть писателя враждебнаго чтимому имъ учителю Златоустому (De Libris Theodoreti cap. VI § II, 11) Къ этой частной причинѣ вѣроятно нужно прибавить еще ту общую, что Θеодориту вообще могли не нравиться ересеологическіе пріемы и рѣзкія описанія Епифанія. Гарньеръ при этомъ дѣлаетъ Θеодориту другой упрекъ, что онъ не пользовался въ своемъ сочиненіи западными писателями (правильнѣе было бы сказать „латинскими“, ибо Θеодоритъ „западными“— напр. Иринеемъ, Ипполитомъ—пользовался).—Но этотъ упрекъ, какъ мы уже упоминали, долженъ относиться не къ одному Θеодориту, а и ко всѣмъ другимъ греческимъ писателямъ. Да правду сказать, греческимъ писателямъ того времени и вообще немногимъ чѣмъ можно было заимствоваться у латинскихъ, а въ ересеологіи почти рѣшительно нечѣмъ, кромѣ немногихъ частныхъ свѣдѣній изъ Тертулліана и Киприана. Филастріемъ и Августиномъ—писателями лишь нѣсколько болѣе ранними, чѣмъ самъ Θеодоритъ, онъ конечно не могъ пользоваться.—Новый изслѣдователь Липсіусъ дѣлаетъ Θеодориту другой упрекъ, чѣмъ Гарньеръ. Онъ полагаетъ, что все сочиненіе Θеодорита о ересяхъ составлено лишь на основаніи Иринея, X книги философуменовъ, церковной исторіи Евсевія и Епифанія, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ свѣдѣній изъ Климента александрійскаго; а имена другихъ древнихъ писателей Θеодоритъ будто бы выставляетъ только для пущей ученой важности. (Quellenkritik. стр. 46). Намъ кажется, такое отношеніе къ Θеодориту слишкомъ легко. Θеодоритъ, помимо сочиненія о ересяхъ, въ другихъ сочиненіяхъ показалъ такое богатое знаніе древней богословской письменности, что ему нечего было ради одной лишь ученой важности ссылаться на такихъ писателей, которыхъ онъ будто бы не читалъ.

[152]) Новѣйшая наука съ этой стороны можетъ сдѣлать Θеодориту лишь тотъ упрекъ, что онъ сопоставляя въ одномъ описаніи черты и свѣдѣнія заимствуемыя изъ разныхъ источниковъ, не указываетъ прямо, что изъ какого источника берется. Но это, какъ мы высказывали уже по поводу Епифанія, общій пріемъ древнихъ писателей, не имѣвшихъ обыкновенія вводить читателя въ предварительную критическую работу своего историческаго изложенія и выставлять подробныя и опредѣленныя цитаты къ передаваемымъ свѣдѣніямъ и фактамъ.

также обдуманно расположить описанія сектъ въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности по заранѣе составленному плану.

Сочиненіе Блаж. Θеодорита раздѣляется на пять книгъ. Въ первыхъ четырехъ книгахъ излагаются мнѣнія различныхъ сектъ. Блаж. Θеодоритъ разсматриваетъ еретическія ученія не просто въ хронологическомъ порядкѣ, но старается подвести ихъ подъ нѣсколько общихъ группъ, принимая во вниманіе различіе въ самыхъ основныхъ принципахъ ихъ ученія, преимущественно въ догматахъ о началѣ міра и воплощеніи [153]). Раздѣленіе сектъ на группы, принятое Θеодоритомъ, нельзя назвать строго логическимъ, и оно не выдерживается имъ вполнѣ правильно и послѣдовательно; но все таки сочиненіе Θеодорита представляетъ по крайней мѣрѣ древнѣйшій опытъ систематическаго изложенія исторіи ересей. Въ первой книгѣ разсматриваются у Θеодорита такія ереси, которыя признавали не одно начало бытія, а нѣсколько (напр. Бога и матерію, доброе и злое или мужское и женское начало), образованіе видимаго міра производили не отъ верховнаго существа, а отъ другаго низшаго подчиненнаго ему (отъ одного изъ ангеловъ, архонтовъ или эоновъ, какъ Сатурниліане, Василидіане, Валентиніане и имъ под.) или прямо враждебнаго (какъ манихеи), и которые явленіе Христа между людьми признавали только призрачнымъ или мнимымъ [154]). Къ этой группѣ относятся двадцать шесть ересей большею частію называемымъ гностическими, начиная отъ Симона мага до Манеса. Во второй группѣ описываются такія секты, которыя согласно съ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ признавали одно начало бытія; но Христа считали

---

[153]) Блаж. Θеодоритъ высказываетъ основанія, принятыя имъ для раздѣленія сектъ на группы, въ письмѣ къ Споракію. Преосвящ. Филаретъ въ сокращеніи и не совсѣмъ точно передаетъ мысли, высказанныя здѣсь Θеодоритомъ.

[154]) Το μεν πρώτον (Βίβλιον) τῶν μύθων ἐκείνων τὴν διήγησιν δέξεται, ὧν οἱ πατέρες δημιουργὸν μεν ἀνέπλασαν ἕτερον, τὴν δε μίαν ἀρνηθέντες ἀρχην, ἀρχὰς ἑτέρας δύκ δύσας ὑπέθεντο, δοκήσει δε φανῆναι τον Κύριον εἰς ἀνθρώπους ἔφασαν.

простымъ человѣкомъ [155]). Къ этой группѣ относятся одинадцать сектъ отъ Евіона до Маркелла и Фотина [156]). Въ третьей группѣ разсматриваются ученіе такихъ еретиковъ, которые по мнѣнію автора, *занимали* какъ бы *средину между двумя первыми группами, и были изобрѣтателями различныхъ своихъ лжеученій* [157]). Авторъ видимо не нашелъ общаго опредѣленнаго признака, которымъ бы можно было охарактеризовать эти секты. Но судя по самому смыслу ихъ ученій, можно видѣть, что это такія секты, которыя не расходились съ церковью въ существенныхъ религіозныхъ догматахъ—въ ученіи о твореніи міра и воплощеніи (какъ еретики двухъ первыхъ группъ), а отличались отъ православныхъ христіанъ частными мнѣніями главнымъ образомъ по вопросамъ практическаго свойства, т.-е. секты обыкновенно называемыя раскольническими [158]). Такихъ сектъ у автора насчитывается шесть. Въ четвертой книгѣ авторъ описываетъ ереси ближайшія къ своему времени—ереси IV и V вѣка, начиная аріанствомъ и оканчивая изложеніемъ лжеученій Несторія и Евтихія [159]). Каждая

---

[155]) Τὸ δε δεύτερον (Βίβλιον) τοῦς τἀναντία τοῦτοις ἐπιδείξει τεθρησκευκότας, οἱ μίαν μεν ἀρχὴν εἶναι τῶν ὅλων συνωμολόγησαν, ψίλον δε ἄνθρωπον τὸν Κύριον προσηγόρεσαν.

[156]) Конечно Маркелла и Фотина авторъ едва ли справедливо причисляетъ къ сектантамъ, считавшимъ Христа за простаго человѣка. Едва ли также нужно было гностическую секту елкезаитовъ поставлять въ одинъ разрядъ съ сектами монархіанскими.

[157]) Τὸ δε τρίτον (Βίβλιον) τοῦς μεταξὺ τούτων κἀκείνων δηλώσει βεβλαστηκότας, οἱ διαφόρων δογμάτων πατέρες ἐγένοντο.

[158]) Именно здѣсь разсматриваются у автора секты николаитовъ, монтанистовъ, четыренадесятниковъ, новатіанъ, непотіанъ. Но сюда же отнесена у него и ересь Ноэта Смирнскаго, однородная съ разсмотрѣнною въ предшествовавшей группѣ ересью савелліанскою, — отнесена вѣроятно потому, что у тѣхъ писателей, изъ которыхъ Θеодоритъ черпалъ свѣдѣнія объ этой сектѣ (т. е. у Ипполита и можетъ быть Епифанія) она разсматривалась рядомъ съ монтанистами и четыренадесятниками—не по существу ея принципа, а потому что эта секта распространялась вмѣстѣ съ другими помянутыми въ Ипполитово время (срав. VIII и IX книги философуменовъ и IV отдѣленіе Панарія).

[159]) Гарньеръ въ диссертаціи „De libris Theodoreti (Cap. VI § 2 и VIII, § 2) возбудилъ сильное сомнѣніе въ принадлежности Θеодориту 12 главы IV книги сочиненія о ересяхъ, гдѣ говорится о Несторіи. Вмѣстѣ съ Гарньеромъ Удинъ (T. 1 col. 1104—8) и Каве (Vol. 1 pag.

изъ описываемыхъ ересей характеризуется у Блаж. Θеодорита довольно краткими, но опредѣленными чертами. Лишь нѣкоторыя

---

407) признали эту главу неподлинною. Другіе впрочемъ писатели не раздѣляютъ этого мнѣнія (Дю-Пэнь, Сейльи, Тилльмонъ, Шульце. См. De Theodoreto notitia historica et litteraria изъ Патрологіи Фесслера у Миня T. LXXX pag. 15, nota d.). Сомнѣніе Гарнье основано главнымъ образомъ на томъ, что Θеодоритъ, нѣкогда защищавшій Несторія противъ Кирилла александрійскаго, и отзывавшійся о немъ съ большими похвалами, не могъ трактовать его, какъ еретика, и писать о немъ такъ, какъ въ 12 главѣ IV книги о ересяхъ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ тридцатыхъ годахъ V столѣтія, когда Несторій только что началъ высказывать свои мнѣнія, и эти мнѣнія многимъ изъ православныхъ еще не казались еретическими, когда съ другой стороны нападенія Кирилла александрійскаго на Несторія многимъ казались рѣзкими и пристрастными, Блаж. Θеодоритъ, имѣвшій притомъ особенныя личныя связи съ Несторіемъ, могъ выступить на защиту его,—а въ пятидесятыхъ годахъ, когда ученіе Несторія всесторонне было разобрано и опровергнуто, какъ еретическое, а для Θеодорита прежнія личныя связи съ Несторіемъ потеряли значеніе, и твердое сознаніе православнаго убѣжденія взяло верхъ надъ ними, Θеодоритъ вмѣстѣ съ другими призналъ справедливость суда надъ Несторіемъ. Изъ того, что Θеодоритъ, какъ видно по его церковной исторіи, до пятидесятыхъ годовъ сохранялъ глубокое уваженіе къ Θеодору мопсуэтскому, общему его и Несторія учителю, не слѣдуетъ, чтобы онъ до этого же времени сохранялъ приверженность и къ Несторію. Нужно между прочимъ обратить вниманіе на то, что Θеодоритъ въ 12 главѣ сочиненія о ересяхъ характеризуетъ Несторія именно какъ лицемѣра, умѣвшаго обольщать другихъ своимъ образованіемъ, благочестіемъ, православіемъ, между тѣмъ какъ въ сущности у него ни то, ни другое, ни третье, не было глубоко и твердо. Въ такой оцѣнкѣ со стороны Θеодорита какъ бы высказалось раскаяніе или сожалѣніе въ прежнемъ увлеченіи за Несторія. И прежде Θеодоритъ защищалъ Несторія не какъ еретика, а какъ уважаемаго дѣятеля церковнаго, котораго считалъ православнымъ; еретическихъ же мнѣній Несторія въ томъ смыслѣ, какъ они осуждены были на Ефесскомъ и Халкидонскомъ соборахъ, онъ никогда не раздѣлялъ, и вмѣстѣ съ другими торжественно осудилъ ихъ на Халкидонскомъ соборѣ, произнесши (хотя и по требованію другихъ) анаѳему и самому Несторію. Въ 12 главѣ IV книги о ересяхъ Θеодоритъ въ сущности только повторилъ и разъяснилъ о Несторіи и его ученіи то, что̀ высказано было имъ на соборѣ. И очень естественно было Θеодориту въ сочиненіи писанномъ въ слѣдъ за окончаніемъ собора, писанномъ къ лицу присутствовавшему на соборѣ и спеціально посвященномъ описанію ересей, высказать сужденіе или, лучше сказать, подтвердить и раскрыть высказанное на соборѣ о такой ереси, которая была однимъ изъ главныхъ предметовъ разсужденія соборнаго, и отъ соучастія съ которою Θеодориту еще нужно было въ это время окончательно очистить себя передъ многими. Высказать сужденіе о несторіанствѣ въ сочиненіи о ересяхъ писанномъ къ Споракію и непосред-

секты, вѣроятно по недостатку ясныхъ извѣстій о нихъ въ древнѣйшихъ источникахъ, которыми пользовался авторъ, пред-

---

ственно послѣ Халкидонскаго собора, намъ кажется, необходимо было Ѳеодориту не только въ томъ случаѣ, если сужденіе о Несторіи высказано было имъ на соборѣ добровольно, но даже и въ томъ, если оно высказано было вынужденно,—необходимо для того, чтобы очистить себя съ одной стороны отъ подозрѣній въ измѣнѣ прежнему убѣжденію, съ другой—отъ подозрѣній въ сочувствіи къ ереси. Такимъ образомъ съ нашей точки зрѣнія не только не представляется ненатуральнымъ то, что въ Ѳеодоритовомъ сочиненіи есть глава о Несторіи, но напротивъ было бы не натурально то, еслибы въ немъ не было такой главы. Еще болѣе неестественно было бы Блаж. Ѳеодориту въ сочиненіи о ересяхъ писанномъ въ слѣдъ за Халкидонскимъ соборомъ къ лицу заинтересованному преніями этого собора, умолчать о сектѣ евтихіанской, противъ которой Ѳеодоритъ столько уже боролся и прежде. Между тѣмъ опроверженіе евтихіанства въ Ѳеодоритовомъ сочиненіи о ересяхъ тѣсно связывается съ опроверженіемъ несторіанства, такъ что съ отверженіемъ подлинности 12 главы IV книги о ересяхъ нужно отвергнуть и подлинность 13 главы. Такъ и дѣлаютъ Гарньеръ и согласные съ нимъ писатели: отвергаютъ подлинность 12 и 13 главъ. Къ какой же ереси въ такомъ случаѣ относятся уже упомянутыя нами въ примѣчаніи 141 слова Ѳеодорита къ Спораклю, что онъ намѣренъ въ этомъ сочиненіи довести изложеніе ересей μέχρι ταύτης τῆς ἐσχάτης, ἣν ἀθρόον ὁ Δεσπότης ἀνέσπασε πρόῤῥιζον?... Гарньеръ пытался эти слова примѣнить къ аполлинаризму или мессаліанству (8-й и 11-й ересямъ IV книги); но весьма натянуто и неправдоподобно. Нужно наконецъ сказать, что древніе греческіе писатели, лучше новыхъ западныхъ понимавшіе характеръ отношеній блаж. Ѳеодорита къ Несторію, не сомнѣвались считать подлинными тѣ главы въ Ѳеодоритовомъ сочиненіи о ересяхъ, гдѣ говорится о несторіанствѣ и евтихіанствѣ. Патріархъ Фотій въ отзывѣ о сочиненіи Ѳеодорита противъ ересей прямо говоритъ, что это сочиненіе доводится до ересей несторіанской и евтихіанской (Κατέρχεται μέχρι Νεστορίου, πρόεισι δε μέχρι τῆς Εὐτυχιανῆς αἱρέσεως (Bibliotheca Cod. LVI). Авва Ѳеодоръ (in Argumento Synodi Ephesinae) ссылается на главу о несторіанствѣ въ сочиненіи Ѳеодорита о ересяхъ, какъ на доказательство того, что Ѳеодоритъ не сочувствовалъ несторіанству. Между тѣмъ отвергая подлинность главъ о несторіанствѣ и евтихіанствѣ въ Ѳеодоритовомъ сочиненіи о ересяхъ, Гарньеръ упрекаетъ Ѳеодорита за то, что въ его сочиненіи нѣтъ опроверженія пелагіанства. Но пелагіанство въ это время и послѣ на востокѣ далеко не было такъ извѣстно, какъ несторіанство и евтихіанство. На востокѣ и смотрѣли на споръ Пелагія съ Августиномъ не такъ, какъ на западѣ. И вообще восточные писатели, какъ мы уже и прежде замѣчали, мало говорили о сектахъ распространявшихся исключительно на западѣ. Ѳеодоритъ еще болѣе другихъ обращалъ вниманіе на эти секты. Онъ напр. болѣе Епифанія даетъ значенія новатіанству (5 ересь III книги; сравни послѣднія главы V книги), и первый изъ восточныхъ говоритъ о донатистахъ, какъ объ особенной сектѣ (6 ересь IV книги).

ставляются смутно [160]). Сомнительныхъ извѣстій, преувеличенныхъ представленій, крайне рѣзкихъ описаній Блаж. Θеодоритъ въ своемъ сочиненіи видимо старался избѣгать [161]). Изложивъ ученіе разсматриваемой секты, онъ называетъ древнѣйшихъ учителей церковныхъ, которые опровергали эту секту [162]).

Описаніе ересей заканчивается у блаж. Θеодорита, какъ и у другихъ ересеологовъ, изложеніемъ православнаго христіанскаго ученія. Это изложеніе, составляющее пятую часть сочиненія Θеодорита, представляетъ въ древней христіанской письменности ясный, стройный и отчетливый опытъ православнаго богословія, и притомъ богословія построеннаго на исторической почвѣ. Авторъ разсматриваетъ христіанскіе догматы не какъ отвлеченныя положенія принятой церковью системы вѣроученія, а какъ они раскрывались исторически въ связи съ различными лжеученіями, искажавшими эти догматы. Не вдаваясь въ подробное опроверженіе частностей еретическаго ученія при самомъ изложеніи исторіи ересей въ первыхъ четырехъ книгахъ своего сочиненія, авторъ здѣсь въ пятой книгѣ, при изложеніи каждаго частнаго пункта православнаго ученія, припоминаетъ и въ короткѣ опровергаетъ противоположныя ему еретическія представленія. Изложеніе самыхъ православныхъ догматовъ идетъ у блаж. Θеодорита въ правильной послѣдовательности. Онъ начинаетъ съ самыхъ основныхъ религіозно-философскихъ понятій—о началѣ бытія (περὶ ἀρχῆς), о Богѣ три-упостасномъ, о матеріи, о мірѣ духовномъ, добромъ и зломъ, о человѣкѣ; затѣмъ переходитъ къ

---

[160]) Напр. 16, 18, 19, 21, 23 ереси первой книги, 2 и 8 ереси второй книги.

[161]) Въ письмѣ къ Спораклю Блаж. Θеодоритъ такъ говоритъ объ этомъ: Πειράσομαι δὲ ὡς ἐνι μάλιστα συντεμεῖν μεν τὸν τῶν μύθων ὄθλον, τῶν δε βλασφημιῶν τὰς μεγίστας παραλειπεῖν, καὶ τῶν ἀσελγεστάτων καὶ μιαρωτάτων ὀργίων ὑπερπηδῆσαι τὸ μύσος. Эти слова какъ будто косвенно направляются противъ епифаніевскихъ описаній, и Θеодоритъ въ своемъ сочиненіи, можно сказать, остается вѣрнымъ высказанному здѣсь обѣщанію.

[162]) См. напр. 4, 19, 21, 22, 25, 26 ереси первой книги; 2, 3, 9 ереси второй книги; 1, 2, 5 ереси третьей книги.

спеціальнымъ христіанскимъ догматамъ—о воплощеніи, о соединеніи въ Іисусѣ Христѣ божественной и человѣческой природы, о благодати искупленія, воскресеніи, судѣ, обѣтованіяхъ будущей жизни; и наконецъ къ разсмотрѣнію догматическихъ понятій у автора присоединяется разсмотрѣніе нравственныхъ положеній, подвергавшихся перетолкованіямъ еретиковъ, о дѣвствѣ, бракѣ, воздержаніи, покаяніи и т. д. [163]). Этимъ опять характерно отличается богословская система блаж. Θеодорита, что въ ней истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія представляются, какъ и должно быть въ правильной богословской системѣ, въ связи между собою, обосновываются на однѣхъ и тѣхъ же принципахъ, и разсматриваются исторически въ сопоставленіи съ разными ложными ученіями, противорѣчащими имъ. Въ изложеніи православныхъ догматовъ, какъ и въ описаніи ересей, блаж. Θеодоритъ не многословенъ. При отличномъ и самомъ подробномъ знаніи свящ. Писанія и произведеній древней богословской письменности, онъ заботится не о томъ, чтобы на каждую излагаемую имъ истину привести какъ можно болѣе текстовъ и доказательствъ, но главнымъ образомъ о томъ, чтобы каждую истину представить возможно яснѣе и опредѣлительнѣе. Вообще изложеніе вѣры блаж. Θеодорита по справедливости признается прекраснымъ опытомъ православнаго богословія въ древней христіанской письменности [164]).

Намъ остается сказать о латинскихъ ересеологическихъ сочиненіяхъ конца IV и начала V столѣтія. Эти сочиненія еще гораздо менѣе, чѣмъ разсмотрѣнныя нами греческія относящіяся къ этому времени, имѣютъ самостоятельнаго значенія для исторіи ересей первыхъ вѣковъ. Новыхъ фактическихъ данныхъ они сообщаютъ очень немного; но все-таки въ нихъ

---

[163]) Къ первой части относятся I—X главы Θеодоритова „Изложенія“, ко второй XI—XXII, къ третьей XXIII—XXIX главы.

[164]) См. преосвящ. Филарета „объ Отцахъ Церкви“. Т. III, § 222 стр. 128.

есть нѣкоторыя дополненія къ свѣдѣніямъ о сектахъ первыхъ вѣковъ заимствуемымъ изъ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ источниковъ,—нѣкоторыя особенныя извѣстія, или добытыя личнымъ наблюденіемъ писателей (о позднѣйшемъ состояніи уцѣлѣвшихъ остатковъ древнихъ сектъ), или заимствованныя изъ источниковъ древнѣйшихъ, намъ неизвѣстныхъ—потерянныхъ. Съ этой стороны помянутыя сочиненія, хотя и не богатыя самостоятельнымъ историческимъ матеріаломъ, не могутъ быть совершенно оставлены безъ вниманія при изученіи древнѣйшихъ христіанскихъ сектъ. Сверхъ того каждое изъ этихъ сочиненій имѣетъ свои характеристическія особенности, которыя дѣлаютъ изученіе ихъ любопытнымъ въ исторіи древней христіанской письменности.

Первый и замѣчательнѣйшій между латинскими ересеологами конца IV столѣтія—Филастрій епископъ бриксійскій [165]). Кто онъ былъ по своему происхожденію [166]), съ какого вре-

---

[165]) Philastrius Brixianus. Brixia—Брешія—въ верхней Италіи. Первоначальныя свѣдѣнія о личности и жизни Филастрія заимствуются изъ похвальныхъ рѣчей въ честь его и писемъ его ученика и преемника по каѳедрѣ Гавденція (Sermo de vita et obitu s. Philastrii, Sermo de ordinatione sua, epistola ad Benevolum (Opera Gaudentii вмѣстѣ съ Филастріевыми in Collectione vet. Patrum Ecclesiae Brixianae Angel. Mar. Quirini. Brixiae 1738) съ присоединеніемъ къ нимъ краткихъ отзывовъ Августина (in epistola ad Quodvult-Deum при сочиненіи о ересяхъ и въ самомъ этомъ сочиненіи), Предестината (въ сочиненіи о ересяхъ) и документальнаго извѣстія о Филастріѣ въ актахъ аквилейскаго собора 381 г. (Harduini T. I, pag, 825). На основаніи этихъ свѣдѣній составлена біографія Филастрія въ Acta Sanctorum подъ 18 іюля. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія Галеардъ, ученый каноникъ той же церкви, въ которой Филастрій былъ нѣкогда епископомъ, тщательнѣйшимъ образомъ разсмотрѣлъ всѣ эти данныя, и составилъ превосходное изслѣдованіе о Филастріѣ, которое напечатано вмѣстѣ съ сочиненіемъ Филастрія въ помянутомъ Collectio Patrum Ecclesiae Brixianae и затѣмъ перепечатано у Миня Patrolog Latinae T. XII. Новая статья о Филастріи въ энциклопедіи Герцога составлена на основаніи изслѣдованія Галеарда.

[166]) Самое имя Филастрія пишется различно. Гавденцій называетъ его Philastrius, акты собора аквилейскаго, Предестинатъ, Григорій великій Philaster, Августинъ такъ и иначе. (См. сводъ мѣстъ у Галеарда § 2). Средневѣковые писатели и издатели прошлаго вѣка писали болѣе—Philastrius, новые болѣе пишутъ—Philaster. Мы удерживаемъ названіе

мени сдѣлался епископомъ, не былъ ли гдѣ-нибудь епископомъ прежде, чѣмъ на бриксійской каѳедрѣ, на которой онъ провелъ послѣдніе годы пастырскаго служенія и окончилъ

Гавденція, Фабриція и Галеарда, хотя можетъ быть Philaster ближе къ первоначальному корню, вѣроятно греческому: Philaster—amans siderum, по предположенію Фабриція (Praefatio editionis 1721 года). О происхожденіи Филастрія дѣлались различныя догадки. Гавденцій (in Sermone de vita et obitu Philastrii), сравнивая его съ Авраамомъ, говоритъ, что онъ подобно Аврааму, ради служенія вѣры exiit de terra sua et de cognatione sua et de domo patris sui. Откуда же именно онъ вышелъ, объ этомъ дѣлались различныя догадки. Большая часть писавшихъ о Филастріи считали его испанцемъ, нѣкоторые итальянцемъ. (Galeardi § 3). Еразмъ ротердамскій (in epistola advers. Lutherum—Opera Erasmi edit. Basel, T. IX, pag. 1265) причисляетъ Филастрія къ греческимъ писателямъ, но неизвѣстно, на какомъ основаніи. Есть лишь одно извѣстіе, что Филастрій путешествовалъ въ Грецію для довершенія образованія, но и то принадлежитъ писателю позднему (Philippus Pherrarius in Catalog. s. Italiae 18 julii). О томъ же, чтобы сочиненіе Филастрія первоначально было написано по-гречески, и послѣ переведено на латинскій языкъ, нѣтъ никакихъ указаній. Есть однакоже нѣкоторые признаки, дѣлающіе вѣроятнымъ предположеніе о происхожденіи Филастрія съ востока: а) самое имя Филастрія вѣроятно греческое; б) своеобразность его латинскаго языка, въ которомъ встрѣчается не мало грецизмовъ, напр. родительные падежи отъ слова haeresis у него обыкновенно haereseos, haereseon; в) въ сочиненіи Филастрія замѣтно больше вниманія, больше отчетливости въ описаніи сектъ восточныхъ, чѣмъ западныхъ (см. напр. смутное описаніе западныхъ современныхъ писателю сектъ 82, 84, 85 сравнительно съ восточными еретическими сектами IV вѣка); г) самыя названія сектъ Филастрій во многихъ мѣстахъ употребляетъ греческія, иногда съ переводомъ ихъ на латинскій языкъ (напр. Ophitae, qui dicuntur Serpentini (1 секта); д) въ сочиненіи Филастрія больше замѣтно знанія греческой богословской письменности, чѣмъ латинской (напр. гораздо съ большею увѣренностью можно сказать, что Филастрію извѣстны были произведенія Иринея, Ипполита, Евсевія и противоаріанскихъ греческихъ писателей IV вѣка, чѣмъ Кипріана, Тертулліана и другихъ латинскихъ); е) наконецъ въ сочиненіи встрѣчаются нѣкоторыя такія мнѣнія, которыя скорѣе могъ высказать писатель восточнаго, чѣмъ западнаго, происхожденія (напр. въ 140 главѣ осуждается, какъ ересь, обычай празднованія Богоявленія въ различные дни съ Рождествомъ Христовымъ; замѣчательно, что эта 140 глава сочиненія Филастрія большею частью опускаема была въ манускриптахъ, сохранявшихся въ западныхъ библіотекахъ и монастыряхъ); въ 56 главѣ осуждаются принимавшіе книгу Сираха, которая на западѣ не только пользовалась уваженіемъ, но и причислялась къ каноническимъ; въ ревности о достоинствѣ перевода 70 толковниковъ (въ 132—135 ересяхъ) также скорѣе можно видѣть писателя воспитавшагося подъ вліяніемъ греческой, чѣмъ западной цер-

жизнь [167]), объ этомъ существуютъ различныя догадки. Какъ дѣятель церковный, Филастрій въ особенности извѣстенъ своимъ противодѣйствіемъ аріанству, начинавшему распространяться на западѣ во второй половинѣ IV столѣтія. Послѣ св. Иларія пуатьерскаго и Амвросія медіоланскаго, Филастрій считается самымъ замѣчательнымъ противникомъ аріанства изъ западныхъ церковныхъ учителей. Онъ мужественно противодѣйствовалъ главѣ западныхъ аріанъ епископу медіоланскому Авксентію, путешествовалъ по различнымъ странамъ съ цѣлью обличенія аріанства и утвержденія православія, принималъ участіе въ соборахъ созывавшихся противъ аріанъ

кви). Не принадлежитъ ли и Филастрій къ числу тѣхъ дѣятелей западной церкви, которые приходили на западъ съ востока, — (подобно св. Иринею), что весьма могло быть въ эпоху аріанизма, или такихъ писателей, которые хотя и писали на латинскомъ языкѣ, но съ греческимъ языкомъ и съ греческою богословскою литературой были знакомы болѣе, чѣмъ съ латинскими (подобно Викторину петавскому)?

[167]) Несомнѣнно, что въ восьмидесятыхъ годахъ IV столѣтія Филастрій былъ епископомъ Бриксійскимъ. Въ этомъ санѣ онъ въ числѣ другихъ старшихъ епископовъ запада подписался подъ актами Аквилейскаго собора, бывшаго въ 381 году противъ аріанствующихъ епископовъ галльскихъ Палладія и Секундіана. Но у Гавденція въ похвальной рѣчи Филастрію есть фраза, на основаніи которой нѣкоторые предполагаютъ, что Филастрій еще ранѣе вступленія на Бриксійскую каѳедру, по изгнаніи изъ Медіолана епископа Діонисія, былъ избранъ въ епископа православными, не хотѣвшими подчиняться новому аріанствующему епископу Авксентію, и въ этомъ санѣ противодѣйствовалъ аріанству въ Медіоланѣ и путешествовалъ по другимъ странамъ для поддержанія православія. In Mediolanensi urbe idoneus olim custos Dominici gregis fuit, ariano repugnans Auxentio,. priusquam beatus eligeretur Ambrosius... Per vicos et castella diversarum praeteriens regionum, praedicare verbum nunquam destitit fidelis Christi discipulus; Brixiae tandem constitit, ut haberet et in hac urbe apostolicus vir aliquem fructum, sicut et in caeteris gentibus... (См. подробнѣе разборъ этихъ мѣстъ и фактовъ у Галеарда §§ 4—8). Не беремся рѣшить, можно ли на основаніи выраженія custos Dominici gregis заключать, что Филастрій былъ въ Медіоланѣ епископомъ православной оппозиціонной партіи, когда тамъ господствовало аріанство, и нужно ли непремѣнно было ему епископское достоинство для совершенія православно-миссіонерскаго путешествія по другимъ странамъ. Но извѣстно, что во время смутъ аріанскихъ были примѣры избранія православными такихъ оппозиціонныхъ и странствующихъ епископовъ для поддержанія православія въ церквахъ захваченныхъ аріанствомъ и странахъ наполненныхъ аріана-

и т. д. [168]). За это онъ не мало терпѣлъ гоненій отъ аріанъ [169]), и по смерти, какъ исповѣдникъ, причтенъ къ лику святыхъ въ западной церкви [170]). Филастрій считался на западѣ между современниками и потомками однимъ изъ образованнѣйшихъ учителей церковныхъ, хотя сочиненіе его дошедшее до насъ показываетъ, что его образованіе было своеобразное, и что вообще онъ могъ пріобрѣсть себѣ знаменитость въ этомъ отношеніи только при невысокомъ уровнѣ развитія въ тогдашней западной богословской литературѣ [171]).

ми. Жизнь свою Филастрій окончилъ на Брикскій каѳедрѣ въ 385, 386 или 387 г. (объ этомъ также разногласятъ) 18 іюля, (Галеарда §§ II, 12)

[168]) Указанія въ предшествовавшемъ примѣчаніи.

[169]) Гавденцій (De vita et obitu) выражается о немъ: Tanto fidei vigore pugnavit, ut etiam verberibus subderetur, et in corpore suo stigmata Domini nostri Iesu Christi portaret. Филиппъ Феррарскій (in catalogo S. Italiae): Multa ab haereticis passus est; saepius ab illis percustus et vulneratus, ac etiam cruci affixus periisset, nisi a catholicis ereptus fuisset.

[170]) Память Филастрія въ день кончины его 18 іюля. Мощи его и пастырскій жезлъ до 838 года хранились въ мѣстной церкви св. Андрея, а въ этомъ году перенесены во вновь устроенную каѳедральную церковь; по поводу этого перенесенія извѣстна новая похвальная рѣчь Филастрію отъ епископа Румперта (Sermo de translatione Philastrii. Галеарда § 12).

[171]) Гавденцій почитатель Филастрія выражается о его учености въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ: Quanta vis meam compulerit parvitatem os aperire... post illam venerandae memoriae patris mei Philastrii eruditissimam vocem (Sermo de ordinatione sua). Imbutum te admirabilibus doctrinis apostolici per omnia viri patris nostri Philastrii (Epistol. ad. Benevolum). Подобные же отзывы и у другихъ западныхъ писателей. Philastrius episcopus Brixiensis vir in divinis scripturis doccissimus et saecularium litterarum non ignarus (Trithemius de scriptoribus Eccles). Philastrius divinis et humanis litteris apprime eruditus (Phillippus Ferrarius in catalogo s. Italiae) Полнѣе всѣ эти отзывы in selectis veterum de s. Philastrio testimoniis — у Миня T XII, col. 1101—1110). Августинъ впрочемъ высказывается о Филастріи умѣреннѣе: Epiphanium longe Philastrio doctiorem invenerimus (Epistol ad Quod vult Deum). Если Филастрій былъ гораздо менѣе ученъ, чѣмъ Епифаній, и между тѣмъ считался однимъ изъ первостепенныхъ учителей въ тогдашней западной церкви, значитъ—западная богословская ученость стояла въ то время ниже восточной. По самому характеру, ученость Филастрія имѣетъ много сходства съ ученостью Епифанія: обширныя частныя свѣдѣнія, большая начитанность въ свящ. писаніи и

Для позднѣйшихъ вѣковъ въ исторіи христіанской письменности Филастрій остался извѣстенъ по своему сочиненію «о ересяхъ», которое представляетъ нѣкоторыя черты весьма любопытныя, но во всякомъ случаѣ сравнительно съ другими ересеологическими писаніями не имѣетъ того значенія, какое нерѣдко приписывалось ему западными писателями въ средніе и позднѣйшіе вѣка [172]).

въ произведеніяхъ древней христіанской письменности, въ особенности греческихъ, — но не широкое общее развитіе, не богатая способность къ подведенію частныхъ фактовъ подъ общіе взгляды, къ правильному логическому разчлененію мыслей и фактовъ, при наклонности къ искусственнымъ и произвольнымъ сужденіямъ, при неясности въ нѣкоторыхъ богословскихъ понятіяхъ, при односторонности и нетерпимости во взглядѣ и т. д. Все это видно въ самомъ сочиненіи Филастрія.

[172]) Филастріево сочиненіе о ересяхъ, совершенно—можно сказать—неизвѣстное восточнымъ писателямъ, у западныхъ начиная съ Августина и Предестината пользовалось большимъ уваженіемъ. (См. selecta veterum de s. Philastrio Testimonia). По изобрѣтеніи книгопечатанія, оно сдѣлалось извѣстнымъ въ числѣ первыхъ произведеній древне-отеческой письменности. Первое изданіе его сдѣлано Сихардомъ въ Базелѣ въ 1528 году. Затѣмъ въ XVI и XVII вѣкахъ это изданіе вновь перепечатывалось много разъ (см. у Миня T. XII col. 1096—1097). Въ 1721 году Фабриціи въ Гамбургѣ сдѣлалъ новое изданіе Филастрія въ исправленномъ текстѣ и съ богатыми учеными объясненіями. Но во всѣхъ этихъ изданіяхъ сочиненіе Филастрія было не полно. Въ нихъ насчитывалось только 150 ересей, между тѣмъ какъ отъ блаж. Августина (epistola ad. Quodvult Deum) было извѣстно, что сочиненіе Филастрія представляло описаніе 156 ересей. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія найденъ былъ въ Корбейскомъ монастырѣ полный списокъ Филастріева сочиненія съ шестью доселѣ недостававшими въ прежнихъ изданіяхъ ересями. По этому списку Павелъ Галеардъ приготовилъ новое изданіе сочиненія Филастрія съ ученымъ изслѣдованіемъ о жизни писателя и новыми объясненіями къ тексту, пополняющими объясненія Фабриція (Collectio Veter Patrum Brixianae ecclesiae ed. Angel. Mar. Quirinus. Brixiae 1738 г.). Превосходныя объясненія Фабриція и Галеарда для науки имѣютъ не менѣе значенія, чѣмъ самое сочиненіе Филастрія. По этимъ изданіямъ съ предисловіями и объясненіями Фабриція и Галеарда вошло сочиненіе Филастрія въ патрологію Миня Latin. ser. T. XII col. 1049—1310. Оно также перепечатано у Элера Corpus Haereseologicum T. I. Кромѣ сочиненія о ересяхъ Филастрію приписывались (въ Acta Sanctorum) еще нѣкоторыя другія писанія: Interpretatio epistolae S. Barnabae, Acta Ss. Faustini et Jovitae, Acta passionis Aphrae и символъ вѣры извѣстный на западѣ подъ именемъ Аѳанасіева. Но эти писанія новыми изслѣдователями не признаются за Филастріевы. См. Galeardi § 13, сравн. Мангольда у Герцога T. XI.

Сочиненіе Филастрія представляется любопытнымъ всего болѣе въ томъ отношеніи, что оно числомъ описываемыхъ ересей далеко превосходитъ всѣ другія древнія ересеологическія сочиненія. Въ немъ описывается сто пятьдесятъ шесть ересей — такимъ образомъ почти вдвое болѣе, чѣмъ даже у св. Епифанія. Но такое обиліе описываемыхъ ересей является у Филастрія, какъ замѣтилъ еще блаж. Августинъ, не потому, чтобы ему извѣстны были какія-либо новыя значительныя, неизвѣстныя напр. его современнику Епифанію, еретическія партіи, а отъ того, что не имѣя яснаго понятія о томъ, что нужно называть ересью или сектою, Филастрій заносилъ въ число ересей много такого, что вовсе незаслуживало названія ереси [173]). Такъ прежде всего у Филастрія, подобно Епифанію, описанію ересей появившихся въ христіанствѣ предшествуетъ описаніе такъ называемыхъ до-христіанскихъ ересей—въ числѣ двадцати восьми. Разница съ Епифаніемъ здѣсь только та, что Филастрій не касается въ собственномъ смыслѣ языческаго міра—языческихъ религіозныхъ и философскихъ заблужденій, а разсматриваетъ заблужденія появлявшіяся въ средѣ іудейскаго народа [174]). Но между этими заблужденіями онъ имѣетъ въ виду не только такія, которыя дѣйствительно имѣли между іудеями сколько-нибудь значительный и постоянный успѣхъ, значительное число послѣдователей, и составляли на самомъ дѣлѣ какія-либо секты и

---

[173]) Epistol. ad Quod vult-Deum. Neque putandum est, aliquas ignorasse Epiphanium, quas noverat Philastrius, sed in ea quaestione, quid sit haeresis, non idem videbatur ambobus. У Филастрія даже нѣтъ нѣкоторыхъ ересей описанныхъ Епифаніемъ: таковы архонтики, северіане, элкезаиты, вардесанисты, валезіане, ангелики, апостолики, оригенисты, гіеракиты, авдіане, антидикомаріаниты, мартиріане, сатаніане.

[174]) Эту черту различія между Филастріемъ и Епифаніемъ замѣтилъ уже блаж. Августинъ; Philastrius scripsit librum, nec illos haereses praetermittens, quae *in populo judeo* fuerant ante adventum Domini. Но новые писатели мало обращаютъ на это вниманіе. — Нужно замѣтить впрочемъ, что въ самомъ началѣ сочиненія Филастрій описываетъ три такія секты, которыя между ветхозавѣтными іудеями не имѣли послѣдователей: Ophitae, Cajani, Sethiani. Эти секты развились уже въ

партіи [175]), но и такія, которыя появлялись случайно, распространялись какъ неосмысленныя суевѣрныя понятія среди невѣжественнаго народа [176]), и такія, которыя, появляясь въ іудействѣ выражали не просто ересь—уклоненіе отъ господствующей вѣры въ какомъ-нибудь извѣстномъ пунктѣ, но совершенное отступленіе отъ вѣры, уклоненіе къ почитанію языческихъ боговъ, примѣры котораго, какъ извѣстно, нерѣдко бывали въ іудейскомъ народѣ [177]). При этомъ авторъ по мѣстамъ такъ запутывается въ своемъ описаніи, что одно и то же заблужденіе разсматриваетъ въ двухъ-трехъ различныхъ мѣстахъ, какъ различныя ереси [178]), а иногда какъ будто представляетъ себѣ и небывалыя заблужденія, по недоразумѣнію какого-нибудь указанія или намека въ ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгахъ [179]). Переходя далѣе къ описанію собственно христіанскихъ ересей, Филастрій еще въ большей степени повторяетъ тѣ же ошибки и странности. На ряду съ сектами дѣйствительно замѣчательными, но извѣстными намъ и по описаніямъ другихъ ересеологовъ, и о которыхъ Филастрій новаго сообщаетъ мало [180]), у него представляется множество своеобразныхъ и въ своемъ родѣ любопытныхъ мнѣній, къ которымъ однакожь въ серьезномъ смыслѣ никакъ

христіанствѣ (офитство впрочемъ имѣло корни въ древнемъ язычествѣ); но къ ветхо-завѣтнымъ іудейскимъ сектамъ Филастрій отнесъ ихъ вѣроятно потому, что ихъ мнѣнія касались лицъ и событій ветхо-завѣтной исторіи.

[175]) Таковы секты: 5) Sadducaei, 6) Pharisei, 7) Samaritani, 8) Nasaraei, 9) Esseni, 28) Herodiani. И о нихъ впрочемъ сравни высказанное въ 106 примѣчаніи.

[176]) Таковы ереси: 11 Ranarum cultores, 12 Musoritae, 26 De Pythonissa muliere.

[177]) Таковы ереси: 16 Baalitae, 17 Astaritae, 18 De idolo Moloch et Remphan и нѣкоторыя другія.

[178]) Наприм. ереси 9 и 10 вѣроятно одна и та же, также 16, 24 и 25, 17 и 27, 14 и 22.

[179]) Таковы по всей вѣроятности ереси 13, 20, 23.

[180]) Таковы преимущественно секты съ 29 до 68 или пожалуй до 84 и 90. Но и здѣсь авторъ между другими болѣе извѣстными много вставляетъ и своихъ особенныхъ ересей.

не можетъ быть приложено названіе ереси. Самыя незначительныя разномыслія въ какомъ-нибудь частномъ богословскомъ мнѣніи [181]), сколько-нибудь своеобразныя, несогласныя съ общепринятыми объясненія какого-нибудь одного текста священнаго Писанія [182]), трактуются имъ какъ ереси. При этомъ встрѣчаются и такіе случаи, что Филастрій въ иномъ мѣстѣ самъ относительно какого-нибудь частнаго богословскаго вопроса или какого-нибудь текста священнаго Писанія держится своеобразныхъ мыслей, и несогласное съ ними мнѣніе, принимаемое большинствомъ православныхъ христіанъ и учителей церковныхъ, представляетъ какъ ересь [183]). Не мало у автора занесено въ число ересей и такихъ мнѣній, которыя къ религіи и богословію никакого прямаго отношенія не имѣютъ, а касаются наукъ общихъ—астрономіи, физики, фило-

---

[181]) Напр. въ 99 главѣ изобличается такая ересь, будто душа человѣческая до паденія называлась не anima, а intellectus; въ 97 и 137 главахъ ересь неправильно различающая понятія образа и подобія Божія въ душѣ человѣка; въ 94 главѣ ересь считающая число небесъ не по изреченіямъ Моисея, Давида и апостола Павла; въ 103 главѣ ересь, допускающая для звѣздъ и планетъ другія названія, кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ книгѣ Іова; въ 121 главѣ ересь, раздѣляющая страны и и племена земныя по описаніямъ языческихъ географовъ и этнографовъ, а не по сказанію X главы книги Бытія; въ 112 ересь не признающая догматическаго значенія за счисленіемъ ветхозавѣтной библейской хронологіи; въ 110 ересь признающая христіанство явившимся въ позднѣйшія времена (?); въ 130 ересь не признающая всѣ псалмы Давидовыми; въ 119 ересь о книгѣ второзаконія ересь такого смысла, который не взялся объяснить ни одинъ изъ ученыхъ коментаторовъ Филастрія; въ 142—145 главахъ насчитывается четыре ереси о достоинствѣ перевода 70 толковниковъ,—въ 131 и 132 двѣ ереси о грѣхѣ Каина, въ 151 главѣ ересь о томъ что Іисусъ Навинъ обрѣзалъ евреевъ каменными ножами, 154 ересь о томъ, что воронъ приносилъ пророку Ильѣ не только хлѣбъ, но и мясо, и многія другія подобныя этимъ по значенію.

[182]) Всѣ послѣднія ереси Филастріева сочиненія съ 148 до 156 касаются такихъ разномыслій въ объясненіи отдѣльныхъ стиховъ свящ. писанія, не имѣющихъ догматическаго значенія; также и нѣкоторыя изъ предшествующихъ ересей.

[183]) Напр. въ 134 главѣ осуждается мнѣніе тѣхъ, которые книгу Екклезіастъ считаютъ произведеніемъ Соломона; между тѣмъ это общецерковное мнѣніе. Употребленіе же книги Іисуса Сирахова, также вопреки церковному мнѣнію, Филастрій во все осуждаетъ въ 56 главѣ. Въ

логіи и т. д. [184]). Есть и такія ереси, которыя отличаются не какими-либо особенными мнѣніями, а лишь своеобразными обычаями въ жизни церковной [185]), или даже въ частномъ домашнемъ быту [186]). И рядомъ съ такими мнѣніями, представляющими въ вопросахъ очень неважныхъ самое незначительное уклоненіе отъ общепринятаго церковнаго пониманія, въ строгомъ смыслѣ незаключающими въ себѣ ничего неправославнаго, у автора и здѣсь опять описываются мнѣнія, которыя мало назвать еретическими, которыя показываютъ прямо противо-христіанскій—языческій и даже атеистическій характеръ [187]). При этомъ авторъ и здѣсь, какъ при разсмотрѣніи іудейскихъ сектъ, нерѣдко одно и то же ученіе разсматриваетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ различныя ереси: въ одномъ мѣстѣ напр. подъ однимъ названіемъ, вѣроятно заимствуя свѣдѣнія о немъ изъ одного источника, а въ другомъ подъ другимъ, по другому источнику [188]), или въ одномъ мѣс-

---

150 главѣ осуждаются тѣ, которые слова писанія о женахъ и наложницахъ Соломона понимаютъ въ буквальномъ смыслѣ; между тѣмъ если изреченіе Пѣсни Пѣсней VI гл. 7 ст. можно объяснять аллегорически, то слово 3 книги царствъ XI гл. 3 ст. безъ сомнѣнія имѣютъ буквальное историческое значеніе. Въ 104 главѣ осуждается мнѣніе, будто между людьми до столпотворенія Вавилонскаго былъ одинъ языкъ; между тѣмъ это мнѣніе прямо основывается на XI главѣ книги бытія. Есть и другія сомнительныя мнѣнія у самаго Филастрія, напр. въ главахъ 98, 110, 111, 125, 130, 133.

[184]) Сюда напр. относятся ереси: 102 De terrae motu, 103 De pecoribus et sideribus, 105 De nomine linguae, 113 De septem planetis, 115 De mundis infinitis, 121 De divisione orbis, 123 De signis Zodiaci.

[185]) Таковы ереси о празднованіи Пасхи 58 и 87, о днѣ Богоявленія 140.

[186]) Въ 81 главѣ обличаются еретики проповѣдующіе что нужно ходить босыми ногами; въ 86 которые пищу не принимаютъ вмѣстѣ съ другими людьми; въ 76 которые пальцъ полагаютъ на носъ и уста во исполненіе словъ псалма 140, 3. Всѣ эти мелочи разсматриваются, какъ ереси, сами по себѣ, безотносительно къ другимъ болѣе важнымъ мнѣніямъ людей, слѣдовавшихъ имъ.

[187]) Таковы: ересь 93 Deum triformem faciens, 96 Aquam a Deo factam esse negans, 101 Deo omnia mala ascribens, 109 Deo tribuens paganitatem et omnia facinora.

[188]) Напр. мнѣніе представляемое въ 51 главѣ вѣроятно не отдѣльная ересь; а относится къ какой нибудь изъ разсматриваемыхъ здѣсь же ересей монархіанскихъ, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 83 ереси—вѣроятно—

тѣ разсматриваетъ извѣстное ученіе въ цѣльномъ его видѣ въ цѣлой системѣ, а въ другомъ—въ какомъ-либо частномъ пунктѣ, или оттѣнкѣ этого ученія [189]).

Изъ сказаннаго можно видѣть, что сочиненіе Филастрія большаго значенія для исторіи ересей не имѣетъ. О ересяхъ болѣе значительныхъ, извѣстныхъ намъ по описаніямъ другихъ ересеологовъ, новыхъ данныхъ оно представляетъ немного. Что же касается до того множества частныхъ мнѣній, разсмотрѣніе которыхъ составляетъ характеристическую особенность Филастріева сочиненія, то эти мнѣнія по своей малозначительности и частному характеру не могутъ имѣть мѣста въ исторіи ересей. Изученіе этихъ мнѣній могло бы представлять нѣкоторый интересъ, какъ выраженіе того, какія умственныя настроенія бывали въ извѣстныя времена въ христіанскомъ обществѣ, какіе вопросы возникали между христіанскими богословами, какія недоумѣнія волновали ихъ. Но этотъ интересъ имѣлъ бы историческое значеніе только тогда, еслибы авторъ сочиненія оставилъ намъ опредѣленныя указанія на то, кому именно принадлежали описываемыя имъ мнѣнія, гдѣ и когда они распространялись, на сколько значительное вліяніе имѣли въ обществѣ, и откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія объ этихъ мнѣніяхъ. Къ сожалѣнію у Филастрія ничего этого нѣтъ. Онъ представляетъ всю эту смѣсь странныхъ и разнохарактерныхъ мнѣній безъ всякаго хронологическаго, топографическаго, систематическаго или какого бы то ни было порядка, и почти безъ всякихъ указаній на время и мѣсто распространенія этихъ мнѣній, и на источники, изъ ко-

---

все тѣ же монтанисты, — въ ересяхъ 101, 128, 136, 138 сказываются отголоски мнѣній маркіонитскихъ, ереси 84 и 120 севериане или энкратиты и т. д.

[189] Напр. манихейство разсматривается у Филастрія въ 61 главѣ, а въ 100 особо разсматривается haeresis Gnosticorum et Manicheorum de serpentibus et avibus. Апокрифическія писанія находились въ употребленіи у различныхъ сектъ первыхъ вѣковъ, а въ 88 главѣ употребленіе апокрифовъ разсматривается, какъ отдѣльная ересь.

торыхъ заимствованы свѣдѣнія о нихъ [190]). По этому сочиненіе Филастрія хотя и поставлялось у многихъ ученыхъ въ

---

[190]) Ученыхъ давно занималъ вопросъ о томъ, по какимъ источникамъ Филастрій составлялъ свои описанія. У самаго Филастрія на этотъ предметъ никакихъ указаній нѣтъ. На основаніи сходства описаній въ значительной части сочиненія Филастріева съ описаніями Епифанія предполагали, что главнымъ источникомъ у Филастрія былъ Епифаній. Но едвали произведенія Епифанія и имѣли извѣстность на западѣ въ то время, какъ Филастрій писалъ свое сочиненіе о ересяхъ; едва ли даже сочиненіе Филастрія писано не ранѣе епифаніевскаго, такъ какъ время написанія Панарія совпадаетъ уже съ тѣмъ, когда полагается смерть Филастрія (сравни выше примѣч. 92 и 167). Притомъ сходство съ Епифаніемъ замѣчается у Филастрія только въ описаніи ересей первыхъ двухъ вѣковъ; въ ересяхъ же третьяго и четвертаго вѣка замѣчается наиболѣе разностей съ Епифаніемъ. И въ описаніи сектъ первыхъ двухъ вѣковъ болѣе, чѣмъ съ Епифаніемъ, у Филастрія сходства съ сочиненіемъ псевдо-Тертулліана—съ тою особенностью, что Филастріевскія описанія пространнѣе и подробнѣе псевдо-Тертулліановскихъ. На основаніи этого въ настоящее время принимается, что сочиненія Епифанія, Филастрія и псевдо-Тертулліана нельзя считать зависимыми одно отъ другаго, но скорѣе нужно предположить, что у всѣхъ трехъ былъ одинъ общій источникъ. Этимъ общимъ источникомъ на основаніи извѣстія Фотія предполагается краткое сочиненіе о ересяхъ (Βιβλιδάριον), писанное Ипполитомъ. Это тщательно выяснено Липсіусомъ въ Quellenkritik des Epiphanios (Сравни въ нашемъ изслѣдованіи о Βιβλιδάριον Ипполита — въ началѣ VI главы). Но во всякомъ случаѣ здѣсь открывается источникъ лишь для одной части Филастріева сочиненія; и въ этой части между описаніями ересей заимствованными у Ипполита Филастрій вѣроятно вставлялъ свои собственныя. На какихъ основаніяхъ Филастрій составлялъ эти послѣднія, и изъ какихъ источниковъ онъ заимствовалъ свѣдѣнія о множествѣ тѣхъ частныхъ мнѣній, которыя онъ описываетъ во второй части своего сочиненія? Мы далеки отъ того, чтобы предполагать въ этихъ описаніяхъ лишь праздное измышленіе фантазіи полемиста, и прилагать къ Филастрію, также какъ и къ Епифанію, названіе — Ketzermacher. Въ сочиненіи Филастрія можно находить странности, своеобразности, односторонности, но въ немъ незамѣтно неискренности и поддѣлки. Напротивъ видно, что Филастрій со всею искренностью и ревностью старался извлекать свѣдѣнія о томъ, что ему представлялось еретическимъ, изъ всѣхъ источниковъ, какіе только встрѣчались ему. И кажется, главнѣйшимъ источникомъ были для него древнѣйшія преимущественно толковательныя сочиненія на разныя книги свящ. писанія. Встрѣчая въ этихъ произведеніяхъ указанія на неправильныя объясненія того или другаго текста, того или другаго мѣста свящ. Писанія, Филастрій все это возводилъ въ ересь, все это заносилъ въ свою обличительную книгу.—Изъ этого источника при тщательномъ сличеніи вѣроятно можно было бы объяснить большую часть содержанія Филастріевой книги: но это едва ли стоило бы труда, и при утратѣ многихъ толко-

числѣ значительныхъ ересеологическихъ памятниковъ [191], но на самомъ дѣлѣ описаніями находящимися въ немъ наука доселѣ пользовалась мало. Само по себѣ это сочиненіе, съ его своеобразными и односторонними воззрѣніями, съ его крайнею нетерпимостью ко всякому частному мнѣнію, съ его основною тенденціею клеймить названіемъ ереси всякое малѣйшее разномысліе съ общепринятымъ мнѣніемъ или даже просто съ личнымъ иногда и не совсѣмъ справедливымъ мнѣніемъ автора, остается характернымъ показателемъ того, какое ригористическое направленіе (конечно въ слѣдствіе предшествовавшей долгой борьбы съ ересями) стало слагаться къ описываемому времени въ христіанской богословской литературѣ, особенно западной. Эту черту ригоризма уже въ значительной степени мы видѣли въ сочиненіяхъ Епифанія. Но гораздо въ большей степени, какъ преобладающая черта, она высказывается у Филастрія [192]). Сочиненіе Филастрія—это, можно сказать, прототипъ тѣхъ средневѣковыхъ и позднѣйшихъ католическихъ индексовъ, въ которыхъ заносилось въ число ересей и подвергалось анаѳемамъ всякое мнѣніе сомнительное

вательныхъ произведеній древности во многихъ случаяхъ это оказалось бы неудобнымъ; во всякомъ случаѣ это не могло бы имѣть мѣста въ нашемъ изслѣдованіи, гдѣ вопросъ объ источникахъ Филастрія имѣетъ лишь частное значеніе.—Кромѣ этого источника, другія мнѣнія, преимущественно описываемыя подъ конецъ книги, Филастрій вѣроятно узналъ изъ устной молвы, изъ слуховъ; броженіе мнѣній въ тогдашнюю эпоху споровъ аріанскихъ было большое.

[191]) См. у Галеарда De utilitate et usu libri a Philastrio conscripti стр. 1075—1083 по Миню. Впрочемъ нѣкоторые писатели высказывали уже строгій судъ о сочиненіи Филастрія. Дю-Пэнь (Biblioth. Eccles. T. II sec. 4), и еще ранѣе Скалигеръ in Elencho Trihaeresii Serariani у Миня стр. 1107—1109.

[192]) Замѣчательно, что у Филастрія въ числѣ другихъ ересей опровергаются между прочимъ мнѣнія тѣхъ людей, которые говорили, что не должно злословить боговъ чуждыхъ религій (ер. 147), и не должно порицать еретиковъ, такъ какъ всякая ересь искренно по своему толкуетъ истину (ер. 91). Такія индефферентныя мнѣнія вѣроятно высказывались въ то время именно какъ реакція тому крайнему полемическому ригоризму, съ какимъ относились къ ересямъ и чуждымъ религіямъ строгіе ревнители, подобные Епифанію и Филастрію.

въ глазахъ схоластическихъ богословахъ, хотя бы оно вовсе не касалось не только существенныхъ церковныхъ догматовъ, но и вообще предметовъ вѣры, хотя бы оно относилось къ общей области свободнаго человѣческаго вѣдѣнія, хотя бы оно въ иномъ случаѣ было справедливѣе и православнѣе мнѣній самихъ богослововъ—обличителей и судей.

За сочиненіемъ Филастрія слѣдуетъ въ латинской церковной литературѣ «Книга о ересяхъ» блаж. Августина [193]). Она написана въ 428 году, по просьбѣ ученика Августинова Карѳагенскаго діакона Квод-вульт-Дея [194]). Въ этомъ сочиненіи описываются 88 ересей, начиная съ Симона волхва до современныхъ Августину пелагіанъ и целестіанъ [195]). Сравнительно съ другими, разсмотрѣнными нами ересеологическими писаніями, и сравнительно съ другими произведеніями блаж. Августина—это очень небольшое сочиненіе. Описанія ересей въ немъ очень коротки; новыхъ самостоятельныхъ извѣстій очень мало, и потому значенія для исторіи ересей оно

---

[193]) Это сочиненіе въ VIII томѣ бенедиктинскаго изданія твореній Блаж. Августина. У Миня Patrolog latin. T. XLII col. 21—50.

[194]) Quodvultdeus diaconus. Этотъ почитатель Августина неоднократно просилъ его, ut breviter, perstricte et summatim exponat, quae haereses fuerint, sint,—quos errores intulerint, inferant,—quid adversus catholicam Ecclesiam senserint, sentiant,—quae baptismum habeant quaeve non habeant et post quas baptiset nec tamen rebaptiset Ecclesia. Два письма Кводвультъ-Дея къ Августину по этому случаю и отвѣты Августина при самомъ сочиненіи Августиновомъ Миня T. XLII p. 15—19. Изъ втораго письма Августинова видно между прочимъ, когда писано Августиномъ это сочиненіе—вслѣдъ за написаніемъ второй части обличеній противъ Юліана экланскаго. А такъ какъ этотъ послѣдній трудъ относится къ 427 году, то сочиненіе о ересяхъ относятъ къ 428. (См. у Миня Admonitio in librum de haeresibus p. 15). Вообще это одно изъ послѣднихъ писаній Августиновыхъ.

[195]) Въ нѣкоторыхъ кодексахъ къ восьмидесяти восьми сектамъ, описаннымъ Августиномъ, присоединяются еще три: несторіанская, евтихіанская и ересь Тимоѳея виѳинскаго сходная съ несторіанствомъ. Но это очевидно позднѣйшая прибавка. О евтихіанствѣ въ концѣ двадцатыхъ годовъ V столѣтія во всякомъ случаѣ Августинъ не могъ писать, и о несторіанствѣ едва ли могъ, такъ какъ эта ересь тогда только что возникала на востокѣ, и въ сѣверозападной Африкѣ едвали могла обращать на себя вниммніе. См. Миня T. XLII col. 50 nota 2.

имѣетъ еще менѣе, чѣмъ сочиненіе Филастрія [196]). Планъ сочиненія простой, и источники его очень несложны [197]). Въ описаніи первыхъ 57 ересей Августинъ выписываетъ извѣстія о древнѣйшихъ сектахъ изъ Епифанія, имѣя притомъ въ виду не обширное Епифаніевское сочиненіе — Панарій, а краткое анакефалеосисъ [198]). Августинъ говоритъ, что онъ во многомъ измѣнялъ епифаніевскія описанія [199]). Но эти измѣненія весьма не существенны: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иначе расположенъ порядокъ ересей [200]); въ иныхъ одна секта раздѣ-

---

[196]) Августинъ, какъ видно изъ указанной въ 193 примѣчаніи переписки его съ Кводвультъ-Деемъ, и не задавался цѣлію писать большое сочиненіе о ересяхъ, а имѣлъ въ виду лишь *breviter, perstricte et summatim* изложить сущность еретическихъ ученій. Августинъ въ началѣ вовсе и не имѣлъ въ виду писать особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ, а рекомендовалъ Кводвультъ-Дею прочитать сочиненія Епифанія и Филастрія (*1 письмо Кводвультъ-Дею*); за тѣмъ по новой просьбѣ Кводвульт-Дея взявшись за это сочиненіе, онъ наскоро составилъ его между другими большими трудами (*2 письмо Кводвультъ-Дею*).

[197]) Августинъ говоритъ о себѣ сравнительно съ предшественниками ересеологами: Plures haereses, quam ipsi, posui, quia collegi ex omnibus, quas omnes apud singulos non inveni, additis etiam, quas ipse recolens apud ullum eorum invenire non potui. Но на дѣлѣ кругъ источниковъ, изъ которыхъ Августинъ выбиралъ свои свѣдѣнія, былъ очень не великъ, и самостоятельныя сообщенія представляются у него лишь въ очень немногихъ сектахъ, именно въ сектахъ 46, 69, 70, 86, 87 и 88.

[198]) Въ предисловіи къ сочиненію Августинъ говоритъ: Epiphanius Cyprius... de octoginta haeresibus... *sex* libros conscripsit historica narratione memorans omnia, nulla disputatione adversus falsitatem pro veritate decertans. Breves sane sunt hi libelli, et si in unum librum redigantur, nec ipse erit nostris vel aliorum quibusdam libris longitudine comparandus. Это конечно можетъ быть приложено къ анакефалеосису, но никакъ не къ Панарію. Своимъ замѣчаніемъ о краткости епифаньевскаго описанія Августинъ показываетъ совершенное невѣдѣніе о томъ, что Епифаній написалъ большое сочиненіе о ересяхъ. Да и краткое епифаніевское сочиненіе все таки обширнѣе августиновой книги о ересяхъ. Неизвѣстно при томъ, откуда Августинъ взялъ, будто сочиненіе Епифанія состоитъ изъ *шести* книгъ, а не изъ семи?

[199]) См. ересь LVII. Cujus (Epiphanii) ego in commemorandis haereticis non modum, sed ordinem sum secutus. Nam et aliqua ex aliis posui, quae ipse non posuit. Itaque alia latius, quam ipse (?), alia etiam brevius explicavi et caet.

[200]) Напр. у Епифанія за ересью Павла Самосатскаго идутъ манихеи (65 и 66 ереси); у Августина же (ереси 44—56) между ними вставляются Фотиніане изъ 4 вѣка—по сходству ученія Фотина съ ученіемъ Павла самосатскаго.

лена на двѣ или двѣ соединены въ одну [201]). Значительнѣйшее отступленіе отъ Епифанія состоитъ въ томъ, что Августинъ опускаетъ такъ называемыя до-христіанскія ереси и начинаетъ описаніе прямо съ христіанскихъ—съ Симона волхва [202]). Въ слѣдующихъ за тѣмъ 23 главахъ (отъ 58 до 80) Августинъ выписываетъ изъ Филастрія тѣ секты, какихъ онъ не находилъ у Епифанія [203]), по порядку располагая филастріевскія описанія за епифаніевскими, и не обращая вниманія на то, что многія изъ ересей, описаніе которыхъ онъ беретъ изъ Филастрія, относятся ко времени гораздо древнѣйшему многихъ выписанныхъ имъ прежде изъ Епифанія [204]). Лишь въ концѣ сочиненія Августинъ описываетъ восемь такихъ ересей, какихъ нѣтъ у Епифанія и Филастрія, и свѣдѣнія о которыхъ заимствованы имъ частію изъ другихъ сочиненій.

---

[201]) Ересь 57. Quinquaginta septem ex Epiphanii opere in meum transtuli, quas in unam referens, ubi nullam differentiam potui reperire; et rursus ubi ille ex duabus unam facere voluit, sub numeris suis singulas posui. Такъ ереси Татіана и энкратитовъ, раздѣляемыя у Епифанія (46 и 47) Августинъ соединяетъ въ одну (25), — артотиритовъ (28) отдѣляетъ отъ пепузіанъ (27), между тѣмъ какъ у Епифанія они считаются за одну секту (49), а секты лукіанистовъ, маркелліанъ и коллиридіанъ, описываемыя у Епифанія (43, 72, 79) со всѣмъ опускаются у Августина. По этому у Августина и выходитъ 57 сектъ, вмѣсто 60 епифаніевскихъ.

[202]) *Тамъ же.* Ego eas haereses memorare institui, quae post glorificationem Christi se adversus doctrinam christianam etiam sub velamine christiani nominis extulerunt. При изложеніи христіанскихъ ересей Августинъ дѣлаетъ по мѣстамъ лишь очень краткія замѣчанія о епифаніевскихъ описаніяхъ, гдѣ онъ не совсѣмъ согласенъ съ ними (въ ересяхъ 22, 41, 42); подробнѣе и самостоятельнѣе описывается у него ересь 46 манихейская, съ которою онъ имѣлъ болѣе личныхъ соприкосновеній. *См. выше примѣчаніе 13.*

[203]) Въ описаніяхъ ересей, составленныхъ по Филастрію, у Августина также лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаются самостоятельныя прибавки; напр. въ описаніяхъ Донатистовъ и Прискилліанистовъ (69 и 70 ереси). Августинъ несомнѣнно зналъ эти секты лучше Филастрія, и первый назвалъ ихъ собственными именами, на мѣсто неопредѣленныхъ Филастріевыхъ abstinentes et circuitores (Филастрія ереси 84 и 85).

[204]) Напр. ереси 58—64 и нѣкоторыя изъ дальнѣйшихъ несомнѣнно относятся еще ко второму и третьему вѣку, и у Филастрія онѣ и помѣщаются между ересями 3 вѣка; а Августинъ помѣщаетъ ихъ послѣ аполлинаристовъ, македоніанъ и мессаліанъ.

частію изъ личнаго непосредственнаго знакомства съ сектами [205]). Но и эти свѣдѣнія не обширны и не очень значительны

Заключая свое сочиненіе Августинъ высказываетъ замѣчаніе, что можетъ быть есть и еще иныя ереси не описанныя имъ, и во всякомъ случаѣ могутъ явиться новыя, которыхъ онъ знать не можетъ. Дабы дать читателю вѣрное руководство къ распознаванію еретическихъ мнѣній не только описанныхъ, но и неописанныхъ и могущихъ впередъ явиться, авторъ считаетъ необходимымъ вообще изслѣдовать вопросъ о томъ, что такое ересь, какіе общіе признаки всякой ереси, откуда ереси получаютъ свое начало [206]). Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ авторъ намѣренъ былъ посвятить особую часть сочиненія о ересяхъ, или нѣсколько частей, къ которымъ написанная книга должна была послужить только какъ бы введені-

---

[205]) Ереси люциферіанъ и іовиніанистовъ (81 и 82) Августинъ описываетъ по какому то неизвѣстному источнику (apud quemdam legi, cujus nomen in opusculo ejus non inveni.); послѣднихъ отчасти и по собственнымъ воспоминаніемъ (ista haereses aetate nostra orta est, cum adhuc juvenes essemus... quos jam noveram). Описаніе ереси 83 (Arabici) Августинъ заимствуетъ у Евсевія (V кн. 37 глав.), и напрасно поставляетъ здѣсь въ концѣ своей книги, потому что эта ересь относится еще къ началу 3 вѣка. О гелвидіанахъ (84 ер.) Августинъ зналъ можетъ быть по полемикѣ Іеронима, и смѣшиваетъ ихъ съ антидикомаріонитами Епифанія. Странную ересь Патерніанъ (85 qui inferiores partes humani corporis non a Deo, sed a diabolo factas opinantur) неизвѣстно откуда онъ узналъ; наконецъ послѣднія три ереси 86, 87 и 88— тертулліанистовъ, абелоитовъ—и пелагіанъ описываются у Августина, по ближайшему его личному знакомству съ ними.

[206]) Possunt et haereses aliae, quae in hoc opere nostro commemoratae non sunt, vel esse vel fieri, quarum aliquam quisquis tenuerit, christianus catholicus non erit. Quid ergo faciat haereticum, deinceps requirendum est, ut cum hoc Domino adjuvante vitamus non solum ea, quae scimus, verum etiam quae nescimus, sive quae jam orta sunt, sive quae adhuc oriri poterunt, haeretica venena vitemus. Къ этому вопросу Августина естественно привело то, что у предшествовавшихъ ереселоговъ онъ не нашелъ опредѣленнаго понятія о ереси (In ea quaestione, ubi disceptatur, quid sit haeresis, non idem Epiphanio et Philastrio videbatur, et revera hoc omnino definire difficile est (1 epistola ad Quodvult-Deum), и въ особенности у Филастрія при изчисленіи ересей представлялось много такого, что не заслуживало названія ереси (alias haereses Philastrius commemorat, sed mihi apellandae haereses non videntur. 80 ерес.).

емъ [207]). Но эту вторую часть сочиненія о ересяхъ Августинъ не написалъ, полагаютъ, за послѣдовавшею вскорѣ смертію его [208]).

Кромѣ сочиненій Филастрія и Августина изъ разсматриваемаго нами періода латинской литературы дошло до насъ еще одно сочиненіе о ересяхъ—весьма странное, которое занимаетъ очень неопредѣленное положеніе въ церковной письменности, и возбуждаетъ сомнѣніе болѣе всѣхъ другихъ ересеологическихъ сочиненій древности. Это сочиненіе извѣстно подъ названіемъ Предестината [209]). Впрочемъ это названіе, данное сочиненію первымъ издателемъ его іезуитомъ Сирмондомъ, есть названіе случайное. Оно не обозначаетъ сочинителя книги, а лишь въ нѣкоторой степени (и то не очень удачно) указываетъ на ея содержаніе. Главнымъ предметомъ содержанія книги служитъ опроверженіе ереси предестинатовъ или предестинаціанъ (praedestinatorum vel praedestinatianorum). Такъ называлось въ V вѣкѣ ученіе, возникшее въ сѣверо-западной Африкѣ и Галліи между почитателями блаж. Августина, доведшими до крайности его мнѣнія о божественномъ предопредѣленіи,—то ученіе, которое въ IX вѣкѣ было возобновлено на западѣ извѣстнымъ Готтшалкомъ, а въ XVI нашло себѣ развитіе у кальвинистовъ [210]). Но опроверженіе этого ученія содержится уже во второй и третьей частяхъ означеннаго сочиненія; первую же часть его, которая собственно и причисляется къ ересеологическимъ памятникамъ

---

[207]) In posterioribus partibus, quid haereticum faciat, disputabitur (См. Praetatio ad Quodvult-Deum въ концѣ 23 страницы.

[208]) Isidori Hispaliensis de viris illustribus cap. 9: alteram operis partem, ad ostendendum quid haereticum faciat, pollicetur Augustinus, quam partem morte praeventus non attigit. Августинъ умеръ, какъ извѣстно, въ 430 г.

[209]) „Praedestinatus sive Praedestinatorum haeresis“ Migne patrologia latina T. LIII col 587—672; перепечатано изъ X тома Галланди Bibliotheca vet. patrum, съ предисловіями Галланди и перваго издателя Сирмонда (col. 579—588). и подробнымъ изслѣдованіемъ Сирмонда о ереси Предестинаціанъ (col. 673—692).

[210]) См. указанное въ предшествовавшемъ примѣчаніи изслѣдованіе Сирмонда de haeresi praedestinatiana, а также передъ самымъ сочиненіемъ Veterum testimonia о томъ же предметѣ.

древности, составляетъ описаніе 90 древнѣйшихъ христіанскихъ ересей—отъ Симона волхва до Предестинаціанъ включительно. Кѣмъ написано это сочиненіе, неизвѣстно. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ оно приписывалось самому блаж. Августину или одному изъ его учениковъ, преимущественно епископу африканскому Примазію — въ томъ предположеніи, что блаж. Августинъ или его ученикъ Примазій могъ найти нужнымъ написать такое сочиненіе, чтобы образумить тѣхъ изъ неумѣренныхъ почитателей Августина, которые доводили до крайности его ученіе о предопредѣленіи [211]). Но хотя въ этомъ сочиненіи дѣйствительно дѣлается различеніе въ ученіи о предопредѣленіи между понятіями самого Августина и понятіями такъ называемыхъ предестинаціанъ, и ересь послѣднихъ представляется лишь искаженіемъ ученія Августина [212]); тѣмъ не менѣе въ сужденіяхъ самаго автора о спорномъ предметѣ высказываются такія мнѣнія, которыя не согласны съ извѣстными мыслями блаж. Августина, и къ самому Августину въ книгѣ замѣтно если не прямо непріязненное, то по крайней мѣрѣ и несочувственное отношеніе [213]). По этому едвали такое сочиненіе могло получить начало въ средѣ августиновской партіи. Но оно не можетъ быть приписано и противоположной ей партіи пелагіанской, ибо и пелагіанское

---

[211]) Имя Примазія стояло въ надписаніи нѣкоторыхъ древнихъ манускриптовъ этого сочиненія, на основаніи древняго свидѣтельства Исидора Испалійскаго въ de viris illustribus cap. IX. Но Исидоръ могъ ошибиться, а можетъ быть свидѣтельство его относилось и къ другому утраченному сочиненію о ересяхъ.

[212]) О ереси предестинаціанъ въ концѣ первой книги говорится: Nonagesima haeresis, de nomine Augustini episcopi *mentita* Praedestinatorum nomen accipit. Вторая книга, представляющая подробное изложеніе этого ученія, такъ и называется: Liber secundus, sub nomini Augustini *conflctus*.

[213]) Такое отношеніе высказывается между прочимъ въ томъ, что авторъ нигдѣ не упоминаетъ объ Августинѣ, какъ главномъ источникѣ своихъ описаній древнѣйшихъ ересей, между тѣмъ какъ все его сочиненіе составлено главнымъ образомъ по Августинову сочиненію о ересяхъ.

ученіе въ этой книгѣ причисляется къ ересямъ [214]). Всего вѣроятнѣе, оно вышло изъ среды той партіи, которая во время пелагіанскихъ споровъ на западѣ старались держаться средины между крайностями пелагіанизма и августинизма, и которая осталась извѣстна подъ названіемъ полупелагіанской партіи. Кому же именно изъ писателей этого направленія принадлежало означенное сочиненіе, опредѣленно сказать нельзя. Предполагаютъ Арнобія младшаго, Винкентія Леринскаго, Винкентія Виктора; но далѣе предположеній здѣсь идти нельзя [215]). Самое содержаніе означеннаго сочиненія возбуждаетъ недоумѣній еще больше, чѣмъ происхожденіе его. Оно прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ самомъ заглавіи сочиненія, какъ источники, по которымъ оно будто бы составлено, выставляются такія древнія ересеологическія писанія, которыя совершенно никому неизвѣстны. Именно кромѣ извѣстныхъ Епифанія и Филастрія, здѣсь указываются Гигинъ, Поликратъ, Африканъ и Гезіодъ, которые будто бы въ различныя времена обличали различныя ереси [216]). Но ближайшее разсмотрѣніе содержанія книги приводитъ насъ къ тому заключенію, что автору при составленіи его не только не было надобности обращаться за свѣдѣніями къ какому-то Гигину или Гезіоду, но едвали даже приходилось пользоваться

---

[214]) См. 88 ересь.

[215]) Сирмондъ, первый издатель разсматриваемаго сочиненія, издалъ его съ именемъ Арнобія младшаго, находя въ самомъ изложеніи сочиненія сходство съ остатками сочиненій сего послѣдняго (Edit. Paris. 1643 г.). Но послѣ онъ самъ оставилъ свое мнѣніе, и въ изслѣдованіи De haeresi Praedestinatiana (Cap. IV) призналъ автора сочиненія неизвѣстнымъ. Другія предположенія основывались на данныхъ еще менѣе твердыхъ. Всѣ эти предположенія приведены и достаточно оцѣнены въ пролегоменахъ Галланда de anonymo auctore Praedestinati (Миня LIII, 579—584).

[216]) Вотъ заглавіе сочиненія: Epitome ecdiceseos Hygini contra haeresiarchas, et Categoricorum Epiphanii contra sectas, et exprositionum Philastri, qui hos transferens in latinum sermonem de graeco, cum Ariani damnarentur, edidit. Prior Hyginus, post hunc Polycrates, Africanus, Hesiodus, Epiphanius, Philaster, hi diversis temporibus diversas haereses pertexuerant.

сочиненіями Епифанія и Филастрія. Все сочиненіе какъ будто оказывается составленнымъ по одной Августиновой книгѣ о ересяхъ, хотя Августина авторъ и вовсе не называетъ въ числѣ своихъ источниковъ. Авторъ разсматриваетъ тѣ же самыя ереси, и въ томъ же самомъ числѣ и почти въ томъ же порядкѣ, какъ Августинъ: только въ немногихъ мѣстахъ переставляется порядокъ ересей [217]), да въ концѣ сочиненія къ ересямъ описаннымъ Августиномъ присоединяются двѣ новыя—несторіанство и предестинаціонизмъ. Ученія сектантскія представляются въ тѣхъ же чертахъ, и по крайней мѣрѣ на половину сочиненія въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ у Августина: но въ другихъ мѣстахъ авторъ перефразировываетъ слова Августина, поясняетъ, распространяетъ ихъ [218]), общія августиновскія разсужденія переноситъ изъ одной главы въ другую и т. под. Но затѣмъ почти къ каждой главѣ присоеди-

---

[217]) Напр. въ самомъ началѣ—въ ересяхъ 3—5, вмѣсто Августиновскаго расположенія—Saturniniani, Basilidiani, Nicolaitae,—авторъ неизвѣстно зачѣмъ, дѣлаетъ свою разстановку — Basilidiani, Nicolaitae, Saturniniani; въ 21—23 ересяхъ еще съ меньшею основательностью Августинову разстановку—Cerdoniani, Marcionitae, Apellitae, Severiani—онъ измѣняетъ такъ: Marcionitae, Apellitae, Cerdoniani, Severiani. Подобное же въ ересяхъ 31—34.

[218]) Вотъ напр. какъ поясняетъ и распространяетъ Предестинатъ слова Августина. У Августина: Basilidiani a Basilide, qui trecentos sexaginta quinque coelos esse dicebat, *quc numero dierum annus includitur*. Unde etiam quasi sanctum nomen commendabat, quod. est ἄβρασαξ. У Предестината: Basilidiani a Basilide. Hi trecentos sexaginta et quinque coelos esse dicentes, *contra Moysen suscipiunt, et Deum horum coelorum abrasax commemorant.* Или у Августина: Nicolaitae a Nicolao nominati sant, uno, ut perhibetur, ex illis septem quos Apostoli diaconos ordinaverunt. Iste cum de zelo pulcherriamae conjugis culparetur, velut purgandi se causa permisisse fertur, ut ea qui vellet uteretur. У Предестината: Nicolaitarum a Nicolao haeresis est adinventa, qui unus ex septem diaconibus ab apostolis ordinatus est. Iste cum de zelo pulcherrimae conjugis culparetus, *docere coepit indifferenter debere uti conjugibus, non solum laicis, sed etium his qui sacerdotii fungerentur officio.* Подобныя перефразировки и въ другихъ мѣстахъ. Въ иныхъ мѣстахъ впрочемъ, поспѣшно перефразировывая Августина, онъ опускаетъ изъ его описаній черты самыя существенныя. Напр. въ описаніи 71 ереси ту черту, что еретики пищу не принимаютъ съ другими, онъ замѣтилъ, а что они искажаютъ ученіе о Духѣ святомъ, пропустилъ. *Сравни Филастрія ер.* 86.

няются [219]) у автора и новыя извѣстія, представляющія дополненія не только къ показаніямъ Августина, но и всѣхъ другихъ древнѣйшихъ ересеологовъ, извѣстія на первый взглядъ очень важныя. Именно при описаніи каждой почти ереси авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, въ какихъ странахъ она распространялась, какіе писатели опровергали ее, какіе соборы созывались противъ нея. Эти свѣдѣнія имѣли бы первостепенную важность для исторіи ересей и вообще для церковной исторіи, еслибы была возможность повѣрить ихъ, по крайней мѣрѣ еслибы не было значительныхъ причинъ не довѣряться имъ. Но такія причины есть. Авторъ не только сообщаетъ намъ такія свѣдѣнія о мѣстахъ распространенія сектъ и о соборахъ бывшихъ противъ нихъ, какихъ мы не находимъ ни у кого изъ древнихъ писателей [220]), не только называетъ многихъ обличителей сектъ совершенно никому неизвѣстныхъ [221]), но и приписываетъ въ иныхъ мѣстахъ опроверженіе извѣстныхъ сектъ такимъ дѣятелямъ церковнымъ, которымъ оно ни

---

[219]) Напр. разсужденіе Августина о взаимныхъ отношеніяхъ и различныхъ наименованіяхъ ересей Предестинатъ находитъ нужнымъ перенести изъ 41 главы въ 44. Болѣе существенное измѣненіе, и пожалуй къ лучшему, сдѣлано въ описаніи 71—80 ересей. Эти ереси Августинъ изъ Филастрія въ свою книгу перенесъ съ обозначеніемъ мнѣній, но безъ названія собственными именами. Предестинатъ даетъ имъ собственныя имена: напр. вмѣсто cum hominibus non manducantes—adilophagi, вмѣсто nudis pedibus ambulantes—Gymnopodae, Christi divinitatem passibilem dicentes—Theoponitae, aquam Deo coeternam dicentes—Hydrotheitae и т. д.

[220]) Таковы напр. соборы будто бы бывшіе: въ Пергамѣ противъ коларвазіанъ (15 ер.), въ Сициліи противъ гераклеонитовъ (16 ер.), въ Виѳиніи противъ офитовъ (17 ерес.), въ Антіохіи противъ каинитовъ (18 ер.), въ Коринѳѣ противъ кердоніанъ (23 ер.), въ Ахаіи противъ валезіанъ (37 ер.) и т. д.

[221]) Таковы напр. Діодоръ критскій, будто бы опровергавшій секундіанъ, Ѳеодотъ пергамскій—коларвасіанъ, Евстафій лилибейскій и Ѳеодотъ панормейскій—гераклеонитовъ, Теокритъ и Евандеръ — офитовъ, Ѳеодоръ антіохійскій—каинитовъ, Діоскоръ критскій—архонтиковъ, Перигенъ аргосскій—сеѳіанъ, Евфранонъ родосскій—северіанъ, Епифаній анкирскій—татіанитовъ, Кратонъ сирскій — ѳеодотіанъ, Транквилліонъ халкидонскій—ноэтіанъ, Филонъ—алоговъ, Досиѳей селевкійскій савелліанъ...

въ какомъ случаѣ не могло принадлежать, напр. такимъ, которые жили ранѣе появленія этихъ сектъ [222]). Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ ссылается и на писателей дѣйствительно опровергавшихъ ереси, ссылки его оказываются невѣрными[223]). Все это, въ связи съ указаннымъ выше способомъ составленія книги по древнѣйшимъ будто бы источникамъ совершенно неизвѣстнымъ, съ умолчаніемъ о томъ единственномъ источникѣ, изъ котораго заимствована большая часть наиболѣе достовѣрныхъ свѣдѣній ея,—все это внушаетъ сильное недовѣріе къ тѣмъ свѣдѣніямъ автора, которыя не подтверждаются никакими другими показаніями, и заставляютъ признать въ разсматриваемомъ теперь историческомъ памятникѣ не иное что, какъ литературную поддѣлку.

Дошедши въ обозрѣніи древнихъ ересеологическихъ сочиненій до такого пункта, при которомъ они теряютъ самостоятельное значеніе для исторіи, и превращаются въ компиляцію и даже въ литературную поддѣлку, мы считаемъ себя въ правѣ закончить изслѣдованіе объ источникахъ для исторіи древнѣйшихъ ересей. Встрѣчаются и въ позднѣйшихъ вѣкахъ еще нѣсколько сочиненій о ересяхъ, въ которыхъ дается болѣе или менѣе значительное мѣсто и обозрѣнію древнѣйшихъ хри-

---

222) Напр. опроверженіе еретиковъ сатурниніанъ приписывается апостолу Ѳомѣ, Карпократіанъ Варнавѣ, евіонеевъ—евангелисту Лукѣ, керинѳянъ и назореевъ — апостолу Павлу въ посланіи къ галатамъ, менандріанъ—первому римскому епископу Лину, маркосіанъ — Клименту римскому, валентиніанъ и птолемеитовъ Закхею кессарійскому...

223) Напр. въ 39 главѣ авторъ Предестината ссылается на свидѣтельство Епифанія, будто секта ангеликовъ пала, бывъ побѣждена Ѳеофиломъ епископомъ анамейскимъ. Но у Епифанія этого извѣстія нѣтъ. Епифаній въ главѣ объ ангеликахъ (60 ер.) откровенно сознается, что объ этой сектѣ, кромѣ названія ея, онъ ничего не знаетъ. Въ 52 главѣ Предестинатъ говоритъ: Philaster scribit, Macedonium Spiritum sanctum Deitatem Patris et Filii dicere: quo dicto videtur proprietatem suam Sancto Spiritui denegare. У Филастрія о Македоніѣ ничего нѣтъ; о мнѣніяхъ македоніанъ говорится смутно въ 86 главѣ, но Предестинатъ заимствовалъ описаніе ихъ не отсюда, а очевидно изъ Августина—52 главы. Въ 57 и 72 главахъ онъ говоритъ о Филастріи также со словъ Августина.

стіанскихъ сектъ. Таковы изъ западныхъ писателей сочиненія Геннадія массилійскаго, Исидора испалійскаго, изъ восточныхъ Леонтія византійскаго, Іоанна Дамаскина, Евѳимія Зигабена, Никиты Хоніата [224]). Но всѣ эти сочиненія чѣмъ далѣе отстоятъ отъ эпохи первоначальнаго развитія ересей въ христіанствѣ, тѣмъ менѣе имѣютъ самостоятельнаго значенія для исторіи. Все это уже компиляціи, составленныя на основаніи разсмотрѣнныхъ нами источниковъ, и притомъ не самыхъ раннихъ и значительныхъ: западныя преимущественно по Филастрію и Августину, восточныя преимущественно по Епифанію и Ѳеодориту [225]).

---

[224]) Сочиненія Геннадія массилійскаго—de dogmatibus ecclesiasticis въ LVIII томѣ Patr. olog. latinae Миня—и въ I томѣ Corpus haereseologicum Элера; Исидора испалійскаго—de haeresibus iudaeorum et christianorum въ LXXXII Т. Миня и въ I Т. Элера; Леонтія византійскаго de sectis—въ LXXXVI Т. Patr. graec., Іоанна Дамаскина de haeresibus въ XCIV Т.; Евѳимія Зигабена—πανοπλια δογματικη CXXVX Т.; Никиты Хоніата—Thesaurus orthodoxae fidei—CXXXIX Т. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи и въ соотвѣтствующихъ главахъ церковной исторіи Никифора Каллиста наиболѣе обстоятельныя (сравнительно съ другими средневѣковыми описаніями) свѣдѣнія о древнихъ сектахъ; но и онѣ не самостоятельны, а составлены главнымъ образомъ по Евсевію, Епифанію и Ѳеодориту.

[225]) Было бы очень важно, еслибы кромѣ остатковъ сектантской письменности и сочиненій церковныхъ учителей о древнѣйшихъ христіанскихъ сектахъ, до насъ дошли отъ нехристіанскихъ писателей того времени какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Но ученые языческіе писатели того времени и вообще мало обращали вниманія на распространявшееся христіанство, и тѣмъ менѣе на частныя мелкія отрасли и развѣтвленія въ немъ. Изъ всей языческой письменности намъ извѣстно лишь одно сочиненіе неоплатоника Плотина Πρὸς τοὺς γνωστικοὺς (Ennead. 11, 9). Но и въ этомъ сочиненіи гностицизмъ разсматривается съ самыхъ общихъ сторонъ, и во многомъ смѣшивается съ христіанствомъ вообще, и съ александрійскимъ христіанскимъ богословіемъ въ особенности (см. объ этомъ у Неандера Kirchengeschichte B. 1 s. 214 — 216). Въ числѣ второстепенныхъ пособій при изученіи гностицизма это сочиненіе можно имѣть, но не болѣе. Изъ сочиненія Оригена противъ Цельса видно, что этотъ философъ также по мѣстамъ касался сектантскихъ раздѣленій въ христіанскомъ обществѣ: но Цельсова сочиненія въ подлинникѣ мы не знаемъ, и о содержаніи его имѣемъ свѣдѣнія только по опроверженіямъ Оригена.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ. Предметъ и методъ изслѣдованія 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. Обозрѣніе источниковъ для исторіи древнихъ сектъ.—Сектантскіе источники: Климентины, Pistis-Sophia, Вардесановъ діалогъ; апокрифы 18

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Церковные источники: писанія апостоловъ и мужей апостольскихъ; утраченныя полемическія сочиненія II вѣка; св. Ириней 45

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Св. Ипполитъ: его замѣчательная судьба, различныя сказанія о немъ въ исторіи и мнѣнія у новыхъ ученыхъ 72

ГЛАВА ПЯТАЯ. Ересеологическія писанія св. Ипполита частныя: противъ Ноэтіанъ, Θеодотіанъ, Алоговъ, монтанистовъ, четыредесятниковъ, маркіонитовъ. 134

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Ересеологическія писанія св. Ипполита общія: Βιβλιδάριον, Φιλοσοφούμενα 175

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Ересеологическія писанія церковныхъ учителей III вѣка: Тертулліана, Кипріана, Новаціана, Климента александрійскаго, Оригена, Діонисія александрійскаго, Архелая касхарскаго. 233

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: Извѣстія о древнѣйшихъ сектахъ и цѣльныя ересеологическія сочиненія у писателей IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ: Евсевій, Псевдо-Аѳанасій, противоманихейскіе писатели, Епифаній, Θеодоритъ. Филастрій, Августинъ, Предестинатъ и дал. 262

[illegible]ТЕКА
[illegible]ой
[illegible]

ОПЕЧАТКИ

Стран.	*Строки:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
15	9 снизу	Новаго	новаго
—	12 „	школы	школѣ
28	10 „	Πανάριος	Πανάριον
35	22 сверху	многія	многіе
40	13 „	отъ лица	отъ лицъ
46	19 „	Oclers	Oehlers
48	12 снизу	средства	средствъ
57	4 „	во всѣхъ частяхъ своихъ	въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя касаются ересей первыхъ двухъ вѣковъ,
62	14 „	Горшинскій	гортинскій
64	6 сверху	Эта	Эти
73	5 снизу	Quartalschritt	Quartalschrift
74	11 сверху	натяшекъ	натяжекъ
89	16 „	развиться	развиваться
92	7 снизу	епископовъ	епископомъ
93	15 сверху	σαολὴ	σχολὴ
94	1 снизу	παράδοσι	παράδοσιν
101	18 „	получала	получила
127	6 „	представлялъ	представлялся
145	14 „	απαναγία	παναγία
147	9 сверху	αἱρίσεως	αἱρέσεως
154	1 снизу	пасторъ	Пастырь
134	4 сверху	Четыредесятниковъ	Четыренадесятниковъ
135	15 „	haexemeron	Haexemeron
164	6 снизу	reciriant	recipiant
169	15 сверху	относившимся	относившихся
170	8 снизу	Нисалъ	Писалъ
176	20 сверху	большему	большому

178	15	„	haereticos	haereticos
178	15	снизу	флософумена	философумена
180	4	„	Милхиседеніанъ	мелхиседеніанъ
190	6	„	и въ X прежде,	а въ X прежде,
191	4	„	представляются	представляется
199	10	сверху	περὶ αντος ουσιας не принадлежитп	περὶ παντὸς οὐσίας не принадлежитъ
214	18	снизу	съ обличеніемъ	обличеніемъ
218	5	„	причтеннаго	причтенному
234	4	„	Tertullians, als Apologet	Tertullian, als Apologet
241	13	„	Augustin. de haeres. 85.	Augustin. de haeres 76.
242	2	„	De habitu muliebri:—	De habitu muliebri,
244	15	сверху	Тертулліанъ	Тертулліана
249	20	„	догмета	догмата
254	12	снизу	ψυαῆς	ψυχῆς
255	2	сверху	Гераклеопомъ	Гераклеономъ
266	15	снизу	Patr. Gr. T	Patr. Gr. T. XXXIX.
268	20	сверху	1859—1869 г.	1859—1861 г.
275	15	„	приводится	приводятся
278	7	„	современнаго	современнаго автору
280	10	снизу	иринеевскихъ	епифаніевскихъ
289	3	„	зависитъ	зависѣть
293	13	„	Открытое	Открытіе
296	6	„	ωτηρίας	σωτηρίας
299	8	„	такихъ то	какихъ то
301	7	сверху	валилидіанъ	василидіанъ
304	11	„	смѣшиваютъ	смѣшиваются

Еще въ книгѣ встрѣтится нѣсколько мѣстъ съ пропусками запятыхъ, а также удареній и придыханій въ греческомъ текстѣ.